КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 100 3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1940

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ
(СОТЫЙ)

1940

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1940

Очередные задачи журнала „Красный архив“

Выход сотого номера исторического журнала «Красный архив» позволяет подвести некоторые итоги большой работы, выполненной журналом за период с 1922 года, т. е. со времени возникновения журнала.

18-летняя работа по изданию архивных материалов в стране пролетарской диктатуры, какие бы не были недостатки в этой работе — представляет огромный интерес и заслуживает внимания.

Надо иметь ввиду, что «Красный архив» — это единственный в Советском Союзе журнал, который систематически дает материалы архивного характера, освещая вопросы истории ВКП(б), народов СССР, Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, социалистического строительства в СССР и международных отношений.

Правда, и журнал «Пролетарская революция», и «Историк марксист», и «Военно-исторический журнал» и за последнее время «Исторический журнал» также публикуют некоторые материалы, относящиеся и к истории партии, и к истории народов СССР и к другим разделам истории, но «Красный архив» публикацию архивных документов производит в неизмеримо больших размерах и более систематически, чем это могут сделать перечисленные журналы, задачи которых иные, чем задачи «Красного архива».

Но именно потому, что «Красный архив» занимает такое место среди исторических журналов, что ему доступны богатейшие архивы СССР и отдельных национальных республик и областей, не только историки, а и широкие круги советской общественности вправе предъявить «Красному архиву» очень серьезные требования.

Нижеследующая справка, составленная редакцией журнала «Красного архива», показывает, что публикации, помещенные в журнале с 1922 по 1940 г., распределяются следующим образом: Октябрьская революция 1917 г.— 43; Февральская революция 1917 г.— 30; Гражданская война и интервенция — 51; Организация Красной армии — 5; Советское строительство — 10; Империалистическая война — 20; Революционное движение в России, революция 1905 г., история ВКП(б) — 149; Крестьянское движение — 31; Внутренняя политика царизма — 88; Внешняя политика России — 93; История экономики и геогр. экспедиции — 17; История народов СССР — 29; История общественной мысли, науки и литературы — 116; Восстание декабристов — 25; История народничества, буржуазное революционное движение — 96; Мемуары и дневники — 39.

Эта справка показывает, что дооктябрьский период истории СССР занимает во много раз больше места, чем период февральской революции 1917 г., Октябрьской революции 1917 г. и последующих годов.

Поскольку публикация архивных материалов сосредоточена, главным образом, в «Красном архиве», необходимо, конечно, уделять большое

место и дооктябрьской революции, тем более, что очень многие периоды истории общественного движения в России и истории народов СССР, очень многие вопросы внешней и внутренней политики царизма чрезвычайно слабо освещены, тем не менее настало уже время для более широкой публикации материалов, относящихся к первым годам советской власти, к Октябрьской социалистической революции.

Не следует забывать, что в настоящее время в ВУЗах учится молодежь, которая родилась уже после Октябрьской социалистической революции. Этой молодежи необходим огромный конкретный материал, который помог бы ей глубже ощутить все величие эпохи Октябрьской социалистической революции, первых годов советской власти, гражданской войны восстановительного периода. Если молодые поколения только по наслышке знают о капитализме, о власти помещиков, и им необходим огромный материал фактического порядка, чтобы понять всю тяжесть капиталистического и помещичьего гнета, который лежал на плечах их отцов и дедов, то им в еще большей мере необходимо знать хорошо те поистине героические усилия, которые должны были сделать народы СССР, чтобы отстоять против всех сил старого мира завоевания Октябрьской социалистической революции, чтобы разгромить контрреволюцию и интервенцию, чтобы восстановить разрушенное империалистической и гражданской войнами хозяйство, чтобы приступить к построению фундамента социалистической экономики, чтобы построить на месте разрушенной буржуазной государственной машины аппарат советского государства.

Следовательно, этим вопросам «Красный архив» должен уделять впредь гораздо больше внимания, чем это было до сих пор, тем более, что в распоряжении редакции «Красного архива» имеются огромные неиспользованные материалы.

Это не значит, конечно, что более ранние периоды истории СССР освещены в «Красном архиве» с достаточной полнотой.

Наша историческая литература страдает очень большими недочетами и недостатками. У нас очень ограничена мемуарная литература, относящаяся к истории русской революции. У нас нет такой истории революционного движения, которая бы освещала с марксистской точки зрения все важнейшие моменты этой истории.

Необходимо иметь ввиду, что очень многие исторические работы, вышедшие после Октябрьской революции, носят на себе порочные следы школы Покровского. Эта школа допустила целый ряд грубейших ошибок и извращений, пытаясь многообразную жизнь народов СССР втиснуть в узкие, мертвые, социологические схемы, фальсифицировала историю народов СССР, вернее сказать, игнорировала эту историю.

Нередко получалось в трудах этих историков высмеивание героического прошлого русского народа, опошление этого прошлого. Это отразилось, несомненно, и на журнале «Красный архив» в прежние годы, отразилось на публикации соответствующих документов, на тенденциозном их подборе и игнорировании целого ряда других документов, которые разрушали голые социологические схемы сторонников школы Покровского.

Чем объяснить тот факт, что в ста номерах журнала «Красный архив» помещено такое небольшое количество публикаций по истории Красной армии и по советскому строительству? Разве вся героическая история Красной армии, ее мужественная борьба, история преодоления ею необычайных трудностей, не являются великолепнейшим средством воспитания новых поколений в духе любви к советскому народу, в духе советского патриотизма, являющегося одной из серьезных пружин дальнейшего победного шествия коммунизма в СССР?

Что можно было показать в 10-ти публикациях о советском строи-

тельстве? Ясное дело, что этим вопросам журнал «Красный архив» до сих пор уделял совершенно недостаточное внимание, а ведь произошли колоссальнейшие изменения: изменилась одна шестая часть мира, разрушена буржуазная государственная машина, создано новое советское государство. Возникла новая социалистическая культура, невиданная до сих пор. Обновилась земля, раскрылись ее богатые недра. Под напором энергичнейших усилий советского государства, трудящихся нашей великой страны, выросло мощное социалистическое хозяйство, коллективное сельское хозяйство, могучая социалистическая индустрия. Перестроены все отношения между людьми.

Если бы какой-нибудь историк захотел восстановить по документам, опубликованным в «Красном архиве», картину происшедших за эти годы изменений, он этого сделать бы не смог. Он поразился бы скудностью того документального материала, который опубликован о всей этой великой перестройке, о всей этой революции в ста номерах журнала.

А между тем все эти материалы нужны не только для трудящихся СССР. Ведь наш опыт, опыт построения социалистического общества, опыт борьбы с врагами коммунизма, будут изучать народы всего мира. То, что делается в СССР за эти неполные четверть века,— это богатейший вклад в сокровищницу мировой мысли, это богатейший вклад в историю трудящегося человечества.

Если другим историческим журналам надо в статьях рассказывать о всех этих великих делах, то журнал «Красный архив» находится в более выгодном положении. Ему даже и не надо рассказывать, ему надо только давать систематически хорошо подобранные, хорошо проверенные и хорошо комментированные материалы. Этим журнал «Красный архив» оказывает огромнейшую услугу не только научным учреждениям, научным работникам и всем трудящимся СССР. Журнал «Красный архив» своей работой как бы накапливает сокровища важнейших исторических документов для трудящегося человечества других стран.

Истории партии посвящен, главным образом, журнал «Пролетарская революция». Однако, журнал «Красный архив» мог бы опубликовать весьма ценный материал по истории партии, по истории революционного движения в России, до сих пор ждущий еще обработки в многочисленных провинциальных архивах. До сих пор, например, не опубликованы листовки, прокламации, выпущенные многочисленными партийными комитетами провинций в дооктябрьский период. Почему бы не публиковать, если не в каждом номере журнала «Красный архив», то хотя бы через номер большевистские листовки того или иного партийного комитета? Этот материал крайне необходим для изучающих историю ВКП(б). Публикация его идет крайне медленно. Ведь не следует забывать, что идет 23-й год пролетарской диктатуры, когда мы получили возможность полностью опубликовать документы, относящиеся к истории нашей партии, в особенности это касается целого ряда организаций, работавших в национальных окраинах царской России. В особенности скудны публикации материалов, относящиеся к Средней Азии, Бурят-Монголии, Якутии, Сибири вообще, Белоруссии, Украине.

Некоторые моменты истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) очень слабо документированы в нашей исторической литературе. Взять, например, такой момент, как Таммерфорская конференция 1905 года. До сих пор нет ни одной книги, ни одной брошюры, относящихся к Таммерфорской конференции 1905 г., а ведь это было важнейшее совещание накануне декабрьского восстания 1905 г.,

на котором произошла первая личная встреча Ленина и Сталина. Не может быть, чтобы в местных архивах эта конференция не нашла никакого отражения.

Чем объясняется отсутствие публикации материалов, относящихся к этому моменту? Тем, что никто не работал над тем, чтобы такой материал мобилизовать. В этом году исполняется 35 лет со времени этой конференции. Особенно следовало бы журналу «Красный архив» мобилизовать силы местных архивных работников для исследования местных материалов. Можно было бы собрать интересный материал, относящийся непосредственно к этой конференции. И на основе этих архивных материалов историки могли бы уже написать соответствующую работу.

Очень часто наша молодежь подготавливающаяся к деятельности в качестве историков, наталкивается на крайнюю скудность, бедность материалов по тому или иному вопросу. Это относится и к истории партии и к истории распространения марксизма в России, в особенности к первым шагам распространения марксизма в России. Приходится разрушать неверное, установившееся в исторической литературе представление об этих первых шагах, разыскивать материал и факты, относящиеся к вопросу распространения марксизма в России. Так, например, до сих пор широко распространено было мнение, что переводчиками первого тома «Капитала» Маркса в семидесятых годах были: Николай-он (Даниельсон) и Михаил Бакунин, а между тем переводом Маркса на русский язык занималось еще несколько человек в России. Это только небольшой пример того, насколько еще слабо разработаны архивные материалы даже по таким важнейшим вопросам, как вопрос распространения марксизма в России.

Прошло 35 лет со времени революции 1905 г.; между тем до сих пор не опубликованы многочисленные материалы, относящиеся к возникновению первых советов. Архивы Урала, например, показывают, что в ряде заводов (Надеждинский (ныне Серовск), Нижне-Тагильский, Алапаевский и др.) еще весной 1905 г. стали возникать самочинные организации, из которых впоследствии развились советы рабочих депутатов. Эти материалы почти не опубликованы. Публикация их имеет громадное значение для того, чтобы показать, как велико и многообразно было революционное творчество масс, разбуженных революцией 1905 г., как тогда уже ощупью рабочие искали новых форм организации, которые бы помогли им осуществить свою волю к власти, организовать массы для свержения царизма.

Можем ли мы сказать, например, что в «Красном архиве» (и вообще в нашей литературе по истории СССР) достаточно освещены международные отношения царской России? Хотя и опубликовано много томов материалов, относящихся к международной политике царской России, тем не менее очень многие моменты освещены крайне слабо, а если принять во внимание, что М. Н. Покровский, его школа изрядно засорили этот участок истории целым рядом извращений, то необходимость более правильного освещения этой истории станет особенно ясной.

Достаточно сказать, что некоторые историки российской дипломатии и теперь игнорируют такого рода важнейшие документы, как «Секретная дипломатия» Карла Маркса, в которой великий основоположник марксизма дал замечательнейший анализ и характеристику важнейших моментов международной политики царизма.

Нельзя воспитывать советских государственных деятелей, не давая им серьезных знаний в области международных отношений в прошлом и в настоящем. Пренебрежительное отношение к русской международной политике характерно для школы Покровского. Отсюда двоякого

рода извращения: с одной стороны — огульное охаивание всей прошлой международной политики, а с другой стороны, нередко,— игнорирование марксистско-ленинских оценок тех или иных моментов международной политики.

С одной стороны, у некоторых историков налицо преклонение перед прусскими, германскими образцами дипломатии; с другой, и это несомненно часто бывает, преклонение перед английскими и французскими образцами. Это происходит от того, что до сих пор эта область международной политики мало освещалась с марксистской точки зрения. И здесь журнал «Красный архив», конечно, может очень значительно исправить положение, дать публикации, относящиеся к внешней политике России, к международным отношениям, которые помогали бы полно и правильно понять историю этих отношений.

Ставя эти вопросы перед редакцией журнала «Красный архив», мы отнюдь не умаляем несомненные заслуги журнала, который за последние годы заметно улучшился: он стал уделять больше внимания советскому послеоктябрьскому периоду, больше стал уделять внимания истории народов СССР.

Мы считали полезным и необходимым отметить самые существенные недостатки, на которые редакции журнала необходимо обратить самое серьезное внимание. Редакция журнала «Красный архив» вправе сделать справедливый упрек историкам, и другим историческим журналам, что они в свою очередь очень мало уделяют внимания журналу «Красный архив». Они не выдвигают перед ними конкретных задач; они пассивно выжидают, что даст им та или иная новая книга журнала. Это отношение неправильно. Историки должны были формировать направление деятельности редакции журнала «Красный архив», ставя определенные проблемы, предъявляя определенные запросы к редакции журнала. Этим они оказали бы несомненную помощь, услугу журналу «Красный архив» и всей исторической науке.

Еще об одном вопросе следует подумать редакции журнала «Красный архив». Это вопрос об отношениях между государством и церковью. Мы почти не нашли в 100 номерах журнала «Красный архив» материалов, относящихся к этому вопросу. А между тем, разве церковь играла такую маленькую ничтожную роль в истории России? Разве она не была одной из опор царизма, разве она не играла определенной роли в гражданской войне,— роли, враждебной советской власти и коммунизму?

Почему бы журналу «Красный архив» не опубликовать материалы, разоблачающие гнусную роль церкви, как служанки царизма в деле уничтожения и угнетения народных масс? Таких материалов множество. Достаточно вспомнить только роль церкви в революции 1905 года. Эти материалы крайне необходимо публиковать потому, что и до сих пор церковь держит в духовном плену миллионы трудящихся, неосвобожденных от религии, от религиозных предрассудков.

Нет никакого сомнения в том, что историческая наука за последние годы имеет известные завоевания. Громадное значение для того творческого поворота в исторической науке, какой мы наблюдаем за последнее время, имели выступления товарища Сталина: его письмо в редакцию журнала «О некоторых вопросах истории большевистской партии»; его многочисленные указания в связи с выходом истории гражданской войны; замечания т.т. Сталина, Жданова, Кирова, Молотова, на учебники истории; данная товарищем Сталиным периодизация новой истории; наконец, выход «Краткого курса истории ВКП(б)»,— этого образца работы для каждого историка,— все это имело громадное влияние на оживление и улучшение исторической науки в СССР. Этому способствовало и создание исторического факультета

в 1-м Государственном университете, укрепление института истории Академии Наук, создание исторической библиотеки, создание музея Ленина и его филиалов, создание целого ряда других исторических музеев.

Историческая наука занимает в настоящее время совершенно другое место, чем она занимала еще несколько лет тому назад, когда по преимуществу руководили этой исторической наукой М. Н. Покровский и его школа, причинившие огромный вред всему историческому фронту.

Ведь в средней и начальной школах преподавание истории фактически было ликвидировано, в значительной степени оно было окарикатурено и в высшей школе. Этому партия большевиков положила конец.

Внимание Центрального Комитета партии и, в особенности, товарища Сталина к вопросам истории обязывает историков ко многому. Оно обязывает и редакции исторических журналов к тому, чтобы поднять всю работу на необходимую принципиальную высоту и улучшить во всех отношениях качество работы, превратить историческую науку, в том числе и публикацию исторических документов, в мощное средство воспитания всесторонне образованных людей, хорошо знающих прошлое нашей страны, прошлое великого советского народа.

Пожелаем редакции журнала «Красный архив», чтобы она в дальнейшем могла выполнить эту почетную задачу.

Ем. Ярославский.

Краткий обзор документов, опубликованных в „Красном архиве“

(к выходу сотого номера журнала „Красный архив“)

Выход в свет сотого номера исторического журнала «Красный Архив» по существу единственного журнала, на страницах которого публикуются исторические документы, главным образом, извлеченные из архивных фондов, несомненно представляет значительный интерес. В вышедших номерах журнал «Красный Архив» дал значительный документальный материал в руки историков, правовиков, экономистов, литературоведов и других исследователей различных областей науки.

Подводя итоги деятельности журнала в области публикации исторических документов, необходимо сделать хотя бы беглый обзор документальных публикаций, помещенных на страницах журнала с тем, чтобы подвергнуть разбору и критике имеющиеся недостатки и ошибки в этой области и одновременно наметить конкретные задачи редакции журнала на ближайший период. В публикуемой выше статье, посвященной сотому номеру журнала «Красный Архив», т. Ярославский дает обзор научно-политической значимости опубликованных документов, подвергает резкой критике ошибки и недостатки журнала; одновременно т. Ярославский дает конкретные указания о направлении работы журнала на ближайший отрезок времени.

В ниже публикуемых кратких обзорах мы считаем нужным остановиться на отдельных публикациях, помещенных в «Красном Архиве».

Публикации по истории экономики и экономической мысли России

Ленин указывал, что «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [1].

Но до сего времени нет еще необходимых по этому вопросу исторических работ.

До сих пор нет еще марксистской истории общественной мысли в России. Большую ценность представляют работы Г. В. Плеханова, но они страдают серьезными недостатками не только с точки зрения материалистического подхода к истории общественной мысли, но и ошибками исторического характера.

Также, как история развития общественной мысли до сих пор остаются неразработанными вопросы истории развития экономической

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 175.

мысли в России. Тем больший интерес представляют имеющиеся в наших архивах по этому вопросу материалы. Остановимся в этой связи на некоторых опубликованных по этому вопросу материалах на страницах журнала «Красный Архив».

Первая группа документов касается экономических воззрений декабристов [1].

Ленин указывал, что «В 1825 г. Россия впервые видела революционное движение против царизма и это движение было представлено почти исключительно дворянами». Классовая принадлежность определяла внутренние противоречия в идеологию декабризма. Но каковы экономические воззрения декабристов? Этот вопрос имеет огромный научный и исторический интерес, тем более, что об экономических воззрениях декабристов имелись лишь случайные и отрывочные представления.

Содержащиеся в опубликованной в 1906 г. «Русской Правде» материалы дают представление лишь о практических предложениях декабристов, но ничего не говорят об их теоретических взглядах. Кроме того «Русская Правда» освещает наиболее поздний период истории декабризма.

Новый свет проливают в этом отношении опубликованные в «Красном архиве» «Практические начала политической экономии Пестеля», которого Пушкин называл самым умным человеком в России. Работа Пестеля, основанная на классическом труде Смита «Богатство народов», дает большой материал для понимания системы экономических воззрений декабристов.

Разложение крепостного хозяйства оказало, как показывает анализ материалов, крупное влияние на процессы формирования взглядов декабристов, стремившихся к уничтожению феодально-крепостнического уклада и переводу России на капиталистический путь развития.

Решающее влияние оказал на развитие экономических взглядов декабристов отец классической школы буржуазной политической экономии Адам Смит.

Чрезвычайно характерен подход декабристов, в частности Пестеля, к отдельным вопросам политической экономии. Декабристы мало интересовались анализом отдельных категорий политической экономии. Они подходили к ней практически, рассматривая политическую экономию лишь как средство борьбы с феодально-крепостническим строем. Вот почему декабристы прошли мимо ряда идей «Богатства народов» — этого классического труда Смита и не заметили также ряда своеобразных противоречий в смитовском подходе к различным категориям политической экономии. Но декабристы поняли содержащийся в «Богатстве народов» дух ненависти к деспотизму. Это ярко проявилось в частности в работах Пестеля, Тургенева («Опыт теории налогов»), в которых заимствованы основные положения «Богатства народов» Смита.

Практический интерес, определявший подход декабристов к политической экономии, вскрывает причины того, почему они мало интересовались таким гениальным экономистом как Давид Рикардо, ибо абстрактный теоретический анализ анатомии буржуазного общества, который содержался в трудах Рикардо, не представлял, как им казалось, интереса для России.

Не выдвигая новых положений политической экономии, декабристы в то же время политически актуализировали политическую экономию, стремясь увязать учение Смита с революционной борьбой против фео-

[1] «Красный Архив», т. XIII.

дально-крепостнического уклада. С особой силой подчеркивали они поэтому положения, которые служили интересам борьбы против деспотизма и способствовали развитию освободительного движения в России.

Борясь против феодально-крепостнического строя за капиталистический путь развития, декабристы в то же время были далеки от понимания противоречий капиталистического общества. Если судя по «Русской Правде» могло показаться, что Пестель выступает как критик капитализма, то «Практические начала политической экономии» вносят полную ясность. Критика Пестеля направлена не против капиталистической системы, а лишь против всяких ограничений, связанных с имущественным неравенством.

«Практические начала политической экономии» привлекли внимание научных работников и преподавателей, работающих в области истории экономической мысли.

Известный интерес имеют и опубликованные в специальном номере журнала [1], посвящённом Пушкину, «Лицейские лекции» учителя Пушкина профессора нравственных и политических наук Александра Петровича Куницина, который был одним из наиболее одаренных преподавателей царскосельского лицея, в котором учился А. С. Пушкин. Куницин был передовым современником Пушкина и одним из тех, кто разрушал в умах декабристов и передовой молодежи того времени идеализацию феодально-крепостнической России и показывал неизбежность гибели этого уклада. Он был одним из крупнейших теоретиков-юристов того времени и пользовался крупным авторитетом в передовых кругах прогрессивного дворянства. Пушкин посвятил Куницину следующие строки.

«Куницину дань сердца и вина,
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставил нам краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена».

В «Евгение Онегине» Пушкин, говоря о передовой молодежи, писал, что «все они учились понемногу, чему нибудь и как нибудь» и каждый из них «читал Адама Смита и был глубокий эконом, то-есть умел судить о том, как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золото ему, когда простой продукт имеет».

Повидимому именно от Куницина, который был последователем Адама Смита, узнал Пушкин о классической школе политической экономии.

«Лицейские лекции» показывают, что Куницин был последовательным учеником Адама Смита. Сопоставление первого тома «Богатства народов» с лекциями показывает, что Куницин весьма близко излагал Адама Смита. Некоторые формулировки совпадают почти текстуально. Лекции Куницина показывают, что автор их как и передовые современники его видели неизбежность крушения крепостничества.

Куницин бесспорно принадлежал к классической школе. Между тем в вводной статье говорится совершенно иное, а именно, что Куницин не принадлежал к классической школе: «Методологии Куницина — экономиста свойственно было в значительно большей мере, чем представителям «классической школы» политической экономии принципы абстрактного рационалистического анализа».

Но в то же время в этой же вводной статье указывается, что Куницин в своих лекциях основывался главным образом на учении Адама Смита. Следовательно Куницина следует отнести к классической школе, ибо Адам Смит был отцом классической школы.

[1] «Красный Архив», т. 1 за 1937 г.

Вводная статья и характер подобранных материалов может создать неправильное представление об экономических взглядах Куницина. Несмотря на наличие необходимых архивных материалов, публикация лекций Куницина дана крайне односторонне. В публикации воспроизведены только те лекции, где Куницин анализирует систему меркантилистов и физиократов. Читатель не только не получает действительного представления о взглядах Куницина, но и получает их в извращенном виде, ибо имеется глубокое принципиальное различие между учением классической школы и учением физиократов и меркантилистов. Куницин это отчетливо понимал.

Следует также заметить пренебрежение к историческим фактам. В вводной статье говорится, что «для России второй половины десятых годов XIX века курс лекций Куницина был явлением необычайным». Это не соответствует исторической действительности.

Небольшая группа опубликованных документов связана с проникновением марксизма в Россию.

Как известно, в 70-х годах XIX в. самым жгучим явился в России вопрос о судьбах капиталистического развития страны. Именно с этим связаны были важнейшие теоретические программные вопросы. Именно «...в зависимости от него,— писал Ленин,— решались самые важные программные положения» [1].

В этой обстановке совершенно исключительный интерес вызвал среди самых разнообразных слоев общества «Капитал» Маркса, являющийся, как указывал Ленин, величайшим произведением века. В этом гениальном произведении Маркс вскрыл закономерности возникновения, развития и гибели капитализма. Естественно, в «Капитале» искали ответа на жгучие вопросы о судьбах капитализма в России. Наряду с попытками замалчивания «Капитала» и «ревизии» марксизма, на «Капитал» пытались опереться в своих положениях о судьбах развития капитализма в России представители самых различных социальных групп.

О роли «Капитала» в обсуждении программных вопросов писала в частности Марксу Вера Засулич, указывая на огромную популярность этого произведения, которое «читается и перечитывается».

В связи с выходом «Капитала» и русского перевода его, началась пропаганда идей марксизма в России и новый этап в развитии экономической мысли в нашей стране.

На страницах крупнейших журналов вокруг «Капитала» происходили горячие дискуссии, в которых принимали участие виднейшие публицисты и ученые эпохи. Маркс, как известно, живо интересовался не только отношением к «Капиталу» со стороны русской цензуры, но и приемом, который был оказан этому произведению в России.

Уже в тот период все произведения Маркса в России вызывали огромный интерес. В письме к Лассалю от 15 сентября 1860 г. по поводу своей работы «К критике политической экономии» Маркс писал: «В России моя книга вызвала большой шум и один профессор прочел о ней в Москве лекцию. Кроме того я получил от русских множество дружественных писем по поводу нее, а также от французов, понимающих по-немецки» [2].

В обзоре Ткачева, представляющем первый отклик на «Капитал» в России, указывается, что метод, сформулированный Марксом в этом труде, «сделался почти общим достоянием всех мыслящих людей».

Несколько публикаций в «Красном Архиве» показывают отношение царской цензуры к «Капиталу» и другим произведениям Маркса и

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 167.
[2] Маркс — Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 371.

Энгельса. Они отразили тот ужас и трепет, который испытывали господствующие классы перед произведениями основоположников марксизма. Даже в отношении к прокурору цензор боится изложить строки из «Коммунистического манифеста», которые заставляют его запретить это произведение и возбудить судебное преследование. Материалы показывают, с какой свирепостью боролись царская цензура с проникновением марксизма в Россию и как бессильны были попытки царизма. Цензоры, говоря о «Коммунистическом манифесте», подчеркивали, что он оказывал вредное влияние «на восприимчивую для всякого беспорядка почву пролетариата».

Если «Коммунистический манифест» вызвал испуг цензоров, запретивших эту «песнь песней коммунизма», как называет этот документ товарищ Сталин, то другое отношение проявилось вначале со стороны царской цензуры к «Капиталу». Царские цензоры оказались слишком ограниченными для того, чтобы понять глубоко революционное значение этого гениального произведения Маркса, надеясь, что это произведение никто не прочтет.

Материалы показывают, что русские цензоры допустили выход «Капитала» в свет, как произведение «строго научное, тяжелое и мало доступное».

Характерны отдельные замечания цензоров. Цензор Скуратов в своем докладе в Петербургский цензурный комитет (23 марта 1872 г.) подчеркивает ряд мест, показывающих «социалистическую и антирелигиозную тенденцию этого произведения» [1].

На ряд мест из «Капитала» цензор обращал особое внимание. Характерны замечания цензоров по отдельным главам. Так в главе 2-й «Превращение денег в капитал» цензор обращает внимание на места, где Маркс показывает происходящие при переходе из сферы обращения в сферу производства изменения облика капиталиста и рабочего. «Наш прежний владелец идет с многозначительной улыбкой на губах, полный энергии, пылая желанием поскорее начать дело; другой выступает робко, неохотно, как человек, вынесший на рынок свою собственную шкуру и ожидающий, что ее там порядочно помнут прежде, чем выжмут из нее то, для чего ее купили».

Цензор обращает внимание на формулировку из параграфа 4 (Рабочий день) 3 главы — О производстве абсолютной прибавочной стоимости: «Капитал есть мертвый труд, который, подобно вампиру оживает вследствие всасывания в себя живого труда и приобретает при этом тем более жизненной силы, чем более всасывается им этого труда».

В этом же параграфе цензор обращает внимание на высказывания Маркса о барщинном труде в России. Внимание цензора привлекает ряд других мест, в частности указание Маркса о присущей капитализму ненасытной жажде прибыли, о том, что «в своем безмерном, слепом стремлении к прибыли, в своем бешеном волчьем голоде по отношению к производительному труду, капиталист переходит не только нравственные, но и чисто физические наивысшие границы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела, он грабит у ребенка время, требующееся для поглощения свежего воздуха и солнечного света. Он отжиливает минуты от времени, отведенного для еды и старается, если это оказывается возможным, чтобы еда совершалась во время самого процесса производства; так как пища доставляется в этом случае работнику, как простому орудию производства, как уголь доставляется паровому котлу, как масло и сало колесам машин».

[1] «Красный Архив», т. 56, стр. 5.

Цензоры указывали на наличие в «Капитале» «социалистических афоризмов», но вместе с тем замечали, что они «тонут в массе технических подробностей процесса экономических явлений и поэтому не могут производить опасного впечатления при допущении к обращению в публике объемистого сочинения, заключающего в себе 678 страниц». Поэтому признавалось возможным не возбуждать судебного преследования, внеся этот труд в список книг, не допущенных к обращению в публичных библиотеках. Это благодушие продолжалось не долго. По мере обострения классовой борьбы, нарастала свирепость царской цензуры, обрушившейся на произведения Маркса и Энгельса.

Известный интерес имеет данный в «Красном Архиве» обзор марксистской периодической печати 1896—1906 гг.[1]. Этот составленный по архивным материалам цензурного ведомства обзор показывает, как правительство следило за марксистской печатью, какие меры оно принимало для защиты от проникновения революционной мысли. Этот обзор тем более ценен, что восстановление истории марксистской печати особенно на первом этапе — задача чрезвычайно сложная. Марксистская печать зарождалась в нелегальных кружках среди людей, подвергавшихся преследованиям. Многое уничтожалось, не все записывалось и т. д.

Этим ограничиваются связанные с историей экономической мысли материалы, опубликованные за время существования «Красного Архива». Нельзя не обратить внимание на совершенно ничтожное количество публикаций по этому вопросу. Важнейшие вопросы истории экономической мысли остаются совершенно неосвещенными.

Несколько публикаций[2] дано по вопросам истории аграрного движения в 1905—1906 гг. В них содержится докладная записка департамента полиции председателю Совета министров С. Ю. Витте о крестьянском движении в 1905 году. Материал о крестьянском движении с февраля по ноябрь 1905 г., составлен департаментом полиции на основе донесений губернаторов, начальников жандармских управлений, писем и телеграмм землевладельцев и т. п. Эти докладные записки представляют ценность, как составленные по свежим следам сводки, в которых царские сановники пытаются, в частности, анализировать экономические причины крестьянского движения. Они показывают также дикий грабеж крестьянства помещиками и освещают некоторые др. моменты. В частности материалы дают некоторое представление о нарастании крестьянского движения и изменении форм его.

В этих публикациях имеется также материал об аграрном движении в 1905 г. по отчетам генерал-адъютантов Дубасова и Пантелеева, особо уполномоченных сановников по подавлению крестьянского движения в Курской и Черниговской губерниях. Эти материалы показывают, как, оправившись после разгрома декабрьского вооруженного восстания, правительство перешло в наступление, как царизм подавлял крестьянские восстания и какие меры принимались карательными экспедициями. Они показывают жестокие самосуды кулачества, которое при помощи полиции расправлялось с революционным крестьянством.

В отличие от этих материалов, публикация об аграрном движении в Смоленской губернии в 1905—1906 гг. дает освещение не материалов особо уполномоченных сановников по подавлению крестьянского движения, какими были Дубасов и Пантелеев, а практическую деятельность низших чинов царской администрации.

---

[1] «Красный Архив», т. 11.
[2] «Красный Архив», т. 11—12, 15, 39, 40.

Так представленный «к отличию» полковник Гладышев применял так же, как и Дубасов и Пантелеев, поголовную порку крестьян. Характерно указание начальника смоленской охранки о методах задержания дальнейшего развития крестьянского движения. «Зная близко современные настроения крестьян, нахожу вынужденным доложить департаменту полиции, что только телесным наказанием возможно предотвратить резню и разорение в предстоящую весну».

Надо сказать, что также как по вопросам истории экономической мысли, так и по истории аграрного движения публикации дают крайне мало документов и носят в известной мере случайный характер.

Большой узел вопросов связан со столыпинской аграрной реформой. Опубликованные по этому вопросу материалы (т. 17), извлеченные из ежемесячных отчетов губернаторов царю, дают лишь некоторое представление о периоде подготовки столыпинского удушения революции, о том, как рост капиталистических элементов в деревне поставил в порядок дня необходимость соответствующих капиталистических форм, почему царизм занимался «земельным преобразованием». Но и эти вопросы остаются не освещенными. Необходимо показать материалы, свидетельствующие о том, что столыпинская реформа не сняла, а приблизила революционное разрешение аграрного вопроса и еще резче обостряла классовые противоречия в деревне.

Большой интерес представляют вопросы, связанные с проникновением капитала в сельское хозяйство, вопрос о кредитных сделках, материалы дворянского, крестьянско-поземельного банка, о задолженности крестьянства и т. д.

Две публикации[1] освещают вопросы международного финансового положения России в период мировой войны и финансовое положение России накануне Октябрьской революции. Опубликованный доклад Милюкова в заседании Военно-морской комиссии Государственной думы, а также доклад Шингарева в этой комиссии и прения по нему представляют большой интерес для выявления первых практических шагов блока англо-французских и русских империалистов в вопросе о продолжении империалистической войны и разгрома начавшегося революционного выхода из войны. Они освещают также затронутый Милюковым вопрос о необходимости «сохранить духовное единство наших союзников, сохранить мобилизацию общенародного настроения».

Сообщение Шингарева содержит изложение бесед ездившей за границу русской делегации (апрель — июнь 1916 г.) в целях сговора с английскими и французскими империалистами о дальнейшем продолжении империалистической бойни. Содержание бесед с бароном Ротшильдом, с французским и английским министрами финансов ярко показывает силу финансового давления на Россию. Документы освещают три поездки в Париж, Лондон русского министра финансов Барка для участия в совещании министров финансов союзных стран.

Два других документа касаются финансового положения России в 1917 г. и накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад П. А. Барка — министра финансов Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. является последним докладом о последней государственной росписи Российской империи и представляет собой пример логического упражнения над цифровыми фикциями. Доклад этот, как отметил Николай II, рисовал относительно «отрадную картину». Вместо показа давления военного бюджета и военного хозяйства на экономику страны, Барк рядом комбинаций с цифровыми фикциями извращает действительное положение и показывает «отрадные» успехи налоговой политики, которыми царизм стремился вос-

[1] «Красный Архив», т. 17, 25.

полнить отпавшую в связи с войной основную доходную статью бюджета (900 милл. рубл. в 1913 г.) от казенно-винной операции.

Если роспись доходов и расходов на 1917 г. могла еще быть представлена Николаю II в октябре 1916 г. в таком виде, что произвела впечатление «отрадной картины», то другой документ ярко показывает катастрофическое влияние войны на финансовое хозяйство и показывает, как шел этот процесс.

Доклад П. А. Барка дополняется докладом директора департамента государственного казначейства Г. П. Дементьева о положении государственного казначейства за время войны до конца 1917 года. Прочитанный в особой комиссии при Совете съездов представителей торговли и промышленности 19 июля 1917 г., доклад изображает финансовый крах, который исключал для России какую бы то ни было возможность продолжения войны и показывает, как нарастала финансовая катастрофа. Доклад дает сводку цифр военного и мирного бюджета и в известной мере раскрывает действительный смысл природы «бухгалтерских эффектов», создавших видимость известного «благополучия». Этот доклад имеет большой интерес, ибо, по существу, это единственная официальная сводка об исполнении бюджета военного времени. Обычно источником данных об исполнении бюджетов служили «отчеты государственного контроля». Но последний опубликованный отчет относится к исполнению бюджета 1914 года. Для 1916—1917 гг. не было уже даже попыток подвести какие-либо итоги в контрольном порядке. Между тем доклад Дементьева охватывает весь период войны по день его зачтения в Совете съездов. Доклад этот имеет тем большую ценность, что он составлен на основе таких материалов министерства финансов, которые не сохранились.

В связи с вопросами об экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции особый интерес представляют материалы о финансовом капитале в России, о характере отношений его с основными капиталистическими странами, роль и удельный вес финансового капитала в экономике России.

Большой интерес представляют поэтому материалы об отдельных отраслях крупной промышленности. В этой связи обращает на себя внимание публикация материалов о «Продугле», в который входили предприятия, дававшие до 65% общей добычи Донбасса и объединялись исключительно крупные фирмы с продукцией более 5 миллионов пудов угля. Опубликованный материал показывает бессилие царизма перед выросшими новыми организационными формами капиталистической промышленности и дает некоторое освещение и другим моментам. Характерен список входивших в синдикат фирм и их удельный вес. Материалы проливают некоторый свет на связь с банковским капиталом, зависимость от западно-европейского финансового капитала. Все это тем более интересно, что, например, пресса углепромышленников утверждала, что «Продуголь» вовсе не является синдикатом, специально подтасовывала в связи с этим цифры и т. д. Прокурор Харьковской палаты, в связи с скандальной деятельностью «Продугля», сообщил министру юстиции, что «документы наиболее компрометирующие общество «Продуголь», могут быть легко и бесследно скрыты и уничтожены». Но кроме этой публикации за все время ничего больше по этому вопросу не дано. Это ничтожно мало. Уже в начале XX века развитие русской капиталистической промышленности проходит под знаком монополий. Еще в конце XIX века был организован синдикат сахарозаводчиков. В начале XX в. создан был «Продамет» синдикат для продажи русских металлургических изделий. «Продамет» синдицировал в своих руках 78,3% листового и универсального железа, 95% балок и швелеров, до 88% банда-

жей и т. д. В 1906 г. создан был «Продуголь» — общество для торговли минеральным топливом. В нефтяной промышленности накануне войны три крупных компании мобилизовали 60% всей нефтедобычи, основную массу нефтепереработки и транспорта для перевозки нефти. Созданный в 1914 г. спичечный трест захватил в свои руки не менее 75% всего спичечного производства. В этой обстановке происходило сращивание промышленного капитала с банковским и происходил ряд других важнейших процессов. Материалы о том, как использовывали монополии свое положение, какова была связь с иностранным капиталом, удельный вес в экономике, как скрещивался банковский капитал с промышленным, как правительство помогало монополистическим объединениям (правительственные субсидии и т. п.), какова была политика цен, как монополии влияли на структуру предприятий, задерживали развитие техники производства, усиливали хаос в экономике страны, каковы были сверхприбыли промышленников и т. п. должны привлечь внимание «Красного Архива».

Крупным упущением является то, что ничего почти не дано об иностранном капитале в России. Между тем важнейшие отрасли народного хозяйства находились в ведении иностранного капитала — французского, английского, бельгийского. В его руках находились решающие отрасли народного хозяйства, в первую очередь топливо и металлургия. Так, в его руках находилось до ¾ металлургического производства, около 50% нефтяной промышленности принадлежало иностранному капиталу. Иностранному капиталу принадлежало 90% всех действующих в России электростанций и электротехнических предприятий. В 1914 г. доля иностранного капитала в общей сумме акционерных капиталов составляла 43%, а в промышленности доля иностранного капитала составляла 47%. Огромная часть прибылей русской промышленности шла англо-франко-бельгийскому капиталу, превратившему Россию в полуколонию, зависимую от иностранного капитала. При таких условиях иностранный капитал имел все возможности для того, чтобы определять желательные ему формы развития страны, задерживать развитие производительных сил, сохранить технико-экономическую отсталость России и т. п.

Следует отметить значительный интерес публикации о первых железных дорогах в России, материалы из истории освоения Северного морского пути (экспедиция Беринга 1732—1743 гг.), относящийся к XVIII в. проект о соединении Москва-реки с Волгой, о поисках драгоценных металлов на Севере в XVII—XVIII веках, о попытках освоения природных богатств Осетии в XVIII веке.

Но к сожалению, этим и ограничиваются все материалы по истории промышленности и народного хозяйства. Целый ряд важнейших проблем, связанных с историей народного хозяйства, с формированием пролетариата и другими вопросами, а также отдельными вехами в истории экономики и финансов страны (взять хотя бы материалы о денежной реформе Канкрина и др.), остается нетронутым.

«Красный Архив» должен сыграть немалую роль и в выполнении поставленной перед историческим фронтом задачи создания истории заводов. Необходимо использовать для этой цели огромное количество ценнейших архивных документов по истории промышленности и крупных предприятий.

Если крайне незначителен опубликованный материал по вопросам истории экономической мысли и народного хозяйства дореволюционной России, то еще меньше опубликовано материала по вопросам экономики послеоктябрьского периода. По истории советской экономики дано было лишь несколько публикаций: о социалистических формах

сельского хозяйства в 1918—1919 гг., из истории электрификации, борьбы профсоюзов за повышение производительности труда и др. В этой области перед журналом стоят огромные задачи. Сюда надо направить основное внимание.

В первую очередь необходимо показать роль диктатуры пролетариата в преобразовании экономики, процесс овладения советским государством экономикой страны. Взять хотя бы вопрос о рабочем контроле — этой переходной ступени к овладению рабочим классом средствами производства, которая по существу имеет крупное международное значение. Экспроприация капиталистической собственности является важнейшей задачей диктатуры пролетариата. К разрешению этой задачи советская власть подходила путем ряда мероприятий, в первую очередь посредством рабочего контроля, выраставшего из всей совокупности условий исторической обстановки.

Другим важнейшим вопросом является национализация промышленности. Этот процесс был чрезвычайно сложным. Ленин связывал национализацию промышленности с задачами организации производства на новых началах. Но по этому вопросу так же, как и о структуре хозяйства в годы гражданской войны, мобилизации промышленности для нужд обороны, о размерах промышленного производства, о численности рабочего класса, об овладении важнейшими командными высотами страны — ничего не было опубликовано на страницах «Красного Архива».

Разработка всех этих материалов имеет огромный научный и политический интерес и должна быть осуществлена в тесной увязке с широким кругом историков и экономистов.

М. Фейгельсон.

Публикации по истории международных отношений

Ни в одной области исторической науки архивные документы не играют такой крупной роли, как в области истории международных отношений. Там, где все события подготовляются в условиях секретнейших переговоров, остающихся нередко в течение многих лет и даже десятилетий достоянием немногих лиц — участников этих переговоров,— в этой области секретные дипломатические документы являются единственным источником для установления понимания исторических фактов.

Известно, что дипломатические документы обладают еще одним свойством. Еще в тридцатых годах XIX в. Пальмерстон вел борьбу с дипломатией царской России путем опубликования издававшихся Уркартом документов русских архивов, похищенных из дворца наместника во время польского восстания. Смысл и назначение так называемых цветных книг всем известен. Когда кончилась первая империалистическая война, между победителями и побежденными продолжалась не менее ожесточенная война при помощи документов. Предпринятые правительствами всех империалистических государств публикации дипломатических документов преследовали одну цель — оправдать свою грабительскую политику в данной войне и, больше того, путем фальсификации документов скрыть действительных виновников кровавой войны, объявить «виновниками» войны другие государства. Только советское правительство путем публикации тайных договоров и др. документов стало на путь объективного показа политики империалистических государств, приведшей к мировой бойне. Советское правительство не боялось открыть архивы для того, что-

бы разоблачить тайну, в которой рождалась война, тем более оно не останавливалось перед опубликованием дипломатических документов более ранних периодов. Это же означало создание предпосылок и для того, чтобы дать мощный толчок работам на всем участке истории международных отношений.

До Великой Октябрьской социалистической революции положение ученых, изучавших историю внешней политики царской России, было исключительно затруднительным: дипломатические архивы периода, следующего за Крымской войной, были закрыты. Но даже работать над сюжетами первой половины прошлого века было далеко не так просто: нужно было быть юрисконсультом и советником министерства иностранных дел, чтобы дать такой документированный труд, какой дал Ф. Мартенс; нужно было быть директором Главного архива министерства иностранных дел, чтобы дать основанное на первоисточниках историческое исследование по вопросу о русской политике на Ближнем Востоке, какое дал Горяинов. Но уже Соловьеву приходилось строить свою работу по истории дипломатии Александра I на основании иностранных архивов. Многие же вынуждены были основывать свои построения на данных буржуазной западно-европейской исторической литературы.

После первого героического опыта издания дипломатических документов, связанного с именем т. Маркина, после издания первого сборника дипломатических документов, предпринятого Наркоминделом («Франко-русские отношения 1910—1914»), публикация дипломатических документов широко развернулась на страницах журнала «Красный Архив». На страницах журнала была прежде всего отдана дань вопросам, связанным с империалистической войной и периодом, непосредственно ей предшествующим. Почти каждая новая публикация по этим вопросам являлась событием крупнейшего научного и политического значения. Достаточно вспомнить о публикациях первых четырех номеров журнала — «Дипломатическая переписка с Берлином за период 7(20)VII—19/VII—1/VIII 14 г.» (т. 1). «Переписка Сухомлинова и Янушкевича» (т. 1 и 3), «Поденная запись» министерства иностранных дел, относящаяся к первым дням войны (т. 4),— каждая из них являлась своего рода «открытием» и для науки и «откровением» для читателя, получившего возможность во всей конкретности и со всею наглядностью составить себе представление о той обстановке, в какой рождалась война. Публикации последующих номеров углубляли вопрос: дипломатическая переписка, посвященная вопросу о Константинополе и проливах (тт. 6 и 7), вырисовывала основной стержневой мотив всей внешней политики царизма — борьбу за овладение южными проливами. Публикации, посвященные вопросу о дипломатической подготовке балканского союза и первой балканской войны (тт. 8, 9, 15, 16), вскрывали содержание и формы активной политики царского правительства на Балканах и его роль в деле развязывания мировой войны. Исключительно ценным источником для дипломатической истории войны являлся «Дневник министерства ин. дел», опубликованный в 31 и 32 томах журнала. Наконец, публикация на тему «Ставка и министерство иностранных дел (1914—1917)» дала богатейший материал не только для выяснения вопросов «военной дипломатии», но и для выяснения влияния стратегической обстановки на военную дипломатию.

Следует однако отметить, что некоторые публикации, посвященные отдельным частным вопросам, относящимся к периоду войны, как невошедшие в издание Комиссии, полностью сохранили свое значение. К такого рода публикациям следует отнести публикацию на тему

«Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия 1914—1917 гг.» (тт. 33 и 34), где отражены попытки царского правительства войти в контакт с представителями чешского национального движения и планы царизма относительно инкорпорации Чехии в состав Российской империи. К той же категории следует отнести публикацию, посвященную вопросу о разгроме Сербии в 1915 г. и той «помощи» со стороны союзников, результатом которой явился этот разгром (т. 65—66). То же следует сказать о публикации на тему об англо-русских антагонизмах в Персии во время войны (т. 65—66). Наконец, в этой же связи следует отметить публикации, посвященные финансовым вопросам эпохи войны и связанным с ними вопросам о военных заказах, где вскрывается постепенный процесс финансового закабаления царской России западно-европейскому капиталу (тт. 5, 17, 20).

Переходя к тематике, относящейся к более раннему периоду, необходимо иметь в виду следующее. Дипломатические сюжеты первой половины XIX в. не получили в журнале своего отражения. Только контр-революционному выступлению царизма в 1838—1839 г. посвящены были две публикации (т. 47—48 и т.). Публикации эти дают материал для характеристики той конкретной дипломатической обстановки, в какой царизм осуществлял свою миссию «жандарма Европы», вскрывают те связи, какие поддерживал Николай I с реакционными австрийскими кругами, и те планы, какие, предпринимая контрреволюционную интервенцию в западно-европейские дела, преследовал Николай I одновременно на Ближнем Востоке, говоря о «прямых интересах России».

Хотя дипломатическая история Крымской войны нашла в исторической литературе значительное отражение, переговоры, относящиеся непосредственно к дням Парижского конгресса, освещены далеко недостаточно. Небольшая по объему, но интересная по содержанию переписка русского уполномоченного Орлова с Нессельроде по вопросам, связанным с заключением мира (т. 75), явилась весьма ценным вкладом в историю Крымской войны. Она показала, как в условиях нарастания англо-французских противоречий, уже в дни конгресса завязывалась франко-русская дружба. Такое же замечание еще в большей мере приложимо к публикации по вопросу о франко-русском соглашении 1859 г. (т. 88). У историков в течение долгого времени не было единства мнений по вопросу о том, закончились ли (франко-русские переговоры (1857—1859 гг.) о союзе каким-либо формальным актом и было ли подписано соглашение. После опубликования указанных документов все сомнения оказываются рассеянными, и мы можем составить себе ясное и отчетливое представление и о содержании переговоров и об их формальном исходе.

Историк, стремящийся выяснить позицию, занятую русскою дипломатиею в годы разразившейся в США гражданской войны, найдет все существенно важное для освещения этого вопроса в двух публикациях «Красного Архива» на эту тему помещенных в томах 38 и. Они показывают, что две державы — Россия и США сближались между собой, имея одного общего врага — Англию.

Весьма важный для истории русско-германских отношений вопрос о заключении так называемой конвенции Альвенслебена (1863 г.) получил дополнительное освещение в письмах Бисмарка к Горчакову за период 1862—1873 гг., опубликованных в томе 61: главное здесь в выразительном показе активного стремления Бисмарка к «искоренению» польского национального движения.

Вопросу об агрессивных планах Бисмарка второй половины 60-х годов, поддерживаемых царской Россией, посвящена небольшая, но интересная группа документов в т. 77.

События Парижской Коммуны получили частичное отражение в опубликованных в т. 45 донесениях Окунева.

Протоколы Берлинского конгресса и связанная с ним переписка до сих пор остаются не опубликованными. Историк, изучающий данный вопрос, не может поэтому обойтись без опубликованной в т. 59 «Записки Шувалова», одного из русских уполномоченных на конгрессе.

Крупнейшее научное значение имела опубликованная в томе I серия документов, посвященных истории русско-германской дружбы 1873—1887 гг. Особенную ценность здесь представляет запись решений, принятых в Рейхштадте в 1876 г., и тексты конвенций, заключенных в течение рассматриваемого периода, включая так называемую конвенцию «с двойным дном» от 1887 г., полное содержание которой до момента ее опубликования было известно только лицам, ее подписавшим.

Весьма важна для понимания стержневого значения вопроса о проливах в системе внешней политики царизма, записка Нелидова, относящаяся к 1882 г. и опубликованная в т. 46.

Историк, изучающий франко-русский союз, найдет для себя на страницах журнала дополнительные данные в письмах Каткова к Александру III от 1886—1887 гг. (т. 58). Его внимание остановится также на речи, произнесенной Скобелевым в Париже в 1882 г. (т. 27), и на письме Буланже к Александру III (т. 14); он не пройдет также мимо публикации на тему «Буланжизм и царская дипломатия» (1885—1889), рисующей социально-политическую сущность буланжизма и отношение к нему царской России.

История международной борьбы, какую вела царская Россия в последнем десятилетии XIX в., отражена в ряде публикаций, характеризующих международную обстановку, складывавшуюся в связи с заканчивавшимся разделом мира и явственным переходом капитализма в новую империалистическую стадию. Традиционные мотивы русской внешней политики еще сохраняли свою силу: царская дипломатия в 1896 г. еще готова была пустить в ход проект захвата Босфора. Интереснейший проект, о котором было известно по воспоминаниям Витте, опубликован в т. 47—48 журнала. Относящиеся к этому же времени французские захватнические планы в районе Ближнего Востока отражены в письме Моренгейма, помещенном в т. 52.

Международная обстановка 90-х годов характеризовалась, как известно, выдвижением Германии на мировую арену, началом роста англо-германских противоречий при сохранении еще значительной остроты англо-русских антагонизмов, активным выступлением Японии на Дальнем Востоке и образованием там нового «Восточного вопроса», на разрешение которого стремился бросить все свои силы и русский царизм. В этой связи значительный интерес представляет публикация на тему «Японо-Китайская война 1894—95» (т. 50—51). Отрывок из дневника Ламздорфа за 1894—1895, опубликованный в т. 46, намечает позицию, занятую в этом вопросе Вильгельмом II, уже толкающим Николая II к Тихому океану на конфликт с Англией. Важнейшим же источником для изучения активной дальне-восточной политики царской России являются документы, напечатанные в 52 томе журнала под общим заголовком «Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке». Журналы особых совещаний по делам Дальнего Востока за годы 1888, 1894, 1895 и 1903, записки Витте, Лобанова и Духовского по тем же вопросам — являются основными важнейшими первоисточниками для историка русской дальне-восточной политики. В том же номере журнала читатель найдет относящуюся к тому же

тематическому комплексу инструкцию, посланную Муравьевым Кассини в 1898 г., свидетельствующую о нарастании новых русско-американских противоречий на Дальнем Востоке. Отчет о заграничном путешествии министра ин. дел Муравьева в 1897 г. (т. 47) касается также не только старых ближне-восточных вопросов, но и новых дальне-восточных.

Мотивы обострения англо-русских противоречий на Дальнем Востоке отражены в публикации «Англо-русское соглашение о разделе Китая» (т. 25). Поскольку в известной мере этим обострением определялись попытки англо-германского сближения, интересующийся этим вопросом читатель найдет некоторые данные в письмах Остен-Сакена за 1898 г., опубликованных в т. 56, и в относящихся к 1899 г. материалах по истории первой Гаагской конференции, опубликованных в т. 50—51. Одним из важнейших источников для изучения внешней политики царизма на рубеже XX в. являются соображения руководителей ведомств военного, морского и финансов, высказанные ими в ответ на запрос министра иностранных дел и резюмированные последним в особой заключительной записке от февраля 1900 г. (т. 18). Опубликованные в т. 14 документы, посвященные боксерскому восстанию, равно как и опубликованная в т. 63 переписка Ламздорфа с русским посланником в Токио (XII 1900 г.— XII 1901 г.) относятся к категории источников, полезных для истории подготовки русско-японской войны. С тематикой русско-японской войны непосредственно связана публикация «Безобразовский кружок в 1904 г.» (т. 17) и соответствующие дневники Куропаткина, печатание которых начато в томах 2, 5, 7, 8, 19.

Весьма важная публикация по истории Портсмутского мира дана в томах 6 и 7. Непосредственно связанные с дипломатическими, переговоры о займе (1906 г.) отражены в документах, опубликованных в томах 4, 10, 11—12, 44. Уникальна по своей историографической значимости публикация, относящаяся к соглашению в Бьерке; одному из тех секретных соглашений, о существовании которых знали лишь немногие лица, имевшие непосредственное отношение к делу (т. 5). Весьма ценным источником для истории вступления царской России в ряды Антанты является коллекция документов, опубликованная в т. 41—42 на тему «Россия и Алжезирасская конференция». Логическое завершение этого процесса, получившее свое выражение в заключении англо-русского соглашения 1907 г., отражено в переписке, опубликованной в т. 69—70. Один из частных вопросов этого соглашения — вопрос об Афганистане освещен на страницах т. 10. Неожиданные результаты, к которым привела попытка Извольского договориться в 1908 г. с Эренталем по вопросу о проливах, и которые выразились в аннексии Австрией Боснии и Герцеговины, отражены в небольшой группе документов, опубликованной в т. 10.

В дополнение к сказанному отметим, что в ряде публикаций журнала получили некоторое отражение процессы революционных движений на Востоке, толчок которым был дан русской революцией 1905 г.: в томах 43, 44 и 45 дана публикация на тему «Турецкая революция 1908—1909 гг.»; в т. 18 специальная публикация посвящена китайской революции 1911 г., в т. 37 начата публикация, посвященная национальному движению в Монголии и позиции, занятой царской Россией в этом вопросе.

Мы не исчерпали всех публикаций, связанных с дипломатической историей и помещавшихся на страницах первых 100 номеров журнала «Красный Архив». Сказанного достаточно, чтобы придти к заключению о том, что своими публикациями дипломатических документов «Красный Архив» ввел в научный оборот много нового цен-

ного материала, без обращения к которому не может обойтись ни один исследователь-историк, ни один пропагандист, ни один преподаватель.

Из сказанного однако вовсе не следует, что журнал не мог дать больше того, что он дал, ни того, что сделанное не могло быть сделано лучше. Это относится и к области тематики публикаций и к составу публиковавшихся подборов и к археографическому оформлению документов. Начнем с последнего момента — приемов публикации. Оставим в стороне самый первый этап существования журнала, этап незаконченной мобилизации архивных фондов, этап первого проторения путей в вопросах подачи материала. Возьмем номера журнала, относящиеся к последнему десятилетию. Сравним то оформление, какое имеют документы, опубликованные в № 45, с тем, какое получили документы, опубликованные в № 47 или в № 46. Заголовки, легенды, примечания давались каждым публикатором по-своему, безотносительно к установившемуся уже в ту пору на практике минимуму требований, редакция же пребывала, повидимому, в роли пассивного зрителя, оставаясь на позициях «непротивления злу». Захочет автор дать развернутый заголовок документу и развитую легенду к нему — он дает их; не захочет — ограничится в заголовке лаконичною формулою «Окунев — Горчакову» (т. 45) или чем-либо вроде этого. Мало того, автор мог даже в одной и той же публикации определять в заголовке документ то по его формальной разновидности, то по его содержанию и в ряду публикуемых документов с указанными выше лаконичными заголовками, заключающими в себе указания на корреспондентов, поместить документ с заголовком: «Мятеж 18(30) апреля в Лионе». Кто повествует об этом мятеже, когда, где и по какому поводу — читателю ничего не сообщалось, и только, изучив публикацию в целом и поняв психологические особенности публикатора, читатель мог придти к догадке о том, что публикуемый документ является вырезкой из какого-то номера какой-то газеты, издававшейся в Лионе. Тот же разнобой царил в аппарате примечаний и указателей. В № 45 («Парижская Коммуна») вы не найдете никаких ни примечаний ни указателей, в № 47 («Николай I и европейская реакция 1848—49 г.») — только формальные подстрочные примечания, а в № 63 («Накануне русско-японской войны») подстрочные исторические примечания и снесенные туда же пояснения личных имен. Но как составлялись эти примечания и какие пояснения давал автор встречающимся в тексте именам? «Англо-германское соглашение 16/3 октября 1900 г.— пояснялось в одном из таких примечаний (т. 63 стр. 13) — представляло собой типичный сговор двух империалистических хищников об обеспечении своих интересов в Китае от покушений конкурентов — в первую очередь, России и Японии». О чем говорит читателю такое «историческое» примечание? О том и только о том, что свое незнание предмета, свой диллетантизм автор прикрывает общими демагогическими фразами. Встречающееся в тексте публикуемого документа, датированного 9/II 1901 г. имя японского посланника в Петербурге «Чинда» в специальном подстрочном примечании получает следующее «научное» пояснение: «Японский» посланник в Петербурге в 1901 г.; позже посланником был Курино». О чем говорит такое примечание читателю? Только о том, что, рассчитывая на неразборчивость читателя, автор «обогатил» последнего теми данными, которые даны в самом тексте публикуемого документа. Заметим попутно, что ни авторы отдельных публикаций, ни редакция не считали обязанностью следить за случаями повторного опубликования документов (см. публикации «К истории англо-русского соглашения» в № 69—70 и «Парижский мир» в № 75). Нет никакого сом-

нения в том, что в области археографического оформления публикуемых в журнале дипломатических документов за последнее время произошел большой сдвиг и достигнуты значительные успехи. Но задача полного преодоления разнобоя еще не разрешена окончательно.

Перейдем к более существенному и важному вопросу о качестве состава публикаций. Приходится констатировать, что далеко не всегда качество состава публикуемых коллекций было удовлетворительным. Приведем два случая в виде иллюстрации — упомянутую публикацию «Парижская коммуна» (в т. 45) и публикацию «Буланжизм и царская дипломатия» (в т. 72). Известно, какое значение для определения внешне-политической линии данного правительства, имеют документы директивного значения, в порядке «исходящих» посылавшиеся министром своему послу. Донесения, посылавшиеся дипломатическими представителями этого государства в министерство, имеют в этой связи второстепенное значение; значимость их возрастает, поскольку они заключают в себе указания на то, как претворялись на местах директивы, дававшиеся из центра; значение их может состоять также и в том, что они заключают в себе данные, важные для характеристики дипломатической обстановки. Но ценность их, как источников дипломатического значения, падает, коль скоро они ограничиваются передачею сведений о событиях внутренней политической жизни данной страны.

Публикация, посвященная истории Парижской коммуны (т. 45), состоит исключительно из документов этого рода. В ней нет ни одного документа, «исходящего» из российского министерства ин. дел, ни одного документа директивного значения. В публикуемых донесениях крайне слабо отражена и дипломатическая конъюнктура момента. Читатель узнает только о событиях внутренней политической жизни Франции, событиях, которые гораздо полнее и ярче отражены в прессе того времени и в существующей исторической литературе. Состав данной коллекции приходится признать образцовым по низкой научной значимости подобранных документов.

Приблизительно то же следует сказать о публикации «Буланжизм и царская дипломатия» (т. 72). Публикация состоит из донесений посла и поверенного в делах в Париже; в публикации нет ни одного исходящего документа и только два доклада Гирса царю; имеющиеся на некоторых документах резолюции царя не отражают в полной мере позиции министерства; взгляды Моренгейма, как известно, во многом расходились со взглядами Гирса и Ламздорфа; позиция царского дипломатического ведомства данною публикацией не вскрывается. Если состав публикаций нередко оставлял желать лучшего, еще в большей мере оставляли того же желать предисловия к документам. И здесь приходится констатировать: различными авторами предисловия давались самые разнообразные по своему типу — от кратких историографических и даже археографических справок по вопросу до развернутых статей полуисследовательского порядка. Но преобладал — особенно на определенном этапе — тот тип предисловий, который в свое время культивировал М. Н. Покровский. Оставляя в стороне сущность теоретических и методологических ошибок Покровского, коснемся только вопроса о том, в каких формах эти ошибочные методологические установки отражались у Покровского на его подходе к публиковавшимся под его редакцией документам.

Отсутствие марксистско-ленинского диалектического метода сказывалось у него прежде всего в том, что вновь открывавшиеся документы настолько овладевали историком, что он готов был строить на них поспешные выводы, казавшиеся на первый взгляд остроумными, но в конечном счете оказавшиеся ложными.

Антимарксистские взгляды Покровского и его «школы» в области истории международных отношений так же, как и в других областях исторической науки оказывали огромный вред. Необходимо отметить, что в своих предисловиях, как и в прочих своих работах, М. Н. Покровский выступал не только как историк и не столько как историк, сколько как публицист, оперирующий историческими материалами, не порвавший с идеологией мелкобуржуазного радикала и в то же время находившийся в плену западно-европейской буржуазной историографии.

Покровский умер, но созданные им традиции оказались живучи. Антиисторическому, чисто публицистическому подходу к публикуемым материалам стали подражать многие авторы предисловий, они подменяли научный анализ публикуемых документов, объективный анализ изучаемых фактов несерьезным острословием и общими, но пустыми фразами. Тип исторических предисловий сбивался порою на тип фельетонных статей. Историографические моменты, выясняющие действительную научную значимость данной публикации, игнорировались. Задача выработать тип нормального предисловия стоит перед нами во всей своей остроте. Добиться этого не так трудно. Гораздо труднее разрешить другую задачу, стоящую перед редакцией журнала, задачу, связанную еще с одним недостатком, свойственным всем работам журнала в области дипломатической публикации, недостатком самым серьезным и важным, с которым вместе с тем труднее всего бороться. Мы имеем в виду вопрос о программе всей работы, вопрос о тематике публикаций.

Почему до сих пор за 18-летний период своего существования «Красный Архив» не дал ни одной большой публикации, посвященной вопросу русской внешней политики о франко-русском союзе, о русской политике на Балканах 60-х годов; по этому вопросу, в исторической литературе мы решительно ничего не найдем, кроме старого ошибочного утверждения Покровского, будто бы русская дипломатия в эту пору не интересовалась восточным вопросом и заинтересовалась им впоследствии только в результате усилий принца Александра Гессенского, вступившего в соглашение со славянофилами? Почему «Красный Архив» уделял так мало внимания вопросу об англо-русских противоречиях, бывших, как известно, главными ведущими противоречиями на протяжении первых трех четвертей XIX в.? Почему, в частности, не освещены до сих пор англо-русские конфликты на афгано-иранском участке середины 30-х годов или середины 50-х (в период Крымской войны) или конца 70-х? Почему до сих пор не опубликованы материалы, относящиеся к Берлинскому конгрессу? Очевидно, все это определялось тем, что ни у архивов, ни у редакции не было ориентира, не было большого развернутого плана дипломатических публикаций, которым бы намечались основные вопросы, подлежащие изучению, и определялась последовательность их разработки в зависимости от их исторической значимости и степени их актуальности для исторической науки. Очевидно все это произошло также и потому, что не было принято надлежащих мер к организации и постановке работы на местах на должную высоту. В результате создавалось положение, когда редакции приходилось довольствоваться теми случайными доброхотными даяниями, какие поступали от работников с мест. Поэтому создавалось такое положение: в то время как оставались неопубликованными материалы по истории Берлинского конгресса и материалы по истории франко-русского союза, на 4-х печатных листах (в 60 т.) протягивалась публикация, посвященная вопросу об англо-испанском конфликте 1898 г., эпизоде хотя и нелишенном некоторой занимательности, но отнюдь не имеющем пер-

востепенного значения для изучения истории международных отношений, вообще, и внешней политики царской России в особенности.

Поэтому в условиях, когда имелось громадное количество белых пятен в русской истории внешней политики, страницы журнала заполнялись материалами, повествовавшими о тех утопических планах подчинить России Гавайские острова, какие в начале XIX в. вздумал строить один из агентов Российско-американской К-о авантюрист Шеффер. Или материалами, рассказывающими о том, как однажды, в начале XX в. бывший бурский ген. Жубер в беседе с русским посланником в Лиссабоне стал развивать план о поднятии восстания туземного населения британской Южной Африки.

Работа, проделанная журналом «Красный Архив» в области опубликования дипломатических документов, громадна. Это признано всеми. Но пути, которыми шла публикаторская работа, не всегда были правильны.

Из ошибок прошлого нужно суметь сделать нужные выводы и, мобилизовав силы и организовав руководство ими, направить работу по пути серьезной разработки актуальных проблем, стоящих перед исторической наукой.

А. Попов.

Публикации по истории литературы

Великая Октябрьская социалистическая Революция вскрыла огромное количество неизвестных материалов по истории русской и западно-европейской литературы. Революция широко открыла двери хранилищ, где лежали «запретные» и недоступные для науки и общественности архивы ведомств, вмешивавшихся в дела литературы — это архивы III-го отделения с. е. в. канцелярии, архивы цензурных учреждений, на обязанности которых лежало «ведать», наблюдать, оценивать, разрешать и запрещать «произведения словесности, науки и искусств, назначаемые к изданию в свет», как гласил устав о цензуре 1820 г.

Немало интересных материалов стало доступно и из частных архивов; архивов писателей, публицистов, редакторов, вообще культурных деятелей прошлого. Эти архивы оберегались и укрывались обычно наследниками их владельцев, женами, детьми или друзьями, случайно оказывавшимися распорядителями судьбы нередко ценнейших материалов. Немногие наследники великих писателей оказывались настолько культурными, чтобы еще при своей жизни передать эти материалы в публичные хранилища и разрешить пользование ими ученым или редакторам. Так поступили немногие: сын великого поэта А. С. Пушкина, передавший значительную часть тетрадей отца в б. Румянцевский музей (ныне Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина); А. Г. Достоевская организовала специальную комнату имени своего мужа Ф. М. Достоевского в Москве, Историческом музее и пожертвовала туда небольшое количество рукописей и автографов с материалами к романам «Бесы» и «Подросток». Некоторое собрание рукописей художественных произведений и писем Л. Н. Толстого отдала на временное хранение в б. Румянцевский музей С. А. Толстая,

устроившая, по примеру А. Г. Достоевской, комнату — музей имени Л. Толстого сначала в Историческом музее, затем в б. Румянцевском музее.

Доступ, однако, к этим собраниям рукописей великих писателей, лежавших в публичных хранилищах, был ограничен. Не всякий исследователь и не всегда мог получить в свое распоряжение тот или иной автограф. При чем нередко на руках владельцев оставалась еще значительная, иногда намного превышавшая и количеством и по значению переданную в публичное хранилище, часть рукописей. Только после революции были объединены эти разрозненные части писательских архивов в созданных после революции мемориальных музеях Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского и других. В настоящее время ряд научных учреждений (Всесоюзная библиотека им. Ленина, Институт литературы (б. Пушкинский Дом), Литературный государственный музей и др.) стали усиленно заниматься научными публикациями неизданных материалов по истории литературы, скопившихся в их рукописных отделах.

«Красный Архив» ту же задачу поставил себе задолго до этого. С первого же тома, вышедшего в свет в 1922 г., редакция уделяла место публикациям неизданных материалов по истории русской и западно-европейской литературы. Литературно-биографические материалы посвящены Радищеву, Пушкину, Гоголю, Герцену, Шевченко, Л. Толстому, Тургеневу, Достоевскому, Гончарову, Тютчеву, Огареву, Некрасову, Салтыкову-Щедрину, Полонскому, Чернышевскому, Добролюбову, Писареву, Чехову, Короленко, М. Горькому. Из западно-европейских писателей — Гете, Бальзаку, Мицкевичу, А. Франсу.

Великому русскому писателю — А. С. Пушкину посвящен ряд публикаций. В связи с юбилеем в 1937 г. был издан специальный номер журнала.

Ценность таких публикаций, как поэма «Монах» (см. т. 31 за 1928 г. и т. 32 за 1929 г.), ряда неизвестных до этого писем поэта к Д. И. Языкову (см. т. 29 за 1928 г.), к И. С. Санковскому (там же), Н. Н. Гончаровой (см. т. 77 за 1936 г.) — бесспорна и очевидна. Они пополняют художественное и эпистолярное наследие Пушкина. Особенно ценна юношеская поэма «Монах» (1813 г.), оставшаяся неизвестной до 1928 года, по справедливому замечанию П. А. Щеголева. «подросток — автор стремится к самостоятельности, ...выбирает свой сюжет, черпает подробности из окружающей его действительности, сражается с отсталыми и бездарными представителями российской словесности» (т. 31, стр. 172).

Сообщение новых автографов Пушкина — стих. «Деревня» (1819 г.), «Послание к Наталье» (1813 г.), «К другу стихотворцу», «К Батюшкову» и др. автографов лицейских стихотворений поэта также обогатило представление о раннем творчестве Пушкина в лицее, дало в руки исследователей авторитетные тексты ранних редакций пушкинских стихов и неопровержимые доказательства для решения ряда вопросов текстологического и палеографического характера (почерк, бумага). Все эти автографы, тексты писем и новые палеографические данные полностью были использованы редакторами академического издания сочинений Пушкина.

Нашли в материалах «Красного Архива» отражение и события общественной и личной жизни поэта: 1) высылка Пушкина в 1824 г. из Одессы, 2) протест поэта против «унизительной» ссылки на юг (см. т. 38 за 1930 г.), 3) тревога и надзор жандармов за поэтом во время приездов поэта в Москву в 1829—1830 гг. (см. т. 37 за 1929 г.), 4) воспоминания современников о встречах с поэтом в 1818—1819 гг. (см.

т. 29 за 1928 г.), 5) эпизоды хозяйственно-денежных отношений поэта с его отцом, С. А. Соболевским и, наконец, 6) смерть поэта, отклики друзей на это печальное событие: П. В. Нащокина (см. т. 29 за 1928 г.), Вяземского (см. т. 80 за 1937 г.). Даны новые материалы о борьбе царской цензуры с произведениями Пушкина и о специальных мероприятиях этого учреждения, направленных к тому, чтобы «воспрепятствовать проникновению произведений Пушкина в народные массы». Цензура в 1899 г. (год столетия со дня рождения поэта) запрещала говорить «о суровом отношении царского правительства к поэту, которого оно за довольно невинные шалости готово сослать в Сибирь, заключить в Соловецкий монастырь» и вычеркивало из библиографии поэта сведения «о травле Пушкина влиятельными лицами».

В произведениях Пушкина «Кавказский Пленник», «Борис Годунов», «Дубровский», «История Пугачевского бунта» цензура видела то «несовсем удобные мысли» о свободе, то «ужасные повествования» о крестьянских возмущениях. Письма Пушкина были совсем запрещены из-за осуждений поэта религии, суровых отзывов о цензуре, из-за критики им представителей власти, царской военщины и т. п.

«Красному Архиву» принадлежит инициатива обнаружения и первой публикации такой важной документации, как совершенно выпавшая из поля зрения исследователей неизданная переписка И. С. Тургенева с его известным другом П. В. Анненковым. Переписка эта тянулась ряд лет, с 40-х годов до 1883 года, т. е. до года смерти писателя. Переписка за первые два десятилетия была частично опубликована, а письма последних двух десятилетий считались пропавшими. В письмах Тургенева за 70—80-е годы, напечатанных в «Красном Архиве» (т. 32 за 1929 г.), читатель и исследователь находят богатейший материал для изучения общественно-политических и литературных взглядов писателя. В них Тургенев откликался на политические события не только русской, но и западно-европейской истории. В них он много и откровенно рассказал о своих творческих исканиях, о процессе работы над последним своим большим романом «Новь». К сожалению, инициатива «Красного Архива» не нашла себе поддержки со стороны наиболее заинтересованных в этой переписке Тургенева с Анненковым (ответные письма Анненкова хранятся в Пушкинском Доме) учреждений и этот ценный и полезный материал до сих пор остается неопубликованным в полном виде.

14 публикаций о Л. Н. Толстом распадаются на шесть основных групп: 1) материалы, связанные с работой великого писателя над романом «Война и мир» и его ранними неосуществленными замыслами («Декабристы», см. т. 22 за 1927 г. и «Петр 1-й» — см. т. 22 за 1927 г.), 2) материалы, рисующие отношения цензуры к нравственно-публицистическим произведениям Толстого (см. т. I за 1922 г. и т. 35 за 1929 г.), царя Александра III в 1883 г. к «Власти тьмы» (см. т. I за 1922 г.) и Николая II, пожелавшего стать редактором издания сочинений писателя в 1911 г. (см. т. 15 за 1926 г.), 3) материалы о пребывании Л. Толстого в Астапове и о его смерти (см. т. 4 за 1923 г. и т. 63 за 1934 г.), о студенческих волнениях в Москве в связи со смертью писателя (т. 73 за 1935 г.), 4) публикация новых писем к К. А. Иелавину, В. А. Иелавину, А. С. Уварову, Е. Ф. Коршу, А. Н. Бибикову и С. А. Рачинскому (т. 7 за 1924 г.) и Е. И. Раевскому (т. 6 за 1924 г), 5) материалы, освещающие любопытный эпизод хозяйственной деятельности Толстого в 1883 г. и защиту им своего мнения в 1864 году (см. т. 36 за 1929 г.) и 6) неизвестная ранее статья-некролог Толстого памяти И. И. Раевского и письма в связи

с участием Л. Толстого в деле помощи голодающим в Поволжьи в 1889 г.

Не менее разнообразны и значительны публикации, связанные с деятельностью и личностью Ф. М. Достоевского. Публикация в «Красном Архиве» (т. 45 и 46 за 1931 г.) показаний Достоевского, как члена кружка Петрашевского, в Следственной комиссии в 1849 г., извлеченных из фонда военного министерства, послужила поводом к изучению во всей полноте этого этапа политической биографии писателя в специальной работе «Ф. М. Достоевский в процессе петрашевцев» (из-во Академии наук 1936, стр. 246).

С пребыванием писателя в Петропавловской крепости связаны: 1) публикация в полном виде долго «укрываемого» письма Ф. М. Достоевского к брату Мих. Мих. Достоевскому (см. т. 2 за 1922), написанного в день после гражданской казни петрашевцев 22 декабря 1849 г. и 2) публикация «Достоевский — член тайного общества», в основу которой положено любопытнейшее письмо писателя от октября 1868 г. к неизвестному редактору швейцарского журнала, содержащее протест писателя против ложных инсинуаций по адресу Достоевского, как члена тайного общества петрашевцев в книге Пауля Гримма «Тайны царского двора времен Николая I» (1868 г.). Достоевский опровергает ложь этой вздорной книги, представляющей по его словам «спекуляцию на благородных чувствах читателя... для вреда России и для собственной (издателя.— *Н. Б.*) выгоды». Клевета на Россию подобных изданий возмущает писателя, как патриота и как деятеля мировой культуры. «Меня чрезвычайно поразило,— писал Достоевский,— необыкновенное незнание европейцев почти во всем, касающемся России. Люди, называющие себя образованными и цивилизованными, готовы часто с необычайным легкомыслием судить о русской жизни, не зная не только условий нашей цивилизации, но даже, например, географии... Самые дикие и необычайные известия из современной жизни России находят в публике полную и самую наивную веру... а ложные мнения, ложные убеждения могут вредить в этом случае и не одной России. Таково, по крайней мере, мое убеждение».

Освобождение Достоевского с каторги и переезд в Тверь вызвали учреждение со стороны жандармов секретного надзора за писателем в 1854 г., документы о чем составили предмет сообщения «К пребыванию Достоевского в Твери» (т. 4 за 1923 г.).

Несколько публикаций освещают творчество писателя: 1) из записных книжек Достоевского взяты материалы к 2-й главе романа «Преступление и наказание» (т. 16 за 1926), 2) план одного «замысла» (т. 16 за 1926 г.) и 3) пародии Достоевского на стих. Огарева «Студент» (т. 3 за 1923 г.).

Публикации неизданных писем Достоевского: 1) к М. Н. Каткову с изложением замысла романа «Преступление и наказание» (т. 4 за 1923 г.) или, как выразился автор, «идеи повести», представляющей «психологический отчет одного преступления. «Действие современное, в нынешнем году. Молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению, и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шаткости в понятиях, поддавшись некоторым странным «недоконченным» идеям, которые носятся в воздухе, решился разом выйти из скверного своего положения. Он решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты»; 2) к К. П. Победоносцеву за 1879—1880 г.г. (т. 2 за 1922 г.) о работе над романом «Братья Карамазовы», о причинах увлечения общества социалистическими идеями; 3) в письмах к жене о пушкинских торжествах 1880 г. (т. 1 за 1922 г.) Достоевский откровенно рас-

сказывает о закулисной борьбе либералов и консерваторов, пытавшихся под флагом Пушкина пропагандировать обществу свои убеждения.

Достоевский был сам сторонником консервативной партии и оттого его обличения «либералишек» приобретали особенно язвительно-злобный и уничтожающий смысл в увидевших впервые свет на страницах «Красного Архива» письмах его к жене — А. Г. Достоевской (т. 1 за 1922 г.).

Связка писем к брату М. М. Достоевскому, написанных после каторги в годы ссылки в Семипалатинске, рассказывает о том, как Достоевский жадно стремился начать во «второй раз» жизнь писателя. Отрывки «Из воспоминаний А. Г. Достоевской» (т. 3 за 1923 г.) освещают моменты жизни писателя в Петербурге в 1866 году, время редактирования им газ. «Гражданин» в 1872 г., издания романа «Бесы» в 1873 г. Опубликованные письма Ф. М. Достоевского и отрывки воспоминаний А. Г. Достоевской были только незначительными частями огромного фонда эпистолярного и мемуарного наследства, обнаруженного в фонде этого писателя. Эти материалы, раскрывая многое в подлинном виде в области политических воззрений писателя и в его жизненной судьбе, послужили, естественно, предметом отдельных изданий. Также и материалы к роману «Преступление и наказание» и к роману «Идиот» вышли особыми книгами в издании ГИХЛ'а в 1931 г.

Существующая обширная документация по Гоголю пополнилась еще двумя новыми публикациями. «Красный Архив» опубликовал точный текст ответного письма Гоголя 12 августа 1847 г. к Белинскому после получения им известного письма критика из Зальцбрунна. Вместе с печатным текстом редакция журнала вполне резонно дала факсимиле автографа всего письма, благодаря чему отчетливо видны неточности предшествующих публикаций этого документа.

Другое сообщение связано со смертью Гоголя, причинившей, как известно, большое беспокойство правительству, увидевшему в выражениях чувств современников к умершему писателю протест против «власти предержащей». Тургенев поплатился ссылкой на родину за свою статью-некролог, запрещенный петербургской цензурой и опубликованный им с ведома московской цензуры. В опубликованном в «Красном Архиве» (т. 9 за 1925 г.) письме моск. ген.-губернатор А. А. Закревский 29 февраля 1852 г. спешит «успокоить» шефа жандармов насчет принятых их мер в случае каких-либо выступлений на похоронах Гоголя.

Важно отметить, что сравнительно скудный эпистолярный фонд, оставленный скрытым и державшимся особого мнения на счет личной переписки и посмертных изданий И. А. Гончаровым, редакция «Красного Архива» увеличила 12 новыми письмами писателя к современникам (см. т. 2 за 1922 г., и т. 4 за 1924 г.). Из них надо отметить письма к П. А. Вяземскому за 1856—1869 гг., в которых изображены цензурные мытарства Тургенева в 1856 г., в связи с новым изданием его сочинений и обстоятельства появления на сцене трагедии А. Толстого «Смерть Грозного». В последнем письме Гончаров определяет художественное значение трагедии и дает отзыв об общественном направлении «нигилистических» и других видных журналов того времени. В письмах к друзьям Посьет 1873 и 1885 гг., писанных в годы уединения писателя от литературной и общественной деятельности, прорываются существенные черты характера Гончарова, проливающие свет на вопрос об автобиографичности любимого

автором его героя Обломова. Вопреки твердо установившемуся мнению об угрюмости писателя, письма 73-летнего Гончарова говорят о присущем ему юморе и словоохотливости, за что круг близких друзей считал его «красноречивым», а он сам себя за это называл «болтуном».

Из декабристской поэзии характерны напечатанные в 10 томе за 1925 г. стихотворения декабриста Вадковского и песня декабристов, рисующая революционность настроения их на каторге. Интересны новые материалы, показывающие следы влияния декабристской поэзии на последующие поколения поэтов и показывающие продолжение революционной традиции в поэзии. Известно, что Николай I, напуганный восстанием декабристов, всю жизнь пристально искал «следов», «последних остатков» декабризма и безжалостно искоренял их. Трагическая судьба Полежаева, продолжателя дела декабристов, разгром кружка Герцена и Огарева, которых по меткому выражению Ленина «декабристы разбудили»,— все это — проявления преследований со стороны царя «остатков» декабризма. Но революционные идеи декабристов находили себе новых последователей. В публикации под названием «В 50-х годах» (т. 4 за 1923 г.) приведены стихи, пронизанные мыслью о низвержении самовластия Николая:

«Не признаем мы власти Николая,
Романов нам теперь не царь.
Ура!!! да здравствует свобода золотая! —
Романов подлая бессмысленная тварь!»

Стихи были найдены у 14-летнего гимназиста Жохова в Москве, но царю и жандармам не удалось найти их автора. В другом сообщении «Отголоски декабрьского восстания 1825 года» (т. 16 за 1926 г.) показаны, на основании вновь открытых материалов, еще более разветвленные пути влияния декабристских революционных идей на юных поэтов Владимира, Харькова и др. мест. Эти материалы убеждают, что в жестокую пору николаевской реакции, когда «за одно смело сказанное слово,— по выражению Герцена,— годы ссылки, белого ремня, а иногда каземат», искра революции не затухала, идеи революции находили себе последователей, «деятельность, скрытая снаружи, закипала, таясь внутри» (Герцен). Попытки деспота-царя лишить лучших русских людей возможности творить, мыслить, писать остались бесплодными. Гневные протестующие стихи «безымянных» поэтов, данные в названных публикациях, неопровержимо доказывают, что знамя декабристов было подхвачено, что пламя революционного негодования против самовластия готово было вспыхнуть. Кипучая деятельность Белинского, могучая проповедь Герцена дополнялась работой многих безымянных «друзей декабристов», увеличивавших ряды врагов царизма.

Из числа революционных демократов — наибольшее число публикаций в журнале посвящено Н. Г. Чернышевскому. Большинство из этих публикаций, на первый взгляд, как будто далеки от непосредственных задач литературы, на самом же деле такой сугубополитический материал, как публикация «Чернышевский и III-е отделение» (т. 29 за 1922 г.) имеет неоспоримо важное и полезное значение для историков русской литературы. Во-первых, это важно потому, что все отрасли многообразной деятельности Чернышевского — политико-экономa, публициста, философа, критика, теоретика искусства и беллетриста — объединялись единой общей «идеей крестьянской революции, идеей борьбы масс за свержение всех старых вла-

стей»[1]. Во-вторых, Чернышевский своей «могучей проповедью и подцензурными статьями умел воспитывать настоящих революционеров»[2]. Знать все это равно важно и для историка и для литературоведа. Чернышевский в своих романах изображал деятелей революции. Величественный образ Рахметова имел, по указанию его автора, своих прототипов, как имели таковых и Лопухов и Кирсанов. Революционную среду Чернышевский изобразил в «Прологе». Знать, кто был Сераковский, каков был Обручев и др. все это существенно и полезно для изучающих беллетристику Чернышевского. Публикация как раз и говорит о тайных организациях революционеров, группировавшихся около Чернышевского в 1860—1862 гг., в числе таковых — В. С. Курочкин, И. Михайлов и др. Для историка литературы ценны публикации автографов Чернышевского — страниц писем его и первой страницы рукописи романа «Что делать»? (см. т. 29 за 1928 г.), заметка Н. Алексеева «Шифр Н. Г. Чернышевского» (т. 76 за 1936), на основании подлинного дела, показавшего систему скорописи, примененной Чернышевским в крепости. Документы о пребывании Чернышевского в Вилюйской ссылке (т. 74 за 1936 г.), к истории его освобождения (т. 31 за 1936), в связи с переговорами монархической «священной дружины» с «Народной волей» в 1882 г., и другие материалы, отложившиеся в фондах в связи с арестом Чернышевского в 1862 г. (разумеется наблюдения агентов III отделения за квартирой Чернышевского, его жизнью и жизнью семьи за время 1861—1862 г. (т. 14 за 1926) и деятельность следственной комиссии по делу Чернышевского (разумеем экспертизу почерка Чернышевского и др.) (т. 25 за 1927 г.) — перерастают рамки строго-научного изучения и являются несомненно интересными для современного беллетриста, современного психиатра и др.

Из литературного наследия единомышленника и сподвижника Чернышевского — Н. А. Добролюбова в «Красном Архиве» помещены две юношеские сатиры антиправительственного характера, напечатанные в рукописной студенческой газете «Слухи» в 1855 г.; одна из сатир названа «Николай I» (т. 15 за 1926 г.). Новые материалы освещают пребывание Добролюбова в Педагогическом институте, сообщают о демонстрации на Волковом кладбище в день 25-летия со дня смерти Добролюбова и др. (т. 75 за 1926 г.).

Новинкой было опубликование в «Красном Архиве» стих. Писарева — этого «разрушителя эстетики» и отрицателя поэтического творчества. Стихотворение Писарева, относящееся к 1860 году, носит протестующий, политический характер и написано было «На открытие памятника Николая 1-го» (1859 г.). Письма Писарева из крепости к матери (1862 г. и 1866 г.) и переписка с издателем его сочинений Ф. Ф. Павленковым, в связи с судебным процессом по поводу издания им 2-й части собр. сочинений Писарева, и др. материалы содержат интересные биографические подробности и вносят новые детали в вопрос об общественно-политической роли Писарева в 70-е годы.

Цикл замечательных сказок Салтыкова-Щедрина «Красный Архив» увеличил еще одной сказкой «Богатырь», аллегорический смысл которой не позволял автору опубликовать ее в условиях царской цензуры (т. 2 за 1922 г.). Острие сатиры направлено против самодержавия, которое изображено в сказке в образе непробудно спящего сына бабы-Яги, который за время своего тысячелетнего сна прогнил и был изъеден гадюками.

Другая публикация (т. 4 за 1923) внесла существенный штрих в

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 143.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 126.

литературную биографию сатирика, так как сообщила о попытке Щедрина издавать самостоятельный журнал, программа которого найдена в подлинном виде. Запрещение журнала было полной неожиданностью для инициатора. В третьей публикации (т. 2 за 1922) обрисовано придирчивое отношение к великому сатирику цензуры, запретившей стихотворные отклики А. Михайлова и В. Ольхина на смерть Салтыкова.

Некрасов в журнале представлен публикациями его писем к Достоевскому, в связи с вопросом о напечатании в «Отечественных записках» романа «Подросток» (т. I за 1922), и в официальных документах, в связи с выходом в свет первого издания его стихотворений в 1856 году. Цензура была в большой тревоге от революционизирующей силы стихов поэта, но принять меры к задержанию издания было уже поздно. Чернышевский в «Современнике» уже успел довести до сведения читающей публики наиболее значительные стихотворения поэта — своего единомышленника.

Из документов о Короленко, помимо интересной «справки» о нем департамента полиции 1896 г. (т. I за 1922) и письма его к С. Ф. Шарапову с отказом от участия в славянофильской газете, надо выделить запрещенный цензурой рассказ «Федор Бесприютный» (т. 24 за 1927). Это — первая редакция очерка, которую из-за цензурного вмешательства автор вынужден был переделать заново. Очерк этот важен для суждения о демократических устремлениях Короленко.

Неизданные письма Чехова к ряду современников, неизданная сказка его «Говорить или молчать?» и официальные документы о похоронах писателя имеют значение, как свежий материал для биографа, исследователя его творчества и историка общественной мысли.

Сравнительно с другими классиками русской литературы мало напечатано материалов, связанных с А. М. Горьким. Это понятно, так как при жизни писателя его личный фонд, хранившийся частью в Пушкинском доме, частью во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина и частью на квартире писателя, не был подвергнут просмотру в целях напечатания. После смерти писателя организован был специальный мемориальный музей, который вместе с Институтом мировой литературы им. Горького взял на себя собирание, хранение и публикацию всех материалов по Горькому. Обнаруженную в недрах цензурного архива запрещенную статью Горького «Несвоевременное» (1914 г.) «Красный архив» счел необходимым поместить на страницах своего журнала, как новый и любопытный материал, дополняющий уже известные произведения Горького этого периода.

Из писателей братских народов «Красный архив» уделил внимание памяти великого украинского поэта Т. Г. Шевченко и Ивана Франко. В одной публикации о т. Шевченко документально показано, как царская цензура зорко следила за появлением в печати произведений великого «Кобзаря». К прежнему числу непрерывных цензурных «историй» 1858—1860, 1871, 1882, 1891, 1896, 1904 гг. прибавилась еще одна печальная страница несмываемого позора для царизма. Преследования цензуры в 1911 году освещены в сообщении «Борьба царского правительства и цензуры с революционным «Кобзарем» Т. Г. Шевченко» (т. 91 за 1938). Известно, что царизм запрещал всякие проявления симпатий к памяти поэта. В феврале 1914 г. в столетнюю годовщину со дня рождения великого сына украинского народа правительство приняло меры, преграждавшие возможность чествования памяти поэта. Известно, что противодействие власти оказалось в итоге лучшим средством пропаганды среди масс имени Шевченко. «Запрещение чествования Шевченко,— писал В. И. Ленин

в апреле 1914 г.,— было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя»[1]. Вторая публикация «Запрещение царизмом чествования памяти Шевченко» (т. 76 за 1936) документально показывает, как «запрещало» правительство чествование юбилея и как, естественно, по словам В. И. Ленина, «после этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов»[2]. Но запрещение не удержало напора общественного движения. В той же публикации приведены сообщения о студенческих выступлениях в Петербурге и Киеве и текст прокламации Киевского комитета Р. С. Д. Р. П. Присоединяясь «к общему протесту против правительственного угнетения», рабочие Южно-русского машиностроительного завода в Киеве дали высокую оценку Шевченко и литературе демократического направления: «Шевченко был не только украинский народный поэт,— гласила прокламация.— В своих произведениях он отразил весь гнет крепостнического строя, весь ужас народного бесправия. Рабочий высоко чтит память поэтов демократов. В их скорби он чувствует свою скорбь, их призывам к борьбе за право он находит отклик в своем сердце».

На страницах журнала была помещена публикация материалов (т. 9 за 1925) о ранних марксистских журналах («Новое Слово», «Мир Божий» и др.), ценная подробными сведениями об этих журналах, почерпнутых из первоисточников.

Часть новых материалов разоблачает продажность реакционных органов печати в царской России (напр., «Нового времени» в публикации «Подкуп «Нового времени» царским правительством» (т. 21 за 1927) или «Рептильный фонд 1914—1916 гг.» (т. 10 за 1925).

Из этого беглого обзора видно, что «Красный архив» уделял внимание художественному творчеству писателей, биографическим материалам и, главным образом, документам, отразившим общественно-политические взгляды деятелей литературы. В дальнейшем редакция расширит проблематику печатаемых материалов в сторону большого освещения литературно-художественных явлений прошлого. В частности в журнале «Красный архив» очень слабо освещена деятельность нашего великого пролетарского писателя А. М. Горького и совсем не освещена огромная роль В. Маяковского в деле создания нашей советской пролетарской поэзии. Редакция должна также уделить больше места на страницах журнала материалам о жизни и деятельности писателей братских народов многонационального Советского Союза. Интерес широких масс советских читателей, проявляемый к судьбам литератур народов СССР, требует разыскания новых материалов, освещающих новые страницы из истории этой культурной отрасли.

Редакции необходимо раздвинуть рамки для помещения большого количества документов, рисующих отношение царского правительства к литературе. Появившиеся на эту тему материалы в сообщении «Литература 60-х годов по отчетам III отделения» (т. 8 за 1925) далеко не исчерпывают того обилия материалов, какое хранится до сих пор в архивах.

Особенно интересна категория документов, которая содержит отзывы о наиболее выдающихся органах нашей журналистики 60—90-х годов. «Историографы» III-го отделения, вроде И. Арсеньева, и цензора нередко выступали с обширными обзорами деятельности передовых жур-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр 324.
[2] Там же, стр. 325.

налов и «сигнализировали» правительству о развитии «вредных» идей социализма и материализма. Мартиролог русской литературы и журналистики, начинающийся с Новикова и Радищева, далеко еще не весь выявлен. Мы еще не знаем в целом, как боролась цензура с Салтыковым-Щедриным, с М. Горьким и др. Чернышевский когда-то писал, что «литература и поэзия имеют для нас, русских, такое огромное значение, какое, можно сказать, наверное не имеют нигде». На литературу возлагались все надежды на лучшие времена, так как только в литературе, в русских писателях, в силу особых условий беспросветно-мрачной русской жизни, по меткому выражению Белинского, русская публика видела «своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия». Недаром правительство и обрушивало со всей жестокостью свои удары на головы наших писателей. Выявить все это прямая задача и прямой долг «Красного архива». Помещенные в «Красном архиве» публикации на темы: «Путешествие из Петербурга в Москву А. Н. Радищева и царская цензура» (т. 74 за 1936), «Цензура и Л. Толстой» (т. I за 1923), «Некрасов и цензура» (т. I за 1922),— также далеко не исчерпывают всего богатства материалов, сосредоточенных в хранилищах. Несомненно, будет продолжена и значительно увеличена публикация документов о рабочей печати. Такие начинания в этой области, как «Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге» (см. том 10 за 1925) и «Письма рабочих в «Звезду» и «Правду» (т. 77 за 1936 г.) свидетельствуют, как много материалов, по которым можно составить ясную картину расширения круга читателей газет соц.-демократического направления, в том числе и большевистского органа «Правды», картину роста рабочего сознания и борьбы масс за свою печать.

Бесспорно, публикация материалов по истории западно-европейских литератур до сих пор не была развернута в надлежащей мере. Разумеется, цензурные фонды богаче той одной публикации о А. Франсе (т. 67 за 1934), где приведены отзывы цензоров о ряде крупнейших произведений этого писателя: «Остров пингвинов», «Боги жаждут», «Восстание ангелов». Цензурная настороженность имела оборотную сторону медали: глубокий интерес и внимание русского общества к произведениям этого классика. Вопросу культурного взаимоотношения Мицкевича к русским писателям, интересовавшегося творчеством его соотечественников, посвящена публикация «Мицкевич о польских писателях», где даны мастерские характеристики Немцевича, Лепевеля, Красинского, поэтов-классиков (Осинского, Крушинского и др.) и поэтов-романтиков (Залесского, Одынца и др.). Проблема культурной связи русских писателей с западно-европейскими требует еще новых материалов, ожидающих своего выявления в фондах б. министерства иностранных дел, в фондах писателей-дворян, поддерживавших нередко долголетние сношения и дружеские связи с западными собратьями по перу (напр., Герцен, Тургенев).

«Красный архив», неуклонно преследуя с первых томов задачу введения в оборот науки новых, неизданных материалов, наравне с этим стремится обеспечить достоверность своих публикаций, применяя археографические методы точности и подлинности воспроизведения печатаемых материалов.

Н. Бельчиков.

М. В. Фрунзе на Туркестанском фронте

31 октября 1940 года исполняется 15 лет со дня смерти великого пролетарского полководца М. В. Фрунзе.

Товарищ Сталин в речи на похоронах М. В. Фрунзе говорил: «...в лице тов. Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени. Партия потеряла в лице тов. Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей.

Советская власть потеряла в лице тов. Фрунзе одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства. Армия потеряла в лице тов. Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей. Вот почему так скорбит партия по случаю потери тов. Фрунзе...» [1].

Публикуемые ниже документы о деятельности М. В. Фрунзе в должности командующего Туркестанским фронтом охватывают период с 18 августа 1919 г., т. е. со дня прибытия М. В. Фрунзе в Самару по месту нахождения управления фронтом и отдачи приказа о вступлении в командование фронтом, до 10 сентября 1920 г., т. е. до дня отдачи М. В. Фрунзе прощального приказа, в связи с отъездом по новому назначению на должность командующего Южным (врангелевским) фронтом.

Ценность настоящих документов заключается в том, что они касаются работы М. В. Фрунзе по должности командующего Туркестанским фронтом, т. е. той части его работы, которая до сих пор, к сожалению, мало освещена,— и в исследованиях по истории гражданской войны, и в литературе вообще.

А между тем именно этот период работы М. В. Фрунзе особенно интересен, хотя бы потому, что, просясь с тыловой на боевую работу, М. В. Фрунзе, в основном, мечтал работать на своей родине — в Туркестане.

26 декабря 1918 г. М. В. Фрунзе был назначен командующим IV армией Восточного фронта. Эта армия имела задачей ликвидацию белого уральского казачества, а затем,— наступление на Ташкент, воссоединение нашего Туркестана с остальной Советской Россией, от которой он был отрезан с июля 1918 г.— с момента выступления оренбургского контрреволюционного казачества, возглавлявшегося атаманом Дутовым, когда железнодорожное сообщение Самара — Ташкент было окончательно прервано.

Ввиду особой важности Туркестана, чрезвычайно своеобразной обстановки в нем и удаления этого края от центра, правительство сочло необходимым выделить особую комиссию ВЦИК по делам Туркестана и командировать ее на место с особыми инструкциями и полномочиями.

Часть членов этой комиссии уже в начале 1919 г. прибыла в Самару, где, поневоле, осталась при штабе Южной группы армий Восточного фронта, а затем при штабе Туркестанского фронта, поскольку связь с Туркестаном была прервана.

---

[1] «Правда» № 253(3184), 5 ноября 1925 г.

Комиссия эта, в состав которой со временем вошли, как М. В. Фрунзе по должности командующего Туркестанским фронтом, так и все члены РВС фронта, смогла выехать из Самары лишь 25 октября 1919 г. и прибыла в Ташкент 3 ноября, т. е. не только после разгрома белых армий, преграждавших путь в Туркестан, но и после полного восстановления Ташкентской ж. д. на всем ее протяжении.

Важность скорейшего установления связи с Туркестаном подчеркивалась правительством в указаниях главному командованию. Однако, надо признать, что это не было в должной мере осознано этим командованием, к этому не отнеслись с должной серьезностью, не были учтены те враждебные силы, которые нам предстояло преодолеть, а наши силы и возможности были значительно переоценены.

Туркестанский вопрос заслуживал того, чтобы он был поставлен в качестве самостоятельной задачи с назначением для ее разрешения достаточных вооруженных сил; между тем установление связи с Туркестаном было, в качестве побочной задачи, возложено на Восточный фронт, имевший совершенно другую цель,— борьбу с главным нашим врагом того времени — Колчаком.

Из всех армий Восточного фронта только в задачу одной IV армии входило установление связи с Туркестаном и то после ликвидации уральского белоказачества. Конечно, для этой армии, состоявшей всего из двух дивизий, такая задача была непосильна.

Не по плечу и не по времени оказалась эта задача и образованной в начале марта 1919 г. Южной группе армий Восточного фронта, так называемого, малого состава, в которую вошли, кроме IV армии, еще прорвавшиеся из Туркестана 31 стр. дивизия и бригада 3 кавалерийской дивизии; из этих частей постановлением РВС Восточного фронта было приказано сформировать армию, присвоив ей название — Туркестанская.

Уже через несколько дней, под влиянием внезапно начавшегося общего наступления Колчака, РВС Восточного фронта, в ответ на запрос М. В. Фрунзе о задачах Южной группы при создавшейся обстановке, должен был в телеграмме от 19 марта признать, что даже Туркестанской армии необходимо временно «базироваться на Волгу», т. е. при переводе на понятный язык это значило, что и эта армия должна быть привлечена к общей борьбе с Колчаком.

Этим самым туркестанское направление и решение всех туркестанских задач откладывалось на неопределенное время.

Дальнейшие события показали, что те задачи, которые являлись неизбежной предпосылкой для разрешения туркестанской проблемы, т. е. наступления в Туркестан, а именно решительная борьба с уральским и оренбургским белоказачеством, должны были быть отложены, так как из районов Уральска и Оренбурга М. В. Фрунзе должен был снять максимальное количество войск для успешной борьбы с ударной массой войск Колчака.

Боевые действия, развернувшиеся с конца апреля 1919 г. и приведшие к разгрому Западной армии Колчака в Бугуруслано-Уфимской операции, осуществленной с таким искусством под руководством М. В. Фрунзе,— общеизвестны.

И вот, только после взятия 9 июня Уфы и нанесения Колчаку смертельного удара, М. В. Фрунзе смог вновь обратиться к прерванной на несколько месяцев своей прямой задаче,— решительной борьбе с Уральской и Оренбургской белыми армиями, как предпосылке для выполнения главной задачи,— наступления на Туркестан.

Однако, даже теперь, когда главный враг — Колчак был почти снят со счетов, в распоряжении М. В. Фрунзе не было достаточных сил для одновременных и решительных действий как на уральском, так и на оренбургском направлениях.

Первая, ближайшая по времени, помощь была оказана Уральску во внимание к его тяжелому положению и к той опасности, которая грозила ж. д. Орен-

бург — Самара и самой Самаре — нашей главной базе — в случае дальнейших успехов уральского бело-казачества.

IV армия, благодаря героическим действиям возвращенной в ее состав 25 дивизии во главе с Чапаевым, достигла быстрых успехов. Уже 11 июля осада Уральска была снята и наши войска, очистив весь район, прилегающий к Уральску, оттеснили противника к югу от Лбищенска.

В это время М. В. Фрунзе был уже в должности командующего всем Восточным фронтом и, оценивая со свойственной ему прозорливостью обстановку на разных участках обширного фронта, он, параллельно с преследованием Колчака, мог уже поставить во весь рост основную задачу южного крыла Восточного фронта,— соединение с Туркестаном.

Приняв решение, М. В. Фрунзе потребовал напряжения всех сил и средств для решений этой, важнейшей в данный момент на участке Южной группы, боевой задачи.

Выполнение боевых предначертаний М. В. Фрунзе привело к осуществлению так называемой Орской операции, основной замысел которой заключался в ликвидации как Южной армейской колчаковской группы под командованием генерала Белова, так и Оренбургской бело-казачьей армии атамана Дутова.

С разгромом главной группировки Колчака в районе Уфы и Златоуста, а затем Челябинска, армейская группа генерала Белова оказалась отрезанной и для нее оставался единственный выход,— пробиваться на юг через Орск и Актюбинск на соединение с контрреволюционными частями Туркестана. Во внимание к этому, нашей задачей являлось не допустить отхода противника на юг, для чего требовалось перехватить все пути, ведущие в Туркестан.

Операция эта, начавшаяся еще в июле, в бытность М. Ф. Фрунзе командующим Восточным фронтом, блестяще была завершена им к 13 сентября 1919 г. уже в должности командующего Туркестанским фронтом.

В самом Туркестане в это время продолжалась борьба войск Советской Туркестанской республики с белогвардейцами и английскими интервентами в Закаспии (Закаспийский фронт), с басмачеством в Фергане (Ферганский фронт) и с бандами атамана Анненкова в Семиречьи (Семиреченский фронт). Оставшиеся на своих прежних местах бухарский эмир и многочисленные местные беки,— старые «властители и хозяева» Туркестана, непримиримые враги советской власти — тайно и явно организовывали и собирали силы контрреволюции. Слабые вооруженные силы Туркестанской республики, крайний недостаток политических работников, ряд своеобразных социально-бытовых условий многочисленных национальностей, остающаяся деспотическая эксплоатация трудящихся со стороны многочисленных беков (князьков), баев (кулаков), чиновников и мусульманских попов, национальная рознь — тяжело изживаемое наследие царизма,— все это требовало приложения колоссальных усилий. И вся эта огромная политическая работа требовала в первую очередь освобождения Туркестана силой оружия Красной армии от многочисленных врагов, как внутренних, так и внешних. Эта боевая задача, лежавшая на войсках Южной группы Восточного фронта, естественно, требовала расширения правомочий и большей самостоятельности командования. Этот вопрос и был разрешен в середине августа 1919 г., путем создания из Южной группы Восточного фронта самостоятельного Туркестанского фронта.

Командующим войсками Туркестанского фронта был назначен М. В. Фрунзе, членом РВС фронта — В. В. Куйбышев.

На Туркестанский фронт была возложена ответственная и сложная задача — ликвидировать контрреволюционные силы в Уральской и Оренбургской областях, открыть путь в Туркестан, подготовить и перебросить войска в Туркестан, реорганизовать местные вооруженные силы, уничтожить противника на всех внешних и внутренних фронтах Туркестанской республики и заложить прочные основы для развития политической, экономической и культурной жизни Советского Туркестана.

13 сентября 1919 г. части Красной армии, наступавшие с севера, соедини-

лись на ж.-д. станции Мугоджарская с туркестанскими частями, пробивавшимися с юга.

Таким образом, важнейшая наша проблема на южном крыле Восточного фронта — соединение с Туркестаном — была решена. Однако, фактическое продвижение наших войск в Туркестан, равно как и продвижение из Туркестана маршрутов с хлопком и нефтью, задержалось еще на месяц, так как только к 8 октября закончилось восстановление ж. д. на всем протяжении от Ташкента до Оренбурга.

М. В. Фрунзе тотчас после установления связи с Ташкентом проявил большое внимание к той обстановке, которая сложилась в Туркестане за время его изолированного от центра Советской страны существования. 19 октября Фрунзе отдает приказ об образовании особой фронтовой комиссии и о командировании ее в Ташкент. Комиссия эта должна была заняться почти исключительно военно-хозяйственными и экономическими вопросами: надо было срочно выявить все средства края, учесть все наличное имущество, организовать правильную эксплоатацию краевых средств и привести в порядок единственное средство связи с центром — Ташкентскую ж. д.

Вместе с тем М. В. Фрунзе начал работу по реорганизации и усилению вооруженных сил внутри Туркестана. В конце октября 1919 г. была подготовлена другая, специально военная комиссия, очень широкого состава, включавшая в себе представителей и специалистов политаппарата и всех родов войск, служб и отделов фронтового управления. Комиссия эта, возглавленная автором этих строк, особым эшелоном выехала из Самары 27 октября 1919 г. и прибыла в Ташкент 5 ноября.

Комиссия в своей работе должна была учесть необходимость в ближайшее время заменить или возглавить своими работниками весь местный аппарат; это и осуществилось 16 ноября 1919 г.— когда М. В. Фрунзе отдал приказ фронту об образовании должности командующего войсками Туркестана на правах заместителя командующего Туркестанским фронтом с образованием в Ташкенте отдела РВС фронта. Командующим войсками Туркестана был назначен председатель фронтовой комиссии, а членами РВС — В. В. Куйбышев и члены комиссии ВЦИК по делам Туркестана.

Командующий войсками Туркестана руководствовался общими директивами М. Ф. Фрунзе, который продолжал оставаться в Самаре для ликвидации уральского бело-казачества.

Так продолжалось до 22 февраля 1920 г., т. е. до дня прибытия в Ташкент М. В. Фрунзе. С этого дня он сам непосредственно вступил в командование, а прибывшие с ним работники фронтового аппарата пополнили работавший до этого времени аппарат управления командовавшего войсками Туркестана.

Несмотря на блестящие результаты Орской операции, закончившейся пленением беловской и дутовской армий, все же сосредоточение всех усилий и средств для работы в самом Туркестане для М. В. Фрунзе было еще недостижимо, поскольку в тылу у нас оставалась незаконченная и очень затянувшаяся борьба с белой Уральской армией.

Не в оправдание действий нашего командования, а для объяснения коренных причин, вызвавших такую затяжку борьбы в Уральской области, надо сказать, что впредь до окончания Орской операции и разрешения всех оперативных задач на путях в Туркестан, М. В. Фрунзе никогда не располагал необходимыми силами и средствами для последовательной, непрерывной и решительной борьбы с уральцами. Когда М. В. Фрунзе, еще будучи командующим IV армией, едва только добился первых серьезных успехов, приведших в марте 1919 г. к захвату нами важного в стратегическом и политическом отношении района Лбищенска, начавшееся наступление Колчака не только приостановило наши успехи, но и потребовало от М. В. Фрунзе переброски на главный театр борьбы лучшей части IV армии,— 25 дивизии.

Результатом этого явился нажим белых уральцев на ослабленную IV армию,

приведший к осаде Уральска, угрозе тылу нашей ударной группы у Бузулука и перерыву связи Уральска с нашей главной базой — Самарой.

Так продолжалось до июля, когда, после занятия Уфы, явилась возможность вернуть в состав IV армии 25 дивизию. Главным образом, при ее посредстве в Уральском районе начались успехи и к концу августа противник вновь был отброшен к югу от Лбищенска.

Однако, развить наши успехи с тем, чтобы в короткий срок, не дав врагу передышки, добить его,— нельзя было без значительных подкреплений, а взять их было неоткуда, так как в это время центр тяжести боевых операций был перенесен в район Оренбурга.

Затем, столь неожиданная катастрофа 5 сентября под Лбищенском, когда погиб Чапаев, вновь сорвала достигнутые успехи и повлекла за собой новую осаду Уральска.

И вот, только во второй половине октября 1919 г., когда удалось усилить IV армию двумя бригадами 49 дивизии, двумя бригадами Красных коммунаров и Башкирской бригадой, можно было с уверенностью на окончательный успех начать решительные действия против Уральской армии противника.

Но к этому времени состояние наших войск значительно ослабло: с одной стороны, начались массовые тифозные заболевания, а с другой,— стал ощущаться резкий недостаток в боеприпасах.

Затем, при оценке наших действий, надо учесть трудности борьбы без должного числа конницы против почти сплошь конного и весьма подвижного противника.

Наконец, оценивая нашу борьбу с мятежными уральцами, надо признаться, что из всех наших противников уральское казачество являлось самым упорным противником, наиболее энергичным, предприимчивым и инициативным. Борьба с таким противником требовала особых приемов, особого обучения.

Трудности борьбы с уральской белой армией, отмечавшиеся и раньше, нашли свое отражение в публикуемых документах.

Последний приказ М. В. Фрунзе о наступлении состоялся 30 декабря 1919 г. В этом приказе, как и во всех своих боевых приказах, М. В. Фрунзе ставил решительные цели, сводившиеся к уничтожению противника с отрезанием ему возможности отхода, путем комбинированного наступления,— IV армией с севера на Гурьев и I армией с востока на Красноводск.

Решить эту задачу предписывалось к 15 января 1920 г., но, как известно, наши доблестные войска, не взирая на тяжелые условия исключительно суровой зимы, упредили заданный срок и уже 5 января захватили Гурьев.

Этой победой, приведшей к полному разгрому врага, был окончательно ликвидирован Уральский фронт.

Большевистская партия и лично В. И. Ленин, оценивая огромное международное политическое значение национального освобождения народов Туркестана — этого оплота Советской власти в Средней Азии, всегда уделяли исключительное внимание этому вопросу.

Письмо В. И. Ленина к «товарищам коммунистам Туркестана» являлось по существу программой действий, заострявшей внимание работников Туркестана на самом основном вопросе внутренней политики того периода,— на вопросе национальном и на необходимости «...Искоренять все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его...»

Однако, жизнь и действительность показали, что у нас, особенно на первое время, не обошлось без ошибок, извращений, а подчас и преступных действий со стороны некоторых представителей советской власти. И в рядах Красной армии, и в многочисленных советских учреждениях оказались частью непонимающие, частью сознательно-преступные элементы, ввиде отдельных лиц, которые извращали политику советской власти и тем порождали к ней не только недоверие, но отчасти даже враждебные отношения со стороны местного мусульманского населения.

И вот, исходя из этого и основываясь на директиве т. Ленина, М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев начали беспощадную борьбу со всеми нарушителями истинной политики советской власти. Как серьезно относилось к этому командование фронтом, видно из того, что в качестве мер за незаконные действия в отношении местного населения предписывалось применять даже расстрелы.

Самым больным и острым вопросом того времени в Туркестане было басмаческое движение в Фергане и борьба с ним. Этот вопрос стоял всегда в центре внимания М. В. Фрунзе.

Борьба с басмачами явилась борьбой с совершенно новым, особым и исключительно своеобразным противником. Басмачи представляли собой сплошь партизанские отряды, почти исключительно конные. Противник этот был зачастую совершенно неуловим и буквально на глазах наших отрядов иногда растворялся в окрестных селениях, немедленный повальный обыск коих часто не давал никаких результатов.

И в значительной степени благодаря исключительной способности М. В. Фрунзе ориентироваться в сложной специфической обстановке, благодаря его руководству, Красная армия и здесь одержала победу.

Заслуживают внимания документы, рисующие проведение М. В. Фрунзе бухарской операции; оставаясь верным себе и проявляя неизменное оперативное искусство, М. В. Фрунзе организует разгром бухарской армии путем концентрического наступления наших частей: с запада I армии, с юга — Каганской группы и с северо-востока — Катта-Курганской группы.

Операция эта ко 2 сентября закончилась полной победой и установлением на всей территории бывшего бухарского эмирата советской власти.

Нашли свое отражение в публикуемых документах и события в Верном. История этого вопроса, довольно подробно изложенная в литературе, представляет большой интерес, так как только благодаря мудрым и дальновидным распоряжениям М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева удалось внести раскол в пеструю массу восставших и тем самым быстро ликвидировать мятеж.

С таким широким размахом решались М. В. Фрунзе оперативные задачи и такую гибкость в своем творчестве проявлял он при этом, тесно увязывая свою военную работу с наличной политической обстановкой.

Кипучая деятельность М. В. Фрунзе и чрезвычайное разнообразие вопросов, в которые он считал себя обязанным вникать, выходя при этом за рамки компетенции командующего фронтом и расширяя эти рамки до масштабов крупного общегосударственного деятеля, видна из документов, отображающих его хозяйственно-экономическую деятельность.

В числе таких мероприятий необходимо отметить: а) образование Технического совета при Особой продовольственной комиссии по снабжению Туркестанского фронта, в задачи которой должны были войти мероприятия по использованию местных заводов, фабрик и технических заведений для удовлетворения нужд армии местными средствами; это была чрезвычайно разумная мера, которая должна была разгрузить и центральные органы снабжения и транспорт, работавший тогда с чрезвычайным напряжением; б) образование Экономического совета для использования сил и средств I армии и укрепленных районов, при полном контакте с местными советскими организациями, в общегосударственных хозяйственных целях; в) организация строительства исключительно важной в экономическом отношении Эмбинской железной дороги. Все это является показателями большой работы М. В. Фрунзе по восстановлению народного хозяйства Туркестана.

* * *

Публикуемые документы и по содержанию и по времени распадаются на две группы:

Первая группа документов обнимает период от 18 августа 1919 г. по 1 февраля 1920 г., т. е. то время, когда М. В. Фрунзе, будучи командующим Тур-

станским фронтом, не выезжал еще в Туркестан, а продолжал осуществлять задачи фронта по ликвидации мятежного уральского и оренбургского казачества.

Вторая группа документов обнимает период от 7 мая по 10 сентября 1920 г. и отражает часть работы М. В. Фрунзе за время его нахождения уже в самом Туркестане.

Настоящая публикация представляет извлечение из сборника документов «М. В. Фрунзе на фронтах Туркестанской войны», подготовленного в Центральном Государственном архиве Красной Армии.

Документы подготовил к печати Д.Ознобишин.

Комдив *Ф. Новицкий*

Товарищам коммунистам Туркестана [1].

Товарищи! Позвольте мне обратиться к вам не в качестве председателя Совнаркома и Совета Обороны, а в качестве члена партии.

Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание — приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана,— доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его,— с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей, в свою очередь, от ВЦИК именно в этом духе.

Я был бы очень благодарен, если бы мне вы ответили на это письмо и сообщили о вашем отношении к делу.

С коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин).

Приказ по Туркестанскому фронту, 18 августа 1919 г. [2].

Сего числа я прибыл и вступил в командование Туркестанским фронтом.

Командующий Туркфронтом М. Фрунзе.

Радиограмма В. И. Ленина Ташкентскому исполкому, копия — всем железнодорожникам, [30 августа 1919 г.] [3].

Ввиду предстоящего соединения Советской России и Советского Туркестана необходимо немедленно напрячь все силы для ремонта паровозов подвижного состава. Совет Обороны предлагает мобилизовать для этого все силы депо и мастерских. Победы революции и

---

[1] В. И. Ленин. соч., т. XXIV, стр. 531.

[2] ЦАКА, ф. 110, оп. 5, д. № 55, л. 2.

[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 17, д. № 93, л. 75. Печатается по копии. Проэкт настоящей телеграммы был представлен на подпись В. И. Ленину 30 августа 1919 г.

М. В. ФРУНЗЕ

Красных армий нужно использовать для поднятия экономической жизни Туркестана и России. Привет Красному Туркестану.

Предсовобороны Ленин.

Телеграмма М. В. Фрунзе главкому войск Туркестана, 12 сентября 1919 г.[1].

Южная армия противника, преграждавшая пути в Туркестан, разгромлена окончательно. Нами взято свыше 45 тысяч пленных и масса трофеев. Передовые части I армии подходят к району станции Джурун-Темир. Для уничтожения последних остатков войск противника, продолжающих еще держаться в районе станции Челкар, и в интересах скорейшего восстановления связи с Туркестаном приказываю бросить Казалинскую группу в стремительное наступление в общем направлении на станцию Челкар и Иргиз.

Командующий Туркфронтом М. Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе из Самары Председателю Совнаркома В. И. Ленину, 14 сентября 1919 г.[2].

Сейчас получено сообщение о соединении войск I армии с Туркестаном. Из Челкара прибыл в Актюбинск поезд с ранеными, что говорит о целости на этом участке железнодорожной линии[3]. Войска Туркестанского фронта поздравляют Вас и республику с этой радостной вестью.

Командтуркфронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе из Самары председателю Совнаркома В. И. Ленину, 16 сентября 1919 г.[4].

Разрушения, произведенные на железнодорожном участке Оренбург — Актюбинск требуют громадных усилий. Одних мостов разрушено сто десять. Для спешного восстановления пути требуется организация производства одновременно на нескольких участках. В то же время приступили к расширению заготовки топлива на разных участках, находящихся в 20—40 верстах от линии железной дороги. Все это требует незамедлительной присылки в распоряжение Туркфронта сорока грузовиков с соответствующим количеством запасных частей, в особенности покрышек и смеси, о чем прошу сделать спешное распоряжение. Каждый просроченный день отдаляет возможность переброски войск и использования туркестанского сырья.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Приказ по Туркестанскому фронту, 17 сентября 1919 г.[5].

Существующее ныне экономическое состояние страны, вызванное долголетней войной, при полном напряжении всех сил, не дает возможности удовлетворить своевременно всю потребность многочисленной Красной Армии.

---

[1] Опубликовано в «Красном архиве» № 2 (93), стр. 49. Печатается вновь для связи.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 17, д. 93, л. 79.

[3] Эта железнодорожная линия (Оренбург — Ташкент) являлась единственной артерией, связывающей Советскую Россию и Туркестан с его богатейшими сырьевыми ресурсами (нефть, хлопок).

[4] ЦАОР, ф. 130, оп. 17, д. № 198, л. 133.

[5] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 39, л. 27.

Таковое положение обязывает все органы снабжения, от фронта до войсковых частей и мелких единиц, принять все меры к ведению правильного и возможно более точного учета предметов вещевого довольствия, как находящегося в носке и пользовании у красноармейцев, так и хранящегося в складах, магазинах, цейхгаузах, с тем, чтобы ни один предмет, ни одна вещь не оставались без учета.

Необходимо твердо помнить, что все предметы вещевого довольствия во все время своей службы в войсках составляют собственность казны и выдаются красноармейцам во временное пользование.

За утрату и порчу казенных вещей, а также за продажу означенных вещей с виновных, независимо от наложения на них наказания в уголовном порядке, взыскивать увеличенную в пять раз стоимость утраченных, или испорченных, или проданных вещей.

Командному составу и военным комиссарам иметь неослабное наблюдение за бережливым отношением красноармейцев к казенному имуществу, хозяйственным же органам организовать своевременно починку всего того, что может быть исправлено, и не доводить вещи до негодного состояния.

Лицам, ведающим снабжением, возможно чаще производить осмотры войсковых частей личным объездом или командированием инструкторов и на местах выяснять нужды частей и правильность предъявляемых ими требований.

При требовании вещей строго руководствоваться правилами приложенными к приказу Реввоенсовета республики сего года № 789, не преувеличивая действительной потребности.

На своевременное заявление потребности обращаю самое серьезное внимание.

До сего времени, несмотря на наступление холодного времени года, не всеми армиями заявлена потребность в теплых вещах, что недопустимо. Сезонные вещи должны требоваться заблаговременно, не ожидая наступления момента фактической носки их.

С целью сбережения летнего обмундирования, приказываю при выдаче зимнего, все летнее отобрать через дивизионные и армейские и фронтовые базы и склады, где оно должно быть осмотрено комиссией, назначенной распоряжением соответствующего начальника Военно-хозяйственного снабжения и рассортировано в зависимости от годности по категориям: 1) годное для носки без ремонта, 2) годное, но требующее ремонта, 3) могущее служить лишь починочным материалом и 4) совершенно негодное.

Все поступившее обмундирование, за исключением совершенно негодного, дезинфецируется, после чего годное оставляется в складах, а требующее починки и служащее починочным материалом, отправляется в починочные мастерские, по указанию начвоенхозснабов, для ремонта. Совершенно негодное передается отделам утилизации при совнархозах.

Командующий Туркфронтом М. Фрунзе.

Из приказа по Туркестанскому фронту, 25 сентября 1919 г.[1].

В целях объединения в пределах Туркестанского фронта деятельности военного и гражданского ведомств в области всестороннего использования имеющихся заводов, фабрик и других всякого рода технических заведений по изготовлению необходимых для нужд армий и населения фабрикатов, получение коих из центра крайне затруднено ввиду недостатка сырья, образовать при Особой продовольственной ко-

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. 39, л. 21.

миссии по снабжению Красной армии Туркфронта Технический совет, на обязанность коего и возложить общее руководство в пределах Туркфронта всеми начинаниями в области производственных операций и объединение работ ведомств (военного, совнархоза, губпродкомов и пр.).

Подробную инструкцию о работе Технического совета и штаты его выработать названному Совету.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, 1 октября 1919 г. [1].

I армия неустанным натиском расчистила пути, связывающие Советскую Россию с Красным Туркестаном, овладев в ряде упорных боев Орском, Актюбинском, Темиром и другими пунктами, захватив несколько тысяч пленных и ценную военную добычу.

Высоко ценя услуги, оказанные Российской Советской республике доблестной боевой работой I армии Совет Обороны постановил:

1. От лица Совета Рабоче-Крестьянской Обороны объявить благодарность I армии в лице ее красноармейского и командного состава.
2. В возмещение затрат, связанных со стремительным наступлением в районе, бедном путями и средствами сообщения, выдать всему составу I армии, участвовавшему в победоносном наступлении на соединение с Туркестаном, месячный оклад жалованья.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны
В. Ульянов (Ленин)

Телеграмма М. В. Фрунзе в Реввоенсовет Республики, копия — Председателю Совнаркома В. И. Ленину, 11 октября 1919 г. [2].

Месячная упорная работа по восстановлению линии Оренбург — Актюбинск 8 сего месяца закончена. Исправлено и восстановлено свыше сотни мостов. 9 сего месяца в 12 часов открыто сквозное движение Оренбург — Ташкент. На ст. Оренбург из Туркестана прибыл первый поезд с хлопком.

Ревсовет Туркфронта Фрунзе.

Телеграмма М. Ф. Фрунзе главкому, 13 октября 1919 г. [3]

Меры упорядочения управления IV армии мною принимаются, но считаю необходимым доложить, что настоящее положение на фронте IV армии обусловливается не исключительно директивами управления, а, главным образом, условиями всей обстановки, а именно: противник определенно переходит к партизанскому характеру войны, его фронт как целое не существует, наиболее боеспособные части противником сводятся в отдельные группы и направляются в тыл армии; повидимому, противника к этому вынуждают не столько тактические соображения, сколько голод и истощение припасов в своем районе; все действия этих прорвавшихся отрядов противника носят главным образом характер фуражировок. Поэтому, сосредоточить ударные группы (кулаки) для активных действий в южном направлении является несоответствующим обстановке; противник распылен, определенных групп его живой силы нет, все удары будут в пустую. Растяжка частей 25-й дивизии на запад от Уральска была вызвана необходимостью преградить

[1] ЦАКА, ф. 4, оп. 7, д. № 3688, л. 161. Печатается по копии.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 17, д. № 198, л. 140.
[3] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 31, ч. I, лл. 176—177.

К. Е. ВОРОШИЛОВ и М. В. ФРУНЗЕ

противнику свободный выход на север от железной дороги, что при групповом расположении нашей пехоты (и отсутствии в необходимой мере конницы) для конного противника было бы вполне доступно. Для уничтожения противника, сохранившего еще определенную группировку в районе р. Барбастау и р. Утва, организуется Илецкая группа (1 и 3 бригады 49-й дивизии и Башкирская бригада), которая в ближайшие дни и переходит в наступление. Для борьбы с частями противника, появляющимся в тылу, наиболее рациональным является широкая организация местных партизанских отрядов, воодушевляемых мыслью защиты своего очага; но для таких отрядов Туркфронт не имеет необходимого вооружения. Для непосредственного противодействия противнику меры уже приняты: из Самары 11 октября на Б. Глушица — Соболев направлен отряд, от Пугачевская, в направлении Жестянка и Верхне-Солянский, выслана разведка и наличные силы военкома. Намечена переброска 4 и 5 полков Красных коммунаров в район Порубежка — Б. Тарасовка.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма В. И. Ленина М. В. Фрунзе, 18 октября 1919 г.[1].

Все внимание уделите не Туркестану, а полной ликвидации уральских казаков всяческими хотя бы и дипломатическими мерами. Ускоряйте изо всех сил помощь Южфронту. Нельзя ли взять оренбургских казаков под Питер или на иной фронт. Извещайте чаще шифром о фактическом исполнении.

Ленин.

Приказ по Туркестанскому фронту, 19 октября 1919 г.[2].

Реввоенсовет Туркфронта постановил образовать в гор. Ташкенте особую фронтовую комиссию из числа представителей управлений и

[1] Музей Красной армии, инв. № 35982.
[2] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. 25, л. 182.

отделов Туркфронта и представителей чрезвычайного уполномоченного и особой продовольственной комиссии по снабжению армии.

Фронтовой комиссии ставятся следующие задания:

1) Тесно связаться с военными и гражданскими органами Туркестанской республики.

2) Произвести широкое обследование постановки продовольственного вопроса.

3) Выяснить все сведения о живых и технических силах края.

4) Объединить работу всех существующих на местах военных органов и преподать им необходимые руководящие указания.

5) Установить наличие и местонахождение базисных складов и произвести в них учет военного имущества.

6) Открыть новые базисные склады.

7) Привести коммуникационную линию (ж. д. Оренбург — Ташкент) в полную исправность и выяснить необходимые и потребные средства ее охраны.

8) Организовать эксплоатацию краевых богатств и утилизацию наличных запасов военно-технического и интендантского имущества.

Во исполнение сего п р и к а з ы в а ю:

1. В состав фронтовой комиссии включить от управлений и отделов без ограничения то число представителей, которое является необходимым в целях успешности выполнения возложенных на комиссию работ по узко-специальным вопросам каждого управления и отдела и в зависимости от размеров и широты поставленных им общих задач в Туркестанской республике.

2. Начальникам управлений и отделов в 3-х дневный срок представить списки лиц, назначенных представителями во фронтовую комиссию с приложением разработанной программы и инструкции для исполнения предстоящей, возлагаемой на представителей, работы.

Фронтовая комиссия должна представлять компактный аппарат по проведению в жизнь директив центральной власти, передаваемых через штаб Туркфронта.

Ввиду уже состоявшегося назначения от I армии аналогичной комиссии с теми же задачами, но в меньшем масштабе, и во избежание параллелизма, комиссии I армии работать в тесном контакте с фронтовой комиссией по директивам, даваемым членом РВС фронта.

Командующий Туркфронтом Ф р у н з е.

Телеграмма М. В. Фрунзе председателю Совобороны В. И. Ленину, копия — чрезвычайному Уполномоченному Совета Обороны по снабжению армии, 20 октября 1919 г. [1].

Поступили сведения о нахождении нефти и сланцев в районе Уральска. Для производства обследования, изысканий необходимо командирование в распоряжение фронта из Саратовского губсовнархоза инженера знакомого с районом. Ходатайство предгубсовнархоза Саратовского направлено. Просим содействия.

Ревоенсовет Туркфронта Ф р у н з е.

Приказ по Туркестанскому фронту, 23 октября 1919 г. [2].

Красная армия вступила в полосу, занимаемую слабыми народами: киргизами, узбеками и другими, доселе изнывавшими под тяжелой пятой российского империализма и самодержавия.

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 17, д. № 133, л. 21.
[2] ЦАКА, ф. 110, оп. 5, д. № 55, л. 134.

Красная армия, выполняя заветы, возложенные на нее мировой революцией и непосредственными интересами российской революции, является освободительницей всех малых народов Азии от векового гнета, в котором они жили до сих пор.

Каждый красноармеец, который не остановит своего товарища от каких-либо насилий и обид им учиняемых, является соучастником в деле уничтожения революции и является сознательным контрреволюционером.

Между тем, до сих пор в Реввоенсовет поступают жалобы на то, что отдельные красноармейцы и группы их, из состава проходящих через киргизские области частей, продолжают делать злое дело предательства интересов революции.

Из целого ряда докладов с мест видно, что у киргизского населения отбирается скот, подводы, производятся грабежи и совершаются даже убийства. Исходя из вышеизложенного Реввоенсовет приказал:

1. Всем начальникам и военкомам под их личной ответственностью иметь неослабное наблюдение за тем, чтобы никаких безобразий по отношению к киргизскому населению не учинялось.

2. Организовать в помощь военкомам под их председательством контрольные комиссии с привлечением в состав их представителей местного населения с возложением на них:

а) организации постоянных дежурств,
б) приема и рассмотрения жалоб,
в) производства расследований,
г) применения мер пресечения вплоть до ареста,
д) наблюдения за правильностью действий и расчетов хозяйственных организаций с местным населением.

3. Внимательно относиться ко всем жалобам местного населения, быстро и энергично производить расследование, подвергая безусловному аресту в порядке меры пресечения всех лиц, уличаемых в каких-либо обидах местному населению.

4. Объявить во всех частях и учреждениях, что всякий красноармеец, учиняющий какое-либо насилие, грабеж, незаконный захват подвод и т. п., будет рассматриваться как сознательный контрреволюционер, с которым будет поступлено по всей суровости революционного закона, вплоть до расстрела.

5. Политотделу I армии принять срочные и энергичные меры, как к популяризации и распространению среди красноармейцев и местного населения настоящего приказа, так и усилению агитационной работы в области ограждения местного населения от всяких насилий.

Командующий Туркфронтом М. Фрунзе.
Член Реввоенсовета В. Куйбышев.

Телеграмма В. И. Ленина М. Ф. Фрунзе, 2 ноября 1919 г.[1].

Борьба с уральскими казаками затягивается, не вижу чтоб принимались меры ликвидировать этот фронт поскорей, несмотря на то, что я от вас требовал все свое внимание сосредоточить на этом деле. Сообщаю, что противник усиливается, используя передышку, которую вы ему дали, стремясь закончить дело только примирением. Сообщите немедленно какие меры вы приняли, чтобы разбить противника.

Ленин.

---

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 1/с., л. 73: печатается по копии.

Телеграмма М. В. Фрунзе председателю Совнаркома В. И. Ленину, 2 ноября 1919 г.[1].

На Ваш № 156/ш. Передышки уральским казакам не давалось. Закончить дело только примирением никогда не думал, ибо всегда была ясна необходимость нанесения первоначально военного удара. Меры принятые к этому сводятся к сосредоточению на Уральском участке достаточных для этого сил. Ныне сосредоточение заканчивается и войска IV армии уже перешли в наступление. Задержка в перегруппировке объясняется:

1. Переброской значительной части сил на другие фронты,
2. Перевариванием нами массы военнопленных,
3. Тифозной эпидемией, уносящей ежедневно не менее тысячи людей.

От центра помощи получил очень немного. Армия страдает от крайнего недостатка патронов, винтовок, обмундирования и белья; были случаи когда части делались жертвой противника, вследствие отсутствия патронов. План отбросить казаков в пустынный район уверен удастся, но должен предупредить, что это, возможно, еще не будет обозначать ликвидации Уральского фронта, ибо поход по безлюдным степям вниз по Уралу связан с огромными трудностями, а сопротивление казачества поддерживается надеждой на деникинские успехи. Во всяком случае с нашей стороны делалось и делается все возможное в нашей обстановке.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Приказ по Туркестанскому фронту, 15 ноября 1919 г.[2].

14 ноября геройскими войсками Сибирского фронта взята столица Колчака г. Омск. Остатки колчаковских войск переходят на нашу сторону и сдаются в плен. Мобилизованное Колчаком сибирское казачество отказывается сражаться с нами и присылает делегацию для переговоров. Этим решен исход борьбы. Один из главных врагов рабоче-крестьянской России разгромлен. В Петроградском районе попытка второго кандидата на русский престол, царского генерала Юденича, овладеть с помощью англичан первой столицей революционной России кончилась позорным крахом. Разбитые в ряде боев остатки войск Юденича бегут к эстляндской границе, наши войска овладели Ямбургом. Остается третий и последний внутренний враг трудовой России — Деникин. Он опирается на помощь ослепленных донского, кубанского и уральского казачеств. Поддерживаемый англичанами и сбежавшими к нему десятками тысяч мародеров и хищников всякого рода, он продолжает сопротивляться установлению в России мира на основе победы трудящихся. Нет сомнения, что и последняя опора его в лице уральских и донских казаков скоро будет сломлена. Казачество этих районов прозреет и пойдет по пути оренбуржцев и Сибири. Впереди светлеет. Приближается долгожданный час победы трудовой революции. Поздравляем все войска Туркестанского фронта с этим радостным известием. Я требую и от вас последнего и решительного напряжения сил. Требую решительной ликвидации остатков банд противника, держащихся на участках Туркестанского фронта.

Да здравствует защитница прав трудового народа Рабоче-крестьян-

---

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 1/с., л. 72.
[2] ЦАКА, ф. 184, оп. 3, д. № 78, лл. 4—5.
[3] После разгрома Южной армии Колчака большинство оренбургских войсковых казачьих частей перешло на сторону Красной армии.

ская Красная армия! Да здравствует победа трудящихся! Да здравствует Российская Социалистическая Советская республика!

Настоящий приказ прочесть во всех частях, полках, ротах, батареях, эскадронах и командах.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе командарму IV, 7 декабря 1919 г.[1].

Категорически требую перехода вверенной нам армии в общее наступление не позднее 12 декабря. Вторая бригада Красных коммунаров передается в ваше распоряжение. Наступление крайне необходимо, ввиду особого постановления Совнаркома, имеющего быть принятым на днях в отношении уральского казачества. Возможно, что из Москвы непосредственно выеду лично в Уральск.

Командующий Туркфронтом М. Фрунзе.

Из речи М. В. Фрунзе в клубе Коммунистов г. Шуи 12 декабря 1919 г.[2].

В пятницу 12 декабря в 11½ час. дня, проезжая на фронт с Всероссийского съезда Советов, в Шую заехал тов. Фрунзе.

На станцию его вышли встречать все тт. коммунисты. Выстроившись в две шеренги на платформе, они отдали ему воинскую почесть.

Со станции т. Фрунзе проехал в клуб Коммунистов. Здесь еще с 10 часов утра собрались представители всех профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, члены Шуйского исполкома, члены группового объединения и ряд других представителей от различных организаций.

При входе т. Фрунзе в зал клуба Коммунистов, собравшимися был спет «Интернационал».

...Рассказав о том, как происходило наше продвижение в Сибирь, продвижение теперь близкое к своему завершению, тов. Фрунзе переходит к вопросу о мире и, указав на наше положение на других фронтах и на то, что мелкие государства стремятся к миру, тов. Фрунзе говорит:

«Красная армия делала и делает свое. Теперь дело за тылом. Тыл должен проявить максимум энергии, чтобы не замедлить хода революции. Путь к хлопку пробит; путь к нефти пробит; основная задача армии выполнена. А теперь мы должны залечить раны, нанесенные империалистической и настоящей войной. Теперь необходимо использовать все имеющиеся ресурсы. Необходимо срочно произвести заготовку дров. Мы переживаем недостаток топлива, и этот момент будет у нас решающим. Для того, чтобы закрепить завоевания революции, мы должны перебросить освобождающиеся армии с Туркестанского фронта на другие фронты, а это только возможно при поддержке тыла, который должен проявить максимум энергии для закрепления завоеваний революции.

Санитарное положение на фронте очень плохо или, как обыкновенно говорят, вываливается из рук вон. Попадающие к нам пленные в большинстве случаев раздеты, а под влиянием простуды они, почти все, заражены сыпняком. Приходя к нам, они заражают и наши войска и они тают и тают с каждым днем. Они уменьшаются не от пуль и голода, а от сыпняка. Эпидемия сыпняка далеко пробралась и в Россию. Она уже свирепствует в Поволжьи и, как мне передавали, имеется уже здесь. Нужно употребить все усилия, чтобы защищаться

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 44, л. 35.
[2] Газ. «Новый путь» (Шуя), №№ 246 и 247 от 14 и 16 декабря 1919 г.

от столь опасного врага. Меньше бюрократизма, меньше волокиты, но больше усилий, а там мы и в борьбе с этим врагом выйдем с честью.

Результатом всех наших побед на фронтах является начало мирных переговоров не только с мелкими государствами, но и с могущественной Антантой. Известно, что в настоящее время ведутся мирные переговоры в Юрьеве и в Копенгагене. Возможность вести переговоры явилась только теперь, когда мы разгромили контр-революцию. Антанта согласилась говорить о мире только тогда, когда она увидала, что задавить нас не может. 7-й Съезд Советов подтвердил еще раз, что советское правительство от намеченного пути не отступает. Советское правительство провозгласило, что оно дорого ценит кровь рабочих и крестьян, что оно не хочет вести войны и что оно в любой момент вступит в мирные переговоры, как вместе со всеми врагами, так и с каждым в отдельности. Обращение такое было сделано всем воюющим с нами государствами несколько раз, а теперь мы видим еще раз подтверждение того, что Советская Россия не желает войны. Мы теперь должны напрячь все силы, чтобы сокрушить внутренних врагов и исправить те недостатки, которые у нас имеются. Стремясь к миру, мы можем достигнуть его только путем усиленной революционной энергии. Прочного мира до тех пор, пока не будет свергнут капитализм везде, не добьемся, но продолжительной передышки мы добьемся.

Переходя далее к положению в странах Западной Европы и в других, тов. Фрунзе говорит, что революционное движение разрастается не только на западе Европы, но и в Азии, и в Африке, и заключает свою речь следующими словами:

Я уже говорил, что Петроград, Москва и Иваново-Вознесенск являются твердынями Советской республики. Усилия пролетариата этих городов даром не пропали; они увенчались успехом. Для того же, чтобы приблизить мир, пролетариату этих центров России придется еще много поработать не только над усилением Советского строя. Пролетариат этих центров должен оказать поддержку не только физическую, но и духовную. Роль же этих центров в революционном движении не будет забыта не только Россией, но и всем миром. (Громкие аплодисменты).

Из приказа по Туркестанскому фронту, 20 декабря 1919 г.[1].

Объявляю ниже сего резолюции по докладам моим в гг. Иваново-Вознесенске и Шуе.

«Заслушав доклад тов. Фрунзе о положении на фронте, пленарное заседание Шуйского уисполкома, комитета РКП, профсоюзов и фабрично-заводских комитетов приветствует героическую Красную армию в ее славной борьбе и шлет ей свой братский привет. Мы, оставшиеся здесь в глубоком тылу, укрепляя завоевания революции, строя мощный советский аппарат, обещаем фронту всяческую поддержку, как в смысле снабжения Красной армии, а также готовы в любой момент встать под ружье для защиты социалистического отечества...

Заслушав доклад т. Фрунзе о пополнении наиболее важного для нас Туркестанского фронта, снабжавшего хлопком наш красный район, собрание считает необходимым пополнение означенного фронта работниками красного района, а посему постановило: повести широкую агитацию по фабрикам и заводам о записи на означенный фронт; для чего поручает уездному комитету РКП и бюро профсоюза рассмотреть всех кандидатов, желающих отправиться как для работы на фронте, так и для работы в советских учреждениях, в смысле их пригодности».

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 5, д. № 66, лл. 46—47.

3. «Торжественное заседание Иваново-Вознесенского городского совета, представителей профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов и гарнизона 11 декабря сего года, заслушав доклад т. Фрунзе о внешнем и внутреннем положении Советской России, приветствует Фрунзе, как одного из талантливейших и самоотверженнейших руководителей нашей Красной армии, выдвинутых после Октябрьской революции рабоче-крестьянскими массами. Заседание с гордостью отмечает славные дни под Самарой, Белебеем, Уфой, Орском, Уральском, Красноводском, где под блестящим руководством тов. Фрунзе наши красные войска нанесли ряд неисправимых ударов белогвардейским армиям.

Заседание приветствует в лице т. Фрунзе нашу доблестную Красную армию, одерживающую победу за победой. В частности собрание просит передать привет Иваново-Вознесенскому 220 полку и всем мобилизованным иваново-вознесенским рабочим и крестьянам, находящимся в рядах Туркестанского фронта.

В сознании своего великого долга перед всемирной пролетарской революцией, и тех задач, которые выпали на долю пролетариата и трудового крестьянства России в деле строительства нового коммунистического общества, рабочие и крестьяне тыла пребудут крепкими и твердыми до конца, с неослабным рвением поддержат славную Красную армию в ее победоносном разгроме основ капитализма и империализма. Рабочие и крестьяне тыла твердо знают, что мир с Антантой всецело зависит от дальнейших успехов красного оружия. Рабочие и крестьяне не обольщают себя надеждами на миролюбие Антанты к советской России, зная, что к заключению дополнительного и прочного мира Советская Россия принудит своих врагов через окончательную победу над ними. Да здравствует полная победа пролетариата революции! Да здравствует Советская Россия! Да здравствует доблестная Красная армия! Да здравствуют ее вожди! Вечная память погибшим».

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма командармам I и IV, 30 декабря 1919 г.[1]

Наступление наших армий на гурьевском и красноводском направлениях развивается успешно. Противник разбитый в ряде боев отступает, теряя орудия, пулеметы и пленных. Дезорганизованные отдельные группы противника стремятся уйти на побережье Каспийского моря. Между Гурьевым и форт. Александровский уральцами спешно подготавливается для отхода береговой пункт. Морем усиленно эвакуируются остатки армейских запасов из Гурьева и Красноводска. Войскам фронта на означенных участках ставлю последнюю задачу окончательного очищения от противника северного и восточного побережья Каспийского моря, для чего приказываю:

Первое. Командарму IV, энергично продолжая ликвидацию мелких банд противника, застрявших в районе: озеро Джампыр-Куль — Кара-Тюба — Кезиль-Куга, перейти в решительное наступление на гурьевском направлении, широко использовав для преследования противника конницу, и не позднее 15 января н/года овладеть Гурьевым.

Второе. а) Врид. командарму I теперь же двинуть организованный, согласно данных ранее приказаний, экспедиционный отряд Оренбургского укрепленного района к побережью Каспийского моря и не позднее 15 января овладеть районом Жилая коса и устье реки Эмба, стремясь отрезать путь отхода уральцев. б) Командарму I Туркестан-

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 291, л. 1

ской энергично развивать наступление на Красноводск, выполняя поставленную ранее задачу.

Третье. Разграничительные линии прежние.

Четвертое. Наступление вести без всякой задержки.

Пятое. Вменяю в особую обязанность принять исключительные меры к сохранению нефтяных промыслов, не допуская уничтожения их противником.

Шестое. О получении приказа и отданных распоряжений срочно донести.

Командующий Туркфронтом М. Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе в Реввоенсовет I армии, копия — Реввоенсовет IV армии, 31 декабря 1919 г.[1].

Из отношения Алаш Орды[2] от 2 декабря видно, что так называемое алаш-ординское правительство считает себя равной с нами стороной и выдвигает соответствующие этому договорные условия. В дополнение к прежним директивам разъясняю:

1) Никакого алаш-ординского правительства мы не знаем и не признаем и в договорные соглашения с ним, как таковым, вступать не можем.

2) Вопрос о войсковых частях, немедленное использование которых мною разрешено по усмотрению командования армии, в окончательном виде и конечном счете будет решен командованием Российской Советской республики.

3) Правительство, как таковое, распускается.

4) Постановление об амнистии остается в полной силе.

5) Переговоры не тянуть.

6) Наилучшим разрешением вопроса является энергичное продвижение вперед наших частей, согласно моего приказа.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе председателю Совобороны В. И. Ленину, 5 января 1920 г.[3].

Уральский фронт ликвидирован. Сегодня на рассвете кавалерия N-ской армии, пройдя за три дня 150 верст, захватила последнюю вражескую базу Гурьев и далее до берегов Каспия. Подробности выясняются. В глубине киргизской степи между Уилом и Калмыковским взят в плен штакор Илецкого.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе в Реввоенсовет IV, 5 января 1920 г.[4].

Сердечно поздравляю геройские войска IV армии и их доблестное командование. Ни недочеты снабжения, ни ужасающие условия

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 44, л. 187.

[2] Контрреволюционное буржуазно-националистское «правительство» Алаш-Орды было сформировано в декабре 1917 г. Провозгласив «автономию» Казахстана, оно приступило к организации уездных и губернских комитетов партии Алаш на всей территории Казахстана, за исключением Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей, которые примкнули к Туркестанской Советской Социалистической Республике. «Правительство» Алаш-Орды опиралось на соединенные силы Колчака и иностранных интервентов. Ликвидация колчаковщины и изгнание интервентов Красной армией решило судьбу «правительства» Алаш-Орды и оно вынуждено было обратиться к тов. Фрунзе с предложением начать переговоры.

[3] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 5/с, л. 128.

[4] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 788, л. 36.

борьбы в пустынных и безводных местностях, ни страшные действия тифа, уносившего из наших рядов сотни и тысячи честных борцов не удержали их стремительного удара. Гурьев взят, и красное знамя смотрится в волны Каспийского моря. Полкам, первым вступившим в Гурьев, полкам и командованию славной 25 дивизии, всем частям и полкам IV армии и их доблестному командованию — ура!

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе председателю Совобороны В. И. Ленину, 10 января 1920 г.[1].

8 января нашей кавалерией заняты Доссорские промысла и Большая Ракушачья пристань. Промысла целы. Ракушачью пристань противник пытался поджечь, но огонь нашими частями потушен. По донесению начдива в Ракушечьей имеется около 12 миллионов пудов нефти. Электрическая станция совершенно цела. Для налаживания дела считаю необходимым немедленную посылку специального аппарата, о необходимости подготовки которого я докладывал две недели тому назад.

Фрунзе.

Приказ по Туркестанскому фронту, 19 января 1920 г.[2].

Совет Рабоче-крестьянской обороны своим постановлением от 24 декабря 1919 г. признал постройку линии Александров Гай — Эмба и перешивку на широкую колею линии Красный Кут — Александров Гай оперативной задачей и возложил ее проведение на войска Туркфронта, в частности IV армии.

Эмбинская дорога строится для вывоза многих миллионов пудов нефти, захваченной войсками IV армии в Эмбинском нефтяном районе, единственном теперь источнике, откуда Советская рабочая Россия может достать нефть, чтобы осветить свои жилища, пустить в ход свои остановившиеся фабрики и заводы и оживить движение на железных дорогах.

От вашей энергии, войска IV армии и Туркфронта, и от скорости с которой вы проведете Эмбинскую дорогу, зависит удовлетворение перечисленных наших потребностей.

Общее руководство работами по постройке железной дороги возложено на главного инженера с политическим комиссаром.

В развитие указаний, данных непосредственно командарму IV телеграммой предсовнаркома тов. Ленина за № 35[3] приказываю:

I. Ревсовету IV.

1) Немедленно установить контакт с инженером и путем личных переговоров выяснить главнейшие условия построек и распределение рабочих сил.

2) Для успешности проведения всех мероприятий по постройке дороги Реввоенсовету IV подчиняются все местные и военные гражданские организации в области связанной с выполнением настоящего приказа.

---

[1] ЦАКА, ф. 4, оп. 2, д. № 447, ч. I, л. 45.

[2] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 36, лл. 9—10.

[3] В телеграмме № 35 на имя командующего Туркфронтом и командарма IV В. И. Ленин давал практические указания по постройке жел. дорожной линии Александров Гай — Эмба и перешивке на широкую колею линии Красный Кут — Александров Гай (ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 36, л. 3).

3) Назначить в распоряжение управления Уральско-илецкой железной дороги 500 чел. для разборки и погрузки рельс, скреплений и строительного материала; 1000 человек — в Красный Кут для перегрузки с широкой на узкоколейную железную дорогу всяких строительных материалов по 150 человек — в распоряжение управления Рязано-уральской железной дороги в Уральск, Урбах и Ершов.

4) Приказать ново-узенскому и александров-гайскому военкомам подготовить отряд 600 человек в Ново-Узенске, снабженный всем необходимым, для борьбы со снегом.

5) Приказать ревкомам станиц и селений, где требуется устройство баз, складов и жилых помещений, отводить соответственные помещения. Выяснить пункты устройства баз и жилых помещений, необходимых к началу весенних работ и требуемую для этого помощь от центра.

6) Обеспечить надежной воинской охраной строительные участки и дистанции Александров Гай — Эмба в местах по указанию строителя дороги.

7) Командировать специальные отряды достаточной силы для охраны всех нефтяных вышек, зданий, нефтепроводов, пристаней и запасов нефти на нефтяных промыслах в Эмбинском районе, не ожидая указаний ВСНХ

8) Теперь же приступить к постройке полевого телеграфа, телефона вдоль всей линии Александров Гай — Эмба. Выяснить какие технические средства могут быть выделены армией для постройки их и какая помощь должна быть дана от центра.

9) Сократить воинское движение до возможно-малых размеров на ветке Красный Кут — Александров Гай, для успешности работ по перевозу большого количества материалов ввиду малой провозной способности ветки.

10) Произвести в случае необходимости для пополнения числа рабочих мобилизацию, причем все мобилизованные должны быть сведены в военные организации.

II. Начупраформу[1].

Подготовить военно-рабочие команды, общею численностью в 600 человек для передачи в распоряжение Самаро-златоустовской железной дороги экстренных работ по разборке линии Самара — Кинель и отправке материала на Эмбинскую линию.

III. Начсанпру[2].

Принять должные меры по организации санитарной части в формируемых частях и военно-рабочих командах, предназначенных для указанных выше работ.

IV. Начавтоуправтурк[3].

Выяснить какое количество автомобилей может быть выделено из автосредств IV армии и Туркфронта, учтя наличие машин в местных организациях, считая общую потребность в 50 грузовых и 20 легковых автомобилей.

V. Относительно времени высылки частей и отрядов, снабжения, расквартирования и распоряжения ими руководствоваться следующим.

1) Командирование производить в срок и пункты указанные КПС или управлениями соответствующих дорог.

---

[1] Начальник Управления формирований.
[2] Начальник Санитарного управления.
[3] Начальник авто-управления Туркфронта.

2) Все рабочие, не исключая и мобилизованных, должны быть одеты в теплую одежду и обувь, снабжены палатками, походными кухнями, кипятильниками и снабжаться продовольствием в размере полного воинского пайка. Соответственным начальникам озаботиться своевременным снабжением команд всем необходимым. Недостающее требовать.

3) Для размещения воинских команд представляются все помещения по линии и на станциях или в соседних со станциями поселениях. В крайнем случае команды размещать бивуачным порядком. Помещения занятые железнодорожными и построечными служащими и их семьями не подлежат уплотнению и реквизиции без согласия подлежащих органов железнодорожной администрации.

4) Рабочая воинская сила впредь до особого указания должна находиться в распоряжении администрации постройки дороги по принадлежности и выполнять работы под руководством и указанием строителя, оставаясь в дисциплинарном и командном отношениях в распоряжении своих прямых начальников.

5) Все рабочие воинские части и команды сохраняют во время работ свои строевые организации.

6) Командному составу всех степеней вменяется в обязанность быть не только узко строевым, но и нести ответственность за успешное выполнение работ.

7) Построечная железнодорожная администрация имеет право по мере надобности перемещать воинские команды в пункты не предусмотренные настоящим приказом, уведомляя об этом соответствующее командование.

VI. Эмбинская железная дорога имеет исключительное значение для Советской республики. Рабоче-крестьянская власть ждет скорого начала и срочного выполнения работ. Все организации должны сознать всю важность успеха этого дела и проявить в полной мере революционную энергию. Взаимные междуведомственные трения и волокита — должны быть решительно устранены. Все действия, тормозящие успешность работы, будут рассматриваться как измена Советской республике, а виновные — подвергнуты высшей мере наказания.

Командующий фронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе Туркестанскому ЦИК'у (8—9 января 1920 г.) [1].

Предлагаю неделю фронта [2] в Туркестане проводить с 5 февраля. К этому времени прибудут политотделы фронта и 1 армии. Я с полевым штабом из Самары выезжаю 20 января.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Из разговора по прямому проводу М. В. Фрунзе с В. В. Куйбышевым (Самара — Ташкент), 21 января 1920 г. [3].

[Куйбышев].— Наконец то мы добились связи с вами, сможем выслушать ваши упреки и уверены, что оправдаемся. Наиболее важный вопрос, который мы хотели поднять — это присылка живой силы вместо учреждений и чиновников. Здесь их и без того достаточно. Вы приблизительно знаете политическую атмосферу Туркестана и

---

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 290, л. 28.

[2] «Неделя фронта» — мероприятие по мобилизации тыла в помощь фронту — в виду нараставших военных событий (борьба с басмачеством) и подготовляемой в связи с этим мобилизацией мусульманского населения Туркестана, приобретала исключительное значение.

[3] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 62, лл. 52—53.

наше здесь положение и потому поймете, что присылка одних учреждений, создающих пока квартирный и другие кризисы, вредно отражается на нашей работе. Переформирование Туркармии совершенно необходимо, смена гарнизона; все это задерживается, благодаря отсутствию центральных войск. Мы просим вас о скорейшем направлении сюда 1 Татарского полка, который почему то задерживается в Акбулаке, и с такой же экстренностью нам необходим клементьевский отряд, затем скорей направить сюда бригаду 24, подтянуть желдор[1] полки 3 кавдивизии и Башкирской бригады и остающийся 3 Татарский полк...

Второе — о вашем приезде. Необходимо как можно ускорить его. Это наиболее важные для нас вопросы, потом зададим еще.

[Ф р у н з е].— Здравствуйте товарищи! Ругать вас не собираюсь, все равно не поможет; относительно скорейшей подачи войск должные меры приняты. В первую очередь идет бригада 24 дивизии затем кавбригада 3 дивизии и 1 бригада Красных коммунистов. Если вы это находите нужным, то я смогу поставить на первое место татарские полки 1 бригады, хотя сам думаю, что это не надо. Фронтовой отряд находится в периоде отправки; предупреждаю, что при той провозоспособности, которая до сих пор проявлялась линией Ташкент — Эмба дело с перевозкой затянется очень надолго. Я сам выезжаю 25-го и с собой захватываю два эшелона снабжения и Оперативное управление. После моего отъезда приказал прекратить всякую отправку учреждений как I армии так и фронта впредь до особого приказания из Ташкента. Тот факт, что до сих пор, к сожалению, мы слишком усердствовали в отношении служащих, в ущерб перевозке частей, объясняется, главным образом, ташкентской информацией. Наконец вам надо принять к сведению, что на все перевозки в Ташкент нам дано только 15 эшелонов в месяц; при таких условиях ясное дело не переберемся и до осени. Правда, эта норма до сих пор на деле не сказывалась, ибо фактически Туркпуть больше этого количества и не принимал, но если у вас есть надежда на улучшение перевозок на участке Ташкент — Эмба, то необходимо вам из Ташкента бомбардировать центр, с указанием на положение дел и с требованием предоставить хотя полтора эшелона в день. Дело с перевозками на нашем участке мы сможем улучшить, но нам категорически запрещена подача топлива за Актюбинск. Со своей стороны я буду настаивать перед центром о предоставлении нам более широких возможностей в смысле переброски. Примите меры к спешному проталкиванию тех эшелонов, которые стоят на колесах, хотя они в большинстве с несчастиями. Разгружать их не возможно, да и потребность в них у вас есть для политтипографии, Особого отдела, тяжелой артиллерии и проч.

Я мог бы выехать еще раньше, ибо все боевые задачи на Уральском фронте завершены, но Туркфронту дано новое задание мирного порядка, а именно постройка в спешном порядке (как оперативное задание) линии Александров Гай — Эмба. Это обстоятельство вынудило меня задержаться еще на некоторое время, согласно указания центра. В каком положении дело с Красноводском? Вы так протрубили про свои успехи там, что всюду создали уверенность что Красноводск уже как бы взят; неподвижность там у всех порождает недоумение. Когда начинается неделя фронта в Туркестане? Я бы хотел поспеть к ней.

[К у й б ы ш е в].— Михаил Васильевич, мне кажется, что у вас несколько неверное представление о положении участка Эмба — Ташкент; все приезжающие говорят, что они попадают в рай, доехав до Эмбы...

---

[1] Так в подлиннике.

Все дело в участке Эмба — Актюбинск, за который мы не ответственны, в силу известных вам распоряжений Маркова, так что следовало бы принять меры к продвижению эшелонов на этом участке. Мы сможем принять и не было случая, чтобы эшелон задерживался на Эмбе.

Относительно красноводского направления,— это задержка снабженческая. Противник боронит железнодорожный путь и приходится идти по пустыне, неся с собой фураж, воду и продовольствие. Была большая задержка с фуражем для огромного обоза и транспорта. Теперь она устраняется. Теперь возникло новое препятствие: противник обстреливает наши эшелоны дальнобойной артиллерией с судов, уже сожжен один бронепоезд. Операции не приостановились, но были бы более легкими при наличии тяжелой дальнобойной артиллерии, которую мы с нетерпением ждем. Если возможно, то направьте в первую очередь Татарский полк из Акбулак, это дало бы нам возможность сменить 13 кавполк в Фергане.

Неделя фронта в Туркестане началась сегодня; к сожалению, ее по техническим условиям нельзя было отложить после получения ваших телеграмм. О какой ташкентской информации вы говорите?

[Фрунзе].— Очень жалею, что поторопились с неделей фронта, я посылал вам телеграммы по радио с просьбой отложить. 1-й Татарский полк в первую очередь послать можно...

Помимо той телеграммы, о которой говорилось, будет очень нелишне дать телеграмму в Реввоенсовет республики, копия Ленину, с указанием на крайнюю необходимость спешной переброски в Туркестан частей. Настроение в центре таково, что туркестанские интересы отодвинуты на задний план. Следует несколько нажать в отношении подачи топлива на участке Эмба — Актюбинск. Прошу не ограничиваться надеждой на нас; что можно, то сделаем, но этого будет недостаточно. Все.

[Куйбышев].— Хорошо. Телеграмму в центр об общем положении пошлем, примем все меры помочь вам на участке Эмба — Актюбинск... Торопитесь ехать, не задерживайтесь в пути. Есть масса политических, дипломатических и военных вопросов крайне острых и спешных, которые мы бы хотели решить вместе с вами. До свиданья.

Приказ по Туркестанскому фронту, 24 января 1920 г.[1].

Красные бойцы Уральского и Оренбургского фронтов!

Ваша прямая боевая задача блестяще выполнена. Враг разбит, фронты ликвидированы.

Дорого нам досталась славная победа. Многих из нас вражьи пули вырвали навсегда из боевых рядов; другие были изранены, остались калеками, заплатив кровью за свободу и землю.

Враг был упорен. Издыхая, он напрягал остатки своих сил, выявил все знания и богатства, чтобы уничтожить ненавистную ему власть рабочих и крестьян,— тех рабочих и крестьян, которые были рабами капитала, за счет труда и нищеты которых пухли, росли кошельки других, наполнялись сундуки банкиров, велась сытая, роскошная и развратная жизнь тунеядцев.

Но эти знания и богатства оказались ничтожеством перед объединенными в мощную Красную армию рабочими и «мужиками».

Объединенностью своей трудящиеся разбили оковы рабства, общими объединенными силами сокрушили всех ставленников буржуазии, капиталистов и помещиков, бывших царских генералов, объединенной массой своей подавили добрую половину контрреволюции, доказали.

[1] ЦАКА ф. 110, оп. 1, д. № 36, лл. 7—8.

что объединение масс — высшая сила, перед которой не устоит никакая другая.

До настоящего времени объединенные трудящиеся прошли и выполнили два этапа.

Первый — разбили аппарат буржуазно-капиталистического угнетения — самодержавие с его варварски построенной армией.

Второй — разбили и окончательно уничтожают белогвардейщину, капиталистов и помещиков, чтобы сохранить в своих руках устройство своей жизни.

Теперь трудящимся предстоит выполнить третью, последнюю, но и самую важную задачу — устроить жизнь, наладить расстроенное хозяйство, поднять экономическое состояние страны.

Сплоченная Красная армия с ее опытом, средствами и силами в этой созидательной работе должна сыграть огромную роль.

Ныне еще не настал момент прекращения вооруженной борьбы, момент разоружения. Враг еще напрягает усилия сломить волю трудящихся. Поэтому Красная армия продолжает оставаться под ружьем, довершая свои боевые задачи. Но наряду с этим уже и теперь создается возможность использовать часть ее силы и средств на дело мирного строительства.

Совет обороны республики уже постановил — 3-ю рабоче-крестьянскую армию переобразовать в 1 революционную армию труда[1]. Она выполнила свою боевую задачу, но остается под штыками, т. к. окончательное уничтожение врага на всех фронтах еще не закончено.

Главной задачей 1 Революционной Армии Труда является планомерный сбор избытков хлеба, мяса, жиров, фуража в районе расположения, рубка и распилка леса, подвоз его к заводам и железнодорожным станциям, ремонт сельско-хозяйственных орудий и т. д.

В армии Труда работа должна производиться по военному — быстро, твердо, решительно, дисциплина не должна быть поколеблена ни на волосок. Дезертир в труде также бесчестен, как и дезертир в бою.

Такие же трудовые перспективы предстоят и войскам Уральской и Оренбургской областей.

Здесь тоже прямые боевые задачи закончены, остается только сторожевая охранная служба; здесь тоже нужно быть под штыком, а сверх того — нужно укреплять Советскую власть в этих областях, не давать различным шайкам грабить и насиловать мирное население.

В предстоящих трудовых процессах большинство задач I Революционной Армии Труда являются задачами и для войск Уральской и Оренбургской областей.

Но сверх того предстоят здачи:

1) По постройке железнодорожного пути с Александрова Гая на Эмбу в район нефтяных источников.

2) С наступлением весны засеять хлебом максимальную площадь земли, которой так много в уральских и оренбургских степях и которая так плодородна.

3) Произвести сбор всякого рода сырья — кожи, шерсти и пр. для дальнейшей обработки.

4) Помогать населению в восстановлении разрушенных хозяйств, сожженных станиц и пр.

5) Производить погрузку и ссыпку хлеба, перевозку нефти для остановившейся промышленности центральной России и пр.

---

[1] Постановление Совета Рабочей и Крестьянской Обороны о первой Революционной Армии Труда от 15 января 1920 г. (Собр. Узак. и расп. Раб.-Кр. правительства, № 3, ст. 15).

6) Задачи широкие, задачи срочные. Выполнив их, мы дадим трудящимся необходимые предметы обихода и заткнем рот всей своре зловредных шептунов, играющих на темноте народной и разрухе от бывшей империалистической бойни.

Буржуазно-капиталистические заправилы и короли считали рабочих и крестьян неспособными справиться с делом управления собой, с делом управления хозяйством; злорадно самонадеянно ждали они торжества своих происков, надеясь на народную темноту.

Но рабочие и крестьяне со своей властью не погибли. Они объединенные в Красную армию разбили своих врагов и палачей.

Объединенными же в могучую Красную армию со штыками наготове возьмутся они и за выполнение последней задачи — задачи мирного гражданского строительства.

Уральские и оренбургские красные бойцы, также дружно, как в боевой цепи, возьмемся за новые задачи!

Нашей работой, полной революционной энергии и пыла, покажем миру врагов и колеблющихся полудрузей образцы творческой созидательной деятельности.

Рядовой, комиссар, командир, стоя как прежде на страже интересов угнетенных, должны выполнять свой долг.

Будем работу начинать и кончать под звуки социалистических гимнов и песен, ибо работа эта не рабский труд, а высокое служение социалистическому отечеству!

Вперед же на создание основ мира свободы, братства и равенства!

Да здравствует победа трудящихся!

Да здравствует Красная армия!

Командующий фронтом Фрунзе.
Зав. Политотделом фронта Фурманов.

Из Телеграммы М. В. Фрунзе председателю Совнаркома В. И. Ленину и Ц. К. партии коммунистов, 1 февраля 1920 г.[1].

Вчера в Оренбурге Реввоенсоветом фронта проведено совещание в связи с вопросом об использовании сил и средств I армии и укрепленных районов для общехозяйственных целей. В Совещании участвовали все ответственные работники армии, укрепленных районов Оренбургского и Актюбинского, Оренбургского губисполкома, Кирревкома и оренбургский представитель Башревкома. Единогласно постановлено создать при Реввоенсовете I армии Экономический совет с введением в него по два представителя от Башревкома, Кирревкома и Оренбургского исполкома. 3 февраля Совет должен сконструироваться и приступить к работам. Одним из важнейших условий плодотворного выполнения им своей задачи является активное участие в нем Башревкома...[2]. Представляется крайне желательным:

1. Командировать в Оренбург хотя одного крупного работника с хозяйственным опытом и политическим весом для руководящей роли в Экономическом Совете 2...[2]. Результаты выборов на казачий съезд от Оренбургского войска вполне благоприятны. Завтра или послезавтра выезжает на съезд делегация в составе ста человек во главе с врид. командармом I...[2]. Сегодня выезжаем на Ташкент. Условия движения поездов невозможные, часты крушения.

Фрунзе.

---

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 36, лл. 21—22.
[2] Далее шифром — неразборчиво.

Приказ по Туркестанскому фронту, 7 мая 1920 г.[1].

Для создания условий, обеспечивающих выполнение красными армиями Туркестанского фронта лежащих на них задач военного и экономического порядка, а также в видах уравнения местного коренного населения в деле защиты социалистического отечества с пришлым европейским населением, Революционный военный совет и Туркестанский Центральный исполнительный комитет приказывает:

1) Призвать в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии 30 тысяч туземцев — мусульман Туркестанского края призывного возраста от 19 до 35 лет включительно[2].

2) Призыв осуществить в три очереди, в зависимости от количества, потребного для пополнения формируемых и действующих частей.

3) Число призываемых распределить строго пропорционально плотности населения, предоставив право исполнения наряда самому населению через местные органы управления (кишлачные, аульные советы и другие равнозначущие им органы).

4) Ответственность за неисполнение наряда возлагается на сельские, аульные и кишлачные советы и заменяющие их органы.

На эти же органы возлагается ответственность за постановку новобранцев в отношении их моральной и политической благонадежности.

5) Политотделу Туркфронта, а также всем ревкомам, исполкомам и пр. принять самые серьезные меры к широкой агитации среди населения о предстоящем призыве и задачах, возлагаемых на призываемых.

6) Начальнику снабжения Туркфронта принять меры к обеспечению призываемых обмундированием и продовольствием, а начальнику военных сообщений — к своевременной перевозке призываемых.

7) Комиссару труда и социального обеспечения выработать особое положение по обеспечению семей призываемых.

8) Установление сроков призыва, распределение числа подлежащих призыву по областям, уездам и волостям — возложить на упраформ Туркфронта.

9) Все расходы по организации настоящего призыва отнести на соответствующие сметы.

Командующий Туркестанским фронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе начальнику Политуправления Туркфронта, 23 мая 1920 г.[3].

Басмачное движение, которое возобновилось в Фергане, требует максимального напряжения политической работы среди населения, параллельно с военными мероприятиями. Необходимо ускорить присылку формирующегося поезда Политупра, включив в число работ-

---

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 5, д. № 424, л. 12.

[2] В дореволюционное время, по законам царской России от воинской повинности было, по политическим соображениям, освобождено все население Туркестанского края. При этом в отношении Туркестанского края было указано, что от воинской повинности освобождается не только «инородческое» население, но, по причинам «недостаточной еще ассимиляции и культурности»,— и русские переселенцы. Последним эта льгота предоставлялась для усиления колонизации края русскими. Взамен личной воинской повинности для указанных категорий лиц, по примеру других государств, предполагалось введение закона о военном налоге. (См. «Комплектование и устройство вооруженной силы». Составил А. Редигер, ч. I, С.-Петербург, 1913 г., стр. 141, 146, 196, 240.)

[3] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 106, лл. 271—272.

ников лекторов из мусульман для агитационно-организационных курсов, открываемых для коренного населения, где будут слушать курсанты, собранные по несколько человек из волостей, которые должны стать за малый промежуток времени проводителями идей советской власти среди кишлачного населения, работников из мусульман по издательскому делу для постановки мусульманской газеты Обревкома.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

К мусульманскому населению Ферганской области [1].

Товарищи-мусульмане! К вам, жителям городов и аулов разоренной, залитой кровью Ферганы обращаемся мы, представители советской власти, с нашим словом.

Братья! Два с лишним года льется кровь по всей Фергане; два с лишним года измученное население области не знает отдыха и не может спокойно трудиться; два с лишним года шайки басмачей терроризуют мирных жителей, угоняя их скот, забирая жен и сыновей, лишая последнего достояния.

В результате их грабительских подвигов все население стонет, поля необработаны, ибо их нечем было пахать, отцы и матери оплакивают тысячи погибших детей, все хозяйство прежде цветущего и богатого края на краю полного уничтожения.

Чем же объясняется столь долгое хозяйничанье басмаческих шаек? Почему народ, объединившись около советской власти, могучим усилием воли своей до сих пор не сбросил с шеи грабителей?

К сожалению надо признать, что большая доля вины за это ложится на самую власть Ферганы. Надо признать, что первые представители и организаторы советской власти в Фергане не оказались на высоте своего положения и вместо сплочения трудящихся масс оттолкнули их от себя. В ряды советской власти проникло тогда много элементов, не имевших ничего общего с революцией и интересами бедноты, элементов, которые вместо служения народу занимались набиванием собственных карманов путем насилий над населением.

Деятельность же прежних советских отрядов, не имевших понятия об истинном долге воинов Рабоче-Крестьянской Красной армии, позволявших бесчинства и грабежи, еще более убивали в народе веру в советскую власть.

Это дало повод врагам трудового народа говорить, что советская власть не друг его, что она сама притесняет бедноту. И на этой почве мелкие разбойничьи шайки стали пополняться притоком новых сил, искавших здесь защиты от несправедливости власти. На этой почве среди населения сложился взгляд на басмачество как на средство защиты от власти. Вот, что дало ему силу, сделало способным слишком два года терзать страну [2].

---

[1] ЦАКА, д. № 163—923, лл. 167—169. Заголовок документа печатается по копии. Перед заголовком надпись: «Передать в Политотдел Туркфронта приказанием РВС. Перевести на тюркский язык и отпечатать в 20 тысячах экземплярах, из коих 12 тысяч выслать с нарочным в поезд комфронта по месту нахождения, а 8 тысяч распределить по плану Политотдела. 24 мая 1920 г. Старший адъютант» — (подпись).

[2] «...В Туркестане, отрезанном в продолжение почти двух лет от Советской России, со стороны руководящих русских работников были допущены грубые извращения в проведении национальной политики, являвшейся по существу продолжением политики колонизаторства, усиленно проводившейся царским правительством. По прибытии в Туркестан М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев повели самую решительную борьбу с врагами ленинско-сталинской национальной политики.

Но вот, с восстановлением связи с Центральной Россией в политике советской власти в Туркестане наступает резкий перелом. Все негодяи, грабители, примазавшиеся к революционной власти для достижения своих личных целей, изгоняются из ее рядов. Начинается привлечение к власти широких кругов мусульманского населения города и кишлака. Устанавливается полное равноправие всех национальностей. Прекращаются все безобразия отдельных представителей власти. В войсках создается с прибытием свежих сил из центра порядок и дисциплина.

Все это открыло глаза мусульманской бедноте на истинную сущность советской власти. Показало ей, что только под флагом советской власти трудящиеся города и деревни смогут зажить хорошо. Стало понимать это и мусульманство Ферганы, прозрело и отшатнулось от басмачества. Чувствуя, что народ отошел от них, наиболее чуткие вожди басмачей сами пошли навстречу его пожеланиям, и признали советскую власть. Только меньшая часть, наиболее развращенная раздольно-разбойничьей жизнью, наживавшая себе капитал на народной нищете не пошла этим путем.

К весне текущего года казалось, что басмачество кончилось, что наступило, наконец, время мирного труда и спокойствия. К сожалению, это только казалось. Многие из басмачей, перешедших на советскую сторону, увидев, что грабить им больше не дают, что им приходится жить, как и всем остальным, заколебались в своей верности власти. Не могли они отказаться от права жить праздно и привольно на шее народа и вновь изменили своей клятве верности, вновь пошли в ряды закоренелых разбойников Куршемата и Хал-Ходжи. И вот вместо мира и спокойствия в Фергане вновь пролилась кровь.

С этим пора кончить! Пора каленым железом выжечь язву басмачества. Пора железной метлой вымести из края всех грабителей и бандитов. Отныне с басмачеством, как явным бичем народа, будет вестись беспощадная борьба. Это твердое решение советской власти, и мне, как командующему Туркестанским фронтом, приказано выполнить его в кратчайший срок.

Во исполнение этого мной направлены в Ферганскую область сильные подкрепления. Их задача, не давая врагу ни минуты покоя, истреблять и гнать его из пределов области. В выполнении этой задачи я ожидаю помощи и содействия всего измученного мусульманского народа. Пусть знает народ, что Красная армия не враг, а друг и защитник его. Пусть будет ведомо всем, что ни один красноармеец, ни одна воинская часть не смеет пальцем тронуть мирного дехкана. Пусть знают, что войска не смеют брать даром никакого имущества мирных жителей и, наоборот, должны оказывать им братскую помощь. За все, что поставляет для нужд армии население, ему должно оплачиваться деньгами. В крайних случаях, когда нет возможности немедленно расплатиться деньгами, взамен этого выдается расписка с печатью воинской части, по которой все взятое будет оплачено сполна.

Так приказано действовать войскам и я ожидаю, что не услышу слез и жалоб тех кишлаков и аулов, через которые будут проходить войска Красной армии. Если же где-нибудь будет иначе, если где-нибудь будет причинена малейшая обида мирным жителям, то об этом необходимо сейчас же довести до сведения ближайшего военного начальства. Для всех таких хулиганов и насильников у советской власти ответ один: пуля в лоб.

В свою очередь, и к вам, братья дехканы, советская власть обращается с требованием. Вы должны прийти как один человек на помощь власти по искоренению басмачества. Должны принимать все меры к скорейшему уничтожению разбойничьих шаек. В каждой во-

лости, в каждом кишлаке надо немедленно разоружить и арестовать всех басмачей или их пособников. Надо выловить всех их шпионов. Всякий, кто будет изобличен в каком бы то ни было содействии басмачам, будет беспощадно расстрелян. Из всякого кишлака, который будет доставлять басмачам продовольствие, будет их укрывать или оказывать какую-либо другую помощь, будут взяты заложники и тоже расстреляны. Пока существует басмачество, пока существуют грабежи и насилия, других слов с насильниками у советской власти отныне не будет. Она слишком долго терпела бесчинства, она дала милость и прощение всем, кто раскается и возьмется за мирный труд. Ныне чаша терпения иссякла и с басмачами будет беспощадно покончено вооруженной рукой.

Скорей же, братья дехканы, подымайтесь на борьбу с язвой местной жизни — басмачеством. Скорей собирайтесь в дружную братскую семью под красным знаменем советской власти.

Да здравствует советская власть!

Да здравствует мусульманская беднота Ферганы и всего Туркестана!

Да здравствует Рабоче-крестьянская Красная армия, защитница трудового народа!

Смерть врагам народа — разбойникам и грабителям!

Настоящий приказ огласить всему населению и расклеить по всем кишлакам, аулам и городам.

Командующий войсками Туркестанского фронта
Михаил Фрунзе-Михайлов.

Телеграмма В. И. Ленина в Ташкент М. В. Фрунзе, [24—25] мая 1920 г.[1].

Вторично на № 285 от 5 мая 1920 г.

Немедленно в самом срочном порядке скомплектуйте два маршрутных поезда, на половину груженных нефтью, на половину бензином, и отправьте в Москву. Примите энергичные меры к срочному отправлению поездов со своей охраной и внеочередному движению в Москву. Исполнение телеграфируйте. Сообщите, как дела с нефтью вообще.

Предсовнаркома Ленин.

Телеграмма М. В. Фрунзе председателю Совобороны В. И. Ленину, 25 мая 1920 г.[2].

На ваш запрос о положении с нефтью докладываю:

В Красноводск прибывает и до сих пор ежедневно, в среднем 45 000 пудов нефти и приблизительно 5 000 других нефтяных продуктов (смазочных масел, керосина, мазута и проч.).

В связи с захватом нами добровольческого флота, подача несомненно может быть сильно увеличена. Приемники нефти в Красноводске и других городах по линии оборудованы. Главным препятствием к перевозке нефти из Красноводска являются: 1) недостаток цистерн, 2) паровозов. Цистерны затребованы с Самаро-Златоустовской дороги, паровозы же приходится ремонтировать собственными силами. С подчинением фронту дорог дисциплина труда на них определенно поднялась.

Дальнейшее поднятие производительности тормозится плохой постановкой снабжения рабочих. Фронт в этом отношении бессилен и не

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 6/с., л. 26. Печатается по копии.
[2] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 304, л. 63.

справляется со снабжением войсковых частей. Виной этому полное отсутствие продработы и самих продорганов в Туркестане. В настоящее время ожидаю улучшения в этом отношении, в связи с приступом к означенной работе в Туркестане продовольственной организации фронта.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе Ташкентскому отделу топлива, начальнику дороги, 25 мая 1920 г.[1].

Согласно личного распоряжения тов. Ленина[2] немедленно скомплектуйте два маршрутных поезда, наполовину груженных нефтью, наполовину бензином. В случае недостаточного количества бензина, затребуйте спешно экстренной его подачи из Баку. Во всяком случае отправьте все наличное количество, имеющееся в запасе. Начдорог за его личной ответственностью принять самые энергичные меры к скорейшему внеочередному продвижению маршрутов в Москву. С маршрутами отправить нужную охрану.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе командарму I, 28 мая 1920 г.[3].

Столько времени выслеживаемый и наблюдаемый отряд ген. Толстого в ночь с 23 на 24 мая преспокойно перешел железную дорогу у станции Узунсу, причем проскользнула не мелкая партия, а 250 человек с пулеметами при 300 верблюдах. И этот переход был обнаружен сутки спустя. Все внимание разведки было отвлечено другим отрядом, у станции Искандер. Таким образом, долго подготовляемая операция окончилась полным провалом, несмотря на то, что имелась полная возможность организовать тщательную разведку за отрядом при помощи киргизов и туркмен. Повидимому, все принимаемые меры носили бессистемный, печальный характер, и если охрана была поручена кавалеристам вроде разведчиков Первого кавполка, занимавшихся больше грабежом, а потому удирающих от наказания в Персию, то конечно других результатов нельзя было ожидать. Подобное явление считаю безобразием. Эти явления указывают на отсутствие достаточно твердого руководства со стороны командования армии и комсостава, полную его пассивность и преступное отношение к своим обязанностям, а также видимо слабую постановку политработы. Приказываю немедленно донести как была организована поимка отрядов ген. Толстого и выяснить непосредственных виновников преступной оплошности, немедленно устранить все отмеченные мною недочеты управления частями.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе в Фергану начдиву 2 Туркестанской и всем уездвоенкомам, 28 мая 1920 г.[4].

Приказ войскам ферганского фронта.

Для полного искоренения басмачества в Фергане необходимо напряжение всех сил области. Против главных групп басмачей в районах Алайской долины, Ур-Тамашау, Караул направить полевые войска. В различных углах области еще гнездятся отдельные мелкие шайки,

---

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 304, л. 52.
[2] См. выше, стр. 65.
[3] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 726. л. 29.
[4] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 304, лл. 2—3.

нарушающие мирную жизнь населения. Необходимо уничтожить эти шайки, где бы они не находились. Пусть даже слово «басмач» исчезнет с языка жителей Ферганы. Само население должно уничтожить гнусную язву, отравляющую свободный труд крестьянина и рабочего. Приказываю:

Первое. Полевые войска применять исключительно для активных операций против значительных групп противника, действуя ими смело и решительно, не давая врагу покоя и возможности собираться вновь. Для действий же против отдельных шаек, кроме полевых войск, использовать все местные силы, для чего всю Ферганскую область разделить на районы, применительно к уездным границам, а районы на участки.

Второе. Расположением уездных военных комиссаров во всех городах и больших кишлаках, в сфере действий и передвижения басмачей, в кратчайший срок из членов партии, советских служащих и членов профессиональных союзов организовать особые части, на которые возложить охрану указанных пунктов. Формирующиеся части в кратчайший срок подготовить к боевой работе, в общей же организации и обучении руководствоваться положением о всеобщем военном обучении. Оружием снабжать из запасов военных комиссариатов, в случае недостатков — из дивизии и местных полевых частей. Всему выданному оружию вести строгий учет, причем оно не должно храниться на руках, а выдаваться в минуты действительной необходимости. Для обмундирования призываемых на охрану в распоряжение областного военного комиссара отпускается из снабжения фронта до 1000 комплектов обмундирования (на все районы вместе). Часть зачисленных в отряды всеобщего военного обучения, может быть переведена на казарменное положение, в количестве по усмотрению начальников районов, с соответствующим зачислением на войсковой паек.

Третье. Все указанные части в оперативном отношении подчиняются старшему из войсковых начальников районов и участков, эти начальники являются ответственными за весь свой район, участок. Начдиву 2 разрешается пользоваться местными перевозочными средствами (не постоянно, а при производстве боевых экспедиций).

Четвертое. Подобные летучие отряды формировать из местных жителей, изъявивших желание и заслуживающих доверия. Порядок снабжения оружием — применительно к пункту второму.

Пятое. Всем частям поддерживать тесную связь, взаимно ориентируя друг друга о передвижениях басмаческих шаек, преследование которых вести непрерывно, до полного уничтожения, по требованиям обстановки действия продолжать и вне своих районов.

Шестое. Вся организация должна быть проведена спешным порядком до конца начатой полевой операции против главных басмаческих групп. Общее наблюдение за срочностью и порядком создания всех указанных частей и отрядов возлагается на Военсовет 2 Туркдивизии

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе начдиву 2 Туркестанской, 29 мая 1920 г.[1]

Последнее время из частей дивизии поступают донесения о боевых столкновениях, причем последние характеризуются как упорные бои, но в конечном итоге этих упорных боев нет, ни убитых, ни раненых и даже никаких результатов. Повидимому, или донесения совершенно

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. № 726, л. 32.

не отвечают действительности, или операции проводятся частями слишком своеобразно — с массовым огнем, с передвижением боевых цепей на большие расстояния, при наличии неясных, а возможно и мнимых целей, тратится много сил и средств в пустую.

Предлагаю вам инструктировать части, дабы последние усвоили, что сущность успешных операций заключается в достижении больших результатов при малой затрате сил. Это достигается определенной и ясной постановкой цели, наивыгоднейшей группировкой сил и строгой согласованностью их работы. Операции же против отдельных групп противника, имеющие целью простое вытеснение их из географических пунктов бесцельны.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе В. В. Куйбышеву, 29 мая 1920 г.[1].

В виду нашего, более чем вероятного, опоздания на съезд политработников фронта, сообщаем свое мнение по вопросу слияния политотделов дивизий и военкоматов[2]. Практика Ферганы определенно указывает на величайшую опасность увлечения политработников работой не в полевых частях, а среди населения. Между прочим, события в Татарской бригаде[3] в значительной степени обязаны этим обстоятельствам. С другой стороны, работа военкоматов, имеющая совершенно особый характер, не может итти плодотворно тогда, когда у них не будет собственного политаппарата. Ввиду этого мы находим нецелесообразным слияние указанных политотделов.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Приказ по Туркестанскому фронту, 17 июня 1920 г.[4].

2 июня мною был отдан приказ об отправлении некоторых частей N-ской дивизии, расположенных в Семиречьи, в Ташкент и далее в Фергану. В связи с этим в г. Верном разыгрались события, совершенно недопустимого свойства. Уже до издания приказа, из Семиречья поступали сведения, указывающие на то, что в некоторых полках дивизии, укомплектованных из местных уроженцев, положение, в смысле воинской дисциплины, выполнения боевых приказов и проч. было далеко неблагополучное. Указывалось, что эти полки не желают уходить куда бы то ни было от своих родных мест и что на этой почве возможен даже открытый мятеж.

Командование фронта с подобным положением дел мириться, конечно, не могло. Не могло допустить, чтобы в составе фронта имелись части, относительно которых нет уверенности в том, что они будут выполнять приказы и итти на помощь своим боевым товарищам на других участках фронта, когда этого потребует обстановка. Не могло допускать, чтобы в то время, когда десятки тысяч крестьян и рабочих Европейской России, в сознании необходимости этого, спокойно шли сюда в далекий Туркестан, на помощь своим братьям, в то время,

---

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 7/с, л. 17.

[2] 3 июня М. В. Фрунзе прибыл в Ташкент и выступил на съезде с докладом о текущем моменте.

Остановившись особо на вопросе о задачах политотделов, М. В. Фрунзе указал, что их работа ослабла, т. к. последние переключились с фронта на тыл.

[3] События имели место в гор. Андижане 28 апреля 1920 г., когда, вследствие контрреволюционной агитации группы белогвардейцев среди местного населения и в частях Татарской бригады, несколько команд II Татарского полка вынесли решение оставить гарнизонную службу.

[4] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 7/с, л. 278.

когда на западном фронте льется кровь рабоче-крестьянских полков, спасающих Россию от ограбления польской шляхты, в это время семиреченские части получили бы привилегию оставаться подле своих деревень. Красноармеец обязан быть там, где этого требуют интересы рабоче-крестьянского дела. Вот почему миллионы крестьян и рабочих России уже годами оторваны от своих близких и грудью стоят по фронтам, защищая завоевания революции и права труда. Среди невероятных лишений, в обстановке самой мучительной, они доблестно несли и несут красные знамена, сокрушая врагов пролетариата и прокладывая родному народу путь к свету и счастью. Вот истинный путь всех честных сынов рабоче-крестьянской России. Таков же он должен был быть и для сынов Семиречья. Вот почему командование фронта, в полном сознании правильности своих действий и в надежде на классовый трудовой инстинкт частей Семиречья, отдало вышеупомянутый приказ, когда этого потребовала необходимость оказать помощь другим участкам Туркестанского фронта. К сожалению, эта надежда не оправдалась. На почве выполнения приказа в некоторых частях Семиречья, предназначенных к переброске, повелась самая шкурническая агитация[1]. Шкурные интересы давили в сторону отказа от выполнения боевого приказа, но это делать прямо было страшно даже закоренелым шкурникам и предателям рабоче-крестьянского дела. И вот на сцену посыпались жалобы на недостатки обмундирования, на недочеты в организации органов власти, требования изменений комсостава и т. д. Враги революции, разумеется, ухватились за удобный случай нанести удар советской власти и принялись раздувать недовольство, стараясь довести дело до открытого выступления. К сожалению, это отчасти им удалось достичь.

Части Верненского гарнизона, вместо выполнения приказа принялись митинговать, предъявлять всевозможные, большей частью невыполнимые, требования и допустили даже аресты, правда, временные, некоторых лиц командного состава. Подобные безобразия, совершенно нетерпимые в Рабоче-крестьянской Красной армии производились в очевидном расчете на далекость Семиречья, на отсутствие туда хороших путей сообщения и, стало быть, полную безнаказанность безобразников.

Доводя об изложенном до сведения всех товарищей-красноармейцев, командование фронта от их имени клеймит позором и негодованием шкурническое и предательское поведение этих частей N-ской дивизии, которые вместо помощи истекающим кровью в Фергане братьям, пошли по пути подрыва нашей военной мощи в Туркестане. Пусть знают все враги революции, все шкурники и предатели, что рабоче-крестьянская Россия сумеет быстро подавить всякие происки против нее. Изменники советской власти не укроются нигде и всюду их постигнет карающая рука революционного правосудия.

Ныне, видимо, голос благоразумия и чувство долга одержало верх, и части Верненского гарнизона, без давления извне, вернулись на путь революционного порядка.

Как командующий фронтом, отвечающий перед Россией за военное положение всего фронта, приказываю:

1. Начдиву 3 потребовать немедленного выполнения всех без исключения отданных мною приказов о боевых передвижениях частей.

2. От частей Верненского гарнизона потребовать полного прекращения всякого митингования, с выражением готовности дальнейшим честным служением советской власти загладить свой поступок.

---

[1] Во время проводимой в Семиречьи мобилизации в части верненского гарнизона проникло кулачество. Оно и явилось ядром мятежников.

3. Военному совету дивизии расследовать все происшедшее и материалы представить в Реввоенсовет Туркфронта.

Командующий войсками Туркфронта
М. Фрунзе-Михайлов.

Телеграмма М. В. Фрунзе командарму 1, 17 июня 1920 г.[1].

В связи с проводимым набором мусульман, начинающимся в Ташкенте 25 июня, а в остальных областях края 10 июля (кроме Семиречья и Бухары, где набор временно отложен), замечается усиленная провокационная деятельность, главным образом, английских агентов, в целях сорвать набор. Реввоенсовет фронта считает необходимым принять немедленно ряд мер агитационного порядка для широкого оповещения мусульманского населения с истинными причинами и целями, которые преследуются предстоящим набором. Во внимание к этому, необходимо:

Первое. Ежедневно помещать во всех газетах и во всех печатных изданиях соответственные объявления и статьи на русском и мусульманском языках.

Второе. Выпускать специальные плакаты и листовки.

Третье. Организовать митинги с широким привлечением всех наличных агитационных сил и средств.

Четвертое. Устраивать парады войскам преимущественно в районах туземных частей городов с привлечением на парады всех призванных в порядке набора мусульман.

Пятое. Политотделу фронта взять руководство кампанией в свои руки и использовать все силы и средства, имеющиеся в его распоряжении для планомерного ее проведения.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе в Реввоенсовет республики, копия — Ленину, 20 июня 1920 г.[2].

В дополнение к предыдущему донесению докладываю обстановку в связи с событиями в Верном.

Ввиду отсутствия в Семиречье реальных сил, на которые можно было опереться, Реввоенсовет фронта решил для ликвидации мятежа действовать на разложение масс и расслоение разнородных сил Верненского гарнизона, выступавших против законной советской власти. Для этого, став временно на курс соглашения, Реввоенсовет удовлетворил ходатайство о введении в Военный совет дивизии и Обревком нескольких представителей из состава самочинно сформированного ревбоевого совета крепости Верный. Эта мера быстро дала результаты, ибо стихийно увлеченные на путь мятежа и сознавшие необходимость подчинения вновь созданной власти, немедленно откололись от истых бунтовщиков, позиция коих выяснилась после повторно отданного мною приказа о немедленной переброске некоторых частей в Ташкент, приказа, который, являясь в свое время поводом к возникновению бывших эксцессов, оказался невыполненным и на сей раз. Военный совет дивизии, сгруппировав вокруг себя отколовшиеся от мятежников части и опираясь на комсостав, партийных товарищей,

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 5, д. № 424, л. 27. Телеграмма была разослана также начдивам 2 и 3, начупраформ, всем облвоенкомам, уездвоенкомам, обревкомам, уездревкомам, областным и уездным комитетам партии, политотделу Туркфронта, Турцику, Крайкому и Роста.

[2] ЦАКА, д. № 172—651, л. 179.

решил использовать создавшуюся внутри части обстановку и начать в отношении бунтовщиков решительные действия. Подошедший к Верному, наиболее надежный среди других частей, 4-й кавполк, коему была разъяснена вся обстановка, в ночь на 20 июня был введен в город и без выстрела обезоружил неподчинявшийся приказам батальон 27 стрелкового полка. В настоящее время мятеж в Верном может считаться ликвидированным в острой форме; настроение частей других гарнизонов пока не выяснено, но есть надежда не допустить проявления каких-либо серьезных эксцессов.

Ввиду доложенного я счел возможным ограничиться немедленным усилением Верненского гарнизона пока бронеотрядом и одной ротой, прибывшими 20 июня в Пишпек, разместив части фронтового отряда временно в районе Пишпек, Аулие-Ата.

Обращаясь к выяснению причин, вызвавших мятежные вспышки, необходимо установить, что в числе других, этими причинами являются:

1) Острая национальная рознь в борьбе между крестьянством и туземцами мусульманами, причем в этом отношении весьма сильно сказываются отголоски событий 1916 года[1].

2) Возвращение киргизов на принадлежавшие им ранее земли, кои захватным образом временно находятся в фактическом пользовании крестьян.

3) Продовольственные мероприятия.

4) Полное отсутствие на местах авторитетных и разумных советских и политических работников, причем местные, даже чисто партийные силы, имеют весьма мало общего с коммунизмом.

Все эти данные, создавшие в Семиречьи тяжелые условия, хотя и находятся вне компетенции военного ведомства, тем не менее требуют от Реввоенсовета фронта соответственных мер и серьезного напряжения сил, дабы путем переброски в Семиречье свежих войск упрочить и обеспечить работу органов советской власти.

В организационном отношении Реввоенсовет фронта наметил, как необходимую меру, введение в Семиречьи военной диктатуры с передачей всей полноты власти Военному совету дивизии и с подчинением этому совету местного Обревкома, однако, эта мера будет еще обсуждаться в центральных, краевых, советских и партийных организациях.

Наконец, в видах оздоровления области и в отношении всей обстановки, при которой смог возникнуть военный мятеж, Реввоенсовет фронта постановил немедленно командировать в Верный чрезвычайную сессию Ревтрибунала.

[Фрунзе].

Телеграмма М. В. Фрунзе командарму I, 19 июля 1920 г.[2].

20 июля исполняется вторая годовщина существования I революционной армии РСФСР. Два года назад, молодая армия выступила на защиту революции и в упорных боях с врагом, укрепившимся в Поволжьи, добилась своих первых славных побед. Чехо-словаки бы-

[1] Речь идет о восстании казахских масс, вызванном проводимой царским правительством в июне 1916 г. мобилизацией казахского населения, не отбывавшего воинской повинности, на прифронтовые тыловые работы. Скверные условия расквартирования, плохое питание и изнурительный труд были поводом к выступлению. Восстание охватило всю территорию Казахстана. Наиболее крупными очагами восстания были Тургайский район и Семиречье, где вражда между казахами и переселенцами-кулаками на почве земельных отношений была особенно остра.

[2] ЦАКА, ф. 110, оп. 4, д. 313, л. 403.

ли отброшены на Уфу. Это был лишь первый враг. Борьба только начиналась. Уральское, оренбургское казачество организовалось, темной силой нависло над средним Поволжьем и грозило задушить зарождавшуюся советскую власть, грозило снова набросить ярмо на шею трудового народа.

Много сил, много жертв отняла эта упорная борьба: 22 января 1919 г. частями I армии и Туркестанским отрядом, подошедшим от Актюбинска, был взят Оренбург. Эта была первая живая связь Советской России с революционным Туркестаном. Но с падением Оренбурга и Уральска (взятого частями IV армии 24 января) борьба с казаками не кончилась,— наоборот, она приобрела особое упорство и требовала нового напряжения. И в это время в Сибири, наемник французского, английского и американского капитала,— наглый претендент на царский престол — адмирал Колчак, сформировал огромную армию. Колоссальные запасы оружия и богатейшая техника были в его руках. Черная грозная лавина широким фронтом покатилась на Волгу. 13 марта пала Уфа; враг подходил снова к Самаре. В этот грозный час I армия, выдерживая напор левого крыла колчаковцев, двинувших сюда целые корпуса, в то же время должна было отстаивать Оренбург и защищать свой тыл от уральцев. Только стойкость и упорство I армии помогли тогда создать ударную группу и решительно бросить ее во фланг войскам Колчака, наступавшим на Самару. Этот удар от Бузулука нанес Колчаку рану, предрешившую его конец. Уфа была для нас последней преградой к Сибири, где для нашего боевого товарища V армии открылся путь на Челябинск и Омск.

На I армию легла новая задача — очистить путь на Туркестан и соединиться с войсками, продвигавшимися отсюда к Актюбинску. Туркестан в то время снова был отрезан противником и долго шла упорная борьба в орско-оренбургском районе. Но мужество и упорство дали I армии новые победы: 29 августа взят Орск, 2 сентября — Актюбинск, и, наконец, 13 сентября на станции Мугоджарская соединились войска I армии и Красного Туркестана. Открылся путь нашему победному шествию на Восток для новых подвигов и освобеждения угнетенных народов. Но весь район Джамбейты и Уила кишел еще противником, связывавшим наш поход на Туркестан. Заняв Джамбейтинскую ставку и уильское укрепление, I армия закончила борьбу с уральцами в Оренбургских степях и песках и перекинулась на новый фронт в далекий Закаспий, где немногочисленные части бывшего Туркестанско-закаспийского фронта, влившиеся ныне в I армию, истекая кровью, честно стояли на страже завоеваний революции, шаг за шагом отодвигая врага к Каспию. С прибытием помощи мы перешли здесь в настойчивое наступление и после ряда упорных боев 8 января достигли и заняли Красноводск Самара, Оренбург, Орск, Актюбинск, ст. Мугоджарская, Джамбейта, Кизил-Арват, Красноводск — вот славные этапы победного шествия I армии. Десятки тысяч пленных, горы оружия и прочие трофеи были результатом ее славных побед, но выше и ценнее те великие достижения, та сила, тот мощный порыв, которые были даны нашей великой революцией. Необъятные пространства земли, воссоединенные под советской властью, сотни тысяч рабочих и крестьян, освобожденные от рабства и гнета прежних цепей — вот величайшие завоевания 1-й армии, вот ее великая заслуга перед революцией.

Приветствуя славные войска I армии, я выражаю твердую уверенность, что армия, с развевающимися красными знаменами смело и решительно пойдет всюду, куда снова призовет ее голос революции.

Ура, доблестной I революционной армии и ее командованию!

Командующий Туркфронтом М. Фрунзе.

Приказ по Туркестанскому фронту, 31 июля 1920 г.[1].

На смену колонизаторской политике царского правительства ставившей своей задачей полную эксплоатацию темных масс коренного населения, рабоче-крестьянским правительством выдвинута новая политика, стремящаяся к освобождению угнетаемых, к раскрепощению эксплоатируемых. Если царская, а вместе с нею и буржуазно-соглашательская власть под теми или иными предлогами стремилась как можно дальше отстранить от дела строительства государственной жизни коренное население, считая для себя невыгодным, а отсюда и недопустимым, участие в решении жизненных вопросов Туркестана его коренного населения, то советская власть, строя новый мир, призвала к участию во всех делах страны лучшие силы мусульманского пролетариата.

Последним шагом к полному вовлечению коренного населения Туркестана к делу строительства жизни своей страны, явился призыв на действительную военную службу граждан мусульман, и Революционный военный совет Туркфронта с чувством глубокого удовлетворения констатирует факт, что мусульманская беднота, зарождающийся пролетариат Туркестана, правильно учтя свое положение в деле мировой войны с капиталом, сознательно и с чувством важности момента тысячами вошел в братские ряды Красной армии. Ежедневно получающиеся со всех концов Туркестана сведения говорят, что новые и новые тысячи туземного пролетариата стекаются под ружье, и мы твердо уверены, что не далек тот миг, когда освобождение веками угнетаемому пролетариату востока понесут железные батальоны пролетариев мусульман.

Наряду с горячей готовностью мусульманского пролетариата стать в ряды бойцов за освобождение всех угнетенных, кулацкие байские элементы всеми имеющимися в их распоряжении силами и средствами стремятся отвильнуть от ненавистного им дела вооруженной защиты рабочего класса. Воспитанные в кулацком духе, будучи до мозга костей пропитаны буржуазной этикой, они, дабы спасти своих сыновей от службы в войсках прибегают к гнуснейшему способу — купле бедняков, взамен подлежащих призыву их сыновей.

Советская власть не может мириться с таким порядком вещей, время рабства кануло в вечность и карающая рука рабочих и крестьян должна вырвать из масс населения этих акул, этих работорговцев двадцатого века. Дабы дать удовлетворение справедливому возмущению мусульманской бедноты и раз навсегда положить конец купле людей, необходимо в корне пресечь эту позорящую человечество гнусность. Если баи и кулаки не хотят итти рука об руку с рабочими и крестьянами, если они не хотят встать на защиту великой социальной революции с оружием в руках, мы заставим их служить пролетариату. Пусть те, кто сегодня пользуется бедственным положением бедняка, покупает его для замены подлежащих призыву своих сыновей, завтра пошлют их для обслуживания этих бедняков на самых грязных тяжелых работах.

Во исполнение вышеизложенного приказывается:

1. Упраформу немедленно выяснить количество мобилизованных мусульман, попавших в ряды Красной армии, купленных баями и кулацкими общинами, выяснить и тех, кто покупал.

2. Упраформу немедленно освободить от службы всех призванных мусульман старше 35 лет и моложе 19, предложив соответствующим кишлачным, аульным комитетам выделить в войска путем справедли-

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 5, д. № 424, л. 51.

вой жеребьевки требующееся с них количество людей в возрасте от 19 до 35 лет.

3. Сыновей и родственников тех, кои купили за деньги подставных лиц, немедленно мобилизовать и зачислить в тыловое ополчение, на основании декрета Совнаркома республики от 20 июля 1918 г. с употреблением этого ополчения на самые грязные и тяжелые работы.

4. Предупредить все население, что при всяком, по издании сего приказа случае, все покупающие рекрутов будут привлечены к ответственности по всем строгостям закона военно-революционного времени.

5. Мусульмане, вступившие на службу в ряды армии за взятку или путем подкупа, возвращению из армии не подлежат и как сыны пролетариата должны быть перевоспитаны для защиты своих истинных интересов перед вековыми врагами и угнетателями мусульманского пролетариата.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, командах, эскадронах и батареях армии Туркестанского фронта.

Командующий Туркестанским фронтом М. Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе в реввоенсоветы 1 армии, 2 дивизии и Бухарской группы, 27 августа 1920 г., № 2335/моб.[1].

Распоряжением Временного центрального комитета РКП Турк. республики сегодня объявлена мобилизация пятисот коммунистов мусульман в областях Сыр-Дарьинской, Самаркандской[2], вам надлежит установить непосредственное наблюдение за успешным проведением означенной мобилизации, принять самое активное участие и мобилизованных мусульман коммунистов на территории вашего участка влить в мусульманские части для политической работы и для поднятия дисциплины и воспитания стойких борцов. Мобилизованные коммунисты, которые не будут использованы как политработники, должны работать непосредственно в ротах и эскадронах, оставаясь на положении рядового красноармейца. Мобилизация должна быть закончена в кратчайший срок. Расписание мобилизации коммунистов установит ЦК Туркреспублики. О количестве поступивших коммунистов мусульман в части донести в оперативном порядке. Получение телеграммы подтвердите.

Командующий фронтом М. Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе в Ташкент заместителю командующего Туркфронта, 28 августа 1920 г.[3].

В ряде местностей Бухары вспыхнуло революционное движение[4]. Настал час решительной схватки подавленных и порабощенных трудящихся масс Бухары с кровожадным правительством эмира и беков. Полки нарождающейся бухарской Красной армии двинулись на помощь родному народу. Красные полки рабоче-крестьянской России обязаны стать подле них.

---

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 5, д. № 424, л. 65.

[2] В подлиннике рукою М. В. Фрунзе зачеркнуты и подчеркнуты слова: «Ферганской», «Закаспийской».

[3] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 7, л. 181. Телеграмма была послана также командующему Бухарской группой, командарму 1 и командующему Каганской группой.

[4] Вступление Красной армии в Туркестан вызвало нарастание революционных сил в Бухаре. Уже в июле — августе 1920 г. в некоторых бухарских городах последовал ряд вооруженных восстаний, причем восставшие обращались за помощью к командованию Красной армии.

Приказываю всей нашей вооруженной мощью прийти на помощь бухарскому народу в этот час решения.

Командиры, комиссары! На вас смотрит сейчас вся Советская Россия и ожидает от каждого исполнения его революционного долга.

Вперед, за интересы трудящихся Бухары и России!

Да здравствует возрождающийся бухарский народ!

Да здравствует нарождающаяся Бухарская Советская республика!

Командующий Туркфронта — Михаил Фрунзе.

Приказ по Туркестанскому фронту, 30 августа 1920 г. [1].

Наступление наших и красных бухарских частей по всем направлениям развивается успешно: после ст. Чарджуй нами заняты Хатырчи, Карши, мы тесним противника под Зиаэддином, наша конница гонит противника под Китабом. Собрав главную массу сил в районе Старая Бухара, противник упорно обороняет этот свой последний оплот.

Приказываю овладеть Старой Бухарой, отбросив противника к северо-востоку, затем совместным наступлением Чарджуйской, Каганской и Катта-курганской групп уничтожить остатки противника, сбив его в район Вавкент Гыш-дуван, Ваганзи, Багауддин, для чего:

Первое: Командарму I, подтянув все наличные резервы (включая и Персидский полк) к Чарджую, немедленно направить войска Чарджуйской группы на Якка-Тут и Старая Бухара, нанося противнику удар с запада. По прибытии к Старая Бухара частям поступить в подчинение комгруппы Каганской.

Второе: Каганской группе энергично атаковать Старая Бухара, преграждая бронепоездами отход противника к югу от железной дороги и отбрасывая его на северо-восток под удары отряда Катта-Курганской группы.

Третье: Комгруппы Катта-Курганской, уничтожив противника в районе Зиаэддин отправить 2-й Интернациональный кавполк со ст. Зиаэддин по железной дороге на ст. Кизил-тепе, куда 31 августа прибудет 6 стр. полк и гаубичный артидивизион. Объединив командование указанными частями, комгруппы Катта-Курганской немедленно по сосредоточении отряда перейти в решительное наступление на Ваганзи-Багауддин и войти в боевую связь с частями Каганской группы. Роте интернационалистов при помощи бронепоезда занять и обеспечить за собой сел. Кермине.

Четвертое. Комгруппы Бухара-самаркандской, усилив 3 кавполком Китабскую группу, продолжать разгром противника, имея конечной задачей совместно с 7 стрелковым полком овладеть городом Гузар, после чего ждать дальнейших указаний.

Пятое. Срочные донесения давать в Самарканд, штаб группы через каждые 3 часа; особо важные вне всякой очереди.

Командующий Туркфронтом Фрунзе.

Телеграмма М. В. Фрунзе в штаб Туркфронта В. В. Куйбышеву [31 августа 1920 г.] [2].

Дела под Бухарой продолжают обстоять неважно. Несмотря на прибытие солидной помощи из I армии, город до сих пор не взят. Мы несем огромные потери, повидимому, перешедшие уже за цифру 500. Главная причина — неумелое командование и отсутствие управ-

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 7/с, л. 392.
[2] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 7/с, л. 206.

ления. Бросаю в помощь свой последний резерв. Чувствуется острый недостаток в патронах и снарядах, необходимо также пополнение людьми и комсоставом. Примите все меры для организации эшелонов пополнения, а также высылке сколько найдется комсостава и патронов. На шахризябском направлении дела блестящи: занято все кроме Гузара, падение которого ожидается завтра или послезавтра. В Шахризябске взято огромное количество золота и других ценностей. Все это укладывается в сундучки, запечатывается и по соглашению с Ревкомом будет перевезено на хранение в самаркандский банк. Нажимайте на центр в смысле патронов, винтовок и пополнений людьми и комсоставом. Используйте все местные средства.

Фрунзе.

Из разговора по прямому проводу М. В. Фрунзе с В. В. Куйбышевым [31 августа 1920 г.] [1].

[Фрунзе].— Здравствуйте, Валериан Владимирович. Что угодно.

[Куйбышев].— Здравствуйте, Михаил Васильевич. Вызвал вас, чтобы информироваться нестолько в обстановке, которая вам очевидно недостаточно ясна за отсутствием связи, сколько в ваших впечатлениях и предположениях. Сообщаю, в Ташкенте бухарскими революционерами с нашего согласия или, вернее, при нашей инициативе арестован в консульстве бухарский консул со всеми его служащими.

[Фрунзе].— С обстановкой действительно знаком не вполне. В близлежащих районах, т. е. на шахризябском и зиаэддинском направлениях, все обстоит благополучно; вероятно, Китаб занят еще вчера, но донесения не поступало, ибо идет конной почтой. Несколько озабочиваюсь обстановкой под Бухарой, где дело должно быть решено, если не в первый, то во второй день, а между прочим до сих пор нет известий по окончательному разрешению вопроса. Вчера отдал приказ командарму I бросить на помощь что можно со стороны Чарджуя. Сегодня буду производить группировку в районе Кизил-Тепе для удара с северо-востока; сегодня же предварительно предполагаем занять район Кермине. В общем и целом операция пока что развивается успешно. Настроение твердое. В Самарканде вчера была манифестация, а затем торжественное заседание руководящих организаций. Впечатление от настроения мусульманской и русской массы хорошее. Несколько тревожусь известиями из Ферганы. Считаю необходимым, ввиду фактической невозможности текущей работы, поставить под ружье все рабочее и служилое население области, за исключением лишь безусловно необходимых; эта мера, дав помощь войскам в виде рабочих, прекрасно знакомых с приемами противника, позволит, по моему, в короткое время добиться результатов. Прошу выработать соответствующий приказ. Затем, необходимо выработать план большой кампании в связи с бухарскими событиями и создать обстановку живой помощи армии, в частности, бросить лозунг организации добровольческих отрядов из мусульман. Наконец, ряд текущих вопросов: 1) затребуйте срочно пополнение из центра; 2) примите меры по усилению охраны ходженского моста; 3) нажмите в видах ускорения переброски бригады в Ташкент и подготовки второй бригады; 4) усильте закупку лошадей и посадку на коней узбекской и киргизской бригады; 5) развить работу военгазов; 6) подтянуть начснаба

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. 6/с., лл. 36—37.

за посылку гаубичного дивизиона необмундированным и неснабженным продовольствием. В таком же состоянии прибывает и 6 полк; вместо немедленного использования, приходится заниматься снабжением; 7) напомнить главкому о подготовке бригады с Кавказского фронта для немедленной переброски в район I армии. Пока кажется все. Как только обстановка выяснится сообщу.

[Куйбышев].— Имею 2 вопроса: 1) выяснилась ли степень разрушения железной дороги, в каком районе и когда предполагается восстановление железнодорожного и телеграфного сообщения? Вы сообщаете, что будете производить группировку в районе Кизыл-Тепе; по нашим сведениям как раз в этом районе противник прорвался к железной дороге. Имеете ли сведения о ликвидации? 2) Велики ли наши потери в Шахризябском и Катарчинском районе.

[Фрунзе].— Железная дорога и связь нарушены за Каганом, в районе Мургак-Яккатут и по ту сторону, в районе Кизил-тепе-Куюкмазар, возможная в некоторых других участках степень разрушения точно неизвестна; время восстановления ставлю в связь нашей Катта-Курганской группой. Сейчас производится разведка пути по Кизил-тепе при помощи бронепоезда. Потери наши, по имеющимся сведениям, незначительны и пока считаю единицами.

[Куйбышев].— У меня больше вопросов нет, Ваши предложения принимаю к исполнению, желаю успеха; прикажите чаще информировать.

[Фрунзе].— Хорошо. Всего доброго.

Телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину, 2 сентября 1920 г.[1].

Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя мировой революции. Эмир с остатком приверженцев бежал, меры к его задержанию приняты. Вся центральная и северная Бухара уже установила революционный режим. Войска российской и бухарской Красной армии приветствуют с радостной вестью рабочих и крестьян Туркестана и всей России.

Командующий войсками Туркестанского фронта М. Фрунзе.

Приказ по Туркестанскому фронту, 10 сентября 1920 г.[2].

Согласно постановления Революционного военного совета республики я назначен на другой фронт[3]. Отъезжая из Туркестана, я обращаюсь ныне с прощальными словами ко всем моим старым боевым товарищам, ко всем красноармейцам, командирам, начальникам и комиссарам.

Товарищи! Уже 3 года бьется рабоче-крестьянская Русь, отстаивая свои права от насильников всего мира. До сих пор все чаяния наших врагов разбивались о великую стойкость рабочих и крестьян. До сих пор попытки удушения нашей революции кончались крахом. Иначе и быть не могло, ибо безмерны запасы энергии, таящиеся в недрах на-

[1] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 7/с, л. 410.
[2] ЦАКА, ф. 110, оп. 1, д. № 6/с, л. 46.
[3] Постановлением Революционного Военного совета республики от 21 сентября 1920 г., в связи с выдвижением Врангеля из Крыма в Северную Таврию, противо-врангелевский участок Юго-западного фронта был выделен в самостоятельный Южный фронт. Командующим Южным фронтом был назначен М. В. Фрунзе.

рода, борющегося за свою свободу и лучшую жизнь. Но безмерно велики, вместе с тем, и лишения, которые ныне выпадают на долю трудовой России.

Наша задача — задача рабоче-крестьянских красных полков — сократить эти страдания путем напряжения нашей революционной воли, нашего военного долга. Я рад отметить, что армии Туркестанского фронта до сих пор честно выполняют этот долг. Начав с разгрома колчаковских, дутовских и толстовских банд, они довершают ныне свою работу, очищая Туркестан от контрреволюционных полчищ местных самодержавных властителей. Уверен, что и впредь красные полки Туркестанского фронта, куда бы их ни поставила рука революции, сумеют поддержать свою боевую революционную славу.—

Мой прощальный привет вам, товарищи!

Командующий Туркестанским фронтом
Михаил Фрунзе-Михайлов.

Сельскохозяйственная выставка 1923 г.

Выставка 1939—1940 г. отражает великие победы колхозного строя, достигнутые под знаменем великой партии Ленина — Сталина. Она показывает новую, обновленную землю Советской страны, новую экономику и культуру колхозной деревни, новое советское крестьянство. Колхозный строй превратил миллионы раздробленных крестьянских хозяйств в передовые социалистические сельскохозяйственные предприятия, навсегда уничтожил нищету и бедность деревни, создал крестьянству радостную и зажиточную жизнь. Показывая глубокие процессы обновления огромных человеческих пластов, овладевающих высотами культуры, выставка 1939—1940 г. является отчетом о гигантском созидательном труде колхозного крестьянства, овладевшего всеми средствами техники и культуры, предоставленными в его распоряжение Советским государством. Она показывает, что только колхозный строй оказался способным вывести многомиллионные крестьянские массы из нищеты и беспросветной темноты.

В своей речи на открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г. товарищ Молотов говорил, что главная особенность этой выставки заключается в том, что «...это, прежде всего, выставка колхозов, выставка колхозных побед, в которых мы видим всепобеждающую силу союза рабочих и крестьян под знаменем коммунизма, под знаменем великой партии Ленина — Сталина. В этом ее коренное отличие от сельскохозяйственной выставки 1923 года, когда в нашей стране господствовало единоличное, мелкое крестьянское хозяйство, а колхозы и совхозы были еще совсем слабы и занимали малозаметное место».

Выставка 1923 г. была организована в период перехода к мирному строительству, в годы борьбы за восстановление народного хозяйства, после разгрома белогвардейщины и интервентов, когда страна еще преодолевала тяжелейшие последствия послевоенной разрухи. Из гражданской войны сельское хозяйство вышло с крайне низким уровнем производительных сил. Империалистическая война и гражданская война вызвала огромное уменьшение посевной площади и сокращение поголовья скота. Посевные площади сократились с 119 млн. га в 1913 г. до 82 млн. га в 1922 г., составляя 64% довоенной. В 1921 г. продукция сельского хозяйства составляла лишь 49% довоенной. Резко подорвана была продовольственная и сырьевая базы. В 1920 г. продукция хлопка составляла 11% довоенной, конопли — 10%, льна — 25%, сахарной свеклы — 15% и т. д.

В Кратком курсе «Истории ВКП(б)» об этом периоде говорится:

«Общая продукция сельского хозяйства в 1920 году составляла лишь около половины довоенной...

Продукция крупной промышленности в 1920 г. была почти в семь раз меньше довоенной...

В стране был острый недостаток самого необходимого: хлеба, жиров, мяса, обуви, одежды, спичек, соли, керосина, мыла» [1].

В этих условиях остро дало себя знать нараставшее недовольство середняка политикой военного коммунизма, особенно продразверсткой.

К этой обстановке В. И. Ленин поставил перед партией вопрос о переходе от политики военного коммунизма к новой экономической политике. «...Задача нэпа основная, решающая,— говорил В. И. Ленин на XI Съезде партии,— все остальное себе подчиняющая,— это установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить... и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян» [2].

Отсюда вставал вопрос о замене продразверстки продналогом, который мог обеспечить крестьянству возможность использовать излишки по своему усмотрению, давал возможность оживить сельское хозяйство, расширить производство сельскохозяйственных продуктов, без чего невозможно было двигать вперед промышленность.

Пока не была создана мощная индустриальная база и нельзя было рассчитывать на непосредственный переход от мелкого к крупному сельскому хозяйству, необходимо было мириться с существованием мелкого хозяйства, установить с ним смычку и кооперировать его. Новая экономическая политика и рассчитана была на создание мощной индустрии и перевод на ее основе мелкого раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы крупного социалистического земледелия.

Против новой хозяйственной линии партии яростно выступила агентура классового врага — троцкисты, бухаринцы, анархо-синдикалисты — стремившиеся к реставрации капитализма.

X Съезд партии, состоявшийся в марте 1921 г., подавляющим большинством одобрил ленинскую программу перехода к НЭП'у.

Первый же год новой экономической политики показал правильность ленинской программы. Подъем в сельском хозяйстве сказался на результатах посевной кампании 1921 г., когда посевная площадь озимого клина выросла по сравнению с 1920 годом в потребляющих губерниях на 26%, в производящих на 23%. В районах Поволжья, особенно пострадавших от неурожая, удалось засеять 75% посевной площади.

Вопрос дальнейшей борьбы за восстановление сельского хозяйства продолжал оставаться решающим для партии и правительства.

«...Поскольку теперь наше международное положение улучшилось,— писал В. И. Ленин в декабре 1921 года,— все политические вопросы направляются в одну сторону — во что бы то ни стало повысить производительность сельского хозяйства. А повышение этой производительности должно повести за собой и улучшение нашей промышленности» [3].

В деле восстановления крестьянского хозяйства и перевода его на социалистические рельсы, Ленин исключительное значение придавал выявлению практического опыта масс, показу новых путей и возможностей в развитии сельского хозяйства, силе примера и конкретному показу преимуществ социалистического земледелия.

Говоря о задачах политпросветов в условиях новой экономической политики, В. И. писал: «Производственная пропаганда, выдвигание успехов хозяйства, до-

---

[1] «История ВКП(б)», краткий курс, стр. 237.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 230.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 107.

ступных тотчас крестьянину, уменье выдвигать, пропагандировать, следить за успехом» [1].

Указание В. И. Ленина на необходимость мобилизации всех сил на восстановление сельского хозяйства, нашло свое отражение в решениях IX Всероссийского Съезда советов.

В решениях Съезда по вопросу о восстановлении и развитии сельского хозяйства исключительное внимание отведено проведению сельско-хозяйственной кампании 1922 г. «Всероссийский Съезд советов предписывает всем органам советской власти в центре и на местах обратить свое первейшее внимание на широкое и успешное проведение в жизнь сельско-хозяйственной кампании в целях осуществления ее путем общего напряжения всех сил — советских, профессиональных, партийных и кооперативных» [2].

В успешном проведении сельско-хозяйственной кампании 1922 года и в борьбе за восстановление сельского хозяйства, основанного на базе мелкого единоличного, разрозненного труда крестьян, огромную роль должна была сыграть организуемая на основе решения IX Съезда советов в конце хозяйственного 1922 года Всероссийская сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная выставка.

На основе решения IX Всероссийского съезда советов в октябре 1922 г. Президиумом ВЦИК были приняты: декрет и положение об организации в августе 1923 г. Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки, в задачу которой входило подвести итоги достигнутому и показать пути дальнейшего развития сельского хозяйства.

Партия и правительство придавали выставке исключительное значение и дело подготовки ее окружили повседневным вниманием и заботой. Организацией выставки руководила, возглавляемая М. И. Калининым Сельскохозяйственная комиссия ВЦИК.

При Народном комиссариате по делам национальностей, возглавляемом И. В. Сталиным, было создано специальное выставочное бюро, которое проводило огромную работу по подготовке к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в национальных республиках.

В. И. Ленин, прикованный уже тогда болезнью к постели, следил за каждым шагом выставочных работ.

Программа выставки была предварительно обсуждена и принята Госпланом.

По всей стране в областных и губернских центрах созданы были выставочные комитеты, в уездах и районах выставочные бюро, по волостям уполномоченные выставкомов. Были организованы губернские и уездные выставки сельского хозяйства. По инициативе рабочих-железнодорожников Петроградского узла в районе Северо-Западной области с мая по день открытия выставки курсировал агропоезд. В Орловской губернии музей-фургон, оказывающий непосредственную агропомощь крестьянам.

Во многих местах весной 1923 г. организована была «Неделя выставки».

По Минскому уезду в Белоруссии курсировала передвижная сельско-хозяйственная выставка, которая пользовалась огромным вниманием крестьянства.

Алтайский выставочный комитет в отчете, представленном в ВЦИК, пишет о том значении, которое имели местные выставки в деле подъема крестьянского хозяйства.

На выставке 1923 г. крайне мал был удельный вес колхозов и совхозов, составивших даже к концу восстановительного периода лишь 2% всего сельско-хозяйственного производства. Вот почему это была выставка единоличного хозяйства с его крайне ограниченными возможностями и примитивной техникой. В тот период не существовало еще, родившееся лишь несколько лет спустя, такое близкое сейчас миллионам слово «колхоз».

В стране насчитывалось 14—15 тысяч коллективных хозяйств, поэтому

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 35.
[2] Съезды Советов РСФСР за 1931 г., ст. 213.

выставка должна была выявить — как указывал т. Молотов — «действительное положение крестьянского хозяйства со всеми наметившимися прогрессивными достижениями и тенденциями наряду с наибольшей выгодностью коллективных и советских форм хозяйства».

Но уже первые, крайне немногочисленные, сельскохозяйственные артели показали массам крестьянства преимущества коллективных форм хозяйства и должны были на практике убедить крестьянство в необходимости новых путей сельскохозяйственного производства. Тов. Молотов в письме всем губкомам и обкомам РКП(б) о выставке говорил: «Необходимо предупредить, как попытки идеализации на выставке мелкокрестьянского хозяйства, так и превращение выставки в несоответствующую действительности картину показного процветания «коллективных» форм сельского хозяйства».

Советская деревня не имела тогда ни тракторов, ни автомобилей, ни комбайнов. На этой выставке соха, еще господствовавшая тогда в нашем сельском хозяйстве, почти впервые встретилась с трактором, который являлся еще в тот период диковиной. Всеобщее изумление вызывали тогда показанные первый советский трактор и заокеанский трактор «Фордзон», а также железные колеса для крестьянского плуга, которые смастерил саратовский кузнец Ермолаев.

«Павильон полеводства представлял собою, — как говорится в итоговом докладе о выставке, — арену прекрасного боя между трехпольем и многопольем с травосеянием, льном и корнеплодами». Выставка должна была явиться, как указывал в своей речи на Всероссийском совещании выставочных комитетов в марте 1923 г. М. И. Калинин, «Учебным фактором».

Характерно, как формулировалась в положении ВЦИК цель выставки:

«а) представление современного состояния сельского хозяйства, и, в частности сельско-хозяйственной и кустарной промышленности в РСФСР и входящих в федерацию республиках;

б) выявление возможностей, представляемых производительными силами страны для развития сельско-хозяйственной перерабатывающей промышленности и экспорта;

в) осведомление широких масс населения о достижениях сельско-хозяйственной науки и практики и о возможностях приложения этих достижений в широкой практике сельского хозяйства;

г) ознакомление с успехом, достигнутым в области сельского хозяйства за границей и возможным содействием со стороны иностранной промышленности дальнейшему развитию сельского хозяйства» [1].

Открытие Всесоюзной сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки состоялось 19 августа 1923 года. — Это был день всенародного праздника, который ознаменовался демонстрацией и торжественными собраниями по стране.

То, что предстало перед глазами присутствовавших на открытии выставки — как бы символизировало начавшуюся в стране невиданную в истории созидательную работу многомиллионного народа, который начал упорную борьбу за восстановление народного хозяйства.

Уделившая огромное внимание выставке иностранная печать писала, что выставка «поворотный пункт в истории пролетарской России». «Эта выставка доказывает, — писала «Гаммер унд Зихель», — силу и жизнеспособность русского национального хозяйства, эта выставка в то же время заставляет буржуазию всего мира непосредственно действовать, принять ту или иную позицию: либо признать новую Россию, либо бороться против нее».

К выставке привлечено было внимание всего мира. Одна немецкая газета писала: «Неуверенно поодиночке направлялись капиталисты в Москву, а за ними последовали и концерны и большое наступление началось: почти все германские капиталисты захотели быть представленными на Выставке. В одном

[1] См. ниже стр. 90.

Берлине пришлось отказать сотням фирм, потому что весь огромный участок, отведенный для иностранного отдела, уже был занят».

Выставка поражала тогда своим грандиозным размахом. На месте многолетней свалки у Крымского моста, на берегу Москва-реки раскинулся город с многочисленными постройками, газонами.

Территория выставки заняла 61 десятину с 196 павильонами. «Эта выставка, которую вы создали на свалке,— говорила тов. Клара Цеткин,— показывает, что та почва, которую пролетариат обагряет своей кровью, дает невиданные плоды».

Само открытие выставки — выставки школы, выставки труда и творчества народа — было невиданным в истории событием. Эта выставка коренным образом отличалась от всех ей предшествующих в России и заграницей.

На дореволюционных сельско-хозяйственных выставках участвовали только помещики, княжеские и графские имения.

Тов. Клара Цеткин говорила, что все выставки, которые она видела, строились «на труде, поте и крови угнетенных рабочих; строились они для того, чтобы давать большую прибыль капиталу. Ваша выставка, да, она показывает прекрасные естественные богатства нашей страны, но вместе с тем она являет миру еще невиданное достижение. Это есть объединение пролетариев и крестьян, объединение их в творческом порыве, в изумительной созидательной работе, твердой и крепкой смычке трудящихся земли и фабрик».

Всесоюзная сельско-хозяйственная выставка проходила под знаком смычки рабочего класса с крестьянством, под знаком укрепления хозяйственной и политической дружбы народов Союза Советских социалистических республик.

На выставке, в которой приняло участие 19 республик, 11 автономных областей и 50 губерний, широко были представлены хозорганы, демонстрируя связь и взаимозависимость в развитии сельского хозяйства и промышленности.

На выставке демонстрировались первые отечественные тракторы, производства которых не знала дореволюционная Россия. Тракторы Коломенского, Харьковского и 4 Государственного завода. Электрострой демонстрировал гидроэлектрические типовые сельско-хозяйственные установки. Демонстрировалась опытно-показательная электропахота и др.

Выставка показала, что СССР является родиной лучших сортов семян зерновых, бахчеводства, огородничества, что местные породы скота не уступают лучшим иностранным породам [1], что поставленное в условия товарищеских, коллективных форм ведения сельское хозяйство таит в себе неограниченные возможности.

Большое место на выставке заняла кустарная промышленность. Широко была представлена по этой отрасли хозяйства промысловая кооперация, охватившая к тому времени 2 000 первичных артелей кустарей.

Всесоюзная сельско-хозяйственная выставка 1923 года выявила многообразие природных богатств и хозяйственные возможности СССР, содействовала взаимной информации отдельных районов и отраслей хозяйства, показала быстрый темп восстановления народного хозяйства СССР и содействовала ускорению темпов восстановления и подъема сельского хозяйства страны.

Выставка сыграла огромную роль в деле показа крестьянству необходимости перехода к новым коллективным формам ведения хозяйства.

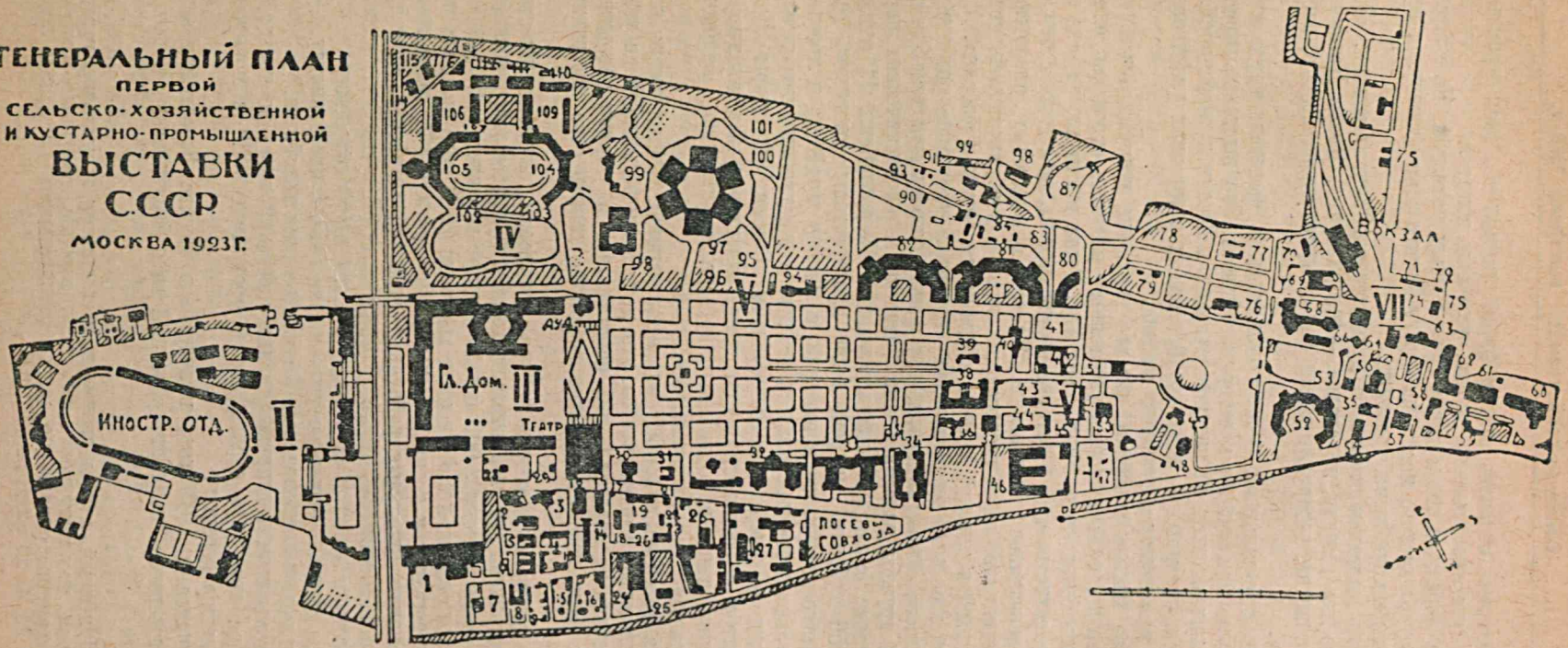
Под руководством товарища Сталина советский народ не только восстановил разрушенное хозяйство страны, но и превратил СССР в мощную передовую индустриальную державу.

Открывшаяся в 1939 году в августе в Москве Всесоюзная сельско-хозяйственная выставка подводит громадный итог десятилетию, в начале которого

---

[1] Тов. Буденный, делясь своими впечатлениями о выставке, говорил: «И еще радует меня, что полукровки немецких заводов, виденные мною на территории иностранного отдела, не могут конкурировать с нашей лошадью» (газ. «Смычка» № 4, 22 августа 1923 г.).

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН
ПЕРВОЙ
СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
И КУСТАРНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ
ВЫСТАВКИ
С.С.С.Р.
МОСКВА 1923 Г.



№№ ВЫСТАВОЧНЫХ ПОСТРОЕК[1]

Без №. а) Главный Дом.
б) Театр.
в) Аудитория.
г) Шестигранник.
1. Кустарн. Отд. (бывш. завод Бромлея).
2. Вологодская изба старая.
3. Вологодская улучшенная.
4. Новгородская изба.
5. Московская изба.
6. Пермская старая изба.
7. Столовая Нарпита.
8. Пермская изба.
9. Воронежская изба.
10. Южная улучшенная.
11. Улучшенная крестьянская.
12. Архангельская изба.
13. Показательн. образцы огнеупорных строений.
14. Газета «Беднота».
15. Украинская изба.
16. Кубанская изба.
17. Ясли.
18. Агропункт.
19. Пожарн. пав. и пост № 1.
20. Прокатный сарай.
21. Кузница.
22. Случной пункт.
23. Молочная.
24. Дом Крестьянина.
25. Волисполком.
26. Коммунистич. усадьба.
27. Совхоз.
28. Журн. «Новая Деревня».
29. К-ра «Двигатель».
30. Всекопромсоюз.
31. Стройбюро
32. Центросоюз.
33. Сельскосоюз.
34. ЦУЛП.
35. Вегетационный домик.
36. Армения.
37. Азербайджан.
38. Грузия.
39. Пчеловодство.
40. Украина.
41. Красная Армения (палатка).
42. Немкоммуна.
43. Киррспублика.
44. Татреспублика.
45. Башреспублика.
46. Туркестан.
47. Хлебопродукт.
48. Швейсиндикат.
49. Моссукно.
50. Еврейская коммуна.
51. Пожарн. пост № 3.
52. Центротекстиль.
53. Пожарн. пост № 4.
54. Кедропром и типография.
55. Мельстрой.
56. Мельничн. отдел.
57. Сахаротрест.
58. Табаксиндикат.
59. Махорка.
60. Моссельпром.
61. Общ. отдел переработки.
62. Кожсиндикат.
63. Мясохладобойня.
64. Госмолоко.
65. Ледник (Главрыба).
66. Главрыба (промысла).
67. Цупродхоз.
68. Главрыба (павильон).
69. Крым.
70. Лесопилка.
70. а. Вокзал.
71. Главн. пав. НКС.
72. Авто-отдел НКПС.
73. Т о ж е.
74. Городская станция. Белорусс.-Балт. жел. дор.
75. Агро-служба НКПС.
76. Абхазия.
77. Чуваши.
78. Ойротская Республика.
79. Показательный домик сахаротреста.
80. Дальне-Восточн. область.
81. Лесной отдел.
82. Полеводство и луговодство.
83. Выгорожа (навес) для оленей.
84. Буряты.
85. Внешторг.
86. Теплица.
87. Кавказ.
88. Отдел снабжения.
89. Садоводство и виноградарство.
90. Клинская теплица.
91. Медицинский пункт.
92. Сарай для хранения фруктов.
93. ОЗРА
94. Белоруссия.
95. Павильон ВЦИК.
96. «Титан» —кипятильник [2].
97. Машиностроение.
98. Госсельсклад.
99. Ветлазарет.
100. Пожарн. пост № 2.
101. Овчарня.
102 и 103. Башни животноводства.
104. Конюшни.
105. Конюшни — манеж.
106, 107, 108, 109. Конюшни.
110, 111, 112, 113. Дворы для крупного рогатого скота.
114 и 115. Свинарники.

[1] Газета «СМЫЧКА» — Первой Сельско-Хозяйственной и кустарно-промышленной Выставки СССР № 3 от 21 августа 1923 года.

[2] Изобретение Петухова получило высшую государственную награду на выставке.

многомиллионные крестьянские массы окончательно и бесповоротно стали на новый путь, путь крупного коллективного земледелия.

Всесоюзная сельско-хозяйственная выставка 1939 года показывает новую советскую деревню, новое советское крестьянство. Она демонстрирует замечательные победы колхозного строя, достигнутые великим советским народом — под руководством партии Ленина — Сталина, под руководством вождя и учителя товарища Сталина.

«Преодолевая бешеное сопротивление кулаков и других контрреволюционных элементов в деревне, преодолевая сопротивление охвостья буржуазии в нашей стране — всех этих троцкистов, правых и иже с ними — большевистская партия сплотила трудящихся деревни под своим знаменем, под знаменем советской власти, строившей колхозы, несмотря на все сопротивление враждебных элементов и несмотря на опасные вывихи всякого рода «левых» перегибщиков. — и одержала славную победу (бурные аплодисменты). Поворот крестьянства на путь колхозов в 1929—1930 гг. и окончательная победа колхозного строя в нашей стране, как и последующие успехи колхозов, неразрывно связаны с именем великого вождя нашей партии и народов Советского Союза, с именем великого Сталина» (Молотов).

Замечательные павильоны союзных и автономных республик — демонстрация мощи и процветания народов СССР — прекрасными дворцами раскинулись на территории Всесоюзной выставки, территория которой занимает 136 га земельной площади.

Выставка показывает, как, благодаря проведению индустриализации страны, на ее основе бурно выросло социалистическое сельское хозяйство. На выставке в 1939 году участвовало 15 059 колхозов, 795 совхозов, 268 машино-тракторных станций, 11 004 молочно-товарных ферм. В сельском хозяйстве СССР создана огромная армия работников индустриальных профессий, каких никогда не знало сельское хозяйство.

265 326 передовых организаторов социалистического земледелия будут участвовать на выставке 1940 года. Новые успехи, новые победы социалистического земледелия покажет открывающаяся в мае 1940 года Всесоюзная сельско-хозяйственная выставка. Она поднимет на борьбу за новые победы колхозного строя и колхозное изобилие новые пласты деревни, новые отряды организаторов социалистического земледелия.

Публикуемые здесь документы представляют небольшую часть материалов, хранящихся в ЦГАОР по фонду Главного выставочного комитета.

Шепелева

I

Приветствие всероссийской Сельско-хозяйственной Выставке, 14 ноября 1922 г.[1]

Придаю очень большое значение выставке; уверен, что все организации окажут ей полное содействие. От души желаю наилучшего успеха.

В. Ульянов (Ленин).

Выписка из протокола заседания Коллегии НКЗ, 14 ноября 1921 г., № 115[2].

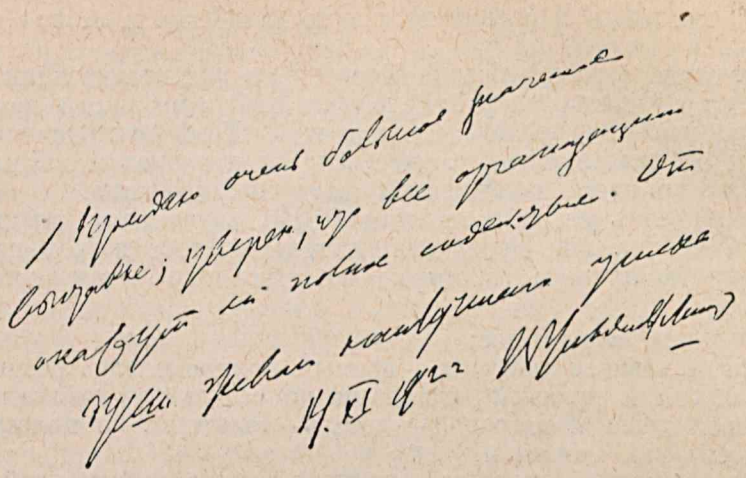
ПРОЕКТ ВЫСТАВКИ

Заслушав доклад об организации сельско-хозяйственной выставки в 1922 г., Коллегия НКЗ принимает следующий проект постановления СНК и Президиума ВЦИК:

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 355.

[2] ЦГАОР, ф. 480, оп. 92, д. № 2, лл. 1, 1б.

В заседании коллегии Наркомзема был заслушан доклад об организации Сельско-хозяйственной выставки, в результате обсуждения которого Коллегия НКЗ постановила сделать доклад о выставке в ЦК Всеработземлес 15 ноября и просить ЦК Всеработземлес внести проект о выставке во ВЦИК через ВЦСПС.



«В виду чрезвычайной важности быстрого восстановления сельского хозяйства и необходимости принятия для этого самых энергичных мер —

1. Поручить Наркомзему в целях проверки данных, полученных за последний период восстановления и развития сельского хозяйства, организовать к 1 октября 1922 г. Всероссийскую выставку по сельскому хозяйству с конкурсом губерний на высшую награду Советской республики.

Основными задачами выставки и конкурса должно явиться представление результативности работ каждой губернии по каждой отрасли сельского и лесного хозяйства и по организации сельско-хозяйственной промышленности, а именно:

1) организация полеводства, введение многопольных севооборотов и новых культур;

2) организация огородного хозяйства;

3) садоводства, плодоводства, виноградарства и плодовых питомников;

4) организация племенного и пользовательного животноводства;

5) мелкого животноводства, птицеводства, пчеловодства и др.;

6) технического сел.-хоз. производства по переработке сырых продуктов полеводства, садоводства, огородничества, бахчеводства, животноводства;

7) по организации семеноводства полевых и огородных семян, также лекарственных, медоносных и технических растений;

8) по развитию опытного дела;

9) организация кооперативных и коллективных форм хозяйства;

10) по борьбе с сельско-хозяйственной безграмотностью, организация культурно-просветительных мероприятий;

11) по борьбе с засухой;

12) по организации посевкампаний;

13) по проведению аграрных реформ и осуществлению землеустроительных работ;

14) по развитию мелиоративных мероприятий и осуществлению мелиоративных работ;

15) по развитию сельско-хозяйственных кооперативных организаций;

16) по электрификации и механизации сельского хозяйства;

17) по развитию торфяного дела;

18) по состоянию и развитию лесного хозяйства и лесной промышленности.

2. Отпустить в распоряжение Наркомзема для организации выставки аванс в 5 миллиардов рублей, обязав НКЗ в месячный срок внести в смету на утверждение и поручить Комиссии использования ВСНХ и соответствующим хозяйственным наркоматам выделить необходимый по смете натуральный фонд премирования.

3. Организовать жюри из состава ВЦИК с участием специалистов НКЗ и Госплана для присуждения трех высших наград губерниям за суммарную лучшую работу по восстановлению сельского хозяйства.

4. Утвердить в качестве:

а) первой высшей награды — полный комплект электростанции с электроплугом и другими машинами по сельскому хозяйству,

б) второй высшей наградой — десять тракторов с полным комплектом сел.-хоз. машин и

в) третьей высшей награды — полный комплект для одной ремонтной мастерской губернского типа.

5. Предоставить право получившим высшие награды губерниям премировать весь состав рабочих и служащих по сельскому хозяйству прозодеждой, а крестьян или организации, наиболее выделившихся по восстановлению сельского хозяйства награжденных губерний, премировать соответствующими комплектами из числа сел.-хоз. машин, семян и т. п.

6. Независимо от высших наград по губерниям утвердить по три награды на каждую отрасль сельского хозяйства, поручив Наркомзему определить эти награды и выработать соответствующие правила присуждения.

7. Всем губисполкомам и всем органам республики предлагается оказывать полное содействие Наркомзему и его местным органам по проведению настоящего постановления СНК и ВЦИК в жизнь.

8. Отвести под помещение выставки площадь, находившуюся под помещением прежней промышленной выставки.

Из постановления IX Съезда советов РСФСР по вопросу о восстановлении и развитии сельского хозяйства, 26 декабря 1921 г.[1]

В целях подведения итогов успехам и недочетам сельско-хозяйственной кампании 1922 г. и всенародного поощрения губерний, уездов, волостей и отдельных хозяйств, приложивших особые усилия к поднятию сельского хозяйства страны, Всероссийский Съезд поручает Народному комиссариату земледелия устроить осенью 1922 г. Всероссийскую выставку по сельскому хозяйству с назначением хозяйственно полезных наград наиболее достойным (напр., оборудование электрической станции или отряда тракторов — награда губернского масштаба и т. п.). Совету народных комиссаров поручается отпустить на настоящую выставку необходимые средства.

Письмо Главного Выставочного комитета председателю Московского коммунального хозяйства, 6 октября 1922 г.[2]

Главным Выставочным комитетом, совместно с председателем ВЦИК-а тов. Калининым, под Всероссийскую сельско-хозяйствен-

[1] Съезды советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. Издательство «Ведомостей Верховного совета РСФСР». Москва, 1939 г.

[2] ЦГАОР, ф. 480, оп. 92, д. 4, л. 18.

Главный выставочный комитет по организации Сельскохозяйственной выставки был создан Коллегией Наркомзема в июле 1922 г. и впоследствии утвержден декретом ВЦИК.

ную и кустарно-промышленную с Иностранным отделом выставку выбрана территория, расположенная по берегу Москвы-реки между Крымским мостом и Нескучным садом и далее самый Нескучный сад.

Большая часть этой территории, исключая сада Голицынской больницы и Нескучного сада, представляет из себя местность, находящуюся в антисанитарном состоянии, заваленную различными отбросами, как результатом бывших городских свалок, и в настоящем виде непригодна ни для какой рациональной эксплоатации, несмотря на то, что эта территория находится почти в самом центре города. Устройство здесь выставки, независимо от общих интересов города, в связи с организуемой выставкой, даст городу новую ценную площадь земли, культивированную по последнему слову техники.

Принимая во внимание громадное политическое, государственное и экономическое значение выставки, а также вышеуказанные соображения, Главный Выставочный комитет надеется, что со стороны Московского коммунального хозяйства, в значительной мере заинтересованного в успехе выставки, будет оказано самое широкое содействие в нижеперечисленных нуждах, связанных с организацией выставки.

В настоящий момент нужды таковы.

1. Скорейшее оформление передачи вышеуказанной территории в ведение Главного Выставочного комитета.

2. Отчуждение владений, вклинивающихся в выставочную территорию.

3. Передача кирпичных остовов двух каменных домов Главному Выставочному комитету на предмет разборки и использования материала от разборки на строительные нужды выставки и покрытие расходов по разборке и уборке мусора.

4. Использование имеющегося у МКХ кредита безработных на часть работ по планировке местности.

5. Подводка средствами МКХ трамвайного тупика к железнодорожной ветке, идущей от ст. Канатчиково Окр. ж. д. к заводу Бромлей,— и трамвайной ветки на территорию выставки для подвозки строительных материалов.

6. Производство отделами МКХ работ по подводке к территории выставки магистралей водопровода и электрического освещения.

Все вышеуказанное носит исключительно срочный характер, вследствие чего Главный Выставочный комитет настоятельно просит о разрешении всех указанных вопросов в самом экстренном порядке.

Председатель Главного Выставочного комитета.

Положение ВЦИК о Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставке с Иностранным отделом 19 октября 1922 г.[1]

1. Во исполнение постановления IX Съезда советов и согласно постановления Всероссийского Центрального исполнительного коми-

[1] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 11 ноября 1922 г., ст. 866. Декрет ВЦИК о Всероссийской сельско-хозяйственной выставке за подписью М. И. Калинина был принят 19 октября 1922 г. (Опубликовано в Соб. Узак. от 11 ноября 1922 г., ст. 865).

Декретом утверждено место устройства выставки. Общее руководство было возложено на Сельско-хозяйственную комиссию ВЦИК, пополнив ее для этой работы представителями Наркомфина, Наркомвнешторга, Наркомрабкрина, Наркомнаца, НКПС, ВСНХ, Госплан, Президиума Моссовета, Московского коммунального хозяйства, Петровской сельско-хозяйственной академии, Всерос-

тета от 9 марта 1922 г.[1], Народным комиссариатом земледелия устраивается в 1923 г. на общих основаниях, определяемых настоящим положением, Всероссийская выставка сельского хозяйства и тесно связанной с ним мелкой кустарной промышленности. При выставке организуется особый иностранный отдел.

2. Всероссийская сельско-хозяйственная выставка имеет своей целью:

а) представление современного состояния сельского хозяйства и, в частности, сельско-хозяйственной и кустарной промышленности в РСФСР и в входящих в федерацию республиках;

б) выявление возможностей, представляемых производительными силами страны для развития сельско-хозяйственной перерабатывающей промышленности и экспорта;

в) осведомление широких масс населения о достижениях сельско-хозяйственной науки и практики и о возможностях приложения этих достижений в широкой практике сельского хозяйства;

г) ознакомление с успехом, достигнутым в области сельского хозяйства за-границей, и возможным содействием со стороны иностранной промышленности дальнейшему развитию русского сельского хозяйства.

3. В выставке принимают участие все входящие в РСФСР, а равно и автономные республики и области, государственные и общественные учреждения и предприятия, коллективные и частные хозяйства и производства. В иностранном же отделе участвуют иностранные учреждения и предприятия.

4. Выставке принадлежат права ярмарки образцов.

5. Выставка организуется в Москве. Открытие ее последует в августе месяце 1923 г., продолжительность определяется в два месяца. Точное время и срок выставки, а равно продолжительность открытия ее отделов и место ее устройства в Москве должны быть своевременно установлены и объявлены руководящими органами выставки.

6. Выставка распределяется по следующим отделам с соответствующими подъотделами:

1) Научно-просветительный, 2) сельского хозяйства, лесного и опытного дела, 3) земледелия, 4) лесной, 5) животноводства, 6) промысловый, 7) ветеринарии, 8) переработки продуктов земледелия, 9) переработки продуктов животноводства и промыслов, 10) кустарной промышленности, 11) кооперативный, 12) землеустройства и колонизации, 13) сельско-хозяйственно-инженерный, 14) домоводства и быта, 15) труда, 16) торгово-экспортный, 17) государственного планирования и регулирования сельского и лесного хозяйства, 18) иностранной сельско-хозяйственной промышленности.

Примечание. Руководящим органам выставки предоставляется право вносить дополнения и изменения в состав отделов выставки.

сийской центральной с.х. кооперации, Всероссийского общества агрономов, Бюро всероссийских съездов по опытному делу и Главвыставкома.

Заведывание всеми подготовительными работами по устройству выставки и организации самой выставки было возложено на Главный Выставочный комитет.

Декрет утвердил публикуемое здесь положение о Всероссийской с.-хоз. и кустарно-промышленной выставке.

[1] 9 марта 1922 г. Президиум ВЦИК вынес постановление «признать необходимым устройство Всероссийской сельско-хозяйственной выставки в 1922 году. Предложить Совнаркому в 2-х недельный срок рассмотреть смету и изыскать средства, необходимые на устройство Всероссийской выставки (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 91, д. № 50-а, л. 97).

7. Распределение экспонатов внутри отделов производится по губерниями, в соответствии с принятым сельско-хозяйственным районированием России. В интересах целостного выявления национально-бытовых и хозяйственно-экономических особенностей автономных и федеративных республик, соответствующие этим особенностям экспонаты могут быть выделены на выставке в особые территориальные единицы.

8. Средствами для покрытия расходов, вызываемых устройством и содержанием выставки, служат государственные ассигнования и кредиты. Весь валовой доход выставки: плата, взимаемая с экспонатов за места на выставке, плата за вход на выставку, суммы, какие могут быть выручены с арендных статей и хозяйственных предприятий выставки, суммы от продажи каталогов, планов, жетонов и т. п., сбор с гуляний, концертов, спектаклей и т. п., устраиваемых администрацией выставки и с ее разрешения отдельными предпринимателями,— поступают в доход казны.

9. Средства выставки расходуются комитетом в пределах смет, утвержденных в установленном порядке. Остатки средств поступают в доход казны.

10. Во время Всероссийской сельско-хозяйственной выставки устраиваются всероссийские съезды по различным отраслям сельского хозяйства, сельско-хозяйственной и кустарной промышленности, а равно конгресс сухого земледелия, с участием представителей от других стран.

11. Общее руководство делом устройства выставки и согласование всех ее мероприятий принадлежит сельско-хозяйственной комиссии Всероссийского Центрального исполнительного комитета [1]. Сельско-хозяйственная комиссия Всероссийского Центрального исполнительного комитета отвечает перед Президиумом Всероссийского Центрального исполнительного комитета за своевременную организацию выставки и успешное проведение ее в жизнь, и как высший орган выставки, рассматривает и одобряет дополнения к положению о выставке, сметы прихода и расхода по выставке, дает руководящие указания по изысканию источников ее средств и порядка их расходования и вообще по всем основным положениям ее устройства.

12. Непосредственное ведение устройством выставки возлагается на Главный Выставочный комитет, который заведует всей организацией выставки и ее управлением, под ближайшим руководством народного комиссариата земледелия.

13. Постоянный состав сельско-хозяйственной комиссии Всероссийского Центрального исполнительного комитета пополняется для работ, касающихся выставки, по одному представителю народных комиссариатов: финансов, внешней торговли, рабоче-крестьянской инспекции, Народного комиссариата по делам национальностей, Народного комиссариата путей сообщения и Высшего совета народного хозяйства, также от Государственной общеплановой комиссии, президиума Московского совета, Московского коммунального хозяйства, Петровской сельско-хозяйственной академии, Московского общества сельского хозяйства, Сельско-хозяйственной кооперации, Всероссийского общества агрономов, Бюро всероссийских съездов по опытному делу, а равно Главного Выставочного комитета в полном составе.

14. Заседания сельско-хозяйственной комиссии Всероссийского Центрального исполнительного комитета по вопросам выставки происходят не менее раза в месяц.

---

[1] Сельско-хозяйственная комиссия ВЦИК.

15. Комитету предоставляются права юридического лица, действующего от имени Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки.

16. Главный Выставочный комитет состоит из пяти лиц, назначаемых коллегией Народного комиссариата земледелия. Председатель Главного Выставочного комитета, по представлению коллегии Народного комиссариата земледелия, утверждается президиумом Всероссийского Центрального исполнительного комитета, а члены комитета — его сельско-хозяйственной комиссией.

17. В права и обязанности Главного Выставочного комитета входят:

а) распространение сведений о выставке, разработка условий приема экспонатов и их привлечение;

б) подготовка и организация территории выставки и возведение необходимых для нее сооружений;

в) утверждение программы выставки и ее отделов, инструкции деятельности комиссий, правил экспертизы и проч.;

г) ведение хозяйства и общее наблюдение за порядком на выставке;

д) распоряжение средствами выставки в пределах смет, утвержденных в установленном порядке;

е) подготовка всякого рода организационных материалов, наблюдение за общим ходом работ, ближайшее руководство ими, а также выполнение всех постановлений сельско-хозяйственной комиссии Всероссийского Центрального исполнительного комитета и ведение всего делопроизводства выставки;

ж) принятие прочих мер по представлению на выставке возможно полной картины сельско-хозяйственного производства страны и приданию ей культурно-просветительного значения.

18. Главному Выставочному комитету предоставляется право организации вспомогательных постоянных и временных комиссий (информационно-строительной, технической и проч.) с привлечением соответствующих специалистов, не входящих в состав комитета, и выбор заведующих отделами. Заведующие отделами утверждаются, по представлению Выставочного комитета, коллегией Народного комиссариата земледелия.

19. Главный Выставочный комитет собирается не менее раза в неделю. Главный Выставочный комитет два раза в месяц докладывает коллегии Народного комиссариата земледелия о ходе работ по организации выставки.

20. Председатель комитета ведет общее согласование и руководство его деятельностью, является его представителем в сношениях со всеми учреждениями и лицами, подписывает от имени комитета все договоры, обязательства, ордера и вообще непосредственно руководит финансовой стороной организации выставки, являясь распорядителем ее кредитов. Все денежные документы должны быть скрепляемы подписью главного бухгалтера, председатель утверждает приглашение и увольнение всего персонала служащих выставки и, по представлению соответствующих членов комитета,— заведующих отделами.

21. В целях широкой информации о выставке, установления посредничества между местными учреждениями и населением, с одной стороны, и центральными органами выставки, с другой, и, вообще, в целях организованного участия на выставке отдельных республик, областей и районов России — учреждаются местные выставочные комитеты.

22. Местные комитеты Всероссийской сельско-хозяйственной выставки организуются под председательством председателя экономического совещания (или лица по его уполномочию), при непременном участии заведующего губернским или областным земельным управлением, губернского агронома и по одному представителю от местных кооперативных организаций и сельско-хозяйственных обществ.

23. Главный Выставочный комитет имеет печать с гербом РСФСР с надписью «Всероссийская сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная выставка 1923 года».

24. Как местные выставочные комитеты, представляющие коллективные экспонаты своего района, так и отдельные экспонаты должны не позднее срока, который будет Выставочным комитетом установлен, представить письменное заявление о желании принять участие в выставке, с приложением подробного перечня экспонатов, с указанием размера необходимой для них площади в закрытых помещениях и на открытом пространстве.

25. Плата за провоз экспонатов на выставку оплачивается всецело самими экспонентами. Лишь предметы и коллекции, предназначаемые для экспонирования в научном отделе выставки, а равно коллективные экспонаты мелкого крестьянского хозяйства и кустарного производства, представляемые местными комитетами, могут быть в исключительных случаях перевезены на выставку и возвращены с таковой за счет Главного Выставочного комитета, по предварительному с ним соглашению.

26. Уход за выставленными животными, их фуражирование, уход за живыми растениями — возлагается всецело на самих экспонентов или их уполномоченных.

27. Иностранные экспонаты, отправляемые в адрес Главного Выставочного комитета, освобождаются от таможенных пошлин.

28. Выставленные предметы могут быть запроданы на выставке, но не могут быть сняты ранее ее закрытия. Правило это не распространяется лишь на отдельные категории местных мелких кустарных экспонатов, торговля которыми может быть допущена по особому разрешению комитета. Со всех продаваемых экспонатов взимается в пользу выставки определенный процент с вырученной суммы, а в случае затруднения учета торговли,— по особому, заранее установленному соглашению с Комитетом.

29. За лучшие экспонаты, выставленные на выставке, будут присуждены награды и персональные премии. Награды и премии будут состоять из: а) высших почетных государственных наград, б) почетных дипломов, в) наград первой, второй и третьей степени с выдачей предметов и материалов, необходимых для ведения сельско-хозяйственного производства или мелких кустарных промыслов и г) персональных денежных премий выдающимся руководителям той или иной отрасли производства.

30. Высшие государственные почетные награды, в числе трех, будут выданы наиболее отличившимся губерниям за их суммарную работу по восстановлению производительности сельского хозяйства.

31. Количество наград и распределение по отделам устанавливается Выставочным комитетом и Сельско-хозяйственной комиссией Всероссийского Центрального исполнительного комитета. Присуждение наград производится специальными экспертными комиссиями под председательством членов Сельско-хозяйственной комиссии Всероссийского Центрального исполнительного комитета, действующими на основании особой инструкции.

32. По закрытии выставки, экспоненты обязаны в месячный срок взять свои экспонаты и витрины, а также снести выстроенные ими

павильоны, каковые по истечении срока поступают в полное распоряжение Комитета выставки.

33. Выставочному комитету предоставляется право издавать в развитие настоящего положения соответствующие правила и инструкции, а равно вводить в положение необходимые пополнения, с утверждения подлежащих высших инстанций.

Председатель Всероссийского Центрального исполнительного комитета М. Калинин.

Телеграмма председателя Сельско-хозяйственной комиссии ВЦИК М. И. Калинина всем предсовнаркомам, наркомземам и губисполкомам [1]

Открытие в Москве, согласно постановления IX Съезда советов, Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки с иностранным отделом назначено на 15 августа 1923 года. Необходима всесторонняя подготовка мест к предстоящему смотру сельско-хозяйственных сил федерации. Республики, области, губернии должны выявить фактическое положение их сельского хозяйства, особенно крестьянского, меры, принятые ими к его развитию, а также богатства и возможности края, пока неиспользованные. Поставьте вопрос о подготовке к выставке в порядок дня на съездах советов. Губерния — победительница в соревновании работ по возрождению хозяйства страны будет гордостью революции.

Председатель Сельско-хозяйственной комиссии ВЦИК'а

М. Калинин.

Постановление Сельско-хозяйственной комиссии ВЦИК, 16 декабря 1922 г.[2].

Заслушав доложенные материалы о ходе подготовительных работ по организации Всероссийской сельско-хозяйственной выставки, Сельско-хозяйственная комиссия ВЦИК постановляет:

1. Признать, что работа Главного Выставочного комитета ведется в надлежащем темпе с должным размахом и вполне соответствует государственному значению выставки. В отношении же основных начал выставочной работы и содержания отделов выставки Комиссия присоединяется к положениям, высказанным в постановлении Коллегии НКЗ от 7 декабря с. г.:

1. Что основной уклон этой работы, направленной: 1) к выявлению на Выставке положения и нужд среднего типичного хозяйства, главным образом, крестьянского, 2) к демонстрированию образцовых, возможных к быстрому проведению в сельском хозяйстве республики, улучшенных методов ведения сельского хозяйства и 3) к пропаганде перспектив развития крупных коллективных государственных форм сельского хозяйства, должен быть признан вполне правильным.

---

[1] Телеграмма была опубликована в «Известиях ВЦИК» 10 ноября 1922 г., № 254. Подлинник телеграммы хранится в ЦГАОР.

[2] Бюллетень Главного комитета по организации Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки с иностранным отделом, № 1, 10 февраля 1923 г.

Проект постановления в несколько иной редакции хранится в ЦГАОР, ф. 480, оп. 133, д. № 17, л. 13—14. В целях правильного руководства сельско-хозяйственной кампанией 1922 г., IX Всероссийский съезд советов принял решение об учреждении Сельско-хозяйственной комиссии при ВЦИК с особыми полномочиями. Возглавить деятельность. Комиссии было поручено М. И. Калинину.

2. Вместе с тем предложить Главному Выставочному комитету сосредоточить основную работу свою по подготовке достаточного должного и планомерного содержания Всероссийской сельско-хозяйственной выставки и на привлечение к этой работе местных земорганов, путем как повседневного руководства их работой, индивидуализируя это руководство для каждого района, в зависимости от основного направления сельского хозяйства в них, так и путем командировок на места ответственных работников.

3. Предложить всем земорганам и просить все НКЗ республик, входящих в федерацию, начать самую энергичную подготовку к выставке и просить их провести в местных исполкомах и экосо постановления о максимальном внимании и энергии по подготовке к Всероссийской сельско-хозяйственной выставке, с выделением возможно больших на это местных средств, обратиться вместе с тем ко всем земорганам и НКЗ республики с предложением прислать к 5 января подробные доклады о всем предпринятом на местах по подготовке к выставке.

Вместе с тем, принимая во внимание чрезвычайную краткость времени, остающегося до открытия выставки, Сельско-хозяйственная комиссия ВЦИК признает неотложно необходимым просить Президиум ВЦИК вынести следующие постановления:

1) Поручить Наркомфину не позднее 25 сего декабря установить совместно с Главным Выставочным комитетом порядок и план и главные сроки финансирования выставки и подготовительных мероприятий на весь выставочный период, своевременно обеспечив за нею надлежащие денежные средства с отпуском кредитов, в размере соответствующем действительной потребности;

2) обязать ВСНХ отпустить Главному Выставочному комитету в кредит до выяснения доходов от выставки необходимые материалы для строительства по разрядам химической, силикатной, металлической и бумажной промышленности, а также и по Главкустпрому, согласно ведомости, доложенной Сельско-хозяйственной комиссии ВЦИК;

3) предложить Фондовой комиссии СТО в срочном порядке выделить в распоряжение Главного Выставочного комитета потребные для сооружения выставки технические материалы и Наркомпроду отпустить продовольственные продукты для рабочих и экскурсантов в количестве, указанном в ведомости Главного Выставочного комитета, согласовав таковое с Наркомпродом;

4) предложить НКПС распространить льготу по перевозке для выставки по пониженному тарифу строительных материалов на все грузы, отправляемые в адрес Главного Выставочного комитета;

5) имея в виду необходимость самого срочного выяснения размера участия в выставке всех учреждений и предприятий, обязать все наркоматы и главки в 2-недельный срок выработать конкретные проекты своего участия на выставке, а равно и возможного с их стороны содействия, причем в каждом наркомате и главке для указанного содействия должны быть назначены, в виду срочности подготовки и важного значения выставки, особые ответственные работники;

6) предложить всем исполкомам выделить на подготовку экспонатов к выставке достаточные местные денежные средства и направить надлежащее внимание на ударное выполнение всех работ, связанных с участием мест на выставке.

Председатель Сельско-хозяйственной комиссии Всероссийского Центрального исполнительного комитета

М. Калинин

Телеграмма председателя ВЦИК М. И. Калинина всем ЦИК и СНК автономных республик, всем Губисполкомам, копия всем ЭКОСО, всем НКЗ республик, всем Губземуправлениям, 5 февраля 1923 г.[1]

Президиум ВЦИК, придавая первоочередное значение Всероссийской сельско-хозяйственной выставке 1923 г., предписывает всем ЦИК-ам и СНК республик, всем исполкомам представить к 15 февраля точные данные о: 1) всех принятых мерах подготовки к Выставке, 2) отпуске местных средств, 3) календарном плане, 4) смете работ, 5) размерах требуемой для размещения экспонатов площади. Получение этих данных до 15 февраля необходимо для включения в общий план высылки денег центром, иначе участие в выставке не ответивших к сроку не обеспечено. Ответственность за срочность, успешность, календарную подготовку к Выставке возлагается Президиумом ВЦИК на пред. ЦИК, предгубисполкомов.

Председатель ВЦИК М. Калинин.

Речь М. И. Калинина на Всероссийском съезде выставочных комитетов, 6 марта 1923 г.[2]

Второе собрание Всероссийской сельско-хозяйственной выставки объявляю открытым. Товарищи, я уже на прошлом собрании[3] заявлял, что вопросы сельского хозяйства начинают все более и более приобретать значение в Советской республике. Исходя из этого, Съезд советов IX созыва постановил о необходимости Всероссийской сельско-хозяйственной выставки. На прошлом собрании мы только приступили к организации этой выставки. В настоящий момент мы уже прослушали доклад отдельных деятелей подготовки к этой выставке.

Товарищи, я не буду рисовать вам работу самой выставки. Я хочу только бросить несколько штрихов о значении такой выставки. Товарищи, это производство наиболее распыленное из всех остальных производств и, в соответствии с этим, производитель сельского хозяйства, пожалуй, более чем какой-нибудь другой производитель, нуждается в общении, нуждается в том, чтобы показать те результаты, которых достиг он в своей деятельности. В соответствии с этим, когда производитель видит достижения других и показывает свои, несомненно энергия от этого увеличивается во много и много раз. Это свойственно человеку, что энергия человеческая, его желание деятельности увеличивается в соответствии с тем, с каким вниманием к его работе относятся остальные люди. Можно смело сказать, как бы ни был энергичен человек, если на его работу не обращают внимания окружающие, если его работой не интересуются, если он знает, что его работа пропадет вместе с ним, несомненно его воля, энергия, желание к труду падает до минимальных размеров. Наоборот, если кто-нибудь замечает, что его работа имеет значение, подхватывается другими, это возбуждает,

---

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 7, д. № 62, л. 60. Телеграмма опубликована в бюллетене Главного выстав. комитета № 3 от 27 февраля 1923 г.

ЦГАОР, ф. 480, оп. 134, д. № 15, лл. 110—113.

Всероссийский съезд выставочных комитетов состоялся в Москве 5—10 марта 1923 года. На Съезде присутствовали представители (по данным на 6 марта) 57 выставочных комитетов и 21 представитель наркоматов, госучреждений и хозяйственных органов. Съезд заслушал и обсудил: Доклад Главного выставочного комитета, доклад Научно-агрономической секции (какие экспонаты ждет выставка с мест), доклад о работе на местах.

6 марта для делегатов Съезда был устроен в Колонном зале Дома союзов сельско-хозяйственный вечер, на котором выступил с приведенной здесь речью М. И. Калинин.

[3] Стенограммы речи М. И. Калинина от 5 марта — дня открытия Съезда выставочных комитетов — в материалах не обнаружено.

поднимает в нем энергию, заставляет его еще больше на этом поприще работать.

И вот, товарищи, несомненно Всероссийская сельско-хоз. выставка должна служить нескольким целям. Одна из этих целей именно показать, что сделано в сельском хозяйстве или что имеется в сельском хозяйстве Российской Советской республики в целом ряде отраслей, в особенности в научной отрасли. Теперь после войны, после интервенции мы знакомимся с Западной Европой и наши ученые с гордостью, с чувством самодовольства замечают, что мы немного отстали от Западной Европы, а в некоторых случаях в целом ряде отраслей опередили ее. Работники по сельскому хозяйству хотят показать, что сделано Советской республикой по сельскому хозяйству. Это одна сторона вопроса.

Другая сторона вопроса — при устройстве выставки каждый наберется энергии, каждый увидит, что его работа суженная, как и всякая работа отдельного человека, суженная до узкого предела, что она не является отдельной самостоятельной независимой работой от остальных, а что она является частицей целого дела, она является одним маленьким ручейком. Он в этой выставке увидит огромное количество ручейков и из этих ручейков создаются огромные многоводные реки, а его ручеек является одной из частиц многоводной реки. Вот, товарищи, те задачи, которые стоят перед выставкой.

Наконец последняя задача — выставка должна служить не только возбудителем, но и показателем, учебным фактором. Выставка есть один из способов ознакомления с достижениями отдельных людей. У нас в Советской республике в отдельных хозяйствах есть сравнительно большие достижения, но об этих достижениях не знают другие работники Советской республики. Выставка будет служить таким учебным показателем для всей Советской республики.

Вот, товарищи, этих трех факторов вполне достаточно, чтобы признать важность и необходимость Всероссийской сельско-хозяйственной выставки. Я, разумеется, не останавливаюсь на других политических и экономических явлениях, которые бесконечное количество раз доказывались в бесконечном количестве газетных и литературных статей, я останавливаюсь на тех факторах, на которые указывают мало, но которые имеют огромное значение для дальнейшего поступательного хода сельского хозяйства.

Сельское хозяйство имеет теперь самое актуальное значение и не только здесь, в Советской России, но, несомненно, имеют огромное значение на международной арене. Самое слабое появление наше на международной торговой арене в 1922 году явилось важным фактом [1]. Весь торговый мир заметил присутствие Советской республики на международном рынке в 1922 г., когда мы, по существу говоря, вывезли минимальное количество продуктов, вывезли продукты, которые у нас не служили главными статьями нашего вывоза, и все-таки наше присутствие на международной арене стало заметным. Я не сомневаюсь, что в 1923 г., за это как будто говорят все объективные условия, я не сомневаюсь, что в 1923 г. наше значение во много раз увеличится и увеличится это значение постольку, поскольку сельское хозяйство будет правильно развиваться и крепнуть.

Среди работников сельского хозяйства, среди самых широких слоев крестьянских масс распространено мнение о необходимости поднятия

[1] Советская Россия в апреле 1922 г. участвовала в Международной экономической конференции (Генуэзская конференция). Официальной целью Конференции было экономическое «восстановление Европы», фактически же решался вопрос об установлении взаимоотношений между Советской Россией и капиталистическим миром.

сельского хозяйства, мы можем сказать в самом воздухе носится желание во что бы то ни стало поднять сельское хозяйство. Бывают такие периоды, когда определенная мысль невольно охватывает самые широкие слои населения. И вот в настоящий момент это произошло и среди крестьянских масс, вероятно, главным образом, среди крестьянских масс, ибо в крестьянские хозяйства вернулось огромное количество наших красноармейцев, наших военнопленных, которые были в Западной Европе, которые видят отсталость русского крестьянского хозяйства от западно-европейской культуры.

Наконец, красноармеец политически вырос, обладает большой энергией и желает ее проявить. Вот такой красноармеец возвращается в деревню и видит экономическое убожество; он не хочет мириться с этим. Вероятно, такое психологическое явление и толкает наше крестьянство к улучшению своего сельского хозяйства, вероятнее всего эта мысль улучшить сельское хозяйство, которая господствует в крестьянской среде, проникает и просасывается в интеллигентскую среду сельскохозяйственных специалистов. И недаром на прошлом собрании от студентов с.-х. Академии было заявлено желание участвовать на Всероссийской с.-х. выставке. Это желание принять участие, эта пронизывающая мысль дает нам огромные надежды на то, что мы сможем использовать это стихийное массовое стремление, сможем направить его рационально в необходимое русло и поднять сельское хозяйство. Я не сомневаюсь в том, что результаты должны получиться огромные и результаты эти теперь должны быть сравнительно большими, чем когда либо. Вероятно, эти результаты мы увидим собственными глазами. Эти перспективы дают нам полную уверенность, что та энергия и стремление, которые наблюдаются в этом направлении, будут в конечном счете превращены в реальную возможность и эта реальная возможность будет служить громаднейшим фактором по поднятию культур и улучшению материальных сил Советской республики.

Приветствие тов. Ленину от строителей Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки, 18 марта 1923 г.[1]

Дорогой товарищ и наш вождь Владимир Ильич!

Мы, рабочие, отдающие все свои силы постройке Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставке, подготовляя первый в Советской России смотр нашему сельскому хозяйству, который должен быть смертельным ударом развивающегося буржуазного строя и побудительным моментом для дальнейшего строительства и укрепления власти рабочих и крестьян, собравшись в годовщину Парижской Коммуны, и вместе с тем в 25-тилетие руководительницы рабочего класса — РКП, приветствуем тебя, как основоположника, оплота и авангарда рабочих и трудящихся и от всей души желаем тебе скорейшего выздоровления.

Мы верим, что увидим тебя снова не только впереди нарастающей мировой революции, но и на нашем предстоящем празднике сельского хозяйства, который мы подготовляем нашими руками — на Всероссийской сельскохозяйственной выставке.

Циркулярное письмо Секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова всем губкомам и обкомам РКП, 30 марта 1923 г.[2]

Предстоящая в августе с/г. Союзная сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная выставка с Иностранным отделом имеет большое

[1] Бюллетень главного комитета по организации Всероссийской сел.-хоз. и куст.-промыш. выставки с Иностранным отделом, № 6, 21 марта 1923 г.

[2] ЦГАОР, ф. 480, оп. 133, д. № 17, л. 5.
Опубликовано в бюллетене Главвыстkома № 14 от 6 июня 1923 г.

хозяйственно-экономическое и политическое значение. Она должна выявить действительное положение крестьянского хозяйства со всеми наметившимися прогрессивными достижениями и тенденциями, наряду с наибольшей выгодностью коллективных и советских форм хозяйства. Поэтому необходимо предупредить как попытки идеализации на выставке мелко-крестьянского хозяйства, так и превращение Выставки в несоответствующую действительности картину показного процветания коллективных форм сельского хозяйства. Для достижения этого рекомендуется:

1. Выделить для руководства подготовительной работой по выставке члена губкома или обкома, фамилию которого сообщить в Агитпроп ЦК.

2. Во главе губвыставкома рекомендуется выдвинуть вполне ответственного партийного товарища, на которого и возложить фактическую ответственность за работу выставочного комитета.

3. Пересмотреть состав местных выставкомов, с целью усиления в них коммунистического влияния и создания условий для дружной совместной со специалистами работы.

4. Особое внимание уделить руководству подготовкой на Выставке отделов труда, быта, экономики, агропомощи, кооперации, совхозов и колхозов.

5. Агитационную работу в связи с Выставкой поставить так, чтобы она захватила возможно широкие крестьянские массы.

6. Периодически заслушивать в Губкоме доклад комфракции губвыставкома.

Секретарь ЦК РКП В. Молотов

Выписка из протокола заседания президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета сов. раб., крест., красноармейских и казачьих депутатов, 3 мая 1923 г., № 27/б.[1]

Слушали: 1. Доклад Главного Выставочного комитета.

Постановили: Заслушав доклад Наркомзема и президиума ГВК и содоклад НК РКИ о ходе мероприятий по устройству Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки в 1923 г., Президиум ВЦИК в целях обеспечения достаточными силами и средствами дальнейшего проведения указанной работы постановляет:

1. Признать, что все работы ГВК в общем и целом удовлетворительны. Предложить всем органам и учреждениям РСФСР, от которых зависит успешность работы по подготовке Выставки, оказывать полное содействие ГВК с тем, чтобы вся работа была бы закончена в срок, к 15 августа 1923 года.

2. Предложить совнаркомам автономных республик и всем губисполкомам безотлагательно выделить из своего состава лиц, ответственных за успешный ход подвыставочной работы, вменив в обязанность последним каждые две недели подробно осведомлять президиум ВЦИК и Главвыставком о положении дела подготовки к Выставке на местах и об отпуске на подготовку Выставки необходимых по сметам сумм.

3. Предложить коллегии НКЗ не позднее 15 мая с. г. представить на утверждение Президиума ВЦИК согласованный с Наркомфином и НКП проект налоговых льгот для крестьян и совхозов, экспонирующих на Выставке произведения сельского хозяйства.

4. Предложить НКПС к тому же 15 мая разработать и согласовать с Наркомземом план срочной перевозки на Всероссийскую выставку

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 133, д. № 17, л. 16.

экспонатов и план перевозки экскурсантов, а также обсудить вопрос о льготах, тарифах на перевозку тех и других.

5. Для разработки всех вопросов, связанных с Всероссийской с.-х. выставкой, образовать комиссию.

Из информационной сводки пресс-бюро Главного комитета по устройству Всероссийской с.-х. выставки, 5 мая 1923 г., № 44.[1]

М. И. Калинин и В. В. Куйбышев на территории Выставки

Вчера председатель Президиума ВЦИК М. И. Калинин, нарком рабкрин т. Куйбышев совместно с членами президиума Главного выставочного комитета посетили территорию выставки и знакомились с ходом работ по сооружению павильонов, проведению канализации, водопровода, по осуществлению мероприятий санитарного характера, с условиями труда многочисленных рабочих-строителей, занятых на территории, и пр. М. И. Калинин проявил особый интерес к вопросу о расположении павильонов союзных республик.

В беседе с руководителями работ тов. Калинин, Куйбышев констатировали наличие значительного успеха в подготовке выставки и выразили уверенность в том, что при темпе взятом Главным комитетом выставка будет готова в срок и все задания по организации ее будут выполнены. Вместе с тем было сделано указание на то, что все организации и учреждения, в той или иной мере соприкасающиеся с деятельностью Главного комитета, должны своим содействием всемерно способствовать успеху государственного дела, каковым является устройство первой сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки Союза Советских социалистических республик.

Циркулярное письмо Главного выставочного комитета в редакцию местных газет, [май] 1923 г.[2]

Дорогие товарищи!

15 августа 1923 г. в 12 час. дня в Москве открывается Всероссийская сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная выставка с Иностранным отделом. В центральной прессе, партийной и советской,— в статьях и в беседах с наиболее ответственными работниками уже отмечалось колоссальное значение для республики предстоящей выставки. Построенная на самых широких началах, она явится смотром крестьянских хозяйств всей нашей обширной федерации и покажет Западной Европе все наши основные сельско-хозяйственные сырьевые ресурсы,— наше золото. Выставка должна подвести итоги нашим достижениям в области сельского хозяйства за пять лет существования власти Советов, выяснить перспективы, лежащие перед нашей по преимуществу сельско-хозяйственной страной, продемонстрировать достижения в области сельско-хозяйственной науки и техники.

Естественно, что в успехе этого грандиозного предприятия должны быть заинтересованы самые широкие круги населения. Подготовка к

---

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 91, д. № 23, лл. 37, 39.
Опубликовано в «Известиях ВЦИК», 6 мая 1923 г.
Пресс-бюро Главного Выставочного комитета по организации Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г. начало функционировать с конца 1922 года. Оно готовило и рассылало информационный материал о ходе организации и деятельности Сельско-хоз. выставки в московскую прессу.

[2] ЦГАОР, ф. 480, оп. 7, д. № 62, л. 77.

этому всенародному смотру земли должна вестись всем миром. И совершенно ясно, что не только центральная пресса, но все наши провинциальные газеты — губернские и уездные, а там, где они есть,— волостные и даже сельские листки,— должны уделять этому важнейшему для республики вопросу возможно больше внимания и места.

Учитывая недостаточность, а иногда и неимение материалов по этому вопросу на местах, Главный выставочный комитет решил снабжать провинциальную прессу информационным материалом и статьями из центра.

22 ноября с. г. Бюро печати Всероссийской выставки начало регулярно рассылку по всем провинциальным органам печати информационных сводок, статей ответственных работников Главного комитета и журналистов, клише с рисунков и фотографий, не взимая за то никакой платы. Кроме того, по мере возможности, Бюро печати будет выполнять специальные задания отдельных провинциальных газет и журналов.

Главный Выставочный комитет не сомневается, что все посылаемые им материалы, интересные с газетной точки зрения, будут использованы провинциальной прессой в полной мере.

Со всеми запросами, касающимися информации, Комитет просит обращаться по указанному выше адресу и по тому же адресу присылать в двух экземплярах провинциальные издания.

О получении настоящего письма Бюро печати просит поставить его в известность.

Из бюллетеня Иностранного отдела Главного Выставочного комитета, 27 июня 1923 г., № 18 [1].

В беседе с сотрудником «Правды» т. Калинин заявил, что во время своих объездов окраин федерации [2] он мог констатировать энергичную работу на местах по подготовке к с.-х. выставке. Точно также идет и в центре весьма быстрым темпом постройка выставочных зданий. Это дает т. Калинину уверенность, что Всероссийская сельскохозяйственная выставка выявит на сельском хозяйстве картину русского сельского хозяйства и связанных с ним промыслов.

Касаясь участия заграницы, т. Калинин констатирует, что представители заграничных фирм будут участвовать на выставке в значительно большей степени, чем этого можно было ожидать. «Несомненно,— говорит т. Калинин,— что этот факт должен сыграть значительную роль в деле установления связи между нами и заграницей в области торговли и обмена продуктами промышленности».

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о льготах по единому сельско-хозяйственному налогу крестьянам, участвующим в работах по постройке Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарной промышленности выставки, 5 июля 1923 г. [3].

В интересах своевременного завершения и ускорения выставочных работ к назначенному сроку, Президиум Всероссийского Центрального

---

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 107, д. № 61, л. 55.

[2] В июне 1922 г. М. И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершил поездки по Крымской республике. В мае месяце 1923 г. М. И. Калинин с поездом «Октябрьская революция» совершил 18-й рейс по маршруту: «Пятигорск, Минеральные воды, с. Ольгинское, Владикавказ, Мачах-Кала, ст. Петропавловск, аул Урус, Мартен, Грозный, Нальчик, Георгиевск, Лабинская, Елизаветинская, Ростов-Дон.

[3] ЦГАОР, ф. 480, оп. 102, д. 20, л. 22.

Опубликовано в Собр. Узак. и Распор. № 66 от 19 сентября 1923 г., ст. 644.

исполнительного комитета постановляет: распространить льготы, предоставленные крестьянским хозяйствам, участвующим в качестве экспонентов на Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставке, в отношении освобождения их от внесения двадцати пяти процентов единого сельско-хозяйственного [1] налога, на трудовые хозяйства всех крестьян-рабочих, которые будут состоять на работах по постройке выставки непрерывно от сего времени до окончания работ.

Председатель ВЦИК М. Калинин

Из информационной сводки Пресс-бюро Главного комитета по устройству Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г., 13 июля 1923 г., № 67 [2].

Тов. Буденный и выставка.

На Дону и Кавказе под непосредственным руководством тов. Буденного, состоящего уполномоченным Укона [3], ведутся серьезные работы по восстановлению верхового коневодства.

Выявление производственных работ на Всероссийской выставке имеет громадное значение. От тов. Буденного Главвыстком получил уведомление о желании послать на выставку 47 лошадей заводов Дона и Кавказа, находящихся в его ведении. Судя по приложенным описаниям этих лошадей, они представляют великолепную коллекцию, в которой кроме полукровных лошадей есть арабы и орлово-растопчинские лошади, сравнительно редкие экземпляры; кроме того 4 лошади будут посланы на выставку для испытаний на пробег и в возке тяжестей.

Свободные места в павильонах для посылаемых тов. Буденным лошадей имеются в отделе животноводства. Главвыставком отнесся с большим вниманием к заявлению тов. Буденного и все посылаемые им лошади будут приняты за исключением жеребят-сосунов, которые по уставу выставки не допускаются.

Из бюллетеня Иностранного отдела Главного Выставочного комитета, 29 июля 1923 г., № 23 [4].

В. И. Ленин и Всероссийская сел.-хоз. выставка.

В. И. Ленин за последнее время проявляет большой интерес к Всероссийской выставке и к ходу работ по сооружению ее. От имени строительных рабочих, сотрудников и президиума Главного Выставочного комитета В. И. Ленину на днях был поднесен первый выпуск альбома выставки, начиная с планировки площади у Крымского вала — прежней свалки и кончая современным состоянием территории выставки с уже законченными стройкой выставочными павильонами.

На альбоме фотографий следующая надпись:

«Дорогому и глубоко уважаемому учителю и вождю тов. Владимиру Ильичу Ленину от имени строительных рабочих, сотрудников и президиума ГВК на память о постройке Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки СССР в 1923 г., зна-

[1] Декрет ВЦИК и Совнаркома о льготах по единому сельско-хозяйственному налогу для крестьянских хозяйств, представивших на Всероссийскую сельско-хозяйственную и кустарно-промышленную выставку в качестве экспонатов предметы и произведения своего сельского хозяйства или скот. Опубликован в Собр. Узакон. и Распор. № 64 от 14 сентября 1923 г., ст. 622.

[2] ЦГАОР, ф. 480, оп. 91, д. № 23, л. 104.

[3] Государственное управление конезаводства и коневодства.

[4] ЦГАОР, ф. 480, оп. 107, д. № 61, л. 100.

менующей одну из ярких страниц истории поднятия народного хозяйства рабоче-крестьянских республик.

Строительные рабочие, сотрудники и члены Президиума ГВК шлют дорогому Владимиру Ильичу свой горячий привет и приглашают его в полном здоровии посетить и осмотреть первую рабоче-крестьянскую выставку, являющуюся залогом смычки города и деревни».

В. И. Ленину доставлен также полный комплект изданий Главного Выставочного комитета и информационные бюллетени.

Из бюллетеня Иностранного отдела Главного Выставочного Комитета, 26 сентября 1923 г., № 5 [1].

Культурно-просветительная работа ГВК

ГВК использовывает пребывание крестьян-экскурсантов на выставке для устройства различных диспутов, митингов, собеседований и зрелищ, помогающих крестьянину-экскурсанту усвоить виденные им на выставке достижения науки и техники, значение выставки.

В воскресенье 16 сентября на площади перед главным домом состоялся митинг, привлекший многотысячную толпу экскурсантов-крестьян и посетителей выставки. Митинг был посвящен докладу Чичерина на тему «О значении 1-ой сельско-хозяйственной выставки».

«С каждым днем,— начал Чичерин,— все более и более выясняется колоссальное значение нашей выставки для международного положения России. С каждым днем впечатление, производимое нашей выставкой во всех странах, становится глубже и ярче. Выставка послужила началом новой полосы международных отношений. Иностранцы настолько поражены открывшейся перед ними широкой картиной, что они в один голос заявляют, что они совершенно не подозревали, какая громадная строительная и положительная работа совершается в советских республиках».

В резолюции, принятой собравшимися на митинг, говорится: «Трудящиеся всей Советской России приветствуют свое рабоче-крестьянское правительство, создавшее, несмотря на переживаемые всей Советской республикой трудности, выставку-школу, выставку-смычку — между пролетариатом и крестьянством».

15 сентября в выставочном театре «Дома крестьянина» начались показательные спектакли нового крестьянского театра, научно-агрономические пьесы.

В театре идут следующие пьесы: «Берегите лес», «Что посеешь, то и пожнешь» и другие. Театр всегда переполнен. Спектакль всегда имеет огромный успех у слушателей.

16 сентября на территории выставки состоялось открытие участка гидроторфа.

К этому приурочены были лекции и беседы о значении гидравлической добычи торфа.

Вот краткий перечет тех достижений, которые гидроторф сделал за последние два года. В 1919 г.— 140 тыс. пудов воздушно-сухого торфа, в 1920 г.— 350 тыс. пудов, в 1921 г.— 1 000 тыс. пудов, в 1922 г.— 3 000 тыс. пудов и в 1923 г.— 7 500 тыс. пудов. В 1924 г. напечено 16 000 тыс. пудов. Все машины, демонстрируемые на выставке, не только изобретены, но и выполнены в России на заводе имени «Владимира Ильича» в Москве.

18 сентября на территории выставки состоялся большой митинг народов, при участии члена ЦК Германской коммунистической партии

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 127, д. № 61, л. 162.

Тельмана и многочисленных представителей народностей, входящих в состав СССР. Тельман отметил исключительное значение выставки и сообщил, что на днях в Москву, по приглашению ГВК, приедут представители крестьян западных народов для осмотра выставки. Ряд представителей народностей (буряты, абхазец, киргизы, украинец, калмык, чуваш) выступали с речами, в которых высказывали радость по поводу того, что теперь они равноправны со всеми и могут устраивать свою жизнь, согласно условий своего быта. Собранием вынесена резолюция, выражающая удовлетворение в том, что наше хозяйство крепнет и народы, входящие в Союз, объединяются в стремлении к победе на фронте труда.

19 сентября был устроен «день животноводства». Присуждение премий экспонатам, представляющим северное скотоводство России. По окончании торжественного заседания в летнем театре состоялся диспут на тему: «Пути развития русского животноводства». «Наблюдения агрономов,— говорили докладчики,— в ряде губерний указывают, что простой крестьянский скот, поставленный в хорошие условия, увеличивает удой вдвое. Если мы приложим знания к этому скоту, то мы достигнем больших результатов. Залог успехов — в самодеятельности населения и в организации в кооперативные товарищества и артели.

Если у нас громадный процент безлошадных — необходимо переходить к машине. Необходимо постепенно заменять лошадиную силу в деревне машиной, а для того, чтобы крестьяне могли это сделать, необходимо стремиться улучшить свое хозяйство и поднять его доходности».

20 сентября состоялся день коллективизации сельского хозяйства, который прошел при огромном стечении крестьян-экскурсантов. Во всех аудиториях выставки лекции под лозунгом: «Долой трехполье и общину», «Да здравствует хозяйственная революция в деревне, да здравствует коллективный труд. Вечером — диспут, в результате которого принимается резолюция, в которой, между прочим, заявляется: «Коллективизация — единственно правильный путь к улучшению сельского хозяйства». В лекции «О сельско-хозяйственном машиностроении и коллективизации» докладчик отметил успехи русского машиностроения: «на выставке мы видим, теперь уже ряд машин русских заводов, которые ранее у нас не производились. Тракторы необходимо вводить и в нашем сельском хозяйстве. Но пока они мало доступны в цене для одиночек-крестьян, необходимо организовать коллективные товарищества по закупке машин».

21 сентября организован был «День новой деревни», на котором был произведен суд над старой избой: она вредна для здоровья, она огнеопасна и хозяйственно убыточна, темна и холодна. Скот при старой избе в холоде и теряет свою полезность. Нужна новая хорошая изба и теплое помещение для скота. В новой деревне будет изба, построенная с разумным хозяйственным расчетом. В резолюции, завершившей этот суд, говорится: «Необходимо порвать с прежними навыками сельско-хозяйственного строительства и перейти к строительству на научных основаниях».

22 сентября на территории выставки ГВК организовал «день просвещения», привлекший многочисленных экскурсантов-крестьян, рабочих и сельских учителей, наполнивших сверх меры главную аудиторию выставки, в которой с большим докладом выступил народный комиссар просвещения — Луначарский. Доклад народного комиссара был посвящен вопросу о просвещении широких масс народов, населяющих СССР.

После доклада Луначарского массовый митинг вынес резолюцию, где говорится, между прочим: «Все наши силы — на помощь советской

власти, крестьянин — к плугу, рабочий — к молоту, учитель—в школу, но все вместе, к одной и той же цели, во имя одной и той же идеи народного просвещения, закрепления советского режима, оздоровление народного хозяйства.

23 сентября был организован «день кооперации». Работники кооперативных учреждений и члены кооперативов всех видов — потребительской, сельско-хозяйственной, промысловой кооперации стройными рядами со своими знаменами и оркестрами продефилировали по Красной площади и оттуда — на территорию выставки, где на Ленинской площади состоялся митинг. День кооперации собрал многотысячную толпу. Выступавшие на митинге ораторы, в своих речах отмечали необычайно сильное стремление в среде широких кругов населения к кооперированию своего хозяйства — кооперированию производства, потребления и сбыта. Особенно благодарная роль выпала на долю сельской кооперации.

Детская комиссия при ВЦИК устраивает «детский день», желая показать организованность беспризорных детей, их достижения в области производств и успехи в науках. Особенно комиссия хочет демонстрировать успехи в этих областях дефективных детей. Общая агитационная цель «дня» — выявить идеи социального воспитания, пионерского движения и пропагандировать среди детей идеи сельско-хозяйственной выставки и ее значение для молодого поколения республики.

В павильоне машиностроения выставки профессор Петровской сельско-хозяйственной академии сделал доклад о положении тракторного дела. Обрисовывая положение тракторного дела в России, профессор указал, что до революции у нас не было ни одного завода, занятого работой тракторов, теперь работают уже три больших завода: Коломенский, Харьковский и 4 Государственный завод, работающий тракторы для русского сельского хозяйства. Некоторые из этих русских тракторов демонстрировались тут же перед слушателями.

II

Речь Клары Цеткин на празднике урожая Всесоюзной сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки, 14 сентября 1923 г.[1]

Как делегатка Международной Крестьянской конференции[2], тов. Клара Цеткин благодарит революционных рабочих и крестьян СССР за тот товарищеский прием, который был оказан этим представителям революционного авангарда всего мира (аплодисменты). Т. т., мы здесь встретились на «Празднике жатвы». Только российские крестьяне и рабочие имеют право праздновать «Праздник жатвы», так как они только обращают плоды земли для блага всех трудящихся, а не для угнетения больших масс населения, как это происходит везде на Западе. Мы своей работой за 6 лет показали, что может сделать пролетариат из земли, на которой он работает. Эта выставка, которую вы создали на свалке, показывает, что та почва, которую пролетариат обагряет своей кровью, дает невиданные плоды. Эта выставка показывает, что трудящиеся, охваченные революционным духом, умеют не только разрушать, но и строить, строить так, как никогда никто не строил.

Много выставок проходило перед тов. Цеткин и все выставки не являлись только показателями естественных богатств, строились они

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 66, д. № 39, лл. 23—24.

[2] Международная Крестьянская конференция в Москве состоялась 10—15 сентября 1923 г.

на труде, поте и крови угнетенных рабочих, строились они для того, чтобы давать большую прибыль капиталу. Ваша выставка, да, она показывает прекрасно естественные богатства вашей страны, но вместе с тем она являет миру еще невиданное достижение — объединение пролетариев и крестьян, объединение их в творческом порыве, в изумительной созидательной работе, твердой и крепкой смычке трудящихся земли и фабрик. Эта смычка нужна во всем мире.

Мы, делегаты Крестьянской конференции, приехали сюда для того, чтобы учиться у вас вашим путям борьбы и вашим путям строительства, и мы уедем отсюда, заимствовав вашу волю, вашу силу, вашу энергию, ваш революционный дух; и когда мы приедем к себе на родину, и сотнями голосов разбросаем по миру пламенную красную весть о том, что делается в России, мы зажжем всех рабочих и крестьян, мы пойдем по одному пути с вами, мы пойдем вместе с вами на последнюю атаку, для того, чтобы сделать то, что сделали вы во всем мире, для того, чтобы этой твердой пятой трудящихся подавить эксплоататоров всего мира.

Не далек тот час, когда капитализм во всем мире погибнет. Миллионы, сотни миллионов угнетенных национальностей и трудящихся, готовых восстать для победы над капиталом, имеют перед собой ваш победоносный, героический, единственный в истории пример, они последуют за вами и красное знамя полымью взовьется над всей землей.

Да здравствует смычка рабочих и крестьян во всем мире. Да здравствует интернациональное содружество пролетариев. Да здравствует революция во всем мире (овация).

Из речи тов. Клары Цеткин на празднике народов СССР, 30 сентября 1923 года.[1]

Товарищи, товарищ Клара Цеткин обращается к вам, товарищи и товарки, крестьяне и пролетарии со следующими словами: Я рада вас приветствовать от имени германского пролетариата на этой выставке, которая является показателем творческих сил рабочих и крестьян России. Эта выставка, которая создана в течение нескольких месяцев, иллюстрирует, какая энергия, какая воля, какое настроение в массах пролетариата и крестьянства имеется. Эта выставка, где выявлена богатая природа Советских социалистических республик, говорит о том, какими богатствами обладает Россия. Дальше товарищ Цеткин говорит: Если, несмотря на голод, рабочим и крестьянам России удалось так быстро начать восстановление народного хозяйства, это говорит о том, что если еще месяц и год будет в распоряжении рабочих и крестьян, то Россия будет одною из могущественных, одною из сильнейших, одной из богатейших стран мира. Но почему Россия может при таких, невероятно тяжелых условиях побеждать голод, разруху и восстанавливать новую, светлую жизнь? Потому что она имеет исключительный, героический пролетариат, героическое крестьянство, и потому что во главе этого пролетариата и этого крестьянства стоит великая партия — Российская коммунистическая партия (бурные апл.).

И далее товарищ Клара Цеткин говорит, что великая волна рус-

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 66, д. № 37, 1923 г., лл. 14.
30 сентября на Всесоюзной сел.-хоз. и куст.-пром. выставке состоялся праздник народов СССР. Праздник открыл М. И. Калинин, предоставивший первое слово члену ЦК германской Компартии, руководителю женского коммунистического движения т. Кларе Цеткин. С переводом речи т. Клары Цеткин выступил т. Анцелович.

ской революции создала Союз Советских социалистических республик.

Заканчивает она свою речь так: да здравствует русский пролетариат, да здравствует русское крестьянство, да здравствует восстановление народных сил и русского хозяйства, да здравствует мировая пролетарская и социальная революция. (Крики «Ура», аплодисменты, оркестр).

(Подносят букет Кларе Цеткин).

Речь тов. Буденного на празднике труда и машины Всесоюзной сельско-хозяйственной и кустарно-пром. выставки 7 октября 1923 г.[1]

Т.т., рабочие и крестьяне. Сегодняшний день, когда в этой всемирной школе — сельско-хозяйственной выставке вы связываетесь друг с другом, обмениваетесь впечатлениями и выносите известное убеждение в том, что здесь можно сделать определенный вывод, это, значит, вы нащупываете здесь ту силу, которая крайне необходима сейчас для того, чтобы наше сельское хозяйство и промышленность возрождались. Нам нужны, т.т., главнейшие три момента для того, чтобы наладить наше хозяйство — и сельское хозяйство и промышленность. С одной стороны нам необходима рабочая сила. Эта сила у нас на лицо, теперь нам необходим инвентарь, который бы этой силе был предоставлен в достаточном количестве. Доныне, мы еще пока что хромаем на одну ногу и весьма здорово. У нас отсутствует этот необходимый вспомогательный инвентарь в сельском хозяйстве — это машина, если она есть, то не в достаточном количестве. С другой стороны,— сейчас громадную роль играет лошадь, которая тоже имеется в недостаточном количестве. Если бы мы полностью обеспечили наше сельское хозяйство в отношении этих двух моментов, то мы гигантскими шагами двинулись бы вперед и в отрасли нашей промышленности, и в отрасли наших отношений с заграницей. Вот эти три момента должны у нас стоять в первую очередь. Насытить нашу страну машиной. Отсюда вытекает усиленная, расширенная нагрузка наших фабрик и заводов и этим самым мы усиливаем хозяйство. С другой стороны,— мы стоим перед той проблемой, которая еще у нас наблюдается. Нужно обратить должное внимание на лошадь, которую нужно так же рассматривать и проявлять такие же в отношении к ней заботы, как рабочий рассматривает все винтики машины, когда ее конструирует, чтобы они действовали и чтобы машина была в полной исправности.

Вот, т.т., за эти моменты, за эти задачи, которые стоят перед нами, чтобы двинуть нашу страну в экономической области гигантскими шагами вперед, за эти задачи предлагаю провозгласить громкое ура. (Ура!).

III

Из материалов к итоговому докладу о Всесоюзной сел.-хоз. и куст.-пром. выставке 1923 г.[2]

Общие сведения статистического характера

а) Руководящий административно-организационный аппарат. Во главе подготовительной работы по выставке до 1 февраля 1923 г. стоял Главный Выставочный комитет в составе пяти членов; его сменил Президиум Главного Выставочного комитета

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 66, д. № 39, лл. 368—369.
Тов. Буденный принимал самое непосредственное участие в организации выставки.

[2] ЦГАОР, ф. 480, оп. 134, д. № 21, 1923—24 г., лл. 4 и сл.
К докладу Наркомзема РСФСР, представленному в январе 1924 г. во ВЦИК.

в составе 17 членов, который для текущей работы выделил из своего состава руководящую тройку; после открытия выставки был образован Главный Выставочный комитет по управлению выставкой. Число заседаний ГВК — 20 (постановлений 92); число заседаний Президиума ГВК — 40 (постановлений — 1 365); число заседаний руководящей тройки — 89 (постановлений 1 872); число заседаний ГВК по управлению выставкой — 10 (постановлений — 240).

б) Территория выставки. Выставочная территория (русский и Иностранный отделы) занимала собою площадь в 61 десятину, на которой около 8 десятин было застроено постройками.

в) Лесной материал для построек. Лесоматериалов поступило на выставку 3 777 вагонов (2 302 502 куб. фут.), из которых построено 196 павильонов и других сооружений; предполагалось построить 27 000 куб.; сооружено же было свыше 55 000 куб.

г) Экспоненты. В выставке принимали участие свыше 5 000 экспонентов (19 союзных республик, 11 автономных областей и 50 губерний РСФСР, 54 национальности; из них 18 в Иностранном отделе).

д) Экспонаты. Число экспонатов превысило, включая сюда и экспонаты потребительского значения, 150 тыс.; из них в основных производственных павильонах было выставлено 57 401 (Опытный отдел — 5 023; Отдел полеводства — 9 677; Отдел мелиорации — 3 462; Отдел животноводства — 2 653 (2 176 живых экспонатов); Отдел труда — 2 113; Отдел деревни — 2 425). Особо стояли: Кустарный отдел — 8 264 названий (более 40 тыс. экспонатов) и Иностранный отдел — 4 898 (свыше 350 иностранных фирм).

е) Посещаемость выставки. Посетило выставку за время ее функционирования — с 19 августа по 21 октября 1923 г. — 1 618 882 человека, из коих 696 000 экскурсантов, делающих каждый не менее 3-х посещений; стало быть всего перебывало на выставочной территории 3 000 тыс. посетителей (3 000 тыс. человеко-дней).

ж) Культурно-просветительная работа. На выставке было прочтено 243 лекции; состоялись 27 диспутов[1]; 23 митинга; 36 культурных праздников и дней, посвященных пропаганде культурно-агрономических идей[1]; кроме того было организовано 8 конференций, съездов и совещаний, имеющих обще-российский характер. Для объяснений в павильонах были приглашены 331 объяснитель (большей частью из учащихся в специальных заведениях). Наибольшее число объяснителей было в отделах: Животноводства и Ветеринарии — 58; Кустарном — 42; Полеводства — 36; Лесном — 33; Мелиорации — 24 и Опытном — 23.

з) Издания ГВК. Во время подготовительной выставочной работы и функционирования выставки было выпущено в свет 1 020 064 печатных листа (из них — периодических изданий — 5 названий; изданий справочного характера — 16 названий; книг и брошюр — 47 названий).

и) Экспертиза. Было образовано 112 экспертных комиссий и в экспертизе участвовало 458 человек, из коих 41 представитель профсоюзов и крестьян. Дипломов было присуждено 4 243; из них: высших государственных наград — 50; признания государственных заслуг — 14; наград 1-й степени — 783; 2-й степени — 1 250; 3-й степени —

[1] Праздник урожая, диспут по животноводству, день кооперации, какой нужен агроном деревне, опытное поле, праздник народов, диспут о севообороте, роль промышленных культур в развитии народного хозяйства, праздник труда и машин, день здравоохранения, суд над кустарем под председательством М. И. Калинина и мног. др.

977. 4-й степени — 491, удостоверений о признательности — 685. По главным отделам выставки все награды распределились следующим образом: Отдел животноводства — 1 283, Кустарный отдел — 550; Отдел полеводства — 288, Иностранный отдел — 83; Отдел мелиорации — 82; Отдел труда — 21; Опытный отдел — 20.

к) Стоимость выставки. Стоимость выставки, как это видно из предварительных вычислений, определяется в 13 млн. рублей (в том числе на строительство — 5 353 тыс. рублей); расходы мест — 1 300 тыс. рублей и расходы хозорганов, кооперации и республик — 2 100 тыс. рублей.

Содержание основных отделов

1) Опытное дело — в задачи входит выявление работ опытных учреждений и ознакомление посетителей выставки, преимущественно крестьян и агрономов, с деятельностью и достижениями опытного дела в сельском хозяйстве. Опытное дело призвано обслуживать все стороны сельского хозяйства и всецело зависит от предъявляемых последним запросов, вызываемых экономическими и естественно-историческими условиями. Поэтому опытное дело построено на основе районирования по естественно-историческим признакам. В Опытном отделе выставки экспонентами являлись 111 опытных учреждений СССР. Выставка несомненно явилась первым шагом к приближению опытного дела к населению. Назревшие нужды сельского хозяйства, в особенности в области использования опытов с улучшенными семенами (селекция), представляли воочию их практические достижения в этой отрасли нашего сельского хозяйства. Достаточно отметить, что в большинстве областных и крупнейших опытных станций в настоящее время выведено 480 чистых линий разных сортов семенного материала, имеется селекционных семян около 150 тыс. пудов и улучшенного посевного материала около 1½ [тыс.] пудов, ожидающих продвижения в пользу населения, чтобы понять всю возможность опыта работы в области семеноиспытания и семеноразведения. Правильная постановка семеноводства является одной из успешных мер по скорейшему восстановлению плодородия почвы и им озабочены все последние съезды советов, этого высшего органа Союза. На выставке экспонатов по опытному делу было выставлено...[1] и было обращено особое внимание на постоянные доступные объяснения.

2. Полеводство. — В отделе было выставлено...[1] экспонатов. Ими всесторонне были освещены те недочеты полеводческого дела, которых у нас так много и которые являются первопричиной низких урожаев наших полей, а равно и те намеченные тридцатилетней работой опытных учреждений практические пути, по которым должен пойти сельско-хозяйственный промысел к своему восстановлению. Павильон полеводства представлял прежде всего арену прекрасного боя между трехпольем и многопольем с травосеянием, льном и корнеплодами. Цифровой материал и живые экспонаты ярко подчеркивали победу многополья, ибо в нашей действительности уже начало просачиваться сознание, что причиной неблагополучия землероба является отнюдь не малоземелие и неплодородие почвы, а недостаток света науки в тяжелом труде землепашца.

Периодически посещающие нас засушливые годы, в которые теряется до 90% урожаев, побудили устроителей выставки обратить особое

[1] Пропуск в стенограмме.

внимание на меры борьбы с засухой и, главным образом, на черный пар и разнообразие посевов, как лучшие средства для борьбы с засухой. В расположение экспонатов по губерниям был положен принцип районности, что дало возможность наглядно проследить распространение тех или других полевых культур, центр их наибольшей встречаемости, сопутствующие им факторы почвенных и климатических условий и наметить новые районы их продвижения. Здесь же подобно тому как и в п/отделе Агропомощи, можно было проследить, в каких районах оказалась более жизненная агрономическая работа, какие причины ей способствовали; наметить наиболее отсталые по сельскохозяйственным знаниям районы, куда в первую очередь должны быть двинуты агрономические силы, памятуя, что «нет знания — нет и хлеба».

Необходимым дополнением, в целях наиболее наглядного освещения приема показа размещенных в Отделе Земледелия экспонатов, на пространстве трех десятин на открытом воздухе были организованы «живые посевы».

Посевы эти демонстрировали улучшения и селекционные сорта растений в их росте, а также практические и научные приемы способов успешного выращивания с.-х. растений, но, что особенно было важно для практического усвоения, здесь же в живых примерах показывались организационные задания хозяйства в виде существующих на территории СССР севооборотов (чередование полей) и реально была выяснена научная работа по изучению вегетации растений и применению разных удобрений.

Животноводство. Отдел животноводства на выставке впервые явился смотром действительно всего русского животноводства, преимущественно русских пород и, вдобавок, наиболее всего крестьянского скота.

Прежние выставки (областные и районные) не преследовали указанных целей, а были в большинстве предприятиями коммерческого характера, главным образом, для сбыта дорого стоящих иностранных пород. Полной же картины всего русского скотоводства на прежних выставках представлено не было. Между тем поднятие нашего сельско-хозяйственного промысла нуждается в спешной и продуктивной животноводственной работе. Количество скота, достигшее в 1916 году 183,3 мил. голов, сократилось в 1922 году до 100,9 мил. голов или по отношению численности скота 1916 г. на 45%. В пределах производящего района Юго-востока и Киргизской ССР потери в скотоводстве составляют до $^2/_3$ численности скота 1916 года. Немногим больше чем на $^1/_3$ уменьшилось количество сибирского скота. В более благоприятном состоянии находится скотоводство потребляющих губерний, потерявшее менее 10% своего состава.

Отличительной чертой настоящей выставки по Отделу животноводства явились местные породы и отродия с.-х. животных. В виду ограниченности помещений для единовременного экспонирования пришлось установить очередность и, таким образом, живые экспонаты (скот) были показаны в три очереди (с 15 августа, с 10 и 28 сентября). Всего было экспонировано...[1] животных, из коих крупного рогатого скота 595 голов, лошадей — 427 голов, свиней 103 и овец 413 голов. 70% экспонированного крупного рогатого скота явились представителями русских пород, отродий и отдельных групп скота; местные породы и отродия составляли 50% всех представленных на выставку лошадей; овцы 81%; из 100 свиней — 55 принадлежали крестьянам.

[1] Пропуск в стенограмме.

Разнообразие экономических и естественно-исторических условий нашей необъятной страны выявило в первый раз на настоящей выставке 45 пород и отродий русского крупного рогатого скота и 10 иностранного и 36 пород и отродий русских и иностранных лошадей. Во все время функционирования [выставки] интерес посетителей к Отделу животноводства не ослабевал и зачастую случалось отмечать многократные посещения одними и теми же лицами.

4. Мелиорация. Важность и практическая необходимость организации этого отдела на выставке усугублялась тем обстоятельством, что из 60 миллионов десятин невозделываемых, так называемых бросовых земель, 30 миллионов составляют заболоченные пространства, требующие правильной утилизации, а где надо и осушки. Кроме того в стране имеется до 24 миллионов десятин, так называемых естественных пастбищ, также нуждающихся в мелиоративной обработке. Все это дает возможность увеличения фонда пахотных земель и разведения естественных лугов, в которых так нуждается большинство крестьянства. Таким образом, вполне понятно, почему мелиорация, т. е. коренное улучшение земель, и связанная с нею гидротехника, ведающая различными способами использования водных запасов, имеют огромное практическое значение в деле поднятия и развития нашего сельского хозяйства. Часть экспонатов Отдела мелиорации отличается демонстративным характером и в виде многочисленных моделей показывали мелиоративные работы в движении, и своей показательностью были доступны даже неразвитым посетителям выставки. Вполне наглядно были выявлены методы и практические приемы как осушения, так и орошения; во всей своей ясности была представлена добыча торфа и в особенности приема базисного орошения небольших земельных площадей. Большинство экспонатов были чрезвычайно показательны, особенно для рабочих мелиоративных товариществ, которых у нас ныне числится свыше 1200. Всего в указанном отделе было выставлено...[1] экспонатов.

5. Отдел Труда. Отдел труда, представляя синтез методов разрешения вопросов труда и трудовых проблем, по справедливости является одним из основных отделов выставки и характеризовал своими экспонатами сельско-хозяйственный труд, его усилия и производительность.

Его ближайшая задача состояла в том, чтобы показать трудящимся, как при наличии самых тяжелых обстоятельств рабоче-крестьянская власть боролась за лучшие условия труда и каких практических результатов она сумела в этой борьбе достигнуть. Многие экспонаты отдела в подробностях освещали более совершенные формы организации и использования труда, порожденные революцией и раскрепощением трудящихся. Научная организация труда, ее вопросы, а также и наше революционное законодательство стояли, конечно, на первом плане. Число экспонатов Отдела труда достигло...[2]

6. Деревня современная и старая сама по себе явилась предметным экспонатом, составляя фон, обобщающий выставочную картину разных с.-х. отраслей и вместе с тем давая посетителям выставки представление о всем многообразии крестьянских хозяйств России, зависящем от природных, исторических и бытовых условий. По своему содержанию указаний отдел распадается на три части: 1) современная деревня, 2) улучшенные дворы-хозяйства и 3) общественные здания, обслуживающие деревню. Каждый двор-хозяйство как современной, так и новой деревни в свою очередь давал представление о постройках, оборудовании жилья, кустарных промыслах,

[1] Пропуск в стенограмме.
[2] Пропуск.

распространенных в данном районе, и об общем строе хозяйства данного района, его направлении, доходности и рыночности. Характеристика общего строя хозяйства экспонировалась на выставке в виде графика планов и диаграмм.

Отдел кустарной промышленности

Практическое значение кустарной промышленности в нашем народном хозяйстве чрезвычайно велико и разнообразно. Крестьянское население, составляющее 90% от населения всего Союза, живет и работает на земле. Суровые условия русской земли дают нашему земледельцу невольно продолжительный зимний досуг; нужда же сельского хозяйства в значительной степени требует наличия предметов и материалов, которые могут быть изготовлены на пороге своего дома. Наконец, довольно значителен все время увеличивающийся заграничный спрос на наши кустарные изделия. Достаточно перечислить наиболее важнейшие кустарные из них, чтобы понять всю их необходимость для сельского хозяйства (большинство из них составляет мелкий инвентарь для крестьянского обихода): земледельческие машины (веялки, молотилки), мебель и домашняя утварь, изделия из мочалы (рогожные кули, циновки), всевозможные ткани (бумажные, шерстяные), ковры, овчина и меха, телеги, немецкие фуры, экипажи и т. п. Всего не перечислить. Достаточно отметить, что в этом важном отделе выставки (вернее ее части) собрано было более сорока тысяч предметов — наименований. В числе их экспортный товар, от самого необходимого до предметов роскоши: смолопродукты, повозки, рогожи, кули, веревки, рыболовные сети, конская сбруя, изделия из войлока, игрушки, вышивки, кружева и др. Если бы даже не было заграничного экспорта и отсутствовали внутренние рынки (которые и дают кустарной промышленности ее экономический рост), то одно только самоснабжение более 15 000 тыс. крестьянских дворов и миллионов жителей города выявило бы все огромное значение у нас кустарных промыслов; значение это усугубляется помимо работы на себя и на внешние и внутренние рынки еще и новым направлением в кустарном отделе: механизацией промыслов, применением к ним движущейся силы. Последнее требует кооперирования кустарной промышленности и польза такого кооперирования воочию предстала перед посетителями выставки в изделиях всероссийского центра промысловой кооперации (Всекопромсоюза), первичных кооперативных артелей и около 80 кооперативных союзных объединений почти от всех губерний, областей и республик СССР. Использование старческого, женского и детского труда в домашней обстановке представляет также большой плюс в кустарном производстве.

Иностранный отдел

Помимо своего политического значения, указанный отдел является практически важным еще и потому, что успехи индустрии и машиностроения сельско-хозяйственного значения заграницей существенно опередили нас. Между тем в нашей системе землепользования и землеустройства произошли громадные перемены, повлекшие за собой пересмотр методов и самых способов обработки земли. Организация сельско-хозяйственных коммун, артелей и коллективных хозяйств поставила на очередь вопросы об электрофикации, тракторной обработке, возможной механизации хозяйства и т. п. Приобретение машин для этого стало насущной необходимостью, как и вообще торговая связь с машинизированием западных стран и Америки. Интересы нашей торговли также играли большую роль в устройстве

иностранного отдела на выставке. Общее количество привезенных из заграницы экспонатов равнялось 4198; в превосходящем по количеству форм (более 350) и экспонатов следует прежде всего указать на Германию нашу ближайшую соседку, промышленное значение которой для России в прежнее время было почти преобладающим, затем следует Италия, Чехо-Словакия, Австрия, Америка, Латвия, Эстония, Франция, Англия и др. Практически важным является и то обстоятельство, что из всего количества выставленных в этом отделе экспонатов до 75% было продано на выставке, 15 сдано на комиссию и лишь только 10% отправлено заграницу.

Из протокола заседания Ликвидационной комиссии по Сельскохозяйственной выставке 1 ноября 1923 г.[1].

Слушали: 1. О дополнительном присуждении наград. (Докл. председателя Экспертного комитета).

Постановили: 2) Присудить высшую государственную награду И. В. МИЧУРИНУ за высокоценные, оригинальные достижения в области селекции в течение более 40 лет, в частности за творчество в деле создания новых сортов плодовых деревьев и огородных овощей, за упорные труды по селекции холодостойких сортов для Средней и Северной России.

3) Присудить высшую государственную награду Сельск-союзу за мероприятия по созданию прокатных пунктов, по подбору инвентаря для них, по развитию мелкого машиностроения, а также за широкую и плодотворную деятельность по садоводству и семеноводству.

4) Присудить высшую государственную награду кожевенному заводу быв. Жемочкина за сохранение превосходного качества подошвы, полувала, сыромяти, приводного ремня и чепрака.

10) Из Союзных Советских республик, имеющих на выставке свои павильоны, присудить высшую государственную награду — Украинской ССР — за полноту и яркость выявления быта, всех сторон сельского хозяйства, в частности полеводства, садоводства, и за сводку результатов работ опытных учреждений республики.

11) Из автономных республик — присудить высшую государственную награду Туркреспублике — за полное и отчетливое выявление природы, быта, сельского, лесного и водного хозяйства, в частности хлопководства и кустарной промышленности, а также значения края в экономике СССР.

12) Из областей и губерний — присудить высшую государственную награду:

а) Дальневосточной области за полноту выявления природы, быта и естественных богатств окраины, путей ее развития и ее значения для СССР.

б) Московской губернии — за чрезвычайно плодотворную работу по поднятию сельского хозяйства и за превосходное выявление его на выставке.

13) Присудить диплом признательности следующим союзным и

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 133, д. № 2, лл. 254—255.
Президиум ЦИК СССР 17 октября 1923 г. по вопросу о закрытии и ликвидации Всесоюзной сел.-хоз. выставки вынес постановление о прекращении действий Главного выставочного комитета по управлению выставкой с 21 октября, как исполнившего возложенные на него задачи. Ликвидация выставки и состав отчетов был возложен на Наркомзем РСФСР, который для этой цели выделил ликвидационную комиссию с привлечением в ее состав представителя Наркомнаца.

автономным республикам: Крымской, Армянской, Азербайджанской, Грузинской, Белорусской — за полноту выявления на выставке сельского хозяйства и быта.

14) Присудить диплом признательности следующим автономным республикам и областям: — Горской, Башкирской, Татарской, Бурят-Монгольской, Калмыцкой, Чувашской и Немкоммуне — за участие в выставке особенно по отделу быта...

IV

Телеграмма президента Академии наук Карпинского Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, 14 августа 1923 года [1].

Российская Академия наук приветствует сельско-хозяйственную выставку, как высокий показатель хозяйственного подъема России, желает успеха.

Президент Карпинский.

Телеграмма Полтавского губкома партии Главвыставкому, 14 августа 1923 г. [2]

В день действенной смычки пролетариата с селянством — открытия выставки СССР Полтавщина с еще большей уверенностью борется за плуг, молот, соху, в твердой надежде восстановить хозяйство рабоче-крестьянской Советской республики, ибо легче будет работать с помощью коллективного опыта всего Советского Союза. Привет строителям новой коммунистической жизни.

Привет Союзной выставке и идейному инициатору вдохновителю — РКП, ее вождю Ильичу. Наша воля добиться коммунизма непоколебима.

Полтавский Губком КПБУ.

Телеграмма Выставочного комитета Калмыцкой автономной области Главвыставкому, 15 августа 1923 г. [3]

Объединенное торжественное заседание ЦИКА, Обкома, РКП и предсоветов [4] автономной области калмыцкого народа, заслушав доклад облвысткома о значении Всероссийской с.-х. и кустарно-промышленной выставки, в день и час открытия таковой, 15 августа 12 часов дня [5], постановил послать от имени одной из самых отсталых национальных окраин России — Калмыцкой области горячее приветствие Главвысткому, по случаю своевременного открытия выставки, являющейся залогом смычки деревни с городом, крестьян с рабочими, с одной стороны,— и хозяйственно-экономического процветания, вообще, союза республик,— с другой.

Телеграмма делегатов г. Мамадыш Татарской республики Главвыставкому, 22 августа 1923 г. [6]

Мы крестьянки горячо приветствуем открытие [выставки]. Желаем успеха.

Собрание делегаток Мамадыша Тат-республики.

---

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 66, д. № 14, л. 39.
[2] ЦГАОР, ф. 480, оп. 66, д. № 14, л. 35.
[3] ЦГАОР, ф. 480, оп. 66, д. № 14, лл. 52—53.
[4] Предсоветов — повидимому представителей советов.
[5] Открытие выставки — в виду дождей было перенесено на 19 августа.
[6] ЦГАОР, ф. 480, оп. 66, д. № 14, л. 89.

Телеграмма крестьянского съезда Мало-Алабухской волости Главвыставкому, 27 августа 1923 г.[1]

Придавая особую важность открытию выставки, ее значению в развитии сельского хозяйства, мы делегаты населения Мало-Алабухской волости, собравшись на съезд, шлем свой крестьянский братский привет всем инициаторам ее устройства.

Жалеем болеющего дорогого Ильича.

Привет Иваново-Вознесенских экскурсантов[2].

Горячий привет дорогим вождям от рабочих и крестьян за дорогой привет и прием от экскурсантов Иваново-Вознесен. губер.

Выписка из протокола общего собрания рабочих и служащих завода «Октябрьской революции», 5 октября 1923 г.[3]

Присутствовало 72 человека.

Слушали: 2) Доклад о Всесоюзной сельско-хозяйственной выставке.

Постановили: 2) Заслушав доклад, мы рабочие и служащие завода «Октябрьской революции» отмечаем:

1) Всесоюзная сельско-хозяйственная выставка имеет огромное значение как в экономическом, так и в политическом отношении не только для Союза Советских республик, но и для всего промышленного мира.

2) Выставка показала наглядно акулам мирового капитала, что трудящиеся союзных республик могут не только разрушать, но и с успехом восстанавливать разрушенное.

3) А самое главное выставка имеет колоссальную важность для широких крестьянских масс, для которых она является не какой-нибудь просто показной выставкой, а глубоко-научной сельскохозяйственной школой.

4) С удовлетворением констатируем также спайку рабочих Москвы с прибывающими на выставку крестьянами со всех сторон союзных республик и твердо уверены, что эта спайка даст желанные результаты.

5) Отмечая все те практические достижения, которые нам показывает выставка мы определенно заявляем, что мысль, идеальная мысль борцов революции и вождей пролетариата осуществляется и уже конкретно выявилась на этой еще не бывалой сельскохозяйственной выставке.

6) Выносим пожелание, чтобы выставка носила не временный, а постоянный систематический характер, характер строго показательной научной школы, для проведения заветных идеалов практически в жизнь.

7) Если уже в настоящее время, во время экономической отсталости и неустойчивости нашей страны, мы видим в лице выставки огромные достижения трудящихся, то в будущем с развитием фабричной промышленности и сельского хозяйства наши союзные республики будут непобедимы; нет такой силы, которая бы могла их задушить:

---

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 66, д. № 14, л. 92.

[2] ЦГАОР, ф. 480, оп. 66, д. № 14, л. 27.
Документ представляет небольшую, простым карандашем написанную записочку.

[3] ЦГАОР, ф. 480, оп. 66, д. № 14—1923 г., л. 23.
Завод им. Октябрьской Революции, гор Липецк, Тульской губернии.

всякая экономическая стратегия буржуазных стран является бессильной в этом отношении.

8) Выставка нам ярко доказывает, что если иностранный капитал не пойдет на помощь советским республикам в деле восстановления хозяйства, то таковые, хотя и с трудностями, но все таки обойдутся без этой помощи; спайка города с деревней, урегулирование цен продуктов фабричного и сельско-хозяйственного производства являются к этому залогом и твердой базой нашего хозяйственного возрождения.

9) Итак все силы на укрепление хозяйственной мощи наших советских республик. Да здравствует Всесоюзная сельско-хозяйственная выставка. Да здравствует крепкая спайка рабочего с крестьянином. Да здравствует в будущем всемирная сельско-хозяйственная выставка социалистических республик, входящих во всемирную федерацию. Да здравствует беззаветный вождь мирового пролетариата, первый инициатор сельско-хозяйственной выставки Владимир Ильич Ленин.

Письмо коммуны «Красные орлы» Армизанской вол. Тюменьской губ. Главвыставкому, 9 ноября 1923 г.[1].

Дорогие товарищи!

Препровождая при сем выписку из протокола торжественного заседания 7 ноября № 24 по поводу празднования 6 годовщины Октябрьской революции, Совет Коммуны просит Главный Вистком принять пролетарскую благодарность от коммуны за выданную награду на выставке и клянется, что доверие, которое оказано советскою властью будет оправдано неустанным трудом над созданием мощи трудящихся масс.

Урок выставки по ведению сельского хозяйства нами учтен и будет проведен в жизнь.

Да здравствует всесоюзная школа сельского хозяйства — выставка.

Пролетарский привет вдохновителю выставки тов. Ленину!

С коммунистическим приветом!

Председатель Совета Коммуны (подпись)
Члены (подпись)
Секретарь (подпись)

Выписка из протокола торжественного заседания членов Коммуны «Красные орлы», волисполкома, волкома РКП(б), представителей от сельсоветов и кооперативных организаций, 7 ноября 1923 г.[2]

Заслушав доклад о Всесоюзной сельско-хозяйственной выставке и награждении коммуны трактором, постановили:

Коммуна «Красные орлы» приносит сердечную благодарность ЦИК СССР и Главвыставкому за выданную награду и клянется оправдать доверие советской власти своим неустанным трудом над созданием мощи трудящегося класса.

V

Заграничная пресса о выставке[3].

Германия

Германское Телеграфное агентство «ТЕЛ ЮНИОН», в статье своего специального корреспондента д-ра Фогеля «Новая Москва» сообщает:

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 66, д. № 14, л. 24.
[2] ЦГАОР, ф. 480, оп. 66, д. № 14, л. 25.
[3] ЦГАОР, ф. 480, оп. 117, д. № 16, л. 3.
Из бюллетеня Иностранного отдела Главного Выставочного Комитета.
Бюллетень иностранного отдела Главвыставкома начал выходить с апреля м-ца 1923 года для информирования советской и заграничной прессы о ходе

В настоящее время центральное место московской жизни занимает I Всероссийская сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная выставка. Реклама, сделанная о выставке, как в России, так и за границей, оказалось ничуть не преувеличившей действительное содержание и размеры выставки. Выставка превзошла самые смелые ожидания. Она доказала, что практическая работа в области экономического восстановления России гигантскими шагами идет вперед, и что правительство располагает средствами для выполнения больших заданий. Приток экспонатов и посетителей уже теперь огромный. В связи с этим теперь вырастает новая задача: обеспечить всех гостей помещением. Несмотря на квартирный кризис, царящий в настоящее время в Москве, есть полное основание предполагать, что и с этим затруднением соответствующие органы легко справятся. Выставка определенно является доказательством растущей мощи России.

Заграничная пресса о выставке[1].

В Берлинском органе Международной рабочей помощи «Гаммер унд Зихель» (Серп и молот) помещены фотографии территории Всероссийской сельско-хозяйственной выставки, выставочного плаката, автограф тов. В. И. Ленина о выставке и статья под заглавием: «Великая сельско-хозяйственная выставка в Москве».

«15 августа в Москве открывается Сельскохозяйственная выставка. Два года тому назад: голод — а сегодня: Великая сельско-хозяйственная выставка, доказательство внутренней силы и могущества, подъема и роста, не находящие себе равного.

Сельско-хозяйственная выставка в Москве — поворотный пункт в истории пролетарской России. Эта выставка доказывает не только внутреннюю силу и жизнеспособность русского национального хозяйства, эта выставка в то же время заставляет буржуазию всего мира непосредственно действовать, принять ту или иную позицию: либо признать новую Россию, либо бороться против нее.

Неуверенно, по одиночке отправлялись капиталисты в Москву, а за ними последовали концерны и большое наступление началось: почти все германские капиталисты захотели быть представленными на выставке. В одном Берлине пришлось отказать сотням фирм, потому что весь огромный участок, отведенный для иностранного отдела, уже был занят.

Россия, обремененная и оплеванная, большевистская Россия крепнет, становится могучей страной, только самый тесный союз с Россией может спасти Германию от гибели».

Такую оценку нашей выставке дает эта статья, а далее, касаясь непосредственно участия Межрабпома на выставке, в статье говорится:

«Павильон Межрабпома выявит свою работу за последнее время

работ по организации выставки. 28-й номер бюллетеня от 27 августа связан с открытием иностранного отдела, дальнейших номеров в материалах не обнаружено.

Бюллетень перепечатывался на стеклографе и рассылался в соответствующие органы; так комплект их хранится, с № 3 по 28, в материалах ВЦИК РСФСР за 1923 год. При Всесоюзной сельско-хозяйственной выставке существовало иностранное бюро, через которое и шла рассылка информационного материала заграницу. Инбюро (как это показывает отложившаяся в делах диаграмма ф. 480, оп. 91, д. 2) было связано: с Веной, Ковно, Римом, Христианией, Данией, Берлином, Голландией, Стокгольмом, Константинополем, Шанхаем, Софией, Прагой, Тегераном, Нью-Йорком, Парижем, Ригой, Иерусалимом, Гельсингфорсом, Ревелем, Лондоном, Варшавой.

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 117, д. 16. 1923 г., лл. 5, 9—10.

Из бюллетеня Иностранного отдела Главного выставочного комитета № 24, 14 августа 1923 года.

в международном масштабе, помощь международного пролетариата в голодные годы, восстановление имений и фабрик, рыбные промыслы и другие предприятия: все это докажет, что пролетарская солидарность не пустой звук, а плодотворная, бьющая ключем жизнь».

Польской прессой проявляется широкий интерес к выставке: так газета «Наше обозрение» перечисляет страны, принимающие участие на выставке.

«Речь Посполита» дает подробный перечень заграничных фирм и характер их экспонатов

«Силезский ежедневник» особенно отмечает участие Чехо-Словакии, как пограничной с Россией страной.

Парижская экономическая газета «Каблограмм» знакомит с условиями на выставке, отмечает количество иностранных фирм и указывает на то, что открытие выставки состоится в августе с. г.

Английская «Вестминстер газет» посвящает выставке длинную статью, подробно характеризующую ее: ее значение в поднятии производительности народного сельского хозяйства, ее показательная сторона и, наконец, ее роль в международном масштабе.

Далее газета дает справки информационного характера и в заключение высказывает пожелание, чтоб при выставке был организован английский отдел.

Северо-Американские Соединенные Штаты [1].

Несмотря на расстояние, отделяющее Москву от Америки, небольшое запоздание в организации там Иностранного бюро Инотдела ГВК, Северо-Американские Соединенные Штаты, убедившись после присылки в Москву своих представителей в колоссальном экономическом значении выставки, со свойственной американцам энергией, приступили к работе. Результатом явилось участие на выставке 20 фирм и 25 научных организаций, выставляющих научные экспонаты. Заинтересованность Америки в выставке такова, что Нью-Йоркское Инбюро вынуждено было пригласить специальных агентов для информирования интересующихся фирм о выставке СССР.

Австрия. [2]

Автомобили, текстильное и бумажное производства, сельско-хозяйственные машины, паровая и водяная арматура и ряд других нижеперечисленных экспонатов прибывают на выставку из Австрии, занимая как специально выстроенные павильоны, так и часть главного здания.

Австрийская печать посвящает выставке специальные номера и статьи (№ 45 от 14 июня еженедельника «Виртшафтс-Берихте Аус Дем Остен»).

Англия. [3]

С самого начала Англия весьма заинтересовалась выставкой.

В Инбюро в Лондоне стали получаться массовые запросы английских фирм о возможности участия на выставке. Но англо-русский конфликт сразу же перервал все переговоры. Во время конфликта Инбюро

---

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 117, д. № 16, лл. 18—22.
Из бюллетеня Иностранного отдела Главного выставочного комитета № 26. 10 августа 1923 года.

[2] Там же.

[3] ЦГАОР, ф. 480, оп. 117, д. № 16, 1923 г., лл. 25—26.
Из бюллетеня Иностранного отдела Главного выставочного комитета № 26, 10 августа 1923 года.

ГВК прекратило свою работу в Лондоне и, только после ликвидации такового, снова приступило к принятию заявлений.

Из-за позднего срока Инбюро не смогло широко развить свою работу, но все же на выставке будет представлено до 12-ти крупнейших фирм, как-то: Виккерс, Метрополитен, Виккерс Лимитед, Ростон и Горнсби, Юнион Колд Сторэдж Ко.

Франция.[1]

Лионская выставка была широко использована для рекламирования предстоящей Московской выставки. Специальная витрина и стол Всероссийской сельско-хозяйственной выставки, расклеенные эффектные плакаты,— все это вызвало необычайный интерес со стороны посетителей, переходивший по временам в напор толпы, «рвущей из рук, со стола и витрин крепко прибитые гвоздями правила, проспекты, плакаты» и проч., несмотря на то, что они на русском языке. За газету «Трактор» и «Вестник ГВК» предлагали большие деньги, имея в виду при помощи переводчиков ознакомиться с их содержанием. Во время выставки к представителям ГВК поступали многочисленные запросы, касающиеся железнодорожных тарифов на транспорт от границы до выставки, страховки в пути и на месте, охраны и эксплоатации на выставке, тарифов на электрическую энергию, воду, размера вольтажа и напора, условий и стоимости жизни в Москве, стоимости производства строительных, установочных и декоративных работ, расценок на рабочие руки и т. д.

София.[2]

Выходящая в Софии «Новая Россия», ежедневная газета сменовеховского направления, посвящает очень много внимания выставке в Москве. В «Новой России», кроме общих сторон о значении выставки для России и развития торговых сношений с заграницей, систематически помещаются деловые информации и сведения о ходе работ на выставке и специально в ее Иностделе; одна из статей (21 марта) заканчивается следующими словами: «Положение об участии иностранцев на выставке устанавливает широкие льготы для них по въезду, экспонированию и продаже фабрикатов и т. д. Для балканских государств, тяготеющих экономически к России, это явление также не может пройти незамеченным. Необходимо всколыхнуться широким общественным и кооперативным кругам, объединиться и общими усилиями помочь сближению Балкан с Россией, мощным средством которого является предстоящая выставка»...

Палестина.[3]

На выставке принимают участие Еврейская Трудовая федерация и одна частная фирма производства кожи.

ВОСТОК НА ВЫСТАВКЕ

Персия.[4]

Персидский рынок фактически не порывал своей связи с Россией за все годы войны и революции. Гражданская война и интервенция

---

[1] ЦГАОР, ф. 480, оп. 117, д. № 16, л. 116.
Из бюллетеня Иностранного отдела Главного выставочного комитета № 4, 29 апреля 1923 года.

[2] ЦГАОР, ф. 480, оп. 117, д. № 16, л. 122.
Из бюллетеня Иностранного отдела Главного выст. комитета 25 апреля 1923 года, № 3.

[3] ЦГАОР, ф. 480, оп. 117, д. № 16, лл. 25—26.

[4] Там же.

Закавказья только затрудняли сношение с Персией, но не останавливали его. При первой же возможности, наступившей с успокоением пограничных с Персией окраин СССР, экспорт и импорт товаров Персии и России стал неудержимо расти. Открытие в прошлом году Нижегородской ярмарки дало могучий толчек развитию русско-персидских торговых отношений. Есть полная надежда на то, что повторение ярмарки в этом году и участие Персии на ВСХ выставке не только доведут русско-персидский товарообмен до цифры в 400 млн. золотом, имевшей место до войны, но далеко перешагнут ее.

Персия живо чувствует широту перспектив экономического сотрудничества с СССР и поэтому сочла необходимым организовать свое выступление в национальном масштабе.

Персидское правительство отпустило крупные средства на организацию своего выступления и, таким образом, на выставке будет представлена промышленность всей страны.

К биографии П. Ф. Лесгафта

Трудно себе представить в каких тяжелых условиях жила и работала передовая часть русской интеллигенции при самодержавии. Царское правительство требовало от ученых, чтобы они работали для утверждения деспотизма в России, и изгоняло из университета тех, которые боролись за право свободного труда, за передовые культурные начинания.

П. Ф. Лесгафт (1837—1909 г.) принадлежал к тем ученым царской России, которые открыто и смело ставили новые научные проблемы и требовали коренного изменения всей системы воспитания и образования.

Жизненный путь Лесгафта — это яркий пример жизни, страданий и борьбы ученых в царской России. Петр Францевич Лесгафт почти всю свою сознательную жизнь был под негласным надзором полиции. Он испытал преследование и репрессии правительства не за принадлежность к политической партии, а за стремление к научной независимости, за безукоризненную честность в жизненных вопросах, за то, что в течение 50 лет своей деятельности стремился проводить в жизнь передовые идеи русского общества.

Деятельность П. Ф. Лесгафта началась в 60-годах прошлого века и завершилась после первой буржуазно-демократической революции в России 1905 г.

Этот период общественного развития России насыщен большими историческими событиями. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая, рабочий класс превращался в могучую силу и руководителя общественного движения. Забитое, раздробленное и неспособное к организованным выступлениям крестьянство 60-х годов под руководством рабочего класса начало понимать свою силу. На место героев-одиночек русских революционеров 60-х и 70-х годов, безрезультатно стремившихся поднять народ, пришла новая общественная сила, вооруженная самой передовой теорией — марксизмом — большевистская партия, которая возглавила борьбу рабочего класса и крестьянства против крепостничества и самодержавия, за революционную борьбу, за превращение буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Деятельность Лесгафта протекала в период революционного подъема и революционных столкновений, — национальных и классовых — не только в России, но и в Европе и в Америке.

Лесгафт был свидетелем великих исторических событий, которые отразились на развитии общественно-педагогического движения и не могли не отразиться на деятельности Лесгафта и на формировании его мировоззрения.

Разносторонне образованный ученый, он был анатомом и хирургом, врачом и педагогом, теоретиком и практиком физического образования.

После обширных и глубоких занятий по разным дисциплинам из цикла биологических наук, Лесгафт увлекается анатомией, и, по окончании медико-хирургической Академии в 1861 г., остается работать проректором в той же Академии у проф. Грубера. После защиты докторской диссертации в 1868 г. Лесгафт занимает место экстраординарного профессора кафедры физиологической анатомии в Казанском университете.

Казанский университет XIX в. был в то время крупным культурным центром

в России. Там работал знаменитый ученый химик Н. Н. Зинин, такие крупные русские ученые, как Лобачевский, Ковалевский, Вагнер. Молодежь Казанского университета находилась под влиянием освободительных идей и общественно-политического движения 2-й половины XIX в. В глазах правительства Казанский университет был опасным «Якобинским клубом».

Жестоко подавляя зарождающееся революционное движение, министерство внутренних дел внимательно следило за прогрессивно-культурными начинаниями в России, тесно связанными с революционным движением, и старалось ослабить научную мысль в России путем репрессий и провокаций.

Департаменту полиции было поручено вести тщательное негласное наблюдение за культурными центрами тогдашней России за Московским, Казанским и другими университетами.

В 1868—1871 гг. профессура Казанского университета по своим политическим воззрениям делилась на 2 группы: прогрессивно-радикальную и монархическую.

Монархически настроенное большинство совета Казанского университета пользовалось всяким случаем, чтобы ущемить столь ненавистное им «левое» крыло. Решения совета узаконивали мелкие издевательства над либеральными профессорами и делали их положение в университете невыносимым.

Попечитель Казанского учебного округа Шестаков оставлял без внимания протесты «левых» профессоров и систематически выживал «беспокойных» профессоров, независимо от того, что это были крупные ученые, известные далеко за пределами своей родины. Из Университета вынуждены были уйти: Ковалевский, Вагнер, Павлов, Зинин и ряд других ученых.

Научные заслуги Лесгафта и его товарищей были велики, но еще более значительным было их влияние на молодежь. Научная эрудиция, педагогический такт привлекали к Лесгафту симпатии студенчества и передовой части интеллигенции. В 1869 г., когда возник вопрос о выборе Лесгафта в ординарные профессора, проф. Виноградов подал 19 марта 1869 г. ректору Казанского университета заявление, которым характеризовал Лесгафта, как замечательного ученого и педагога. Но избрание Лесгафта в ординарные профессора не состоялось: департамент полиции, давно интересовавшийся экстраординарным профессором Лесгафтом, проявившим большой ум, независимость характера и свободу суждений, наложил свое «вето».

Прямолинейность, честность, непримиримость в принципиальных вопросах сделали неизбежными столкновения Лесгафта с реакционными чиновниками из министерства народного просвещения. Грубое, бесцеремонное вмешательство попечителя Казанского учебного округа в научную работу вызвало справедливое возмущение Лесгафта и разоблачение им этого произвола в печати. Статья Лесгафта была помещена в 1871 г. в «С.-Петербургских ведомостях» № 262 под заголовком «Что творится в Казанском университете». Эта статья требовала защиты интересов науки, звала на борьбу с кумовством в научных учреждениях, обращала внимание на умаление прав профессоров. Этого было достаточно для министерства внутренних дел и министерства народного просвещения, чтобы уволить Лесгафта из числа профессоров, обрушиться репрессиями на периодическую печать, оклеветать студентов.

Высочайшим повелением от 14 ноября 1871 г. Лесгафт был уволен из Университета с запрещением заниматься педагогической деятельностью. Вместе с ним подали в отставку профессора, принадлежащие к левому крылу профессуры Казанского университета: Левицкий, Якоби, Голубев, Имшенецкий, Даниловский, Головинский, Морковников и др.

За всеми этими профессорами была установлена слежка. Когда один из них— Яницевский — был избран Казанским городским головой, в утверждении его было отказано.

После исключения из Казанского университета Лесгафт вернулся в Петербург к своему старому учителю Груберу, который поручил ему вести частный курс анатомии в кружке женщин-врачей, впервые организованном при Медико-

хирургической академии. Постепенно круг педагогической деятельности Лесгафта расширялся. В 1874 г. у него уже было 100 слушательниц.

Эта деятельность Лесгафта не оставалась вне поля зрения охранки, однако ходатайство профессора Грубера помогло Лесгафту в 1874 г. получить разрешение вновь заниматься педагогической работой.

В 1875 г. Лесгафтом, по предложению военного министерства, организуется первое в России учебное заведение по физическому образованию — курсы гимнастики для офицеров. Программа курсов включала анатомию, физиологию, теорию движений. Основной предмет — гимнастика изучалась по новой системе, выработанной Лесгафтом. Гимнастика до этого времени в гимназиях и других учебных заведениях преподавалась обычно фельдфебелями в отставке и была построена на муштре. Благодаря Лесгафту, преподаватель гимнастики стал на один уровень с другими преподавателями, так как обладал должной эрудицией и был специалистом. Лесгафт поставил освоение гимнастики на научную высоту, использовав не только теоретические данные многих наук, но также и весь многообразный опыт западной Европы в деле постановки и распространения идей физического образования. Для этой цели он посетил ряд стран западной Европы: Францию, Англию, Германию, Италию, где в течение двух лет изучал принципы организации физического образования.

Самая характерная черта Лесгафта — научная и принципиальная последовательность, самобытность творческого таланта сказалась на его работе. Он избежал обычного в то время слепого преклонения перед высотой научной мысли Запада, критически отнесся к новейшим исследованиям в области физического образования, проанализировал методы, приемы и теории обучения, отобрал ценное и этим старался дать новое теоретическое обоснование системы гимнастики, которое нашло свое отражение в материалах изучения опыта постановки учебного дела по физическому образованию на Западе. Его книга «Приготовление учителей гимнастики в Германии, Франции, Швейцарии, Италии и Австрии» намечала новые пути развития физического образования. Это не было механическое перенесение чужеродного материала на новую почву, а нечто свое, оригинальное. Однако царское правительство, не терпевшее ничего действительно ценного в науке, продолжало преследовать Лесгафта. Пришедший на смену военного министра Милютина — Ванновский закрыл гимнастические курсы Лесгафта.

Полиция постоянно преследовала Лесгафта, этого идейного носителя научных знаний. Всякая живая мысль душилась царским правительством, загонялась в подполье.

Об условиях популяризации научных знаний в России знаменитый хирург Н. И. Пирогов пишет следующее в своих «посмертных записках» [1]: «Но в русском царстве нельзя бывало прочесть и курса анатомии при госпитале, не доведя об этом до сведения главы государства».

Департамент полиции тщательно изучает вопрос прежде чем дать разрешение на прочтение публичной лекции. Крайне неохотно давались разрешения Лесгафту на прочтение лекции. Изыскивались всякие причины для отказа. Ряд лекций Лесгафта запрещался без всякой мотивировки.

Уботой была в то время наука. Запрещалось чтение лекций на обще-биологической основе, установление связи между структурой и жизненными проявлениями организма. Слово «биология» считалось «крамольным», а преподаватель, читающий лекции по проблемам естествознания — политически неблагонадежным. III Отделение характеризовало такие лекции «как проповедь нигилизма». Царская охранка боялась популяризации материализма, дарвинизма. Она считала недопустимым в условиях царской России популяризацию сеченовских идей.

Министерство просвещения и министерство внутренних дел следили за тем, чтобы наука о природе, вопреки очевидности, излагала метафизические взгля-

[1] «Русская старина», 1885 г., т. 45, стр. 229.

ды на мир как на нечто извечно данное богом. Она должна была служить оплотом религии и царю и утверждать всемогущество бога, как создателя всего живущего на земле. Иная трактовка вопроса происхождения жизни на земле преследовалась. Но гонения не могли убить живую творческую научную мысль: работы Дарвина, Гексли, Писарева, Тимирязева, пролагали новые пути развития естествознания. И Лесгафт не мог оставаться нейтральным.

В качестве приват-доцента Лесгафт читает курс анатомии человека на Рождественских курсах, на естественном факультете С.-Петербургского университета. Ряд частных циклов лекций по анатомии он проводит у себя на дому. Несмотря на неблагоприятные условия организации этих лекций, они привлекали массу слушателей. В силу целого ряда причин Лесгафту пришлось уйти из Академии, положение же его в Университете было нелегким. Он не мог пользоваться по своему усмотрению ни помещениями, ни оборудованием, так как состоял внештатным преподавателем и, кроме того, необычный метод преподавания навлек на него ряд неприятностей со стороны официальных лиц. Ему было предложено изменить метод преподавания, вести курс по обычному шаблону, а взамен предлагалось штатное место в университете. Лесгафт наотрез отказался от этого.

В 1891 г. Лесгафт покинул Петербургский университет. В этом же году он покинул и Рождественские курсы. Друзья Лесгафта рассказывают, что получив предписание из министерства народного просвещения установить негласный надзор за студенчеством, он ответил, что никогда не был и не будет шпионом и сейчас же подал заявление об уходе.

В 1893 г. Лесгафт на средства своего ученика И. М. Сибирякова основывает биологическую лабораторию, преобразованную уже после Октябрьской революции в 1918 г. в государственный научный институт имени Лесгафта.

В 1893 г. в Петербурге возникло «Общество содействия физическому образованию», которое осталось без «благотворительниц» из-за того, что Лесгафт взял под свою защиту пролетарских детей и добился приема их на детские площадки и в другие учреждения Общества. При Обществе Лесгафтом были открыты курсы по физическому образованию, которые получили широкую известность под названием «Лесгафтовских» курсов и легли в основу Ленинградского института физической культуры им. Лесгафта.

В 1896 г. эти курсы были реорганизованы и получили уже более прикладной характер; они начали готовить руководительниц не только для нужд самого Общества, но и для целого ряда городов России. До 1896 г. эти курсы существовали, как полулегальная организация и лишь с 1896 г. Лесгафту удалось добиться официального разрешения на их существование.

В Петербурге, как и в Казани, деятельность Лесгафта, его нескрываемая оппозиция власти, симпатии к демократическим кругам, курсы его, считавшиеся очагом революционной «заразы» в Петербурге, вызывали частые столкновения Лесгафта с властью. Он не раз восставал против самодержавного произвола над человеческой личностью. На это указывает организованный Лесгафтом протест против полицейской расправы над участниками демонстрации петербургских учащихся, выразивших солидарность киевским студентам, которые за революционные выступления подверглись полицейским репрессиям вплоть до насильственной отдачи в солдаты (4 марта 1901 г.). Протест, подписанный Лесгафтом, был направлен к министру внутренних дел Сипягину, который «неблагонадежного» профессора выслал из Петербурга.

Поселившись в Териоках, Петр Францевич продолжал руководить работой курсов и биологической лабораторией.

Получив разрешение вернуться в Петербург, Лесгафт, ищущий живой деятельности, уже не мог замкнуться в узких рамках курсов; он считал, что всякое знание должно быть общедоступным, и в 1905 г. преобразовывает курсы в Высшую Вольную школу с отделением массовых лекций для рабочих Петербурга. В Вольную школу был открыт доступ всем желающим, даже не имеющим официального среднего образования.

Высшая Вольная школа за свое недолгое существование имела славную историю. Она существовала по большей части нелегально под разными названиями, а многие слушатели ее были теснейшим образом связаны с революционными кругами. В помещении Вольной школы проходили нелегальные собрания. В 1905 г. в здании Высшей Вольной школы собрался впервые Совет рабочих депутатов. Реакция после революции 1905 г. обрушилась со всей силой на высшие учебные заведения. К этому времени функционировала только одна Вольная школа, все другие учреждения, организованные Лесгафтом, были уже закрыты.

В 1907 г. распоряжением министра Столыпина Вольная школа была закрыта, так как дух школы был «неблагоприятно к правительству настроенный». Однако, несмотря на запрещение школа продолжала существовать нелегально до 1912 г. В 1912 г. школа была окончательно закрыта, и слушатели ее подверглись репрессиям за участие в забастовке в связи с ленскими событиями.

1907 г. был периодом нового подъема творческой мысли Лесгафта. С неутомимой энергией принимается он снова за работу, но снова репрессии и гонения. Тяжелая борьба не надломила волю Лесгафта. Ослабленный тяжелым недугом, он перед смертью в 1909 г. добился разрешения на открытие высших естественно-исторических курсов, но смерть 28 ноября 1909 г. в Каире помешала ему воплотить в новом детище свои идеалы и искания.

Публикуемые ниже документы хранятся в Центральном архиве революции в фондах III Отделения и департамента полиции. При подготовке документов к печати консультировал профессор, доктор педагогических наук Е. Н. Медынский. Ему же принадлежит и общая редакция вводной статьи.

М. Торбин

Письмо П. Ф. Лесгафта в редакцию «С.-Петербургских ведомостей», 14 сентября 1871 г.[1].

Что творится в Казанском университете

Милостивый государь, каждое произвольное действие очень грустно, но еще грустнее и прискорбнее, если от произвола и беззаконных действий нет защиты, если отказываются не только разбирать, но и слушать о том, что делается: остается одно — прибегнуть к гласности. Я не буду касаться общих дел Университета, относящихся до меня только как члена совета, ибо это отняло бы слишком много времени, и надеюсь, что труд этот разделят некоторые товарищи мои по Университету, а постараюсь представить только некоторые факты, прямо касающиеся занимаемой мною кафедры, так как они могут разъяснить, насколько существует действительная автономия в Университете и какое влияние на нее имеет г. попечитель.

В самом начале прошедшего учебного года, уже во время моего присутствия в Казани, профессор другого предмета, именно патологической анатомии Н. Петров, подписал экзаменационные листы из физиологической анатомии трем врачам, желающим получить степень доктора медицины. Медицинский факультет, рассмотревши это дело в нескольких заседаниях, убедился в полной незаконности этих экзаменов. Основываясь на том, что во время присутствия представителя известного предмета экзамен не может быть произведен кем-либо дру-

---

[1] Это письмо, напечатанное в «С.-Петербургских Ведомостях» за 1871 г. в № 262,— положило начало преследованиям П. Ф. Лесгафта.

Письмо дало повод занести П. Ф. Лесгафта в картотеку охранного отделения и отметить его статью в папке «Донесений по поводу напечатания в газетах и журналах статей, относящихся до разных лиц».

Статья опубликована также в сборнике «Памяти П. Ф. Лесгафта», 1912 г., стр. 39—42.

гим, что недостаток времени и явное отсутствие материала, т. е. трупов, делали невозможным исполнение законных требований, и наконец, что при этом отсутствовали какие-либо депутаты или вообще свидетели, факультет кассировал эти экзамены. По закону, экзамен из анатомии здорового человека, как на степень лекаря, так и на степень доктора, должен состоять из: 1) изустного экзамена, 2) приготовления анатомического препарата и 3) демонстрации этого препарата. Закон требует, чтобы ищущий медицинскую степень подвергался не только демонстративному и практическому испытанию по одной из трех полостей человеческого тела, но также и практическому приготовлению и демонстрации препарата; необходимо, чтоб будущий врач или ученый был знаком с методами исследования отдельных частей человеческого тела, чтоб он сам видел и был в состоянии показать взаимное отношение и расположение его органов. Важность такого требования, я думаю, очевидна. Приготовление требуемого по закону препарата не может быть исполнено ранее 3—4 дней, весь же экзамен обыкновенно продолжается не менее недели, а иногда и более. Г. попечитель не довел этого дела до г. министра, а возвратил его в Совет, находя теперь уже, что дело недостаточно полно, и присоединив к нему собранные им самим справки. Тогда уже Совет большинством голосов решил: признать экзамен законным. Итак, оказывается, что в присутствии профессора известного предмета экзаменовать из этого предмета может всякий другой, даже не исполняя законных требований, так как такой экзамен, несмотря на свою противозаконность, все же может быть признан законным.

В этом же учебном году подверглись испытанию по анатомии шестнадцать студентов 5-го курса, из которых неудовлетворительные познания оказали трое: один из них В. И., исправляющий должность ассистента у того же г. профессора Петрова, экзаменовался в ноябре, но не кончил экзамена, потому что отказался отвечать на предложенный вопрос. При этом экзамене присутствовали два депутата от факультета и об экзамене были уведомлены декан и члены факультета. Под конец января г. В. И. явился на экзамен во второй раз. Г. декан и все члены факультета также были уведомлены, но присутствовал только один член и студенты разных курсов. В этот раз г. В. И. выказал неудовлетворительные знания, о чем было заявлено факультету. После этого г. В. И. подал просьбу, в которой заявил, что он все знал и покорнейше просит, «в виду предстоящих ему еще многочисленных занятий и т. д. предложить факультету, не найдет ли он возможным, на основании удовлетворительных ответов на многие вопросы, считать экзамен из физиологической анатомии оконченным». Г. декан факультета и г. ректор не нашли возможным принять эту просьбу, г. попечитель принял ее и при отношении от 8 февраля препроводил в совет Университета с предложением переэкзаменовать г. В. И. в присутствии факультета. Несмотря на то, что по закону если экзаменующийся не показывает удовлетворительных познаний, его могут допустить к переэкзаменовке не раньше трех месяцев, г. попечитель еще два раза через Совет и через г. ректора справлялся о результатах своего предложения.

При чтении просьбы г. В. И. оказывается, что он, повторяя некоторые предложенные ему на экзамене вопросы, так напутал, что уже самою просьбой своей дал г. попечителю письменное доказательство своего незнания, что, конечно, не могло быть неизвестно г. попечителю. Факультет в заседании 22 мая решил назначить г. В. И. экзамен в своем присутствии; я же, имея отпуск по делу, не терпящему отлагательств, должен был уехать и потому просил факультет назначить

другого экзаминатора. Профессоры гистологии, физиологии, хирургии и все прочие отказались экзаменовать из анатомии; решился же экзаменовать только один г. Догель, служащий профессором фармакологии. Не буду входить в разбор экзамена, на котором производить демонстрации находили ненужным, ибо пришлось бы описывать слишком жалкую картину, но не могу не обратить внимания на следующее. Когда собрались все члены факультета для присутствия на экзамене, секретарь факультета профессор Голубев, основываясь на законе, в котором говорится: «Для наблюдения беспристрастия испытания производятся по билетам, заключающим в себе предлагаемые вопросы»,— предложил производить экзамен по билетам. Требование это было тем необходимо, что г. Догель при чтении просьбы г. В. И. предлагал в факультете не экзаменовать г. В. И. вовсе, а просто исполнить его просьбу. По заявлению такого предложения г. Догель отказался наотрез экзаменовать по билетам и согласился экзаменовать тогда только, когда предложение Голубева было отклонено факультетом, так что экзамен, вопреки закону, произведен был без билетов. Спрашивается: какое нравственное влияние будет иметь на многих из учащейся молодежи такое отношение г. попечителя к подобным просьбам студентов?

В заключение не могу не обратить внимание и на следующий факт, касающийся также Анатомического института. В ноябре прошедшего года правление Университета циркуляром просило г. г. заведывающих отдельными кабинетами заявить, в возможно скором времени, о ремонтных работах, которые необходимо произвести в подведомственных помещениях. Я, между прочим, просил исправить оконные рамы в рабочих комнатах Института; просьбу свою я основывал на том, что поперечины многих рам уже сильно подгнили, а так как молодым людям, по свойству производимых ими работ, необходимо заниматься вблизи окон, и так как рамы эти не защищают от холода и ветра, то это может служить причиной заболевания занимающейся молодежи. В январе или феврале переехал на казенную квартиру вновь избранный проректор г. Кремлев. В мае я узнал, что правление решило оставить поправку оконных рам Анатомического института до следующего года по недостатку университетских сумм, но в то же время разрешило устройство сада около квартиры г. проректора, состоящего по уставу также и членом правления. Несмотря на то, что я обратился в правление с заявлением, что при распределении университетских сумм необходимо первоначально удовлетворить те требования, которые были заявлены раньше, а, главным образом, должно быть отдано преимущество требованиям рабочих кабинетов перед требованиями личного состава, помещающегося в здании Университета и, наконец, что все главные дворы Университета уже усажены садами и т. д.— все это не привело ни к какому результату.

Я полагаю, что приведенные факты ясно убеждают, что и в коллегиальном учреждении могут быть ослаблены нравственные отношения между членами его, как скоро нет гласности (ибо протоколы не печатаются, протесты отвергаются, отдельных мнений не принимают и т. д.), а начальство поддерживает и незаконные действия. К крайнему сожалению, эти анормальные отношения уже заставили некоторых деятельных членов Университета, каковы профессора Ковалевский, Вагнер, Павлов и т. д., оставить Казанский университет; кафедры их остаются свободными или же опять различными незаконными путями замещаются слабыми силами и, таким образом, Университет все более и более клонится к упадку.

Петр Лесгафт, профессор анатомии в Казанском университете.

Из записки III отделения для доклада Александру II, 4 октября 1871 г.[1]

...Легко представить себе, какое впечатление произведет означенная статья на студентов Казанского университета.

Они будут с восторгом читать обвинения своего попечителя в нарушении закона, несправедливости, пристрастии и с презрением отнесутся также к университетскому совету, так незаконно исполняющему требование попечителя. Лесгафт же приобретает популярность между молодежью.

Донесение казанского губернатора шефу жандармов П. А. Шувалову, 6 октября 1871 г.[2]

М. г. граф Петр Андреевич!

В «С.-Петербургских ведомостях» № 262 напечатано письмо в редакцию проф. Казанского университета Лесгафта, направленное против попечителя учебного округа Шестакова, университетских совета, правления и некоторых др. профессоров. Затем в «Петербургской газете» № 32 и 151 по поводу этого письма напечатана передовая статья. Обе эти статьи произвели здесь много толков и рассуждений, в особенности в ученом сословии и между студентами, большинству которых не может не нравиться такое печатное обличение их начальства, не разбирая справедливо ли оно или нет. По поводу этих статей, главное же по напечатанному письму г. Лесгафта, произошли сильные волнения и раздражение между профессорами, собираются университетские советы, где идут самые горячие прения между профессорами — защитниками г. Лесгафта и теми, которые возмущены его заявлением; последних большинство. Одни хотят подать в роде адреса г. министру народного просвещения с просьбой об удалении г. Лесгафта, называя его письмо наглой ложью, другие же, меньшинство, всячески стараются сохранить его для Университета или вернее сказать для своей партии.

Г. Лесгафт очень умный профессор, но направления вредного, весьма неблагонадежен по своим политическим понятиям, он враг всего, что только немного походит на начальство, какого бы ведомства оно не было; принцип его ненавидеть власть и стараться противодействовать ей; кроме сего он постоянно стремится приобрести популярность между студентами. Главные сторонники г. Лесгафта профессора Головкинский, Янишевский, Имшенецкий, Голубев, Данилевский, Левицкий и есть еще некоторые другие, но они совершенно бесцветны и без влияния; самые же ярые, разделяющие все его воззрения, убеждения, принципы и столь же вредные, по моему мнению, это первые четверо из вышеупомянутых профессоров. Я очень опасаюсь, чтобы напечатанные статьи, подрывающие авторитет университетского начальства и тем более имеющие влияние на студентов, что одна из них написана их профессором, а равным образом раздоры профессоров в университетском совете их, раздраженное состояние не подействовали бы вредно на студентов, в особенности медицинского факультета, так как г. Лесгафт профессор этого факультета, а медицинского факультета студенты всегда восприимчивее прочих к произведению разных демонстраций и беспорядков. Не имея данных, но зная воззрения г. Лесгафта, не могу поручиться, чтобы он ради поддержки своей популярности не подстрекнул студентов на какую-нибудь неуместную демонстрацию.

Я счел нужным совершенно негласно усилить надзор за студентами, покуда не прекратятся раздоры и пререкания между профессорами.

[1] Центральный архив революции, ДП, III О., 3 эксп., стр. 60.
[2] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 73, ч. I, л. 57 об. 59.

сделал распоряжение совершенно секретного наблюдения за студентами в местах, где они собираются, а именно в домах и трактирах, где они обедают по несколько человек вместе, также в домах терпимости, в которых они преимущественно бывают.

Хотя обо всем вышеизложенном мною донесено г. управляющему министерством внутренних дел, но я счел долгом доложить вашему сиятельству и имею честь присовокупить: я полагал бы, что с удалением г. Лесгафта из Казанского университета и города и переводом по одиночке в разные другие университеты г.г. Головкинского, Янишевского, Имшенецкого и Голубева можно было бы ожидать, наверное, самых благоприятных последствий.

Н. Скерятин

Сводка сведений о П. Ф. Лесгафте, составленная в III отделении, 9 октября 1871 г.[1]

В «С.-Петербургских ведомостях» 23 сентября сего года № 262 напечатана весьма замечательная корреспонденция под заглавием: «Что творится в Казанском университете». Статья подписана Петром Лесгафтом, профессором анатомии в Казанском университете.

Лесгафт обвиняет публично, путем газет, попечителя Казанского учебного округа, своего прямого начальника, и совет Университета в незаконных действиях.

Сущность этой статьи заключается в следующем:

Профессор патологической анатомии Петров подписал экзаменационные листы из физиологической анатомии, т. е. не своего предмета, трем врачам на степень доктора. Медицинский факультет убедился в полной незаконности этих экзаменов по многим, приводимым в статье причинам. Попечитель же требовал через декана, чтобы дело это было уничтожено, полагая, что дела о неправильных экзаменах не подлежат ведению факультета. Дело было передано в совет, где вследствие появившегося сомнения о существовании этих экзаменов вообще, единогласно решено просить министра назначить по этому делу следствие. Попечитель не довел этого дела до министра, а возвратил его в совет, находя, что дело недостаточно полно, и присоединил к нему собранные им самим справки. Тогда уже совет большинством решил признать экзамен законным.

Затем подробно описываются неправильные действия попечителя по переэкзаменовке одного студента, оказавшегося неприготовленным.

«Спрашивается,— говорит Лесгафт,— какое нравственное влияние будут иметь на учащуюся молодежь такие действия попечителя»?

В заключение Лесгафт говорит, что правление Университета, отказав в исправлении гнилых оконных рам в рабочем кабинете Института, по недостатку будто бы денежных средств, в то же время разрешило устройство сада около квартиры проректора, состоящего по уставу членом правления, тогда как все главные дворы Университета уже усажены садами.

Лесгафт полагает, что в коллегиальном учреждении могут быть ослаблены нравственные отношения между членами его, как скоро нет гласности, протоколы не печатаются, протесты отвергаются, отдельных мнений не принимают, а начальство поддерживает незаконные действия. Вследствие всего этого дельные профессора Вагнер, Павлов, Ковалевский и другие оставили Казанский университет, который все более клонится к упадку.

[1] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, лл. 65—69.
На полях резолюция Александра II. «Буду ожидать доклада графа Толстого. Сообщить гр. Толстому. Александр».

По поводу этой корреспонденции от г. министра народного просвещения получены следующие разъяснения:

«В июне профессора Казанского университета Лесгафт и Головкинский, приехав в Петербург, написали министру народного просвещения письмо за общей подписью, что им поручено от некоторых своих товарищей жаловаться на попечителя учебного округа и на совет Университета.

Граф Толстой велел им объявить, что он не признает за некоторыми профессорами права снаряжать подобные депутации и потому их не примет.

На другой день Лесгафт явился к министру в числе просителей, так как это был приемный день. Министр его принял (но, конечно, не в качестве самозванного депутата), выслушал и беседовал с ним. Из слов его он мог только заметить, что попечитель не нравится ему вообще как власть, а что он не в состоянии привести основательных доказательств мнимого самоуправства попечителя. Все обвинение заключалось в том, что будто Шестаков дозволил трем студентам медицинского факультета держать экзамен без трупа.

Тогда ему было сказано, чтобы он изложил свою просьбу письменно.

Между тем, на следующий день появилась заметка в «С.-Петербургских ведомостях», что министр будто не принял Лесгафта.

Письменное изложение Лесгафта оказалось столько же недостаточным, как и устное его объяснение: ни из того, ни из другого никак нельзя было заключить о самовластии попечителя. Тогда Лесгафту поставлены были несколько пунктов, на которые он должен был отвечать. Но он, вместо того, чтобы ответить министру, обратился в редакцию «С.-Петербургских ведомостей» с известным заявлением.

Лесгафт, вместе с некоторыми естественниками-реалистами, составляют оппозицию, незначительную числом, как против попечителя, так и против большинства, то есть самого совета Университета; они желали бы командовать Университетом, но это им не удается, отсюда их злоба.

Шестаков уже около 10 лет [состоит] попечителем самого обширного в России округа, заключающего в себе 11 губерний, человек вполне правительственный, деятельный, образованный и притом с тактом. Лесгафту и ему подобным желательно было бы от него избавиться и своевольничать, но этого не будет.

К этому граф Толстой присовокупил, что он ожидает только объяснений, затребованных от действительного статского советника Шестакова, чтобы войти со всеподданнейшим докладом об увольнении профессора Лесгафта от службы.

Отношение шефа жандармов министру Народного просвещения Д. А. Толстому, [10] октября 1871 г.[1]

М. г. граф Дмитрий Андреевич!

На представленной мною государю императору записке о напечатанной в «Петербургских ведомостях» статье профессора Лесгафта, о разъяснениях вашего сиятельства по этому поводу, его величеству благоугодно было собственноручно написать: «Буду ожидать доклада графа Толстого».

Считаю долгом сообщить об этом вашему сиятельству и покорнейше просить принять уверение в совершенном моем почтении и преданности [2].

---

[1] ЦАР, III о., 3 экс., д. № 74, л. 70.

[2] Документ хранится в копии.

Из доклада министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого Александру II [13] октября 1871 г.[1]

...Я полагаю, что лицо, позволившее себе подобный поступок, не только не может оставаться профессором Казанского университета, но вообще не должно быть терпимо на учебной службе.

На основании вышеизложенного и желая с своей стороны показать пример, что подобные неблагонамеренные действия не могут остаться без должного наказания, приемлю долг всеподданнейше испрашивать высочайшее вашего императорского величества повеление: уволить экстраординарного профессора Казанского университета Лесгафта от службы без прошения, с тем чтобы не определять его ни на какую должность по учебной части, о чем сообщить всем министрам и главноуправляющим, имеющим в своем ведомстве учебные заведения.

Граф Д. Толстой.

Отношение министра народного просвещения Д. А. Толстого в III отделение, 22 октября 1871 г.[2]

По всеподданнейшему докладу моему о неблагонамеренном поступке экстраординарного профессора Лесгафта, позволившего себе напечатать в «С.-Петербургских ведомостях» обвинительную статью против совета Казанского университета и попечителя Казанского учебного округа, преисполненную неправедливых обвинений и искажением фактов,— государь император, в 14 день сего октября, в Ливадии, высочайше повелеть соизволил,— экстраординарного профессора Казанского университета, коллежского советника Лесгафта, уволить от службы без прошения, с тем, чтобы впредь не определять его ни на какую должность по учебной части.

При сем его императорскому величеству на всеподданнейшем моем по сему предмету докладе против мнения моего, что лицо, позволившее себе поступок, подобный тому, в каком замечен профессор Лесгафт, не должно быть терпимо на учебной службе, благоугодно было собственноручно начертать «разумеется».

О таком высочайшем повелении, сообщенном мною вместе с сим всем гг. министрам и главноуправляющим отдельными частями, а также всем подведомственным министерству народного просвещения лицам, имеющим в своем ведении высшие учебные заведения, имею честь уведомить ваше сиятельство для сведения.

Из донесения начальника Казанского жандармского управления в III отделение, 24 октября, 1871 г.[3]

...Лесгафт ученый человек и по своей специальности говорят один из заметных профессоров в медицинском факультете Казанского университета, но человек беспокойный и вредный для Университета по образу мыслей, и тому нравственному влиянию, какое он имеет на некоторых из своих слушателей. Его называют нигилистом: по происхождению он сын купца, должно быть еврей, бывший прусский, а ныне русский подданный; окончил курс в Медико-хирургической академии, 33 лет, вероисповедания лютеранского.

В январе нынешнего года последовало высочайшее повеление, воспрещающее женщинам слушать лекции вместе с студентами, но так как профессор Лесгафт не соблюдал этого повеления, то проректор

[1] ЦАР, III о., 3 эксп. д. № 74, ч. I, л. 123.
[2] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, л. 71.
[3] ЦАР, III о., 3 эксп., № 74, ч. I, л. 74, об.— 77.

Университета, ординарный профессор римского права Кремлев, выставил его в виде объявления в коридоре Анатомического института, но в тот же день, неизвестно кем, оно было снято, а на место его выставлено другое, в котором было сказано, что ученицам повивального класса дозволяется слушать лекции в анатомическом театре вместе с студентами, а внизу прибавлено: высочайшее разрешение 10 октября 1871 г. Начальство Университета распорядилось немедленно снять это объявление и выставить опять прежнее, но уже в рамке, за проволочною сеткою и под замком. Но на другой день и оно было снято, а одно из колец, на которых был замок, оказалось распиленным. Тогда проректор университета выставил третий экземпляр того же высочайшего повеления и с разрешения правления поставил в коридоре анатомического театра дневального из университетских слушателей. Лесгафт узнав, что профессор Кремлев был в здании анатомического института, написал к ректору письмо, в котором просил «избавить его от нашествий проректора». В то самое время, когда выставлялось и исчезало вышеозначенное объявление, в университетских коридорах выставлены были несколько объявлений или заявлений самого нелепого содержания, напр.: Вопрос: «что такое проректор?» Ответ: «Проректор есть сила неведающая, что творит». Но эти объявления тотчас были сняты самими же студентами. Мне говорили, и это не подлежит сомнению, что они не были на стенах коридоров более двух или трех минут.

В настоящее время умы успокоились. 21 октября попечитель Казанского учебного округа получил от министра Народного просвещения телеграмму, что профессор Лесгафт по высочайшему повелению уволен от службы. Известие это, как в Университете, так и в обществе, произвело очень хорошее впечатление, многие даже поздравляли один другого. Теперь можно надеяться, что спокойствие во внутренней жизни Казанского университета восстановлено надолго, и что профессоры, составляющие оппозицию университетскому начальству и большинству членов совета опомнятся, и по крайней мере, будут осторожнее.

Студенты медицинского факультета встретили увольнение Лесгафта довольно спокойно. До сих пор не проявлялось ни манифестаций, ни заявлений. Советы проректора, обращенные к ним, непосредственно и через студентов юридического факультета, в среде которых он, как их профессор, пользуется особенным уважением, имели свое действие и заставили весьма многих из приверженцев Лесгафта отстать от него и подумать о себе и о своей будущности.

Лесгафт на этих днях оставляет Казань и уезжает в Петербург. Говорят, что он изберет себе поприще вольнопрактикующего врача.

Считаю долгом донести о вышеизложенном в III отделение собственной его императорского величества канцелярии.

Генерал-майор Ходкевич.

Отношение III отделения петербургскому оберполицмейстеру, 5 ноября 1871 г.[1]

Уволенный от службы по особому высочайшему повелению за вредное направление бывший профессор Казанского университета Петр Лесгафт в скором времени прибудет в Петербург, где намерен избрать поприще вольнопрактикующего врача. Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не оставить сделать распоряжение, чтобы по прибытии Лесгафта сюда учреждено было за ним строгое негласное наблюдение[2].

[1] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, л. 79.
[2] Документ хранится в копии.

Телеграмма начальника Казанского жандармского управления шефу жандармов, 7 ноября 1871 г.[1]

Семь профессоров партии Лесгафта подали в отставку. Подробности представлю почтой.

Генерал-майор Ходкевич.

Из доклада шефа жандармов Александру II, 8 ноября 1871 г.[2]

Полученное попечителем Казанского учебного округа от министра народного просвещения высочайшее вашего императорского величества повеление об увольнении от службы профессора Лесгафта за напечатанную им в газете статью против своего начальства произвело в тамошнем обществе и отчасти в Казанском университете благоприятное впечатление, так что сначала надеялись, что спокойствие во внутренней жизни восстановлено надолго и что профессора партии Лесгафта, составляющие оппозицию университетскому начальству и большинству членов Совета, опомнятся и будут осторожны, тем более, что между студентами пока спокойно. Предположение это, однако, не подтвердилось. Получены по телеграфу из Казани сведения, что семь профессоров тамошнего Университета партии Лесгафта одновременно подали в отставку[3].

Из донесения начальника Казанского жандармского управления шефу жандармов, 8 ноября 1871 г.[4]

Совет Казанского университета разделяется на две партии, из коих одна, имеющая на своей стороне большинство голосов, поддерживает университетское правление, а другая составляет ему оппозицию; и эта последняя состоит из лиц с так называемым «либеральным направлением». С увольнением от службы профессора Лесгафта, спокойствие в университете, казалось можно надеяться восстановится надолго и что профессора, составляющие оппозицию правлению и большинству членов университетского совета, сторонники Лесгафта, опомнятся, и по крайней мере будут осторожнее. Но спокойствие продолжалось не более недели. 1 и 2 ноября студентами, преимущественно математического и медицинского факультетов, стал распространяться слух, что семь профессоров университета, вследствие увольнения от службы профессора Лесгафта, намерены также подать в отставку. А именно: медицинского факультета ординарные профессоры — Якобий и Данилевский и экстра-ординарные — Голубев и Левицкий. И математического — ординарные профессоры: Головкинский, Имшенецкий и Марковников. Тогда попечитель учебного округа пригласил их к себе и предложил откровенно объяснить, в какой степени справедлив дошедший до него слух, что они, все семь, намерены одновременно подать в отставку. При этом тайный советник Шестаков разъяснил им, что подобное действие будет демонстрациею против высочайшего повеления, так как в телеграмме полученной им от министра народного просвещения выражено, что «профессора Лесгафта высочайше повелено уволить от службы».

На другой день уполномоченный от них, профессор Якобий, представил ректору университета, на имя университетского совета, следующее подписанное всеми ими заявление: «В последнее время отношения большинства совета к правам меньшинства, к которому мы имеем честь

[1] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, л. 80.
[2] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, л. 81.
[3] Документ хранится в копии.
[4] ЦАР, III о., 3 эксп., д. 72, ч. I, лл. 86—89.

принадлежать, сделались настолько тягостными и постоянными, что наше дальнейшее участие в делах совета теряет всякое практическое значение в наших глазах и, что главное, лишает нас того спокойствия, которое необходимо для занятий научными работами и для правильной преподавательской деятельности. Вследствие изложенного, считаем долгом заявить совету, что мы не можем долее оставаться в числе его членов».

В тот же день, именно 3 ноября, ректор получил семь пакетов на имя совета с прошениями об увольнении их от службы. Прошения советом приняты и составлено постановление представить их министру народного просвещения.

Донося о вышеизложенном вашему сиятельству, считаю долгом иметь честь присовокупить, что из числа означенных профессоров самыми беспокойными и неприятными людьми, от которых желали бы избавиться, считаются, по мнению университетского начальства: Голубев, Данилевский, Головкинский, Имшенецкий и Марковников [1]. О Левицком, который постоянно молчит и человек, вообще, очень скромный, попечитель учебного округа говорит, что он положительно не понимает, как Левицкий попал в эту компанию. Якобий очень способный и даровитый человек, но принадлежа к числу так называемых «холодных мечтателей», не имеет твердых основанний и до сих пор, несмотря на свои 40 лет, ни на чем положительном еще не останавливался.

Студенты принимают мало участия в этой истории и большинство их до сих пор остаются спокойными и равнодушными, но в некоторых из них, в медицинском и математическом факультетах, умы возбуждены.

Генерал-майор Ходкевич.

Письмо министра внутренних дел А. Тимашева графу П. А. Шувалову, 24 декабря 1871 г. [2].

Милостивый государь Петр Андреевич!

Ввиду избрания профессора Янишевского Казанским городским головой, имею честь обратиться к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением не имеется ли во вверенном вам управлении сведений об участии Янишевского в деле профессора Казанского университета Лесгафта.

А. Тимашев.

Из сведений III отделения о П. Ф. Лесгафте, 30 декабря 1871 г.[3].

Недавно уволенный от службы по особому высочайшему повелению профессор Казанского университета Лесгафт прибыл в половине декабря на жительство в С.-Петербург; за Лесгафтом учреждено тогда же строгое негласное наблюдение. Ныне оказывается, что Лесгафт нанял комнату у кухмистера Юргенса по Литейной № 18 и читал лекции анатомии приходящим к нему женщинам.

Отношение III отделения петербургскому оберполицмейстеру, 3 января 1872 г. [4]

Получено сведение, что недавно прибывший в С.-Петербург уволенный по высочайшему повелению от должности профессора Казанского

---

[1] За всеми перечисленными профессорами было установлено немедленно наблюдение со стороны охранного отделения.

[2] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, л. 104.

[3] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, л. 102.

[4] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, л. 103.

университета Лесгафт, наняв комнату у кухмистера Юргенса по Литейной № 18, читает лекции анатомии приходящим к нему женщинам.

Так как лекции эти неразрешены в установленном порядке, то по приказанию графа Петра Андреевича[1], имею честь сообщить о вышеизложенном вашему превосходительству.

Управ. отдел. А. Шульц.

Письмо гр. П. А. Шувалова министру внутренних дел А. Е. Тимашеву. 5 января 1872 г.[2]

М. г. Александр Егорович!

Вследствие письма вашего высокопревосходительства от 24 декабря имею честь уведомить, что избранный ныне Казанским городским головою профессор тамошнего университета статский советник Янишевский, принадлежит к так называемой передовой партии в Казанском университете.

Состоя гласным думы Янишевский пользовался всяким случаем, чтобы рассудить в заседаниях думы об отношениях общественного управления к администрации.

Янишевский один из главных сторонников недавно уволенного по высочайшему повелению профессора Лесгафта, ярый последователь его, вполне разделяющий все воззрения, убеждения и принципы Лесгафта.

Поэтому Янишевский и был в числе тех семи профессоров Казанского университета, которые все в одно время подали прошения об отставке по случаю увольнения Лесгафта.

О Янишевском отзываются в Казани, что он человек образованный, энергичный, независим по свому характеру и по убеждениям, а потому принесет несомненную пользу общественному правлению, но утверждение его городским головою едва ли предвещает спокойный ход дел по городскому управлению.

Граф Шувалов.

Из сведений III отделения о П. Ф. Лесгафте, 14 января 1872 г.[3]

По дальнейшему наблюдению за бывшим профессором Казанского университета Лесгафта узнано, что он занимается в анатомической клинике профессора Грубера и девицы, посещающие лекции Грубера, иногда приходят к Лесгафту.

На одной квартире с ним проживает сестра домовладельца, девица Шульц, которая занимается у Лесгафта медицинскими науками; она жила прежде в Казани и часто ездила заграницу.

Отношение III отделения начальнику Киевского губернского жандармского управления, 3 июля 1872 г.[4]

Покорнейше прошу ваше в. благородие учредить негласное наблюдение за выехавшим недавно из С.-Петербурга в Киев бывшим профессором Казанского университета, коллежским советником Петром Лесгафтом.

Управ. отд. А. Шульц.

---

[1] П. А. Шувалова.
[2] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, л. 105.
[3] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I.
[4] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, л. 113.

Отношение петербургского обер-полицмейстера Трепова в III отделение, 11 августа 1872 г.[1]

Киевский губернатор от 5 сего августа уведомил меня, что состоящий за вредное направление по распоряжению г. товарища главного начальника III отделением собственной его императорского величества канцелярии под строгим негласным наблюдением бывший профессор Казанского университета, коллежский советник Петр Лесгафт, выехал из Киева в Одессу 1 минувшего июля, о чем и сообщено тамошнему градоначальнику.

Имею честь уведомить об этом ваше превосходительство.

Генерал-адъютант Трепов.

Донесение инспектора главного Военно-медицинского управления в III отделение, 23 ноября 1873 г.[2]

Бывший профессор анатомии Казанского университета Лесгафт по высочайшему повелению, последовавшему 14 октября 1871 г., уволен от службы без прошения, с тем, чтобы впредь не определять его ни на какую должность по учебной части.

В виду такового высочайшего повеления, имею честь просить III отделение о разъяснении, могут ли быть дозволены бывшему профессору Лесгафту частные занятия по анатомическим наукам, составляющим ученую специальность его, в анатомопрактическом отделении Медико-хирургической академии, где постоянно занимаются как состоящие в прикомандировании для усовершенствования врачи, так и студенты академии.

К. Козлов.

Из ходатайства проф. Грубера в III отделение, 26 ноября 1873 г.[3]

...Принимая во внимание, что доктор Лесгафт мог написать вышеозначенную статью только в горячности и вследствие незаконного вмешательства в права его, как профессора анатомии, а ни в каком случае не в злостном направлении против правительства, и за это уже был наказан двугодичным исключением из кандидатов на преподавательские должности, то не достоин ли он прощения и помилования, так как на него можно указать:

1) как на заведомо дельного и честного человека,

2) как на хорошего и для России полезного преподавателя анатомии, которым он вырабатывался большим прилежанием и настойчивостью, безукоризненною, безкорыстною деятельностью в Институте практической анатомии в императорской Медико-хирургической академии, находясь здесь первоначально ассистентом, а затем проректором, и удовлетворяя вполне очень требовательному директору этого института, т. е. нижеподписавшемуся.

Директор Института практической анатомии,
ординарный профессор императорской Медико-хирургической академии

В. Грубер.

---

[1] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, л. 114.
[2] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, л. 118.
На полях помета: «Спросить гр. Толстого».
[3] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, л. 127.

Отношение министра народного просвещения Д. А. Толстого начальнику III отделения, 26 января 1874 г.[1]

Г. председатель медицинского совета министерства внутренних дел обратился ко мне с ходатайством о допущении бывшего профессора Казанского университета, ныне сверхштатного медицинского чиновника при медицинском департаменте, доктора медицины Лесгафта, к частным занятиям по приготовлению анатомических препараторов в Институте практической анатомии Медико-хирургической академии.

Изъявив на такое ходатайство тайного советника Пеликана свое согласие, имею честь об этом уведомить ваше сиятельство для сведения.

Д. Толстой.

Отношение министра народного просвещения Д. А. Толстого начальнику III отделения, 20 октября 1874 г.[2]

Государь император, по всеподданейшему докладу моему, в 7 день сего октября, в Ливадии, всемилостивейше соизволил на дозволение уволенному от службы без прошения, бывшему экстраординарному профессору Казанского университета, доктору медицины Лесгафту, вновь поступить на службу по учебной части.

Д. Толстой.

Отношение министра народного просвещения Д. Толстого начальнику III отделения, 7 декабря 1874 г.[3]

Бывший профессор Казанского университета доктор медицины и хирургии Петр Лесгафт ходатайствует о разрешении ему читать публично в Владимирском уездном училище курс «Истории развития млекопитающих и человека» и курс «Систематической анатомии».

Вследствие представления об этом попечителя С.-Петербургского учебного округа, обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой почтить меня уведомлением: изволите ли вы, милостивый государь, признавать возможным разрешить г. Лесгафту публичное чтение курсов[4], по представленной им и у сего прилагаемой в копии программе.

Д. Толстой.

Программа по курсу истории развития человека и млекопитающих, составленная П. Ф. Лесгафтом[5]

1. Задача истории развития и значение этой науки в ряду естественных и медицинских наук. Строение яичка птиц, рыб и млекопитающих. Первые изменения в оплодотворенном яйце. Сегментация и образование пластинок зачатка. Система органов, развивающихся из этих пластинок.

2. Появление яйца в плодохранилище, развитие оболочек яйца; ворсинчатая и околоплодовая оболочка. Образование стенок полостей организма птиц и млекопитающих.

---

[1] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, л. 129.
[2] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 74, ч. I, л. 137.
[3] ЦАР, III о., 3 эксп., № 5, ч. 2, л. 27.
[4] По правилам о публичных чтениях начала семидесятых годов было установлено, что разрешение может быть выдаваемо лишь в случае, если к тому не встретится препятствий со стороны министра Внутрен. дел, министра нар. просвещения и III отделения.
[5] ЦАР, III о., 3 эксп., № 5, ч. 2, л.л. 28—29.

3. Развитие основы тела позвоночных животных, тип позвонка, позвоночный столб, развитие черепа и лица, ребер, таза верхней и нижней конечностей.

4. Развитие суставов и мышц в теле человека и высших животных.

5. Развитие органов пищеварения: зубы, слюнные и слизистые железы, полость рта, зева, кишечный канал, печень и поджелудочная железа. Селезенка.

6. Развитие органов дыхания: гортань, дыхательные ветки, легкие.

7. Развитие органов выделения и размножения. Вольфовы тела, протоки их. Мюллеровские протоки и половые железы, органы, образующиеся из них.

8. Развитие сердца и сосудистой системы; кровообращение у зародыша в различных степенях его развития; кровообращение у новорожденного.

9. Развитие мозга и нервной системы; развитие симпатической нервной системы и надпочечных желез.

10. Развитие органов осязания; кожа, волосы, ногти, сальные и потовые железы.

11. Развитие органов зрения и слезоотделения.

12. Развитие органов слуха и обоняния.

13. Исторический очерк истории развития.

Чтение должно происходить два раза в неделю.

П. Лесгафт.

Отношение министра народного просвещения Д. Толстого начальнику III отделения, 18 января 1875 г.[1]

Комитет Общества вспомоществования недостаточным студентам С.-Петербургского университета ходатайствует о разрешении доктору Лесгафту читать публичные лекции по анатомии мозга в течение предстоящего великого поста, т. е. в марте и апреле месяцах, с тем, чтобы сбор с этих лекций поступал в пользу вышеозначенного общества.

Вследствие представления об этом попечителя С.-Петербургского учебного округа, обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой об уведомлении: изволите ли вы, милостивый государь, признавать возможным разрешить г. Лесгафту чтение публичных лекций, по прилагаемой у сего в копии программе.

Д. Толстой.

Программа курса лекций по анатомии мозга, составленная П. Ф. Лесгафтом[2]

Лекция 1. Общие понятия о центральных и периферических органах нервной системы. Нервное волокно; различные его виды, начало и окончание этих волокон. Элементы центральных органов нервной системы. Центральная мозговая масса, разделение ее на головной и спинной мозг. Строение белого и серого мозгового вещества. Закон Чарлса-Белля. Чувствительные и двигательные нервы.

Лекция 2. Череп и позвоночный столб, как хранилище мозговых центров. Стенки полости черепа и канала позвоночного столба. Твердая, паутинная и сосудистая оболочки мозга. Поверхностный обзор

[1] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 5, ч. 2, л. 41.
На полях помета: «Лесгафту были разрешены уже публичные лекции, в настоящей программе нет ничего особенного».

[2] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 5, ч. 2, лл. 42—43.

головного мозга, разделение и размер его, вес отдельных его частей и отношение веса головного мозга к весу всего тела. Половые различия. Отношение поверхности головного мозга к поверхности черепной чашки. Учение Галля. Распределение принимаемых им органов на поверхности черепа, значение этого учения. Можно ли по объему головы судить об интеллигенции субъектов.

Лекция 3. Анатомия головного мозга. Полушария большого мозга; соединение их; содержащиеся в них желудочки; распределение белого и серого вещества в этих полушариях. Продолговатый мозг, мозжечек; соединение их между собой и с большими полушариями мозга. Спинной мозг, распределение в нем серого и белого веществ. Сравнение мозга человека с мозгом животных.

Лекция 4. Развитие головного и спинного мозга; мозговая трубка; развитие головного мозга; передний, промежуточный, средний, задний и нижний мозг. Образование из этих мозговых пузырьков отдельных частей головного мозга. Физиологическое и сравнительно-анатомическое значение развития мозга. Микроцефация.

Лекция 5. Чем руководствоваться при сравнении мозга животных и человека, принимая его как центр умственной деятельности? Определение степени интеллигенции животного по Иог. Мюллеру. Физиологическое значение отдельных частей головного и спинного мозга. Существуют ли данные, указывающие на присутствие отдельных центров умственной деятельности человека? Центры, находящиеся около основания мозга, в продолговатом мозге, мозжечке и спинном мозге.

Доктор П. Лесгафт.

Отношение министра внутренних дел Тимашева начальнику III отделения, 23 января 1875 г.[1]

Министр народного просвещения сообщил ходатайство комитета Общества вспомоществования недостаточным студентам С.-Петербургского университета о разрешении доктору Лесгафту читать публичные лекции по анатомии мозга в течение предстоящего великого поста, т. е. в марте и апреле месяцах, с тем, чтобы сбор с этих лекций поступал в пользу вышеозначенного Общества.

Вследствие сего обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой об уведомлении: изволите ли вы, милостивый государь, признавать возможным разрешить г. Лесгафту чтение публичных лекций по прилагаемой у сего программе, которую по миновении надобности благоволите возвратить.

Тимашев.

Отношение управляющего III отделения Потапова министру народного просвещения, 24 января 1875 г.[2]

Вследствие отношения от 18 января[3], имею честь уведомить ваше сиятельство, что я не встречаю с своей стороны препятствий к разрешению доктору Лесгафту прочесть по представленной им программе публичные лекции по анатомии мозга в течение предстоящего великого поста, с тем чтобы сбор с этих лекций поступал в пользу Общества вспомоществования недостаточным студентам С.-Петербургского университета.

Генерал-адъютант Потапов.

---

[1] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 5, ч. 2, л. 45.
[2] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 5, ч. 2, л. 44.
[3] См. выше стр. 138.

Из сведений III отделения о П. Ф. Лесгафте, 21 марта 1875 г.[1]

Одновременно с различными литературно-художественно-музыкальными вечерами, в клубе художников одно из интереснейших развлечений нынешнего великопостного сезона представляют лекции известного профессора Лесгафта. Предмет его лекций уже, и сам по себе поучительный, возбуждает двойной интерес в слушателях еще и потому, что, как ярый последователь ослабевающего нигилизма, он все еще силою ума своего умеет поддерживать в большинстве юных слушателей своих те вредные идеи, которые уже раз послужили поводом к преследованию его лекторской деятельности.

Кроме того, без сомнения, соображаясь с средой своих слушателей, крайне склонных к реальным наукам, Лесгафт как нельзя более потворствует этой наклонности, развивая под видом анатомического учения о мозге известные отрицательные психические начала.

Доказательство как сильно действуют лекции г. Лесгафта на молодежь то, что о них теперь повсюду разносятся толки. Конечно, будь эти лекции в анатомическом театре для студентов — это имело бы научное значение, но популяризация фогтовских и сеченовских идей между неподготовленною публикой едва-ли это не есть быстрый возврат к нигилистической пропаганде.

Отношение министра народного просвещения Д. Толстого в III отделение, 31 мая 1875 г.[2]

Профессор С.-Петербургского университета Бекетов и доктор медицины Лесгафт ходатайствуют о разрешении им читать публичные лекции в будущем году, первому — по ботанике, второму — по анатомии.

Вследствие представления о сем попечителя С.-Петербургского учебного округа обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой почтить меня уведомлением: изволите ли вы, милостивый государь, признавать возможным разрешить г. г. Бекетову и Лесгафту чтение означенных лекций по представленным ими и у сего прилагаемым в копии программам.

К сему неизлишним считаю присовокупить относительно программы г. Лесгафта, что хотя статья 14 его лекций и необходима в курсе анатомии, но при всем этом я, согласно с мнением князя Ливена, находил бы неудобным допущение таковой для публичного чтения, так как в числе слушателей вероятно будут и лица женского пола.

Д. Толстой.

Программа систематического курса анатомии, составленная П. Ф. Лесгафтом[3]

1. Предмет анатомии и разделение ее.

2. Учение об основе человеческого организма, физические и химические качества тканей, входящих в состав этой основы, соединительная ткань, жировая, хрящевая и костная ткань. Архитектура костей. Яйцо млекопитающих и человека, образование пластинок и развитие тканей, входящих в состав человеческой организации.

3. Позвоночный столб, грудная клетка и таз; состояние их в различных возрастах и изменения их под влиянием внешних условий. Развитие позвоночного столба.

---

[1] ЦАР, III о., 3 эксп. д. № 6, лл. 149—150.
[2] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 6, л. 71.
[3] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 6, л. 72.

4. Череп и лицо: состояние их в различных возрастах, половые и племенные различия, развитие черепа и лица.

5. Кости верхней и нижней конечностей, изменение их по возрастам. Развитие костей верхней и нижней конечности.

6. Соединение костей между собой и органы, служащие для передвижения их, связки, суставы, мышцы. Общие законы статики и механики движений. Развитие суставов.

7. Соединение костей позвоночного столба, движение его и мышцы, производящие эти движения.

8. Соединение ребер с позвоночным столбом и грудною костью. Механизм движения ребер, дыхательные мышцы. Мышцы брюшного пресса.

9. Соединение костей и движение верхней конечности. Мышцы, производящие эти движения.

10. Соединение костей и движения нижней конечности. Архитектура стопы. Мышцы нижней конечности.

11. Лицевые мышцы и мимика лица. Челюстной сустав и жевательные мышцы. Развитие мышц.

12. Органы пищеварения — полость рта, зубы, язык, слюнные и слизистые железы. Мягкое небо, полость зева. Пищеприемник, желудок, кишечный канал, печень, поджелудочная железа, селезенка и брюшина. Развитие органов пищеварения.

13. Органы дыхания — гортань, дыхательное горло и ветви его, легкие, грудные мешки. Щитовидная железа, грудная железа и надпочечная железа. Развитие этих органов.

14. Органы мочевые и детородные. Развитие их.

15. Сердце, строение, положение и развитие его. Общее понятие об артериальных, венозных и лимфатических сосудах. Сосуды шеи, головы, туловища, верхней и нижней конечностей. Лимфатические сосуды и железы. Развитие артериальной и венозной системы.

16. Головной и спинной мозг, общие понятия о нервных элементах и проводниках. Анатомия головного и спинного мозга, развитие его. Периферические разветвления головных и спинных нервов. Симпатическая система. Развитие нервов.

17. Органы осязания, обоняния, зрения и слуха. Развитие их.

18. Исторический очерк анатомии.

Доктор Лесгафт.

Отношение шефа жандармов Мезенцева управляющему министерством народного просвещения, 6 июля 1875 г.[1]

Вследствие отношения от 31 мая имею честь уведомить ваше сиятельство, что к разрешению профессору Бекетову читать в будущем академическом году публичные лекции по ботанике, согласно представленной им программе, я с своей стороны не встречаю препятствий.

Что же касается до ходатайства доктора медицины Лесгафта, о разрешении ему читать такие же лекции по анатомии, то ввиду нижеприводимых сведений, я полагал бы таковые отклонить.

Читая минувшим великим постом публичные лекции по анатомии, Лесгафт, под видом анатомического учения о мозге, развивал известные отрицательные начала, популяризация которых едва ли может быть признана удобной в особенности когда это производится не с научными целями, а перед публикою большею частью недостаточно подготовленной к спокойному и правильному пониманию этих начал.

[1] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 6, лл. 151—152.

В нашем обществе и в особенности в среде молодежи в последнее десятилетие, как известно, развилось преувеличенное стремление к популярным сочинениям по естественным наукам, и из этих сочинений особенным успехом пользовались те, в которых отрицательное направление дошло до крайних пределов. Таким же успехом пользовались и помянутые лекции Лесгафта, составлявшие одно время предмет всеобщих толков в одобрительном смысле для лектора, как популяризатора нигилистических идей.

Мезенцев.

Письмо А. Философовой управляющему III отделением А. Л. Потапову, 14 октября, 1875 г.[1]

Многоуважаемый Александр Львович.

Обращаюсь к вам с моей покорнейшей просьбой, а именно: приказать разрешить программу лекций по анатомии профессора Лесгафта, которые он должен эту зиму читать на Владимирских курсах. Эти программы (по справкам) уже разрешены министр. народн. просвещ. и задержаны только в III отделении. При этом не могу умолчать о следующем обстоятельстве: все вы, т. е. правительственные лица, обращаетесь к обществу чтобы оно помогло вам остановить пропаганду новоиспеченных людей; каким образом общество может помочь вам в этом деле, когда вы его сами обезоруживаете. Единственное оружие, с которым можно выступить против настоящего зла, это распространение в обществе истинных научных знаний, а между тем именно это-то оружие у нас и отнимается. Независимо от этого все общество и без того озлоблено, для чего же его озлоблять еще более разными придирками.

Мало кто решится сказать вам все это, многоуважаемый Александр Львович, цените же мою с вами искренность и помогите отнестись серьезно к моей законной просьбе, и прикажите ее исполнить.

Преданная А. Философова[2].

Письмо А. Философовой шефу жандармов Мезенцеву, 1 ноября 1875 г.[3]

Милостивый государь Николай Владимирович!

Так как я вполне убеждена, что воспрещение профессору Лесгафту читать лекции на Владимирских курсах вышло по недоразумению, то я и осмеливаюсь снова прибегнуть к вам с моей просьбой дозволить профессору Лесгафту читать лекции по программе уже разрешенной министр. нар. просвещения.

Дело в том, что лекции проф. Лесгафта предназначаются исключительно с научной целью и для лиц вполне к тому подготовленных, а не для публики, как это было в прошлом году. Лекции эти будут читаться во Владимирском училище, где в настоящую минуту читают университетские профессора, а не в клубе художников.

Взвесив все эти обстоятельства, я прошу вас обратить на них ваше милостивое внимание и дозволить разрешить лекции проф. Лесгафта.

А. Философова.

---

[1] ЦАР, III, о., 3 эксп., д. № 6, л. 154.

[2] Философова А. П. (1837—1912 г.) — одна из важнейших деятельниц женского движения 60-х—90-х годов XIX в. и наиболее яркая представительница общественных деятелей из буржуазии этой эпохи. Принимала активное участие в распространении научных знаний среди женщин и для этой цели организовала ряд обществ, имевших целью поднять образовательный уровень русской женщины. Одна из организаторов первых общеобразовательных женских курсов в Петербурге, т. н. «Владимирских курсов», преобразованных в 1878 г. в Высшие женские курсы.

[3] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 6, л. 156.

Письмо А. Философовой управляющему III отделением А. Л. Потапову, 14 января 1876 г.[1]

Многоуважаемый Александр Львович!

Будьте так любезны приказать разрешить программы профессора Лесгафта по анатомии на Владимирских курсах. Я полагаю, что в настоящее время. Вы не встретите к тому препятствий, так как лекции проф. Лесгафта разрешены даже в Соляном городке.

А. Философова.

Письмо управляющего III отделением А. Л. Потапова А. Философовой, 16 января 1876 г.[2]

Милостивая государыня
Анна Павловна!

На письмо вашего превосходительства от 14 января имею честь уведомить, что ходатайство доктора медицины Лесгафта о разрешении ему читать публичные лекции по анатомии на Владимирских курсах не может быть удовлетворено, потому что Лесгафт, читая в минувшем году такие же лекции, под видом анатомического учения о мозге развивал известные отрицательные начала, популяризация которых едва ли может быть признана удобной в особенности когда производится не с научными целями, а пред публикой большею частью недостаточно подготовленной к правильному пониманию этих начал.

А. Потапов.

Отношение министра народного просвещения Д. Толстого начальнику III отделения, 4 декабря 1876 г.[3]

Комитет общества для пособия лицам женского пола, обучающимся на курсах ученых акушерок при императорской Медико-хирургической академии, ходатайствует о разрешении профессору Лесгафту открыть курс публичных лекций об органах животных и растительной жизни и об отношениях их к воспитанию.

Вследствие представления об этом попечителя С.-Петербургского учебного округа, обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшею просьбой почтить меня уведомлением: не изволите ли вы, милостивый государь, встречать препятствия к разрешению г-ну Лесгафту чтения публичных лекций.

Д. Толстой.

Из сведений департамента полиции, август 1884 г.[4].

Учрежденное по распоряжению бывшего III-го отделения собственной его императорского величества канцелярии за доктором медицины Петром Лесгафтом негласное наблюдение было согласно распоряжения департамента полиции, ввиду отсутствия в течение десяти с лишним лет неблагоприятных о Лесгафте сведений, отменено, о чем департаментом сообщено было петербургскому градоначальнику 20 августа 1884 г.[5].

Мл. пом. делопроизв. А. Миллер.

---

[1] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 6, л. 146.
[2] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 6, л. 148.
[3] ЦАР, III о., 3 эксп., д. № 6, лл. 161—162.
Резолюция: «Полагаю отклонить за непредставлением программы».
[4] ЦАР, III о., д. № 434, л. 7.
[5] Интересно отметить, что хотя распоряжение о снятии надзора полиции состоялось в 1884 г., но «усердная» полиция продолжает этот надзор еще 9 лет спустя. В 1893 г. надзор полиции за Лесгафтом был учрежден снова.

Справка департамента полиции о П. Ф. Лесгафте, 1893 г.[1]

Лесгафт Петр Петров (Францев), 55 лет, лютеранского вероисповедания, имеет ученую степень доктора медицины и хирургии императорской Медико-хирургической академии, состоял профессором Казанского университета и в 1871 г. уволен от службы с чином статского советника. В настоящее время состоит приват-доцентом С.-Петербургского университета по кафедре анатомии. Проживал в д. № 18, кв. 25, по набережной реки Фонтанки, откуда 18 сего мая выбыл в село Красное, Рыбинского уезда, Ярославской губернии.

Лесгафт в 1871 г., в бытность профессором Казанского университета, по высочайшему повелению был уволен от службы за вредное направление и по распоряжению бывшего III отделения собственной его императорского величества канцелярии, подчинен негласному надзору полиции, от коего освобожден в 1884 г. Ввиду постоянных сношений Лесгафта с лицами неблагонадежными в политическом отношении, по распоряжению Департамента полиции от 9 июня 1893 г. он вновь подчинен негласному надзору полиции, под каковым состоит и в настоящее время.

Из сведений департамента полиции о П. Ф. Лесгафте, 26 ноября 1893 г.[2]

В марте 1888 г. в департаменте полиции были получены сведения, что в среде студентов С.-Петербургского университета образовался кружок противоправительственного направления. По распоряжению департамента полиции за деятельностью членов этого кружка было учреждено наблюдение, коим было выяснено, что в состав кружка входили студенты: Тарасов, Михайловский, Теннер и др., при чем в числе лиц, с которыми Теннер был в сношениях, петербургский градоначальник указывал и на профессора Петра Лесгафта.

В 1889 г., при осмотре записной книжки убитого взрывом бомбы в Цюрихе Исаака Дембо, была найдена следующая записка: «Листки через Отто, от 25 до 40 вкл.». Означенная записка дала повод к предположению, что она относится к слушательнице Бернского университета Надежде Оскаровой Отто, вследствие чего за Отто, по прибытии ее в Россию, было учреждено наблюдение. Петербургский градоначальник, донося о результатах наблюдения отношением от 30 сентября, сообщил департаменту, что в числе знакомых Отто находится между прочим доктор Петр Лесгафт.

В 1891 г. при обыске у привлеченного к дознанию в Москве по делу о рассылке воззваний преступного содержания бывшего студента Московского университета Николая Никольского были взяты два письма из Петербурга, содержание коих указывало, что автор писем бывал у какого то профессора, который принимает участие в организации «вольного университета». Допрошенный по поводу этих писем Никольский, уклоняясь от дачи показаний по их содержанию, объяснил, что они писаны двоюродной сестрой его Евгенией Заурих, проживающей в Петербурге. За сношениями Заурих было учреждено наблюдение и петербургский градоначальник, донося о результатах оного отношением от 25 мая 1891 г., сообщил департаменту, что хотя личности профессора, о котором говорилось в письмах, и не представилось возможным установить, тем не менее можно предположить, что означенное лицо есть бывший профессор Казанского университета доктор медицины Петр Лесгафт, читающий у себя на дому лекции по

[1] ЦАР ДП, III, д. № 434, л. 28.
[2] ЦАР ДП, III, д. № 434, л. 1.

анатомии, на каковые лекции собирается много учащейся молодежи обоего пола.

В апреле 1892 г., министерство Иностранных дел препроводило в министерство внутренних дел телеграмму нашего посла в Константинополе г. Нелидова, в которой сообщалось, что турецкая полиция напала на след бомб[1], которые фабриковались в Рущуке и предназначались для Константинополя, причем в числе участников этого дела оказался проживающий в Петербурге некий Семен Гуламирянц. Установленным за Гуламирянцем наблюдением выяснено было знакомство его с профессором Петром Лесгафтом...

В июне 1892 г. петербургский градоначальник сообщил о выезде из С.-Петербурга в Лесинское лесничество известного департаменту студента Лесного института Ивана Ингеницкого и уведомил департамент, что установленным за Ингеницким наблюдением выяснены сношения его с профессором Лесгафтом.

Кол. рег. Ратаев.

Из сведений департамента полиции о П. Ф. Лесгафте, 3 марта 1895 г.[2]

В бумагах, отобранных по обыску у студента Московского университета Митрофана Иолшина, был найден между прочим адрес: «Ярославль Николаю Николаеву Соболеву с передачей...»

На запрос по сему поводу, начальник Ярославского губернского жандармского управления отношением от 28 декабря 1892 г. уведомил, что летом 1891 и 1892 гг., недалеко от усадьбы ныне умершего Николая Николаева Соболева села Красного, Рыбинского уезда, в селе Воскресенске и других окрестных селах, проживали профессор Петр Францев Лесгафт и несколько студентов: четыре брата Шапшал, Шебалин, Ставровский, три брата Федуловы, Генкин, Березин, Юрковский, Никитинский, племянник профессора Лесгафта Эмилий Лесгафт и Красинский. Все лица вели переписку через Николая Соболева, так как от него посылался ежедневно человек на почту; вероятно и Иолшин был в переписке с кем-либо из упомянутых лиц и даже есть указания, что он посещал проездом профессора Лесгафта, пока пароход стоял у пристани села Красного.

Все эти лица, за время проживания в Рыбинском уезде, ни в чем предосудительном замечены не были.

В мае 1893 г. в департамент получена выписка из письма: «И. Бебутов, С. Петербург. Eugenie Chmonilowich. Paris, rue de la Glacière.

Я еду на Волгу в село Красное, около Рыбинска. Еду я с двумя нашими сибиряками. Кроме того, в одной с нами деревне будет жить наш профессор анатомии Лесгафт, который собственно и пригласил нас туда. Он берется устроить нам квартиру у какого то очень хорошего крестьянина» и т. д.

На означенной выписке рукою Ф. В. Сараковского сделана приписка: «К. Н. Поступальский сообщил мне о сведениях, добытых им агентурным путем от слушательниц Лесгафта, что лекции его и беседы оказывают на слушательниц вредное влияние, вселяя в них революционные убеждения».

Господин директор приказал обратить внимание начальника Ярославского управления на предстоящий приезд и деятельность студентов в с. Красном и его окрестностях.

---

[1] На полях помета: «Дело о бомбах оказалось вздором» — подпись неразборчива.

[2] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 1 ж — 1 г.

В 1893 г. привлеченный к дознанию в С.-Петербурге по делу о пропаганде среди рабочих Николай Михайлов показал, что он продавал билеты в пользу рабочей библиотеки, которая должна была состоять из изданий социал-демократического содержания, причем билеты эти распределялись им преимущественно на лекциях профессора Лесгафта.

В том же 1893 г. петербургский градоначальник препроводил в департамент дневник наблюдения за студентами СПБ университета Аркадием Молчановым и сыном колл. ассесора Александром Виноградовым, причем из результатов наблюдения за последним усматривается, что 20 октября 1893 г. утром посетил статского советника профессора Петра Лесгафта и затем был у него 23, 24, 30, 31 октября, 2, 4. 5, 8, 13, 14, 15, 18, 19, 25 ноября.

В том же году наблюдением в Петербурге за дочерью губ. секр. Варварой Константиновой Каратыгиной было выяснено знакомство ее с Петром Лесгафтом.

В том же году наблюдением за студентом С.-Петербургского университета Васильем Талалаевым выяснены между прочим сношения его с профессором Петром Лесгафтом.

Распоряжением департамента от 9 июня 1893 г. Лесгафт подчинен негласному надзору полиции.

В том же году по сведениям особого отдела Н. Баранская из Москвы написала к слушательнице фельдшерских курсов при рождественских бараках Антонине Некулищевой: «Я еду в Питер, если имеется возможность тоже вашей сестры то я бы подождала. Было бы очень желательно показать ее Лесгафту. О ее здоровье и самих занятиях сообщу как приеду» и т. д.

Затем Анна Шарапова из Женевы, в письме к Вере Холмогоровой в Москву говорит, между прочим: «Пришли мне открытку с адресом Мани и Попы в Петербурге. Маня у Лесгафта может быть познакомилась с Отт... мне доставляет некоторую отраду, что Миша поехал в Петербург...

Относятся ли эти сведения особого отдела к Петру Петрову (он же Францев) Лесгафту данных не имеется. У названного Лесгафта есть сын Борис Лесгафт, врач фарфорового завода, проживающий также в С.-Петербурге. Из сообщения петербургского градоначальника от 14 июля 1894 г. по наблюдению за дочерью титулярного советника Елизаветой Агринской, усматривается, что в 1892 г. Агринская находилась в сношениях с профессором Петром Лесгафтом.

В том же 1894 г. господин министр народного просвещения сообщил господину товарищу министра внутренних дел, что студент Петербургского университета Даниловский ездил зимой 1893—1894 г. на юг Франции с семьей лужского предводителя дворянства Нарышкина, в качестве гувернера, причем, как вскоре было замечено г. Нарышкиным, Даниловский начал внушать его детям идеи антирелигиозного и противоправительственного направления, в виду чего ему было отказано от места. Уезжая Даниловский говорил, что намерен остаться заграницей и поселиться в Швейцарии. Оказалось, что Даниловский воспринял свое вредное направление, главным образом, на лекциях профессора Лесгафта.

На запрос по сему поводу петербургский градоначальник отношением от 28 мая 1894 г. уведомил, что профессор Лесгафт, лекции которого посещал студент Даниловский, есть несомненно известный департаменту, состоящий под негласным надзором, Петр Петрович (он же Францевич) Лесгафт.

Коллежский секретарь К а ш и н.

Донесение петербургского градоначальника в департамент полиции, 5 апреля 1900 г.[1]

Саратовский губернатор отношением от 31 марта просит сообщить сведения о политической благонадежности доктора медицины П. Лесгафта, предположенного в числе других лиц к допущению в качестве руководителя на временных педагогических курсах для учителей и учительниц в гор. Саратове.

Принимая во внимание, что Лесгафт состоит под негласным надзором полиции, я считаю долгом сообщить об изложенном запросе на усмотрение департамента полиции, покорнейше прося о последующем меня уведомить.

Генерал-лейтенант (подпись неразборчива).

Отношение департамента полиции саратовскому губернатору, [28] апреля 1900 г.[2]

Отношением от 31 марта сего года ваше сиятельство просили Петербургского градоначальника сообщить сведения о благонадежности доктора медицины Петра Францева Лесгафта, предположенного к допущению в качестве руководителя на временных педагогических курсах для учителей и учительниц в г. Саратове.

Принимая во внимание, что по имеющимся в департаменте сведениям, многие слушательницы курсов Лесгафта в Петербурге замечены были в политической неблагонадежности и привлекались к дознаниям, что должно быть, до известной степени, приписано влиянию названного профессора, департамент полиции имеет честь уведомить ваше сиятельство, что допущение профессора Лесгафта, в качестве руководителя выше указанных временных педагогических курсов в г. Саратове представляется нежелательным.

Ст. делопроизводитель Лемтюжников.

Отношение департамента полиции петербургскому градоначальнику, 29 апреля 1900 г.[3]

Вследствие отношения от 5 сего апреля[4] департамент полиции имеет честь уведомить ваше превосходительство, что вместе с сим сообщено саратовскому губернатору о нежелательности допущения доктора медицины Петра Лесгафта, в качестве руководителя на временных педагогических курсах для учителей и учительниц в городе Саратове.

Ст. делопроизводитель Лемтюжников.

Отношение петербургского градоначальника в департамент полиции, 9 сентября 1900 г.[5]

Попечитель Одесского учебного округа отношением от 2 сентября просит сообщить ему сведения о политической благонадежности профессора С.-Петербургской биологической лаборатории П. Лесгафта, в виду возбужденного Одесским городским управлением ходатайства об устройстве в г. Одессе с 18 декабря 1900 г. по 4 января 1901 г. курсов под руководством названного профессора для ознакомления учителей и учительниц начальных народных училищ с постановкой дела физического воспитания учеников.

---

[1] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 42.
[2] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 44.
[3] ЦАР, ДП, III, д. № 434.
[4] См. выше стр. 147.
[5] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 48.

Принимая во внимание, что г. Лесгафт состоит под негласным надзором полиции, считаю долгом сообщить об изложенном запросе на усмотрение департамента полиции, покорнейше прося о последующем меня уведомить.

Генерал-лейтенант (подпись неразборчива).

Программа курса лекций по физическому образованию в школе, составленная П. Ф. Лесгафтом[1].

Главная задача школы в Англии, Франции и Германии. Отношение физического образования к умственному. Санитарная гимнастика и физическое образование. Задачи физического образования в народной и средней школе.

Физическое образование в Англии, его назначение и способы применения.

Английские игры, полезные и слабые их стороны.

Физическое образование в древней Греции.

Природа ребенка, его темперамент, тип и характер. Условия развития этих основных проявлений ребенка и их значение. Физическое развитие ребенка семейного и школьного возраста, физиологическое и психологическое значение его.

Семейное воспитание ребенка. Физическое развитие ребенка в первые годы его жизни. Имитационные игры и их значение. Закаливание ребенка; физиологическое и психологическое значение закаливания.

Чистота и ее значение при воспитании как средства, охраняющего против заражения.

Физическое образование в школе. Значение систематических занятий по физическому образованию. Упражнения элементарные, сложные, с увеличением напряжения и продолжительности. Знакомство с распределением работы по времени и изучение пространственных отношений. Упражнения на аппаратах.

Игры в школе, их значение и применение. Военная гимнастика. Спорт. Ручной труд и его утилитарное значение. Труд и его значение для физического, умственного и нравственного развития человека.

Из сведений департамента полиции, 4 октября 1900 г.[2]

Одесский градоначальник представляет на усмотрение департамента два вопроса:

1) по ходатайству Одесской городской управы устроить в Одессе курсы для ознакомления учителей и учительниц народных училищ с постановкой дела физического воспитания учеников, граф Шувалов, с своей стороны, не усматривает достаточных оснований, с воспитательной точки зрения, к разрешению устройства означенных курсов.

Так как это заключение совершенно ничем не мотивировано, то присоединиться к такому заключению весьма затруднительно, напротив того, судя по программе, правильная постановка физического образования, особенно в начальных школах, весьма желательна, как способствующая к укреплению и правильному росту ребенка.

2) Второй вопрос касается допущения к руководительству этими курсами профессора Лесгафта.

Этот вопрос полагал бы разрешить в отрицательном смысле, так как департамент уже отклонил допущение Лесгафта руководителем

---

[1] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 50.
[2] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 51.

педагогических курсов для учителей и учительниц в Саратове, ввиду того, что многие слушательницы Лесгафта личности неблагонадежные, что должно быть, до известной степени, приписано влиянию Лесгафта.

Делопроизводитель Лемтюжников

Отношение департамента полиции одесскому градоначальнику, 4 ноября 1900 г.[1]

В отношении от 21 сентября сего года ваше сиятельство представили на усмотрение департамента ходатайство Одесской городской управы о разрешении устроить в городе Одессе курсы под руководством С.-Петербургской биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта, для ознакомления учительниц и учителей народных начальных училищ с постановкою дела физического воспитания учеников.

Вследствие чего департамент полиции имеет честь уведомить ваше сиятельство, что к устройству в г. Одессе означенных курсов препятствий со стороны департамента не встречается, но так как, по имеющимся в департаменте сведениям, многие слушательницы курсов Лесгафта в С.-Петербурге замечены были в политической неблагонадежности и привлекались к дознанию, что должно быть до известной степени приписано влиянию названного профессора, то допущение профессора Лесгафта в качестве руководителя предположенных в городе Одессе курсов представляется едва ли желательным.

Под. директор Зволянский.

Решение Особого совещания департамента полиции, 7 мая 1901 г.[2]

Особое совещание в заседании 7 мая 1901 г. постановило: воспретить Лесгафту жительство в столицах, столичных губерниях и университетских городах сроком на два года.

Делопроизводитель Лерн.

Прошение П. Ф. Лесгафта царю, 14 мая 1901 г.[3]

Вашего императорского величества верноподданный нижеподписавшийся получил от охранного отделения предложение удалиться из Петербурга на два года без права жительства в университетских городах и курортах. Распоряжение охранного отделения, которому предшествовал безрезультатный обыск, явилось для меня неожиданностью, ибо поводов к подобному наказанию, по моему глубокому убеждению, не может быть. Моя долголетняя педагогическая и ученая деятельность была всецело направлена на пользу молодого поколения и никогда не доставляла мне личных выгод, которых я не искал. Мною создано три общеполезных учреждения, до такой степени тесно связанные с моей личной судьбой, что наложенное на меня наказание будет в сущности гибелью для моего дела. Моя ученая деятельность по анатомии должна будет прекратиться как только прекратится связь между мною и биологической лабораторией, директором которой я состою с самого основания этого учреждения. С прекращением моей педагогической и общественной деятельности должны будут прекратить существование учреждения, имеющие целью усовершенствование физического воспитания детей.

---

[1] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 53.
[2] ЦАР, ДП, о. о., д. № 499, л. 18.
Внизу приписка: «Означенное постановление утверждено г. министром внутренних дел 7 мая 1901 г.».
[3] ЦАР, ДП, о. о., д. № 499, 1900 г. лл. 23—24.

Руководимые мною учреждения находятся под контролем правительства, и я никогда не получал от министра народного просвещения никаких замечаний касательно своего образа действий. Единственный раз я получил, наравне со многими другими, выговор за подписание коллективного заявления по поводу действий полиции в день 4 марта сего года. Охранное отделение объявило мне распоряжение, неподкрепленное никакими мотивами.

Будучи глубоко убежден, что всякая безкорыстная просветительная деятельность найдет отклик в сердце монарха, возвестившего миру человеколюбивые педагогические начала, я беру на себя смелость повергнуть к стопам вашего императорского величества всеподданнейшую просьбу всемилостивейше войти в положение человека моих лет (61 год), связанного мысленно и сердцем с руководимыми им учреждениями.

Благоволите, всемилостивейший государь, покрыть монаршим милосердием распоряжение министра внутренних дел и даровать мне возможность продолжать беспрепятственно деятельность на пользу государя и отечества.

Вашего императорского величества верноподданный статский советник, профессор анатомии, доктор медицины и хирург, директор биологической лаборатории Петр Лесгафт [1].

Прошение П. Ф. Лесгафта директору департамента полиции, 17 мая 1901 г. [2]

Ваше высокопревосходительство. Будучи вызван в охранное отделение, я узнал, что состоялся приговор, подвергающий меня административной высылке из С.-Петербурга на два года с ограничениями касательно местопрожительства в течение упомянутого срока. Так как в течение всего периода времени между произведенным у меня обыском и объявлением мне приговора я не подвергался никакому допросу, то я лишен возможности знать, в чем меня обвиняют и в каком смысле мое поведение могло возбудить неудовольствие правительства. Моя долголетняя ученая и педагогическая деятельность определилась так ясно, что не может быть ни малейшего сомнения касательно единственной цели моей жизни, цели, поглощающей все мое время и все мои духовные интересы. Эта цель заключается в служении науке и в воспитании юношества на научных началах. Деятельность моя известна всему ученому и педагогическому миру, она хорошо известна и правительству.

За подписание известного заявления, представленного вашему высокопревосходительству и господину министру юстиции я подвергся уже выговору от господина министра народного просвещения. Неужели же морального порицания недостаточно для 60-летнего профессора, который не внушал своим слушателям ничего, кроме научных истин? Неужели строго научная деятельность не согласна с видами правительства и с основами нашего государственного устройства? Я убежден, что нет основания для обвинения, тяготеющего на мне, и что ваше высокопревосходительство не откажется войти доброжелательно в мое положение. Это убеждение позволяет мне надеяться на отмену приговора, который меня лишает всего, чем живет ученый и учитель.

Директор С.-Петербургской биологической лаборатории
профессор Петр Лесгафт

---

[1] Имеется собственноручная помета царя: «Оставить без последствий и ответа. С. Петербург 1901 г.».

[2] ЦАР, ДП, о. о., д. № 499, 1900 г., л. 27.

Отношение министра народного просвещения В. Ванновского министру внутренних дел Д. С. Сипягину, 20 мая 1901 г.[1]

Милостивый государь Дмитрий Сергеевич!

В виду состоявшегося по министерству внутренних дел постановления о воспрещении статскому советнику П. Ф. Лесгафту жительства в С.-Петербурге сроком на два года, считая с 7-го текущего мая, совет С.-Петербургской биологической лаборатории, директором которой состоит П. Ф. Лесгафт, обратился ко мне с просьбой об исходатайствовании отмены вышеозначенного распоряжения, в виду того, что учреждения, во главе которых стоит упомянутая лаборатория, до такой степени тесно связаны с личностью профессора Лесгафта, что прекращение непосредственных отношений лаборатории с ее пожизненным директором грозит решительной опасностью самому существованию этого учреждения и других, от него зависящих, а кроме того научный материал, собранный трудами Лесгафта, нуждается в заботах и попечениях директора, без каковых забот материал этот, стоимостью в несколько десятков тысяч рублей, придет в негодность и перестанет быть годным для научных целей.

Не находя возможным ходатайствовать об отмене намеченной министерством внутренних дел меры в отношении профессора, я однако, считаю долгом покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать, если возможно, в отсрочке на некоторое время приведения в исполнение вышеупомянутого мероприятия, дабы дать возможность профессору Лесгафту привести в систему научный материал, находящийся на его руках, принадлежащий биологической лаборатории, и затем сдать его в установленном порядке другому лицу, которое будет министерством указано.

Петр Ванновский.

Из письма директора департамента полиции министру внутренних дел Сипягину, 23 мая 1901 г.[2]

...Вопрос как отнесутся к Лесгафту волнует, повидимому, все либеральное общество и будет несомненно иметь громадное значение как вообще на ход дел, так и в оценке дальнейших мер и распоряжений правительства и послужит, в случае отмены мер, крайне нежелательным и вредным прецедентом и я лично могу высказаться только за отклонение его ходатайства.

В справке всего не изложишь, многие факты и явления деятельности Лесгафта не оставили по себе письменных следов, или же таковые в массе прежних дел частью затерялись, но прошедшая перед моими глазами, в течение 21 года службы в департаменте полиции, общественная деятельность Лесгафта, не оставляет во мне сомнения в том, что это убежденный противоправительственный деятель и интеллигентный руководитель в этом же направлении многих поколений молодежи.

Директор Зволянский.

Прошение П. Ф. Лесгафта в департамент полиции, 4 ноября 1901 г.[3]

Вследствие приглашения, полученного мною от двух секций (анатомии и антропологии) принять участие в трудах предстоящего съезда естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге, покорнейше прошу раз-

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 499, лл. 21—22.
[2] ЦАР, ДП, о. о., д. № 499, л. 28.
[3] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 67.

решить мне пребывание в С.-Петербурге для участия в занятиях съезда. Продлится съезд от 20 до 30 декабря. Кроме того, на подготовку доклада мне необходимо не менее двух недель предварительного пребывания в С.-Петербурге[1].

Профессор Петр Лесгафт

Прошение П. Ф. Лесгафта министру внутренних дел, 27 апреля 1902 г.[2]

Уже около года я удален из Петербурга, где должен был, после 40 лет педагогической своей деятельности, оставить петербургскую биологическую лабораторию, которую основал. Учреждение это приходит в упадок и я как анатом совершенно не в состоянии заниматься своим делом, на которое посвятил всю свою жизнь. Поэтому я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой разрешить мне въезд в столицу и дать мне возможность опять посвятить себя исключительно научной деятельности.

Профессор Петр Лесгафт.

Справка департамента полиции, 4 мая 1902 г.[3]

Лесгафт, Петр Францев, родился в 1840 г., статский советник, профессор анатомии.

В 1871 г. Лесгафт с некоторыми профессорами Казанского университета обвинял попечителя учебного округа и университетский совет в различных противозаконных действиях, а когда эти обвинения, по своей голословности были оставлены без последствий, им была напечатана в «С.-Петербургских ведомостях» статья, наполненная ложными обвинениями, оскорбительными для большинства профессоров Казанского университета и попечителя учебного округа; за означенную статью он, по высочайшему повелению 14 октября 1871 г., был уволен от службы без прошения и без права поступления на какую либо должность по учебной части. По увольнении от службы он переехал на жительство в С.-Петербург, где за ним был учрежден негласный надзор полиции.

В октябре 1874 г. Лесгафту всемилостивейше было разрешено поступить на службу по ведомству министерства народного просвещения, а в августе 1884 г. негласный надзор за ним был прекращен. Состоя профессором Медико-Хирургической академии, С.-Петербургского университета и Женских курсов, он, пользуясь громадной популярностью среди учащейся молодежи, оказывал на слушателей своих вредное влияние, вселяя в них революционные убеждения; на лекциях его часто продавались билеты, сбор с коих предназначался на нелегальные предприятия, а сам он постоянно находился в сношениях с лицами, известными по своей политической неблагонадежности, и даже оказывал им материальную поддержку; на летнее время он уезжал в село Красное, Рыбинского уезда, Ярославской губернии, где около него был сгруппирован кружок молодежи неблагонадежного в политическом отношении направления; в 1897 г. сотрудничал в журнале «Новое слово»[4], заправилами которого были П. Б. Струве и Туган-Барановский;

---

[1] Прошение написано из Финляндии — ж. д. станция Терионки. В разрешении участвовать на съезде было отказано.

[2] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 71.

[3] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 73.

[4] «Новое слово» — журнал, издававшийся с 1894 г. Вначале орган народников. С апреля 1897 г. журнал переходит в руки «легальных марксистов». Редакторы: П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. М. Калмыкова, В. Поссе.

Кроме легальных марксистов в журнале принимали участие В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, М. Горький, Ю. Мартов и др.

подписался, в числе других профессоров и преподавателей петербургских высших учебных заведений, под заявлением, представленным г. министру внутренних дел, по поводу беспорядков 8 февраля 1899 года.

Подписал, в числе 99-ти лиц, коллективное заявление на имя г. министра внутренних дел о необходимости отмены «Временных правил» 29 июля 1899 г. и суда над виновными в избиении манифестантов 4 марта[1]. Об этом было сообщено министру народного просвещения, который 28 апреля 1901 г. уведомил, что попечителю С.-Петербургского учебного округа предложено объявить Лесгафту от имени министра строгий выговор.

Письмо заведующего двором в. к. Александры Иосифовны П. Кеппена министру внутр. дел. В. К. Плеве, 10 мая 1902 г.[2]

Многоуважаемый Вячеслав Константинович!

Вашему высокопревосходительству небезызвестно, что в прошлом году в числе других был выслан из Петербурга профессор Лесгафт. Великий князь Константин Константинович представительствовал тогда в пользу Лесгафта перед министром внутренних дел, так как знал профессора за солидного ученого, горячо преданного педагогическому делу, почему и пригласил его следить за физическим развитием своих детей.

Покойный Д. С. Сипягин не нашел возможным тогда изменить примененную к Лесгафту меру, но не отказался сделать для него что-либо в будущем.

В виду того, что высылка Лесгафта продолжается более года, великий князь поручить мне изволил просить вас вникнуть в дело старика профессора и если окажется возможным вернуть этого ученого к его занятиям.

Исполнив возложенное на меня поручение, прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Покорный слуга П. Кеппен.

Из сведений особого отдела департамента полиции, 16 мая 1902 г.[3]

...Товарищ министра 14 мая с. г. изволил приказать учредить наблюдение за деятельностью и перепиской Лесгафта особенно по вопросу о «сборе денег», в виду разрешения его превосходительством профессору Лесгафту повсеместного в империи жительства.

Из сведений департамента полиции о П. Ф. Лесгафте, май 1902 г.[4]

В сведениях заграничной и внутренней агентуры по отношению к Лесгафту имеются следующие данные:

1) Летом 1899 г. Лесгафт ездил за границу и поселился в Женеве на одной квартире с литератором Петром Павловым Масловым и деви-

---

[1] В феврале 1899 г. в ответ на репрессии полиции произошли широкие студенческие движения по всем университетам России.

Правительство 29 июля 1899 г. издало «Временные правила» о сдаче студентов за участие в движении в солдаты.

Впервые эти правила были применены к киевским студентам осенью 1900 г. Это снова вызвало студенческие волнения по всей России.

4 марта 1901 г. в Петербурге на Казанской площади полиция жестоко избила участников студенческой демонстрации.

[2] ЦАР, ДП, III, д. 434, л. 81.

[3] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 85.

[4] ЦАР, ДП, III, д. № 434, лл. 76—79.

цей Олимпиадой Мальцевой, принадлежащей к террористическому кружку... Общую их квартиру посещали почти все наиболее выдающиеся женевские эмигранты, в том числе член народовольческой группы Егор Лазарев; сожитель Лесгафта Маслов (личность безусловно неблагонадежная в политическом отношении) собирал революционеров и других оттенков, которым читал рефераты о социал-демократическом движении в России.

2) Летом 1900 г. были получены указания, что некоторые слушательницы курсов содействия физическому развитию, отправившиеся под руководством профессора Лесгафта в заграничную экскурсию, намереваются при обратном проезде из-за границы провезти в Россию запрещенные книги в чемодане с двойным дном.

Принятыми мерами было выяснено, что, действительно, окончившие в 1900 г. курс слушательницы курсов физического образования, совместно с профессором Лесгафтом, числом около 30 ч., отправились в заграничную образовательную прогулку, с целью посетить Австро-Венгрию, Италию и Швейцарию, для ознакомления с выдающимися музеями, библиотеками и другими образовательными учреждениями. Сам Лесгафт выехал по одному паспорту с домашней учительницей Марией Марковной Познер, личностью политически неблагонадежной, обращавшей на себя внимание сношениями с революционными деятелями, в числе же сопровождавших его курсисток также находились замеченные в политической неблагонадежности.

По сведениям агентуры, хотя такая официальная поездка предпринималась в первый раз, но еще ранее, во время поездок Лесгафта за границу, туда съезжались и некоторые из слушательниц его курсов и, попадая в компанию эмигрантов-революционеров, которые постоянно окружали Лесгафта, под их руководством как бы заканчивали свое революционное воспитание. Благодаря такой постановке дела, при выяснении участников разного рода противоправительственных демонстраций, а также при ликвидации революционных групп наибольший процент приходится на слушательниц курсов профессора Лесгафта. Так, за последние три года, из общего числа слушательниц разных женских курсов (коих насчитывается свыше 18), принимавших участие в разных уличных минифестациях, слушательницы курсов профессора Лесгафта составляют 16%, а из общего числа курсисток, привлекающихся к политическим делам — 17%.

Ввиду вышеприведенных указаний, департамент полиции циркулярно предложил начальникам жандармских пограничных пунктов следить за возвращением некоторых наиболее внушающих подозрение курсисток из состава означенной экспедиции и, в случае их проезда, обратить внимание таможенных чинов на тщательный досмотр их багажа.

Означенная мера, однако, не достигла желаемых результатов, так как о ней достигли слухи до заинтересованных лиц, которые и успели предупредить профессора Лесгафта.

3) Осенью 1900 г. стоящий во главе Берлинского народовольческого кружка, высланный безвозвратно из России греческий подданный Ефим Левит (близкий знакомый убийцы министра народного просвещения, Петра Карповича) и эмигрант — народоволец Русанов, затеяв организовать новый народовольческий печатный орган..., прежде всего озаботились заручиться выдающимися литературными силами в России. В виду сего Левит поручил одному ехавшему в Россию студенту повидать своего старинного знакомого, профессора Лесгафта, и через его посредство предложить Бенедикту Мякотину сотрудничество в органе. За недостатком материальных средств, предполагаемый орган до сего времени в свет не появлялся.

4) С начала 1901 г. события студенческой жизни, сопровождаемые уличными манифестациями, вызвали в обществе сильнейшее возбуждение, которое усердно поддерживалось оппозиционными руководителями, причем к числу лиц, действовавших наиболее энергично в этом направлении, принадлежал профессор Лесгафт, речи которого, по словам очевидцев, буквально электризовали слушателей. При содействии Лесгафта, Поссе и др. в редакции «Жизни» [1] был выработан и продиктован Гольдштейном ответ студентов С.-Петербургского университета на приглашение держать экзамены — в том смысле, что молодежь настолько взволнована еще последними событиями, что лучше отложить экзамены до осени. Вообще личность Лесгафта высоко ценится молодежью известного направления и он обладает особым талантом влиять на нее в противоправительственном направлении. После назначения генерала-адъютанта Ванновского на пост министра народного просвещения, он, Лесгафт, при всяком удобном случае убеждал молодежь не верить заманчивым обещаниям и не идти ни на какие уступки, пока всех их требования не будут удовлетворены.

5) После 4 марта Лесгафт вместе с Поссе, Никоновым, Калмыковой и Гольдштейном вел усиленную агитацию в обществе в пользу подачи разных петиций, протестов и устройства новых уличных манифестаций.

6) Лесгафт состоял председателем существовавшего в Петербурге «Общества помощи в чтении больным и бедным», которое, совершенно отстраняясь от своих чисто благотворительных задач, занималось исключительно снабжением тенденциозно подобранными книгами для чтения лиц, содержащихся под стражей, организацией тенденциозных народных чтений в специально для того устроенных народных аудиториях, причем в качестве лекторов выступали лица неблагонадежные в политическом отношении, а также устройством в том же направлении библиотек со специальным подбором изданий. Большинство членов означенного общества входило в состав «Общества помощи политическим ссыльным и заключенным», присвоившего себе наименование «Красного креста», а главнейшие его заправилы, как-то: Лесгафт, Лидия Куприянова, Юлия Топоркова, Михаил Миклашевский и Василий Хижняков принадлежали к особому его отделению, именуемому «Большим крестом», и заведывающему распределением между революционными группами собираемых членами «Малого креста» денежных сумм.

В начале 1901 г. некоторые члены «Общества помощи в чтении больным и бедным» выделили из себя группу, которая занялась составлением и печатанием особых листков о текущих событиях студенческой и общественной жизни, крайне возмутительного и отчасти террористического содержания, которым было присвоено наименование «Злободневных листков». Означенные листки редактировались Хижняковым и Миклашевским, хлопотами же по их изданию и распространению усердно занималась Лидия Куприянова.

Все эти лица находились в постоянных общениях с профессором Лесгафтом, которого, независимо от сего, постоянно посещало боль-

---

[1] «Жизнь» — литературно-политический журнал, издававшийся в Петербурге с конца 1899 г. Кроме статей русских ревизионистов, легальных марксистов (Струве, Туган-Барановского и др.) в журнале печатались также отдельные статьи революционных марксистов. Так была напечатана предназначенная для закрытого незадолго до того журнала «Начало» статья В. И. Ленина под псевдонимом В. И. Ильин «Капитализм в сельском хозяйстве». Когда журнал окончательно определился как орган ревизионизма, то революционные марксисты от него отошли. В журнале сотрудничали видные литераторы того времени.

шинство лиц, занимавшихся активною революционною деятельностью и состоявших под наблюдением С.-Петербургского охранного отделения.

Вследствие изложенных данных, 18 апреля 1901 г. Петр Лесгафт был подвергнут обыску, причем у него, между прочим, найдено два письма к нему от профессора Горного института Ивана Долбни (лицо неблагонадежное в политическом отношении), который рекомендует некого Николая Горчакова для передачи последнему сумм, собранных в пользу политических заключенных. На письмах имеется шесть расписок Горчакова в получении 165 рублей. Независимо от сего найдено несколько расписок лиц, известных по своей неблагонадежности, в получении денег, кроме того найдена приходо-расходная книжка о поступлении и расходе денег для пострадавших во время студенческих беспорядков 1899 г. В числе вышеупомянутых расписок обращают на себя внимание расписки студента Горного института Михаила Татарова (лица состоятельного, сына настоятеля Варшавского собора), в получении 62 рублей. Принимая во внимание, что по имеющимся сведениям, содержавшийся под стражей брат Михаила — Николай Татаров за последнее время был очень озабочен приисканием денег для отправления своим единомышленникам на революционные надобности, можно с полной вероятностью заключить, что деньги, полученные Михаилом Татаровым от Лесгафта, именно пошли на указанные цели, а не лично для него.

По докладе изложенных данных, особое совещание в заседании 7 мая 1901 г. постановило воспретить Лесгафту жительство в столицах, столичных губерниях и университетских городах, сроком на 2 года, по 7 мая 1903 г.

14 мая 1901 г. Лесгафт обратился со всеподданнейшим прошением, в коем ходатайствовал об отмене вышеупомянутого распоряжения. Означенное прошение высочайше было повелено «оставить без последствий и ответа».

В июле 1901 г. Лесгафт выезжал за границу, откуда вернулся в сентябре того же года и поселился в Териоках, где и подчинен был негласному надзору полиции.

В ноябре 1901 г. ходатайство Лесгафта о разрешении ему прибыть в Петербург в декабре того же года, на съезд естествоиспытателей и врачей, было признано неподлежащим удовлетворению.

6 апреля 1902 г. на запрос канцелярии Финляндского генерал-губернатора, департамент полиции уведомил означенную канцелярию, что к выдаче Лесгафту заграничного паспорта, на срок по желанию просителя, препятствий со стороны департамента не встречается.

Отношение управляющего С.-Петербургским учебным округом в департамент полиции, 25 июня 1902 г.[1]

Правление «Общества содействия физическому развитию» [2] представлением от 14 сего июня ходатайствует об утверждении статского советника Петра Францевича Лесгафта заведующим курсами воспитательниц и руководительниц.

---

[1] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 88. Пометка внизу: «г. министр приказал уведомить, что к утверждению с. с. Лесгафта заведующим курсами препятствий не встречается».

[2] В 1893 г. по инициативе Лесгафта возникло в Петербурге «Общество содействия физическому образованию», которое ставило себе целью распространение медицинских и педагогических знаний среди женщин и оздоровление населения. Председатель общества — П. Ф. Лесгафт.

Имею честь покорнейше просить департамент полиции, не отказать мне в сообщении: не имеется ли со стороны департамента препятствий к удовлетворению вышеизложенного ходатайства.

Управляющий округом (подпись неразборчива).

Отношение департамента полиции управляющему С.-Петербургским учебным округом, 23 августа 1902 г.[1]

Департамент полиции имеет честь уведомить ваше превосходительство, что к утверждению с. сов. Петра Францева Лесгафта заведывающим курсами воспитательниц и руководительниц при «Обществе содействия физическому развитию» препятствий со стороны департамента не встречается.

И. д. директора Лопухин.

---

[1] ЦАР, ДП, III, д. № 434, л. 92.

Новые материалы о М. В. Ломоносове

Великий русский ученый М. В. Ломоносов, 175-летие со дня смерти которого вся Советская страна отметила 15 минувшего апреля торжественными заседаниями и общественными выступлениями, принадлежит бесспорно к числу величайших гениев человечества.

Не только потому, что, будучи выходцем из низов, он сумел, при всех невероятных препятствиях, существовавших в крепостнической России XVIII в., стать ее самым образованным человеком и одним из самых образованных в Европе, не только потому, что своими научными открытиями на целое столетие опередил свою эпоху, но и по той исключительной разносторонности, по феноменальному многообразию научных, культурных и общественных интересов. Все это создало ему славу всеобъемлющего гения.

Ученость Ломоносова гармонически сочеталась с его страстной верой в свой народ, его силы, его одаренность, поэтому жизнь и деятельность этого лучшего сына народа были самоотверженным служением своей родине. Ломоносов тем особенно близок нашим дням, что его наука не отгораживалась от задач практических, а всегда имела в виду развитие производственных сил страны и в конечном счете перестройку мира.

За что ни брался Ломоносов, он все делал с одинаковой страстностью, притом не поверхностно, а углубленно, добираясь до основы основ, поэтому почти нет области, в которой он не совершил бы прямого переворота.

Научное наследие Ломоносова выявлено исчерпывающе только в советские годы. Много его рукописей, остававшихся до сих пор неизвестными, извлечено из забвения лишь в последнее время, сейчас изучается и издается. Только в наши дни фигура М. В. Ломоносова встала во весь свой гигантский рост.

Уже Пушкин говорил, что Ломоносов был нашим первым университетом, Белинский считал его оду 1739 года началом русской художественной литературы, но до сих пор все еще недостаточно освещена его деятельность в области изобразительного искусства. Было известно, что он завел в России первую мозаичную фабрику и что ему лично принадлежит ряд превосходных мозаик, в том числе большая композиция «Полтавская баталия», но кое-что в этой деятельности все же оставалось неясным [1].

В недавнее время в б. Сенатском архиве удалось разыскать книги с делами Сената по комерц-коллегии и главному магистрату, в которой имеются и документы, относящиеся к созданию и деятельности ломоносовской мозаичной мастерской.

Сопоставление известных ранее документов из Архива Конференции Академии наук с только-что найденными рисует следующую последовательность возникновения и развития мозаичного дела в России в средине XVIII века.

---

[1] Наибольшее количество сведений об этой деятельности Ломоносова содержится в книгах: П. Билярского, «Материалы для биографии Ломоносова»; П. Пекарского, «История Академии Наук»; в исследовании Н. Макаренко, «Мозаичные работы Ломоносова». (Выставка «Ломоносов и елизаветинское время», т. VIII).

Портретъ Петра Великаго

Ломоносов, как мы знаем, обучался «за морем» не только философии, математике, физике, химии и языкам, но и рисованию. Что он умел рисовать, об этом свидетельствуют те его собственноручные, довольно многочисленные рисунки, которыми он обычно иллюстрировал свои заявления и рапорты в Академию, а также проекты иллюминаций по разным торжественным случаям [1].

Владея рисунком, он несомненно был и неплохим живописцем, иначе не мог бы создавать столь грамотных, толковых, вполне профессиональных мозаик, как те, которые являются его достоверными работами.

Как у Ломоносова возникла мысль о насаждении в России мозаичного дела? Из всех документов видно, что его увлекала мысль о долговечности этого рода искусства. С мозаикой никакая другая техника живописи тягаться в этом отношении не может: тогда как масляная живопись гибнет через 300—400 лет, мозаика сохраняется тысячелетиями. Он видел и восхищался мозаиками античной эпохи. Обладая пытливым и практически настроенным умом, он решил изучить мозаичное дело и во что бы то ни стало возродить его в России, где в XI—XII в. оно стояло высоко.

В марте 1745 г. Ломоносов добился в Академии разрешения и средств на создание первой в России химической лаборатории. В деле об этом, хранящемся в Архиве конференции Академии наук, имеются планы и фасады лабораторного здания [2]. Производя здесь самые разнообразные научные опыты, он на первых же шагах начинает работать над отливкой, окраской и шлифовкой стекла, стремясь добиться пригодной для мозаики смальты.

Одновременно он вырабатывает какие-то особые краски для живописи, для занятия над которыми просит определить двух студентов Академии [3].

В марте 1750 г. он рапортует Академии о больших работах в лаборатории по «отточению и шлифованию» стекол для мозаики [4]. В октябре того же года он уже хлопочет об «изготовлении ящика для раскладывания сделанных стекол» [5]. В декабре он поглощен подбором частей для шлифовальной машины для обтачивания смальты [6].

В 1752 г. выработка смальты полностью освоена и 25 августа он рапортует канцелярии Академии о том, что часть смальты уже использована им на изготовление «образа, подносимого императрице Елизавете» [7]. Из собственноручного рапорта Ломоносова мы знаем, что то был образ богоматери [8].

Мозаичное дело настолько подвинулось вперед и так окрепло, что Ломоносов задумывает перевести его из стадии лабораторных опытов в масштабы фабричные.

Образ богоматери был исполнен Ломоносовым для того, чтобы поднести его в октябре 1752 г. императрице вместе с челобитной о разрешении ему открыть мозаичную фабрику.

Так как не только производство мозаики было для России новостью, но и самый термин «мозаика» не был еще известен, то Ломоносову пришлось говорить о производстве «стекол и из них бисеру, пронизок и стеклярусу». Челобитная переписана с ломоносовского оригинала сенатским копиистом Иваном Поляковым и, кроме подписи Ломоносова, имеет только одну собственноручную его вставку.

Свое ходатайство о разрешении завести фабрику он мотивирует прежде всего ссылкой на известный регламент Петра I мануфактур-коллегии от 3 декабря 1723 г., которым «позволено всякого чина людем в России, где кто за благоразсудит, фабрики и мануфактуры заводить и распространять, какие в чуже-

[1] Архив конференции Академии Наук, кн. 165, л. 224—257; кн. 173, лл. 590—623; кн. 184, лл. 193—225; кн. 185, лл. 536—555; кн. 196, лл. 381—396.
[2] Там же, кн. 747.
[3] Там же, кн. 137, лл. 543—550.
[4] Там же, кн. 139, лл. 503—510.
[5] Там же, кн. 146, лл. 362—366.
[6] Там же, кн. 148, лл. 163—167.
[7] Там же, кн. 168, лл. 210—214.
[8] Там же, кн. 169, л. 33—40.

Полтавская баталія

странных государствах находятся, а особливо такие, для которых материалы в Российском государстве найтиться могут, обещая тем заводчикам денежные и всякое другое вспоможение».

Твердо рассчитывая на этот обнадеживавший его регламент, Ломоносов просит разрешить ему завести фабрику изобретенных им «разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов», производство которых в России до того времени не существовало и которые во множестве ввозились из-за границы.

Он надеялся со временем довести их выработку до таких размеров, которые позволят вывозить их заграницу по значительно меньшей расценке, чем существовавшая тогда в Риме. Да и сырье намечалось им исключительно отечественное.

Кроме образца, поднесенного Елизавете, Ломоносов представил Сенату еще несколько образцов своего труда, причем давал обязательство продавать подобные работы на 30% дешевле, чем они продавались в Риме. Он брался обучить этому искусству любых учеников, которые ему будут предоставлены.

Ломоносов хлопочет только об одном, — чтобы для организации фабрики ему было отведено несколько деревень, с лесами и другими угодьями, не дальше 150 верст от Петербурга, с 200 крестьянских душ. Последних он просил указом прикрепить к фабрике, чтобы никто не мог их у него отобрать после их обучения, и настаивал на выдаче ему особой привиллегии на монопольное производство стекла и на запрещение ввоза аналогичных изделий из-за границы.

Для начала работ он просил ссуду в 4000 рублей без процентов на 5 лет.

Всего этого Ломоносов добился: 16 декабря 1752 г. указом Сената ему было разрешено, «завести бисерную фабрику», которая была приписана к ведомству мануфактур-коллегии. Одновременно ему была выдана ссуда в 4 000 руб. и дана привиллегия на 30 лет.

Так как земель и крестьян ему не дали, то в феврале 1753 г. он вновь

напоминает Сенату о своей просьбе, ссылаясь на трехмесячную проволочку, а пока дело стоит,— он просит отпустить его в Москву для изучения в ее старых церквах мозаичных образов греческой работы [1]. Наконец, 15 марта того же года последовал указ об отдаче Ломоносову 211 душ крестьян с землею в Кюпорском уезде для заведения бисерной фабрики [2].

Всю осень и зиму 1753 г. Ломоносов проводит в хлопотах по закреплению за ним этих крестьян, частично отпущенных в другие места, а также по освобождению их, в силу данной привиллегии, от оброка, постоя и тому подобных вещей, мешавших налаживанию дела. В конце концов ему и это удается, но вопрос об оформлении привиллегии затянулся до осени 1755 года.

Когда все это уладилось, он несколько раз обращается с ходатайствами о новых ссудах, чего он также добивается.

К октябрю 1757 года фабрика настолько освоила производство, что Ломоносов уже ищет работы. Он обращается с челобитной в Сенат, прося издать указ о предоставлении его привиллегированной фабрике заказов «для украшения казенных строений и церквей, по данным оригиналам или рисункам, за надлежащую цену».

В ответ на эту просьбу Сенат 14 ноября 1757 г. издал указ, предлагающий обращаться к Ломоносову с заказами на украшение «церквей, зал, садов, гротов и прочих монументов» «живописными всякого звания изображениями» и «для составления потребных вещей оригиналы и рисунки ему давать».

Постройка фабрики началась в мае 1753 г. в деревне Усть-Рудицы, куда Ломоносов уехал на 1½ месяца для руководства всеми работами [3].

Первым мозаичным произведением Ломоносова, по его собственному признанию, был упомянутый выше образ богоматери, поднесенный Елизавете 4 сентября 1752 года. Образ был исполнен по оригиналу римского живописца Соламены [4]. Тотчас же вслед за тем он принимается за портрет Петра I, законченный только в июле 1754 года [5]. Этот портрет Ломоносов принес в дар Сенату 12 декабря 1755 г., где он и находился до революции [6]. Оригиналом для Ломоносова послужил портрет Каравакка.

В промежутке между этими двумя работами Ломоносов исполнил еще для М. Е. Шуваловой образ спасителя, завещанный последней Николо-Малицкому монастырю. На обороте его имеется надпись: «Сей нерукотворный образ христа спасителя нашего по желанию сиятельнейшей графини Мавры Егорьевны Шуваловой сложен Михайлом Ломоносовым в начинании опытов мозаичного художества в Санктпетербурге 1753 года» [7].

Следующей ломоносовской работой, из числа сохранившихся, был второй портрет Петра I, принадлежащий Академии Наук и имеющий на медной доске обратной стороны надпись: «Михаил Ломоносов 1757». Надпись, судя по начертанию и общему характеру, принадлежит более позднему времени (Ломоносов писал свое имя «Михайло», и непременно прибавил бы, «сложил» и такого-то «года» или «году»), но едва ли можно сомневаться в принадлежности портрета руке Ломоносова. Портрет также повторяет тип Каравакка.

Ноябрьский указ 1757 г., рекомендовавший обращаться к Ломоносову с заказами на мозаику, вызвал необходимость в апробации его работ со стороны компетентного учреждения. Таким учреждением была только Академия наук, имевшая еще добавочное наименование «и художеств». Ломоносовские работы

---

[1] Архив конференции Академии Наук, кн. 174, л. 235—252.

[2] Деревни эти были следующие: из Коважской мызы из отписных от деревни Шишкиной крестьян — 136 душ, из деревни Калище — 29, из деревни Усть-Рудиц — 12, от мызы Горе Валдая из деревни Перекули и Липовой — 34.

[3] Архив конференции Академии Наук, кн. 177, лл. 419—422.

[4] Там же, стр. 21.

[5] Н. Макаренко, стр. 12.

[6] В настоящее время находится в Русском музее.

[7] Выставка «Ломоносов и елизаветинское время», отдел VII, Ломоносов, Академия наук, Московский университет, Спб, 1912, стр. 41.

были освидетельствованы и получили единогласную высокую оценку от Совета Академии. И все же никаких заказов на фабрику от учреждений не поступало, что вынудило Ломоносова искать помощи у своих покровителей всесильных Шуваловых.

В начале 1758 г. возникла, явно в связи с заминкой в делах фабрики, мысль о сооружении пышного памятника Петру I в Петропавловском соборе, у его гробницы. Хотя нет прямых указаний, кому принадлежала эта идея, но так как официально ее выдвинул граф Петр Иванович Шувалов в заседании Сената 30 января 1758 г., то есть все основания предполагать, что мысль эта была подсказана ему Ломоносовым. Такое предположение подтверждается прямой мотивировкой предложения Шувалова фактом отсутствия заказов на мозаику: «Понеже он, советник Ломоносов, случаю к тому мозаичною работою украшению до сего времени еще не имел, и для того не соизволите ли, Правительствующий сенат, приказать ему, Ломоносову, зделать внутри состоящей в Санкт-Петербургской крепости церкви святых апостол Петра и Павла приличные на достохвальную память блаженные и вечные славы достойные памяти государя императора Петра Великого мозаичные украшения, и что к монументу сего мудрого монарха изобразить пристойно будет».

Сенатским указом того же числа предложение Шувалова претворилось в жизнь: канцелярии Академии наук было предписано, снесшись с Ломоносовым, сочинить проект памятника, в котором должны были найти место мозаичные картины, исполненные на его фабрике. Ломоносову было предложено подать соответствующую смету.

В начале мая 1758 г. Академия художеств при Академии Наук представила Сенату 2 архитектурных проекта с аллегорическими фигурами, долженствовавшими быть сооруженными на стене над самым надгробием Петра.

Одновременно с этими проектами Ломоносов представил и свой, при особой записке, и сверх того доставил и модель памятника. В своей записке он высказался отрицательно по поводу архитектурных проектов, найдя, что на них не было предусмотрено места для увековечения деяний Петра Великого, изображения которых могут быть выполнены только путем долговечной мозаики.

По смете Ломоносова все сооружение должно было стоить 148 682 рубля.

В той же записке он решительно отклоняет возникшую тогда же мысль о замене живописи в иконостасе мозаикой, ввиду невозможности водрузить ее на хрупком деревянном каркасе иконостаса.

Сенат принял проект Ломоносова, предложив ему передать его для архитектурного оформления обер-архитектору Растрелли. Ни ломоносовский, ни академический проекты не сохранились, но сохранилось описание первого, представленное автором в Сенат [1].

Из этого описания мы узнаем, что это должно было быть гигантским сооружением, до 7 саженей высотою, украшенное многочисленными аллегорическими фигурами, российскими гербами, огромными колоннами, массивными ступенями, десятью мозаичными картинами в междуоконных простенках, из них двумя большими и восемью меньшими.

Две большие названы им «Полтавской баталией» и «Азовским взятием», остальные были намечены на следующие темы: 1) «Начало государевой страны в малолетстве»; 2) «Сообщение с иностранцами»; 3) «Спасение из Риги»; 4) «Ангутская победа»; 5) «Избавление от стрельцов»; 6) «Начало флота»; 7) «Заложение Петербурга»; 8) «Учреждение Сената» [2].

Ломоносов не мог приступить к окончательной работе над «Полтавской бата-

[1] Билярский утверждает, что кроме ломоносовского проекта Сенату Академией было представлено 3 архитектурных проекта или «инвенции»: первая — Штелина, вторая архитектора Шумахера, третья архитектора Дункера. Четвертая же (уже картина) представлена живописцем Валериани, по инвенции Штелина (Н. Макаренко, стр. 34). То же следует и из публикуемых ниже документов.

[2] Макаренко, стр. 39.

лией» до того, как ему была выплачена сумма, необходимая для этой работы и до предоставления ему в помощь пяти учеников-живописцев. Указ Сената о выдаче ему 13 460 руб., шестой части всей сметной суммы, был издан только 14 июня 1761 г. Ломоносов тотчас же приступил к работе над «баталией», продолжавшейся около 3 лет. Закончена она была в марте 1764 года[1].

«Азовское взятие» Ломоносов успел только начать, но за его смертью мозаика так и осталась в этой первоначальной стадии и впоследствии была разобрана.

Между тем дело о сооружении памятника переходило из одной инстанции в другую, обсуждалось в Академии Наук и в основанной к тому времени шуваловской Академии художеств, а также в «канцелярии строений домов и садов ее величества». Деятельное участие принял в обсуждении проекта сам И. И. Шувалов, выступивший со своей «инвенцией», но в конце концов предложивший обратиться за помощью к академиям Римской и Парижской. Все это не было осуществлено, ибо с воцарением Екатерины II Шувалов был вынужден эмигрировать и от идеи памятника в Петропавловском соборе отказались: Екатерина поставила Петру фальконетовский памятник на Сенатской площади.

«Полтавская баталия», лучшее из созданий Ломоносова, в течение 175 лет перевозилось из одного учреждения в другое, долгое время валялось в коридоре Академии художеств, потом в вестибюле Академии наук, в Обществе поощрения художеств и наконец снова в Академии наук. Никому она, в сущности, не была нужна, все ее брали с неохотой, не зная, куда деть и ожидая случая снова сбыть с рук. В результате постоянных перевозок и варварского хранения, погибло не только ее богатое обрамление, но и значительная часть композиции, особенно вверху, где исчезла фигура апостола Павла. Вся картина значительно уменьшилась в размере. Между тем «Полтавская баталия» является бесспорно значительным художественным произведением и работой первоклассной с точки зрения техники мозаики.

Рассмотрение достоверных работ Ломоносова в их хронологической последовательности показывает его непрерывный технический и художественный рост.

Первая из его мозаик — образ богоматери — не сохранилась, но вторая — спас нерукотворный, поднесенная М. Е. Шуваловой, обнаруживает еще значительную примитивность той и другой стороны: слабость рисунка, условность живописи и ее несобранность.

Гораздо лучше во всех отношениях оба портрета Петра I, и огромным достижением является исполненный в 1760 г. портрет Елизаветы Петровны в торжественном красном платье, по оригиналу Такке.

Но если в этой работе есть еще некоторая пестрота и цветовая неслаженность, то она полностью уже преодолена в профильном портрете Екатерины II, относящемся к 1764 году. Он очень гармоничен в цветах и деликатен в обработке. Столь же высокими качествами отличаются и портреты Петра III и Екатерины I, переданные во время революции из Эрмитажа в Русский музей.

Ученики и помощники Ломоносова еще продолжали некоторое время мозаичное дело, но вскоре оно заглохло и были ликвидированы как фабрика в Усть-Рудицах, так и здание мозаичной мастерской на Новоисаакиевской улице, построенной Ломоносовым для выполнения портретов и картин, либо на фабрике происходили только работы по отливке и шлифовке мозаики и изготовлению бисера и стекляруса. Только в середине XIX в. возродилось мозаичное дело, вызванное к жизни решением заменить мозаикой масляную роспись внутренних стен Исаакиевского собора. Тогда именно при Академии художеств была открыта мозаичная мастерская, существующая и до сих пор.

В связи с грандиозным планом реконструкции Москвы мозаика приковывает к себе сейчас особое внимание. Частично она уже нашла применение на плафонах станций метро на площади Маяковского и еще большее применение найдет на метро третьей очереди. Но это пока лишь первые опыты советской

[1] Там же, стр. 40.

мозаики, только подготовительные шаги к тем колоссальным стенным пространствам мозаики, которые несомненно найдут свое место в ближайшем будущем во Дворце Советов *.

И. Грабарь

Материалы о фабрике цветного стекла и бисера, заведенной М. В. Ломоносовым

Прошение М. В. Ломоносова в Сенат, октябрь 1752 г. **

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бьет челом коллежской советник и Академии Наук профессор Михайла Васильев сын Ломоносов, а о чем, тому следуют пункты ***:

1. По регламенту манифактур-коллегии 1723 году декабря 3 дня [1], подписанному собственною рукою блаженные и вечные славы достойные памяти государя императора Петра Великаго, позволено всякого чина людем в России, где кто заблагоразсудит, фабрики и манифактуры заводить и распространять, какие в чужестранных государствах находятся, а особливо такие, для которых материалы в Российском государстве найтиться могут, обещая тем заводчикам денежное и всякое другое вспоможение.

2. Во уповании на такое высочайшее обнадеживание желаю я, нижайший, к пользе и славе Российской империи, завесть фабрику делания изобретенных мною разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов, чего еще поныне в России не делают, но привозят из-за моря великое количество, ценою на многие тысячи. А я, с помощию божиею, могу на своей фабрике, когда она учредится, делать помянутых товаров не токмо требуемое здесь количество, но со временем так размножить, что и за море отпускать оные можно будет [2], которые и покупать будут охотно, ибо вышеписанные товары станут здесь заморского дешевле, и по размножении заводов будут продаваться за меньшую цену, нежели, как ныне, для того, что принадлежащие к сему делу главные материалы здесь дешевле заморского и в таком довольстве, что оных знатное количество отпускают в другие государства, как-то, например, поташ, которого на моих заводах немалое число исходить имеет, и в переделе продаваться будет много большею ценою, отчего и пошлин в казну вашего и. в. больше собираться имеет. А каковы изобретенные мною стеклянные составы [3], тому предлагаются при сем пробы, также и некоторых из них деланных вещей. А когда высочайшим вашего и. в. указом повелено будет здесь производить мозаичное художество, то обещаюсь я, нижайший, показать, кому повелено будет, удобные способы к набиранию всяких мозаичных вещей и, сверх того, ставить

---

* Публикуемые ниже документы, хранящиеся в Государственном Архиве Феодально-Крепостнической Эпохи (ГАФКЭ), подготовлены к печати и снабжены примечаниями научными сотрудниками архива: Е. П. Подъяпольской, Л. Л. Гришиной и И. И. Корневой.

** ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2768, лл. 100—101 об.

*** Приведенное начало документа было общим трафаретом для прошений того времени, подаваемых в разные государственные учреждения. При публикации следующих документов это вступление передается нами в сокращенном виде. Печатаемый документ, как равно последующие заявления М. В. Ломоносова, писаны руками различных писцов, они лишь только скреплены по листам собственноручной подписью М. В. Ломоносова, который в более редких случаях делал свои исправления, что отмечается нами в каждом отдельном случае.

для сего дела моих заводов требуемое количество составов ценою 30 процентами ниже, нежели как оные в Риме на месте продаются, то-есть отпускать оные около трех рублей пуд [4].

И дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было мне нижайшему завесть и содержать означенную фабрику делания изобретенных мною разноцветных стекол и из них бисера, пронизок и стекляруса и всяких других галантерейных вещей и уборов. А к сему учинить нижеписанное всемилостивейшее вспоможение под заведение той фабрики, на которой по размножении должно быть мастеровых и работных людей около ста человек и больше, также потребны дрова, глина и песок, отвесть в Копорском уезде село Ополье [5] или в других уездах, от Санкт Питербурга не далее полуторых сот верст, где бы мужеска полу около двусот душ имелось с принадлежащими к нему деревнями, лесами и другими угодьями. И тому селу и крестьяном быть при той фабрике вечно и никуда их не отлучать, ибо наемными людьми за новостию той фабрики в совершенство привести не можно, и во обучении того, как новаго дела, произойти может немалая трудность и напрасной убыток для того, что наемные работники, хотя тому мастерству и обучатся, но потом их власти или помещики для каких-нибудь причин при той фабрике быть им больше не позволят, то понадобится вновь других обучать, а после и с теми то ж учинится, отчего в распространении фабрики может воспоследовать крайняя остановка. И хотя о даче деревень под заводы фабриканам в вышепомянутом регламенте не изображено имянно, однако, понеже казенные заводы, которые уже приведены в состояние с немалым казны иждивением, повелено отдавать в содержание приватным людем, того ради нет сомнения, что начинающим новые фабрики давать для* оных деревни и крестьян — заключается в вышепомянутом регламенте под именем всякого вспоможения, ибо те деревни, на которые для заводов казенной суммы не положено, отдавать фабриканам много безубыточнее; для новости же той фабрики уволить оную от постою и от платежа пошлин с покупных на оную материалов и с продажи зделанного товару, на сколько лет всемилостивейше благоволено будет. На строение на оной фабрике сараев, на печи, на инструменты и на материалы сперва выдать ис казны денег 4.000 руб. без процентов, которые я обещаюсь выплатить в 5 лет. А понеже делание вышепомянутых вещей не может так происходить, чтоб оного другие не увидели и способа, как делать, не переняли, и таких фабрик в своих собственных деревнях с моего примеру не начали, отчего мне, нижайшему, остановка и убыток воспоследовать может, того ради пожаловать мне на сию фабрику привилегию одному под запрещением другим на 30 лет. И ежели для способнейшего и скорейшего деления бисеру и пронизок потребны будут мастеры из-за моря, которые бы обучали российских людей, таковых позволить выписывать. И как я на своей фабрике помянутых товаров столько делать буду, сколько из других государств вывозят, и стану просить о запрещении вывозу оных, тогда оной вывоз запретить. И о том всем пожаловать мне указ и, куда надлежит, сообщить.

Всемилостивейшая государыня, прошу вашего и. в. о сем моем прошении решение учинить.

Октября... дня 1752 года [7].

К поданию надлежит в Правительствующий Сенат. Прошение писал того ж Сената компист Иван Поляков.

К сему прошению коллежский советник и Академии Наук профессор Михайла Ломоносов руку приложил.

---

* Слово «для» вставлено рукою М. В. Ломоносова.

Указ Сената мануфактур-конторе, 16 декабря 1752 г.*

В Правительствующем сенате коллежской советник и Академии Наук профессор Михайло Ломоносов бил челом: желает де он, Ломоносов, к пользе и славе Российской империи, завесть фабрику делания изобретенных им разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и стекляпрусу и всяких других галантерейных вещей и уборов, чего еще поныне в России не делают, но привозят из-за моря великое количество ценою на многие тысячи, а он Ломоносов, с помощью божиею, может на своей фабрике, когда она учредится, делать помянутых товаров не токмо требуемое здесь количество, но со времянем так размножить, что и за море отпускать оные можно будет, которые и покупать будут охотно, ибо вышеписанные товары станут здесь заморского дешевле и, по размножении заводов, будут продаваться за меньшую цену, нежели как ныне, для того, что принадлежащие к сему делу главные материалы здесь дешевле заморского и в таком довольстве, что оных знатное количество отпускают в другие государства, как-то, например, поташ, которого на ево заводах немалое число исходить имеет, и в переделе продаваться будет много большею ценою, отчего пошлин в казну ея и. в. больше собираться имеет. А каковы изобретенные им стеклянные составы, тому приложил пробы, также и некоторых из них деланных вещей. И когда де высочайшим ея и. в. указом повелено будет здесь производить мозаичное художество, то обещается он показать, кому повелено будет, удобные способы к набиранию всяких мозаичных вещей и, сверх того, ставить для сего дела с ево заводов требуемое количество составов ценою 30% ниже, нежели как оные в Риме продаются, то-есть отпускать оные около 3 руб. пуд; и просил, чтоб указом ея и. в. повелено было ему, Ломоносову, завесть и содержать означенную фабрику делания изобретенных им разных цветов стекол и из них бисера, пронизок и стекляруса и всяких других галантерейных вещей и уборов. А к сему учинить вспоможение и для новости той фабрики уволить оную от постою и от платежа пошлин с покупных на оную материалов и с продажи зделанного товару на сколько лет всемилостивейше благоволено будет. На строение на оной фабрике сараев, на печи, на инструменты и на материалы сперва выдать ис казны денег 4.000 руб. без процентов, которые он обещается выплатить в 5 лет. А понеже де делание вышепомянутых вещей не может так происходить, чтоб оное другие не видели и способа, как делать, не переняли и таких фабрик в своих собственных деревнях с ево примеру не начали, отчего ему остановка и убыток последовать может, того ради повелеть делать ему одному под запрещением другим на 30 лет.

И по указу ее и. в. Правительствующий сенат приказали:

1) Вышеписанную фабрику для делания изобретенных оным советником Ломоносовым разноцветных стекол и из них бисера, пронизок и стекляруса и всяких других галантерейных вещей и уборов ему, Ломоносову, завесть позволить, ибо оная фабрика и делание на оной вышеобъявленных вещей по разсуждению Правительствующего сената за нужную и государству полезную признаваетца, понеже тех вещей, какие на оной фабрике по изобретению и показанию оным советником Ломоносовым секрета действительно делаться будут, как то Правительствующему сенату известно, и от комерц-коллегии ведомостью показано, к одному здешнему порту из-за моря в вывозе бывает на немалую сумму, коих уже впредь, по действительному вышеупоминаемой фабрики заведению и вывозить никакой нужды не будет, ибо он Ломо-

* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2768, лл. 121—124 об.

носов обнадеживает деланными на той своей фабрике вещами не токмо всю Российскую империю удовольствовать, но со временем и за море оные отпускать. И тако та сумма, которая ныне за такие ж вывозные вещи у российских подданных в росходе бывает и из государства вон выходит, впредь имеет оставаться здесь в России.

2) К начинательному той фабрики произведению выдать ему, Ломоносову, здесь из манифактур-конторы из собираемых за продажную гербовую бумагу денег заимообразно на 5 лет бес проценту 4.000 руб. с писаным обязательством, чтобы он ту данную ему сумму по прошествии 5 лет, по обнадеживанию своему, возвратил в казну без всяких отговорок и ту фабрику распространил и в наилутчее состояние приводил, как манифактур-коллегии регламент повелевает.

3) А чтобы та заведенная им, Ломоносовым, фабрика время от времяни могла приходить в наилутчее цветущее состояние, и ни от кого никакого помешательства и подрыву иметь не могла, и он бы, Ломоносов, яко первой в России тех вещей секрета сыскатель, за понесенной им труд удовольствия иметь мог, того ради впредь от нынешнего времяни 30 лет никому другим в заведении таких фабрик дозволения не давать.

4) Для новости той фабрики с покупки на оную потребных материалов, зделанных вещей внутренних пошлин 10 лет не брать, и быть оной фабрике в ведомстве манифактур-колегии и оной колегии конторы, и ту ево, Ломоносова, фабрику так, как и протчие, от постою уволить и ежели на оную потребны будут для способнейшего и скорейшего делания бисеру и пронизок мастеры из-за моря, оных ему, Ломоносову, выписывать самому и на своем коште. И о том во всем дать ему указ с прочетом, и манифактур-конторе чинить о том по сему ея и. в. указу. А в манифактур-колегию и куда надлежало указы из Сената посланы и объявленному коллежскому советнику и Академии Наук профессору Михайле Ломоносову указ же с прочетом дан.

Декабря 16 дня 1752 года.

Правительствующего сената печатной конторы секретарь Дмитрей Александров.

Сообщение С. Петербургской сенатской конторы в Сенат об отпуске М. В. Ломоносова, 23 февраля 1753 г.*

По указу ее и. в. Правительствующего сената контора по доношению коллежского советника и профессора Михаила Ломоносова, коим объявлял, что, по прошению его, от Правительствующего сената дан ему указ с прочетом на фабрику делания разноцветных стеклянных составов и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и других галантерейных вещей и уборов и учинено на то денежное вспоможение, и, куда надлежит, указы о том посланы, однако о необходимо нужном ему другом вспоможении, то-есть о месте и крестьянех, по его прошению, решения еще не воспоследовало; а понеже де уже по получении указа на помянутую фабрику настал третий месяц и по прошествии полугода должен он подать о состоянии его фабрики в манифактур-колегию ведомость, чего он без получения под оную фабрику места никак зделать не в состоянии, и притом время безполезно проходит, того ради по всем обстоятельствам должен он ехать в Москву, не теряя больше времени; для приведения сего дела ко окончанию просил он позволения и пашпорта от академической канцелярии [8]; однако оная, отговариваясь, что де без позволения его сиятельства Академии Наук г. президента того учинить не может [9], но как оного позволения скоро

* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2768, лл. 141—142.

получить не можно и наступающее вешнее время и его крайняя нужда ждать не позволяет, и просил, чтоб для свободного ево отсюда до Москвы проезда дать ему пашпорт, також и 3 ямские подводы за собственные его одинакие прогоны [10]. А справкою из канцелярии Академии Наук показано, что оному советнику и профессору Ломоносову пашпорт для отъезду его в Москву дать не можно для того, что по определению его высокографского сиятельства Академии Наук г. президента никого из профессоров от Академии Наук без ордера его сиятельства отпускать в Москву не велено, а о доношении ево, советника Ломоносова, об отъезде ево в Москву рапортовано [11],— приказали: хотя вышеписанною из канцелярии Академии Наук справкою показано, что, по определению его сиятельства Академии Наук президента графа Кириллы Григорьевича Разумовского, никого из профессоров от Академии Наук без ордера его сиятельства отпускать в Москву не велено, а в генеральном регламенте 10 главе напечатано: когда президент или вице-президент путь восприять намерен, кроме определенных и свободных дней, а время требует 8 дней, то имеют они о том у ее и. в. позволения просить, а прочие члены и канцелярские служители просят того от коллегии, а напаче у президента на краткое время куда отъехать; ежели ж кто важные причины имеет на некоторое время отъехать, то надлежит всем членам, даже до секретаря и камерира, об отпуске у Сената просить. Но понеже означенной советник и профессор об отпуске в Москву просит не для собственных своих нужд, но для окончания показанного принадлежащего до государственной интересной пользы дела, чему время наступает, к тому же и зимний путь уже рушится, а означенной президент его сиятельство граф Кирилл Григорьевич Разумовской имеется ныне в Москве, того ради, дабы не упустить к тому удобного времени безполезно втуне, его советника и профессора для показанного обстоятельства отпустить в Москву от сего числа на месяц и для проезду его дать пашпорт и 3 почтовые подводы на указные одинакие собственные ево прогонные деньги; а чтоб он явился в Академии Наук на срок, в том обязать ево реверсом [12] по указу. И о том в канцелярию Академии Наук, в ямскую контору послать указы, а в Правительствующий сенат во известие сообщить ведение. И Правительствующий сенат да благоволит о том быть известен.

А означенной Ломоносов реверсом обязан, и пашпорт ему дан, також и указы в канцелярию Академии Наук и в ямскую контору посланы. Февраля 23 дня 1753 году.

Протоколист Михайла Кудрявцев.

Прошение М. В. Ломоносова в вотчинную контору, октябрь 1753 г.*

Всепресветлейшая державнейшая... а о чем, тому следуют пункты:

1. Сего 1753 году марта 15 дня [13], по имянному вашего и. в. указу, пожаловано мне для заведения бисерной фабрики и работ в Копорском уезде из Коважской мызы из отписных от деревни Шишкиной крестьян 136 душ, из деревни Калище — 29, из деревни Усть-Рудиц — 12, от мызы Горе Валдая** из деревни Перекули и Липовой — 34, всего 211 душ со всеми к ним принадлежностьми.

2. И в силу оного высочайшего вашего и. в. указу те крестьяне со всеми принадлежностьми к той фабрике по определению вотчинной конторы справлены и посланным из Санкт-Петербургской губернии канцелярии в должности комисара канцеляристом Иваном Беляевым

* ГАФКЭ, ф. вотчинной конторы, д. № 16790, л. 46. — Прошение было подано 27 октября 1753 г.

** В других документах названа Каравалдайской мызой.

отказаны, и те отказные книги и с той канцелярии мая 19 сего 1753 году при доношении прислан в оную вотчинную контору.

И дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое доношение в вотчинную контору принять и с отказных книг предписанного канцеляриста Ивана Беляева впредь для ведения дать точную копию.

Всемилостивейшая государыня, прошу вашего и. в. о сем моем доношении решение учинить.

Октября... дня 1753 году.

К сему доношению коллежской советник Михайла Ломоносов руку приложил.

Прошение М. В. Ломоносова в Сенат, сентябрь 1754 г.*

Всепресветлейшая державнейшая... а о чем, тому следуют пункты:

1. По имянному вашего и. в. указу, подписанному собственною вашего и. в. рукою, пожалованы мне в Копорском уезде в Коважской и Каравалдайской мызах 211 душ крестьян со всеми принадлежавшими к ним по отписным книгам землями для заведения фабрики делания разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок, стеклярусу и других галантерейных вещей и уборов.

2. Из упомянутых крестьян Коважской мызы из деревни Калищ, по бывшему Ингерманландии размежеванию, переведены были 90 душ мужеска полу на отписную на ваше и. в. землю в деревни Савалшину и Голубовицы, где до отдачи оных мне под фабрику жить им позволялось, а ныне оных крестьян принуждают, чтобы они переселились с отписной земли на ту, которая мне пожалована под фабрику.

3. Но как оные крестьяне из Коважской мызы переведены во оные деревни Савалшину и Голубовицы за неимением пашен и других угодьев, от чего бы им иметь пропитание, так и ныне на оные места назад возвращены быть без крайнего разорения не могут, особливо, что для недавнего переводу не могут в краткое время притти в состояние, чтобы снова переселяться без их разорения и без препятствия в размножении фабрики.

И дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было о непринуждении означенных моих крестьян к переселению из вышепоказанных деревень на отведенную мне под фабрику землю, а о бытии им за вышепоказанными резоны в тех деревнях и на той земле, на которой ныне состоят, з заплатою за оную надлежащего числа денег, учинить по силе высочайшего вашего и. в. указов и нынешней вновь состоявшейся межевой инструкции [14]. И о том, куда надлежит, послать вашего и. в. указ.

Сентября... дня 1754 года.

К сему прошению коллежской советник и профессор Михайло Ломоносов руку приложил.

Определение Сената о непереселении пожалованных М. В. Ломоносову крестьян, 23 декабря 1754 г.**

1754 года октября 18 и декабря 22 чисел в собрании Правительствующий сенат по челобитной коллежского советника и профессора Михаила Ломоносова, которою объявляет, что по имянному ее и. в. указу пожалованы ему в Копорском уезде в Коважской и Каравалдай-

* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2988, л. 236. — Прошение поступило в Сенат из рекетмейстерской конторы 9 сентября 1754 г.

** ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2907, лл. 359—360.

ской мызах 211 душ крестьян со всеми принадлежащими к ним по отписным книгам землями для заведения фабрики делания разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок, стеклярусу и других галантерейных вещей и уборов; и ис тех де крестьян Коважской мызы из деревни Калищ, по бывшему Ингерманландии размежеванию, переведены были 90 душ мужеска полу на отписную на ее и. в. землю в деревни Савалшину и Голубовицы, где до отдачи оных ему под фабрику жить им позволялось; а ныне оных крестьян принуждают, чтобы они переселились с отписной земли на ту, которая ему пожалована под фабрику. Но как де оные крестьяне из Коважской мызы переведены во оные деревни Савалшину и Голубовицы за неимением пашен и других угодьев, от чего бы им иметь пропитание, так и ныне на оные места назад возвращены быть без крайнего разорения не могут, особливо что для недавнего переводу не могут в краткое время притти в состояние, чтобы снова переселяться без их разорения и бес препятствия в размножении фабрики; и просит, чтоб повелено было о непринуждении означенных ево крестьян к переселению из вышепоказанных деревень на отведенную ему под фабрику землю, а о бытии им за вышепоказанными резоны в тех деревнях и на той земле, на которой ныне состоят, з заплатою за оную надлежащего числа денег учинить по силе высочайших ее и. в. указов и нынешней вновь состоявшейся межевой инструкции,— приказали: о всех отписных на ее и. в. по бывшему в Ингерманландии межеванию землях иметь в Правительствующем сенате впредь разсуждение, и на каком основании постановлено будет, до того времяни показанных в челобитье советника и профессора Ломоносова переведенных из пожалованной ему по имянному ее и. в. 1753 года марта 15 дня указу к бисерной его, Ломоносова, фабрике в Копорском уезде Коважской мызы из деревни Калищ крестьян 90 душ на отписную на ее и. в. землю в деревни Савалшину и Голубовицы с той отписной земли не ссылать. И о том в вотчинную контору и в канцелярию строения прешпективой дороги послать указы. А в экспедицию по Ингерманландии с сего журнала дать копию.

А. Бутурлин, князь Б. Юсупов, князь Иван Щербатов, князь Алексей Голицын, князь Иван Одоевской, обер-секретарь Александр Глебов.

Определение Сената о даче М. В. Ломоносову привилегии на заведенную им бисерную фабрику, 22 августа 1755 г.*

1755 года августа 22 дня в собрании Правительствующий сенат по челобитным коллежского советника и Академии Наук профессора Ломоносова, которыми просит о даче на заведенную им вновь в Копорском уезде бисерную фабрику и на пожалованных ему по имянному ее и. в. указу, состоявшемуся в 1753 году марта 15 дня, к той фабрике для работ крестьян з землями для вечного и потомственного владения привилегии, и чтоб с поселенных ис числа пожалованных ему крестьян на отписных землях в деревнях Савалшине и Голуб(ов)ицах 90 душ крестьян, коих по определению Правительствующего сената с тех земель ссылать не велено, требуемого ныне канцелярией от строений государственных дорог оброку с отписной земли не брать,— приказали: по прошениям означенного коллежского советника и профессора Ломоносова на заведенную им вновь в Копорском уезде бисерную фабрику и на пожалованных к ней для работ в том же Копорском уезде по имянному ее и. в. указу, состоявшемуся 1753 году марта 15 дня, крестьян дать привилегию и, сочиня оной формуляр, предложить ко опробации Правительствующему сенату, а переведенных на отпис-

* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2958, лл. 467—468.

ные по бывшему межеванию в других деревнях Савалшине и Голуб-(ов)ицах земли и с пожалованных ему деревень крестьян с тех земель в силе прежнего Правительствующего сената октября 18 и декабря 22 чисел определения не ссылать и оброку с них деньгами и хлебом не требовать. И о том в канцелярию от строения государственных дорог послать указ [15].

Князь Б. Юсупов, князь Иван Щербатов, князь Алексей Голицын, князь Иван Одоевской, обер-секретарь Александр Глебов.

Прошение М. В. Ломоносова в Сенат, август 1755 г. *

Всепресветлейшая державнейшая... а о чем, тому следуют пункты.

1. В прошлом 1754 году декабря 22 дня по определению Правительствующего сената, а по прошению моему, велено показанных в том моем прошении переведенных ис пожалованных мне по имянному вашего и. в. 1753 году марта 15 дня указу к бисерной моей фабрике в Копорском уезде Коважской мызы из деревни Калищ за умалением в ней земли крестьян 90 душ на отписные на ваше и. в. земли в деревни Савалшину и Голубовицы, с той отписной земли не ссылать, и о том в надлежащие места указы из Сената посланы.

2. А ныне канцелярия от строения государственных дорог с той отписной земли, на которой определением Правительствующего сената крестьяне мои оставлены, требует с них, крестьян, оброку. Но понеже помянутая бисерная моя фабрика в пользу и славу Российской империи по моему усердному желанию определением Правительствующего сената мне завести дозволена, которая действительно и производится, и хотя на оную из Правительствующего сената и указ с прочетом мне ** дан, однако я поданною во оный челобитною прошу, чтобы для вечного и потомственного ею владения на основании того данного мне ис Правительствующего сената с прочетом указу со включением пожалованных к той фабрике для работ крестьян з землями дать мне против протчих привилегию. И тако, ежели предписанные требуемые канцеляриею от строения государственных дорог оброчные деньги мне платить, то я могу понесть напрасной убыток, чрез что и фабрика моя может притти в несостояние.

И дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое прошение в Правительствующий сенат принять, и как по оному, так и по вышеписанному прежнему моим прошениям на основании данного ис Правительствующего сената с прочетом указу для вечного и потомственного означенною моею бисерною фабрикою владения дать мне привилегию, також и показанных с отписных земель, на которых крестьяне мои определением Правительствующего сената оставлены, оброку канцелярии от строения государственных дорог не требовать, и о том в ту канцелярию послать вашего и. в. указ ***...

К сей челобитной коллежской советник и профессор Михайло Ломоносов руку приложил.

Прошение М. В. Ломоносова в Сенат, март 1756 г. ****

Всепресветлейшая державнейшая... а в чем мое прошение, тому следуют пункты.

---

* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2988, л. 261. — Прошение М. В. Ломоносова было доложено 22 августа 1755 г.

** Слово «мне» вставлено в текст рукою М. В. Ломоносова.

*** Сенатский указ в канцелярию строения о нетребовании оброку с переведенных крестьян был послан 28 августа 1755 г. (ф. Сената, д. № 2988, л. 263).

**** ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2988, л. 285.

1. Заведенная мною в Копорском уезде в Коважской мызе в деревне Усть-Рудицах фабрика делания изобретенных мною разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов приведена в такое состояние, что вышепомянутые работы в учрежденных к тому строениях и обученными разным мастерствам людьми могут быть производимы в великом количестве.

2. Мозаичное художество, которое к долговременному сохранению изображений великих особ и славных дел и к постоянному украшению публичных зданий издревле употребляется, и ныне почти в одном Риме, к немалому других удивлению, производится, приходит на моих заводах к совершенству, а особливо чрез изобретенные мною недавно новые легкие способы [16] поспешнее и точнее будет составляться, и только недостает того, чтобы оное происходило во множестве для удовлетворения охотников, а особливо для редкого и постоянного украшения государственных зданий, ежели всемилостивейше соблаговолено будет, от чего через великую сего искусства практику придет оное в кратком времени к полному совершенству, и заводы со всеми другими работами в цветущее состояние достигнут.

3. К произведению и к беспрерывному продолжению всех оных работ требуется, чтоб затопить построенные на оных заводах большие стеклоплавные печи [17], которые, по затоплении, должны всегда содержать в ходу без угашения, к чему на каждой год потребно на плавление разноцветных стекол около 2 000 пуд материалов, и содержать много большее число работников, нежели ныне у малых печей содержится, на что все потребна знатная сумма. А данные мне заимообразно 4.000 руб. из манифактур-конторы употреблены во многие на оных заводах нужные строения, на стеклоплавные печи, на инструменты [18], материалы, на содержание и обучение крестьянских детей разным мастерствам [19].

И дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое прошение в Правительствующем сенате принять и на помянутое размножение моей фабрики делания изобретенных мною разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов указать из манифактур-конторы выдать 5.000 руб. денег заимообразно на 10 лет без процентов [20]...

1756 года марта... дня.

К сему прошению коллежский советник и Академии Наук профессор Михайло Васильев сын Ломоносов руку приложил.

Определение Сената о выдаче М. В. Ломоносову 5.000 руб. для его фабрики, 11 марта 1756 г. *

1756 года марта 11 дня в собрании Правительствующий сенат по челобитью коллежского советника и Академии Наук профессора Михайла Ломоносова, коим объявляет, что данные ему Ломоносову на заведение им в Копорском уезде в Коважской мызе в деревне Усть-Рудицах фабрики делания изобретенных им разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов и мозаичной работы заимообразно 4.000 руб. из манифактур-конторы употреблены во многие на оных заводах нужные строения: на стеклоплавные печи, на инструменты, материалы, на содержание и обучение крестьянских детей разным мастерствам, и про-

* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 3030, лл. 275—276.

сит, чтоб на помянутое размножение его фабрики делания изобретенных им разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов указать из манифактур-конторы выдать 5.000 руб. денег заимообразно на 10 лет бес процентов,— приказали: на произведение и размножение заведенной им в Копорском уезде в Коважской мызе в деревне Усть-Рудицах фабрики делания изобретенных им разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов выдать из манифактур-конторы из собираемых за продажную гербовую бумагу денег заимообразно на 10 лет бес проценту за надлежащими поруками 5.000 руб. с таким обязательством, чтоб он ту данную ему сумму по прошествии тех 10 лет возвратил в казну без всяких отговорок и ту фабрику в силу прежнего Правительствующего сената 1752 году, декабря 9 дня, определения распространял и в наилутчее состояние приводил, как состоявшийся манифактур-коллегии регламент повелевает. И о том в манифактур-контору и для ведома в манифактур-колегию послать указы *.

А. Бутурлин, князь Иван Щербатов, князь Алексей Голицын, князь Иван Одоевской, статский советник Дмитрей Невежин, секретарь Иван Рязанцов.

Прошение М. В. Ломоносова в Сенат о выдаче ему 2.600 руб. на бисерную фабрику в счет определенных ему 5.000 руб., май 1756 г. **

Всепресветлейшая державнейшая... а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1. По определению Правительствующего сената марта 11 дня сего 1756 году и по посланному в манифактур-контору указу велено на произведение и размножение заведенной мною в Копорском уезде в Коважской мызе в деревне Усть-Рудицах фабрики деления изобретенных мною разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов выдать из манифактур-конторы из собираемых за продажную гербовую бумагу денег заимообразно 5.000 руб. Но в то числе выдано только 2.400 руб., а достальных 2600 руб., за неимением в той конторе в наличестве денег, мне не выдано.

И дабы высочайшим в. и. в. указом повелено было означенные достальные деньги 2.600 руб. на произведение моей фабрики выдать мне из статс-конторы, и о том в ту контору послать в. и. в. указ ***...

Маия... дня 1756 году.

К сему прошению коллежский советник и профессор Михайло Ломоносов руку приложил.

Постановление Сената о выдаче М. В. Ломоносову из мануфактур-конторы 2.600 руб., 14 мая 1756 г. ****

1756 года маия 14 дня в собрании Правительствующий сенат по челобитью коллежского советника и Академии Наук профессора Михай-

---

* Указы Сената в мануфактур-контору и мануфактур-коллегию о выдаче М. В. Ломоносову 5.000 руб. были посланы 12 марта 1756 г. (ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2988, л. 288).

** ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2988, л. 290.

*** Запрос из Сената в мануфактур-контору о размере выданной М. В. Ломоносову заимообразно суммы был послан 7 мая 1756 г. Определение Сената о выдаче Ломоносову 2600 руб. состоялось 14 мая 1756 г. Указ Сената в мануфактур-контору о том же — 6 июня 1756 г. (ф. Сената, д. № 2988, лл. 291, 292, 295).

**** ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 549/3032, л. 231 и об.

ла Ломоносова, которою просит о выдаче ему по определенное число от Правительствующего сената на произведение и размножение заведенной им в Копорском уезде бисерной и стеклярусной фабрики из манифактур-конторы заимообразно в 5.000 руб., коих выдано ему только 2.400 руб., достальных 2.600 руб., за неимением в той конторе в наличестве денег, из штатс-конторы. И по взятой из манифактур-конторы справки, коею показано, что ему Ломоносову на размножение его фабрики во определенную пятитысячную сумму выдано из оной конторы из сборных за гербовую бумагу денег 2.900 руб.*, а достальных за неимением в приходе денег поныне не выдано, приказали: означенному коллежскому советнику и Академии Наук профессору Ломоносову, в силе прежде посланного из Правительствующего сената указу, достальные во определенное число деньги, 2.100 руб.* манифактур-конторе выдать, когда в той манифактур-конторе деньги за гербовую бумагу в сборе будут, и о том в ту контору послать указ.

А. Бутурлин, князь Б. Юсупов, князь Иван Щербатов, князь Алексей Голицын, князь Иван Одоевский, обер-секретарь Иван Ермолаев.

Прошение М. В. Ломоносова в главную межевую канцелярию, август 1761 г.**

Всепресветлейшая державнейшая... о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1. В прошлом 1753 году марта 15 имянным вашего и. в. указом всемилостивейше пожаловано мне для заведения бисерной фабрики к работам на той фабрике в Копорском уезде из отписных на ваше и. в. крестьян 211 душ со всеми к ним принадлежностьми, в том числе Коважской мызы в деревне Калище 90 душ, которые за неимением в той деревне надлежащей препорции земли, еще во время бывшего по Ингерманландии межеванья, во исполнение учрежденного тогда порятка, переведены были на отписные земли от деревень Саволшины и Голубовицы, где и жительство имели, владея землями, угодьи от прочих тех деревень Саволшины и Голубовицы особо, которых и по данной ис Правительствующаго сената в 1756 году привилегии ссылать и з збираемого прежде в канцелярию от строения государственных дорог оброку требовать не велено, что пространнее описано в той привилегии, с которой при сем подношу копию.

2. В 1757 году во исполнение имянного ж вашего и. в. указа определением Правительствующего сената в предписанной деревне Голуб(ов)ицах собственно той деревни, а не предписанной из деревни Калища крестьяне отданы в число пожалованных генерал-лейтенанту действительному камергеру и кавалеру Василью Ермолаевичу Скворцову.

3. По отдаче ему, г. Скворцову, тех отписных деревни Голуб(ов)ицы крестьян с стороны ево от крестьян с крестьянами ж моими происходят споры, так что пашню и угодьи (коими мои крестьяне владели по нынешней 1761 год по отказу при межевании и в силу данной мне привилегии пользовались) г. Скворцов отнял и владеет усильно, от чего крестьяне мои крайне разоряются и заведенная мною фабрика претерпевает остановку[21].

И дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое челобитье в главной межевой канцелярии принять и в деревне Голубовицах на крестьян моих, которых числом мужеска полу 40 душ,

* Так в подлиннике.

** ГАФКЭ, ф. вотчинной конторы, д. № 16788, лл. 794—795.— Прошение было подано 31 августа 1761 г.; слушано 12 марта 1762 г.

пашни и протчих угодей отмежевать особо и по отмежевании на ту землю дать мне с плана и с межевых книг копии [22].

Августа... дня 1761 году.

К сему прошению коллежской советник и профессор Михайло Ломоносов руку приложил.

Прошение М. В. Ломоносова в вотчинную контору, январь 1763 г.*

Всепресветлейшая державнейшая... а в чем мое прошение, тому следуют пункты.

1. В главной межевой канцелярии поданным в 1761 году челобитьем просил я об отмежевании состоящей Копорского уезду Косковской мызы в деревне Голубовицах земли, на которой жительство имеют пожалованные мне крестьяне, от смежных владельцов для прописанных в той челобитне обстоятельств особо.

2. По тому челобитью, а по представлению от главной межевой канцелярии Правительствующему сенату указом из оного Сената велено лежащие в той деревне Голубовицах земли со всеми к ним принадлежностьми, по пропорции всех живущих в той деревне крестьян мужеска полу душ, разделить, и что следовать будет на пожалованных мне крестьян земли, то число и отмежевать.

3. Вследствие того полученного из Правительствующего сената ее и. в. указу, посланным от главной межевой канцелярии межевиком лежащая в деревне Голубовицах земля и разделена, и что мне на пожалованных живущих в той деревне крестьян следовало земли, то число особо формально и отмежевано и межевые знаки поставлены, также межевые книги и план для отдачи мне учинены и в главную межевую канцелярию от того межевщика поданы.

4. Но как полученным же из Правительствующего сената ее и. в. указом велено главной межевой канцелярии более не имяноваться, а соединиться обще с московскою межевою канцелярией, по Ингерманландии производившие дела отдать в вотчинную контору, в числе которых и означенное по моему прошению дело и притом для отдачи мне изготовленные план и межевая книга отосланы, по каковому случаю и получить то всио должно от той конторы.

5. В означенной же поданной от меня в главную межевую канцелярию челобитьи, сверх деревни Голубовиц, хотя упомянуто было об отмежевании ж на живущих того ж Копорского уезду в деревне Саволшине моих крестьян земли, но те крестьяне жительство имеют с смежными владельцами и поныне бесспорное.

И дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое челобитье государственной вотчинной коллегии в конторе принять и на предписанную отмежеванную ныне в деревне Голубовицах землю план и межевую книгу повелено б было мне отдать, дабы в противном тому случае без получения оного мои крестьяне в ныне наступающей весне не могли иметь от смежных г. генерала аншефа и кавалера Василия Ермолаевича Скворцова крестьян, как то прежде уже было неоднократно, в приуготовленных по крестьянскому экономству на поле к посеву хлеба и прочего какого помешательства, а при том не могло б учиниться и смертного убивства. В деревне ж Саволшине землю за неимением никаких споров межеваньем оставить; однако ж для зна-

* ГАФКЭ, ф. вотчинной конторы, д. № 16788, лл. 915—916. — Прошение было подано 23 января 1763 г.

ния в той деревне Савелшине моей дачи повелено б было дать с плана и с межевой книги копию...

Генваря ... дня 1763 года.

К сему прошению коллежский советник и профессор Михайло Ломоносов руку приложил.

Материалы о работах М. В. Ломоносова по мозаике

Определение Сената по прошению М. В. Ломокосова о приготовлении мозаичных украшений, 3 октября 1757 г.*

1757 года октября 3 дня в собрании Правительствующий сенат по челобитной коллежского советника и профессора Михайло Ломоносова, коею просит, чтобы повелено было на привилегированных его заводах составлять мозаичные живописные вещи для украшения казенных строений и церквей по данным оригиналам или рисункам за надлежащую цену,— приказали оное доношение отослать в канцелярию Академии Наук при указе и велеть, разсмотря, оную мозаичную работу освидетельствовать и представить в Правительствующий сенат.

А. Бутурлин, князь Б. Юсупов, князь Иван Щербатов, князь Алексей Голицын, обер-секретарь Иван Ермолаев.

Определение Сената по доношению М. В. Ломоносова, 14 ноября 1757 г.**

1757 года ноября 14 дня в собрание Правительствующего сената впущен был канцелярии Академии Наук член коллежской советник Ломоносов и подал от той канцелярии доношение, при котором взнесены составленные им, Ломоносовым, на привилегированных его заводах мозаичные живописные вещи с удостоинством от Академии собрания художеств, по которому приказали: в канцелярию Академии Наук послать указ, в котором написать, что Правительствующий сенат, видя таковые его во изобретении мозаики полезные успехи, ибо та мозаика, как добротою материй, так крепостию и видом сделанных из оных живописных вещей, по признанию Академии собрания художеств, как римской [23], так и других земель не уступает, где оная в несколько сот лет происходить могла, со удовольствием похваляет с таким напоминанием, чтоб он как в старании приобретения вящаго в том искусства, так и во обучении учеников, которых ему, по выбору его, потребное число давать, прилагал всевозможное старание, а дабы сия мозаичная работа по сему образу в дело произведена и с пользою и великолепием употреблена быть могла к живописным всякого звания изображениям в церквах, залах, садах, гротах и протчих монументах, как во мнении Академии собраний художеств написано, того ради в канцелярию от строений и протчие места, где публичные здания со украшениями строются, с прописанием представленного от Академии наук собрания художеств со удостоинством мнения, послать указы, чтоб его, Ломоносова, для убрания оных, где потребно будет, мозаикою за надлежащую цену призывать и для составления потребных вещей оригиналы или рисунки ему давать.

А. Бутурлин, князь Иван Щербатов, князь Алексей Голицын, обер-секретарь Иван Ермолаев.

Определение Сената о составлении проекта и сметы на мозаичную работу для Петропавловской церкви, 30 января 1758 г.***

1758 году генваря 30 дня в собрании Правительствующего сената сенатор генерал фельтцейхмейстер и кавалер граф Петр Иванович Шу-

* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 617/3100, л. 79.
* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 618/3101, лл. 122—123.
*** ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 668/3151, л. 463.

валов словесно предлагал, что по апробации Правительствующим сенатов взнесенных при доношении из канцелярии Академии Наук составленных советником и профессором Михайлою Ломоносовым на привилегированных его заводах мозаичных живописных вещей определением Правительствующего сената велено его, Ломоносова, в те места, где публичные здания со украшениями строются для убрания оных где потребно будет мозаикою за надлежащую цену призывать и для составления потребных вещей оригиналы или рисунки ему давать; а понеже он, советник Ломоносов, случаю к тому мозаичною работою украшению до сего времени еще не имел, и для того не соизволит ли Правительствующий сенат приказать ему, Ломоносову, сделать внутри состоящей в Санкт-Петербургской крепости церкви святых апостол Петра и Павла приличные на достохвальную память блаженные и вечной славы достойные памяти государя императора Петра Великого мозаичные украшении и что к монументу сего мудрого монарха изобразить пристойно будет,— приказали об оном учинить по тому его г. сенатора генерала фельтцейхмейстера и кавалера предложению, и для того канцелярии Академии Наук велеть, какому в той церкви по приличности к достохвальной его и. в. вечной памяти украшению и с каким изображением быть надлежит сочинить прожект, снесшись с ним, советником Ломоносовым, для способного сочинения объявленных изображениев, тако ж дабы он мог сочинить между тем смету, до коликой суммы то мозаичною работою украшение со всем по примерной цене стать может и по сочинении всего вышеписанного представить Правительствующему сенату, и о том в канцелярию Академии Наук послать указ.

Князь Б. Юсупов, князь Иван Щербатов, князь Алексей Голицын, князь Иван Одоевской, обер-секретарь Иван Ермолаев.

Определение Сената по доношению М. В. Ломоносова, 5 мая 1758 г.*

1758 года майя 5 дня в собрании Правительствующий сенат, слушав доношение Академии Наук, коим присланный во оную из Правительствующего сената по предложению сенатора генерала фельтцейхмейстера и кавалера графа Петра Ивановича Шувалова указ объявляет, что собрания Академии художеств члены разсуждали, какой монумент для вечной славы достойныя памяти государя императора Петра Великого в соборной святых апостол Петра и Павла церкви по назначенному в ней месту и как мозаичною работой сделан быть может; и в силу того сделаны 2 архитектурные проекта[24] с инвенциями** аллегорических представлений***, поставляемые на стене над самым надгробным местом, а каковы оные проекты сочинены, оные и со изображением внесены при оном доношении советника и профессора Ломоносова, которым представляет, что и он сочинил собственной проект, каким образом, по его мнению, пристойно в церкви святых апостол Петра и Павла построить и украсить мозаикою монумент в бозе почивающих монархов, блаженные и вечно достойные памяти государя императора Петра Великого купно с любезною его супругою, великою государынею императрицею Екатериною Алексеевною, и взнес помянутому монументу идеи его модель, объявляя при том, что оное составляет только один монумент, а для изображения дел Петра Великого нет на нем места; того ради для представления оных и для украшения всей церкви прилично составить мозаикою знатнейшие дела исто-

* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 672/3155, лл. 38—44.
** Инвенция — набросок, проект.
*** Так в подлиннике.

рическим образом между окнами с прилогами * из священного писания, а особливо от жития святых апостол Петра и Павла, из евангелия и деяния апостольских таким образом, чтобы в верхней части была история священная, соответствующая истории Петра Великого с приличными надписями, и сверх того представляет, что около настенных историй прилично инкрустировать, или выкласть, понели, стены, столпы и прилястры до архитрава, также и коробки в окнах мозаичными составами на подобие мраморов, какие заблагоразсудятся, объявляя тому и особливую надобность, и всему вышеписанному сообщил описание с показанием примерной цены всего того строения, которой придется суммою 148.682 руб.; что же де надлежит до украшения мозаикою иконостаса и стен внутрь алтаря, о том он, Ломоносов, представляет, что ныне обстоятельного проекта дать не может, но токмо о том кратко должен упомянуть, что состоящей иконостас мозаикою украшен быть не может, затем что: 1) весь сделан из дерева, которое для мозаики весьма не твердо и недолговечно; 2) помянутой иконостас поставлен весьма шатко, и затем что не укреплен безпосредственно к столпам, которые к тому сделаны; 3) расположение иконостаса весьма непропорционально и многих образов нет, которым, по обычаю нашей церкви, быть должно.

И Правительствующий сенат, выслушав объявленные доношении и проекты, и смотря представленные от членов от Академии собрания художеств, також и советника Ломоносова проекты модель, к чему он Ломоносов пред собрание Правительствующего сената был призван,— приказали: по строению в соборной церкви святых апостол Петра и Павла для вечной в бозе почивающих славы монархов блаженныя и вечно достойныя памяти государя императора Петра Великого, купно с любезною его супругою великою государынею императрицею Екатериною Алексеевною монумента, тако ж изображению мозаикою историческим образом знатнейших дел государя императора Петра Великого и всему во оной церкви украшению быть по идеи коллежского советника и профессора Ломоносова, и оную работу производить по его проекту, чего для взнесенную им модель, как он в том своем проекте прописывает, для разсмотрения обер-архитектору отдать ему советнику Ломоносову; для строения того всего по описанию и по смете его, Ломоносова, деньги 148.682 руб., разделя равно на 6 частей, выдавать по-годно из штатс-конторы, а именно по 20 по 4 тысячи, по 700 по 80 руб. по 30 по 3 коп. по 3/4, и все оное вверить ему, Ломоносову, яко изобретателю мозаики, и всего вышеписанного украшения; к тому же что по мелкости и по множеству разности вещей и за таким немалым производством строения щетов сочинять ему некогда, а другому, кроме того, и знать неможно, но токмо ему, Ломоносову, подавать по-годно в Сенат ведомости, сколько им будет издержано денег, и что какого украшения сделано. А что надлежит как до украшения мозаикою в той же соборной церкви иконостаса и стен внутри алтаря, о чем как он, Ломоносов, представляет, ныне обстоятельно того проекта дать не может, и для того, каким образом тот иконостас мозаичною работою убрать, о том в рассмотрение сообщить святейшему правительствующему синоду ведением, куда ему, Ломоносову, буде потребовано будет, подать изъяснение, и святейший синод, рассудит ли за благо оное учинить и каким образом, о том благоволит сообщить в Сенат ведением; но прежде произведения сего в действо поднести ее и. в. от Сената доклад и в оном написать, и когда коллежской советник и Академии Наук профессор Михайла Ломоносов на привилегированных его заводах мозаичную работу до такого совершенства довел, что, по признанию Санкт-Петер-

* Прилог — пример.

бургской Академии Наук собрания художеств, оные добротою материй, тако ж крепостию и видом сделанных из оной живописных изображений, как римской, так и других земель, где оная едва в несколько сот лет так далеко происходить могла, не уступает и может употреблена быть к живописным всякого звания изображениям в церквах, залах, садах, гротах и протчих монументах, и Сенат в разсуждении того, что мозаика ни к чему столь не прилична, как к украшению монументов и к историческим изображениям, не мог преминуть, чтоб не помыслить, каким бы образом первые опыты сего искусства употребить с пользою для достохвальной памяти в бозе почивающих монархов ее и. в. вседражайших родителей государя императора Петра Великого и великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны к построению над их гробами в церкве святых апостолов Петра и Павла монумента, и что для изображения преславных дел возобновителя России ко удивлению света и неисчетным благополучиям подданных государя императора Петра Великого и любезной его супруги великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны пристойно быть может; чего ради от Сената велено было Академии проекты представить, а объявленной коллежской советник и профессора Ломоносова для способного сочинения оных, також и сметы, по чему Сенату сочиненные членами Академии собрания художеств проекты представлены, а объявленной, коллежской советник и профессор Ломоносов подал от себя как для построения обеим в бозе почивающим монархам монумента, так и для изображения историческим образом дел государя императора Петра Великого и для украшения в той церкви около настенных историй мозаикою проект и монументу идеи его модель с ясным описанием того монумента и исторических изображений, и каким образом, по его мнению, надлежит оной его проект производить в действо, учиня всему объявленному строению и украшениям смету, по которой все оное стать может около 148.682 руб.; причем он объявил, что все то исправить уповает в 6 лет, что же принадлежит до украшения алтаря и иконостаса, о том он объявил, что ныне за представленными от него обстоятельствы проекта дать не может, и хотя Сенат предоставленной от советника и профессора Ломоносова проект, признавая достойным, почитает за необходимо нужное, чтобы построение монумента, также и исторические изображении и украшение церкви на достохвальную память дражайших ее и. в. родителей произвесть в действо, о украшении же алтаря и иконостаса сообщить для разсмотрения святейшему синоду, но, не доложась о том ее и. в., к действительному исполнению произвесть собою не смеет, того ради, поднеся со оного описания копию, просить о том высочайшей ее и. в. конфермации [25].

Князь Б. Юсупов, князь П. Шувалов, князь Иван Щербатов, князь Алексей Голицын, князь Иван Одоевской, обер-секретарь Иван Ермолаев.

Постановление Сената, 14 июня 1761 г.*

1761 году июня 14 дня по указу ее и. в. Правительствующий сенат по доношению советника и Академии Наук профессора Михаила Ломоносова, о котором в 1758 году июля 20 дня в поднесенном ее и. в. от Сената всеподданнейшем докладе представлено, когда он на привилегированных его заводах мозаичную работу до такого совершенства довел, что по признанию Санкт-Петербургской Академии Наук собрания художества [26] оные добротою материи, також крепостию и видом деланных живописных изображений, как римской, так и

* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 875/3358, лл. 401—406 об.

других земель, где оная едва в несколько сот лет так далеко происходить могла, не уступает и может употреблена быть к живописным всякого звания изображениям в церквах, залах, гротах и протчих монументах, и Сенат в разсуждении того, что мозаика ни к чему столь не прилична, как ко украшению монументов и к историческим изображениям, не мог преминуть, чтоб не помыслить каким бы образом первые опыты сего искусства употребить с пользою для достохвальной памяти в бозе почивающих монархов ее и. в. вседражайших родителей государя императора Петра Великого и великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны к построению над их гробами в церкве святых апостол Петра и Павла монумента и что для изображения преславных дел возобновителя России ко удивлению света и неисчетным благополучиям подданных государя императора Петра Великого и любезной его супруги Екатерины Алексеевны пристойно быть может, чего ради от Сената велено было Академии Наук сочинить тому проекты, призвав реченного советника и профессора Ломоносова для способного сочинения оных, також и сметы, по чему Сенату сочиненные членами Академии собрания художеств проекты представлены, а объявленной коллежской советник и профессор Ломоносов подал от себя как для построения обеим в бозе почивающим монархам монумента, так и для изображения историческим образом дел государя императора Петра Великого и для украшения в той церкви около настенных историй мозаикою проект и монументу идеи его модель с ясным описанием того монумента и исторических изображеней, и каким образом, по его мнению, надлежит оной его проект производить в действо, учиня всему объявленному строению и украшениям смету, по которой все оное стать может около 148628 рублев, причем он объявил, что все то исправить уповает в 6 лет. Что же принадлежит до украшения алтаря и иконостаса, о том он объявил, что ныне за представленными от него обстоятельствы, проекта дать не может, и хотя Сенат представленной от советника и профессора Ломоносова проект, признавая достойным, почитает за необходимо, чтоб построение монумента также и исторических изображений и украшение церкви на достохвальную память дражайших ее и. в. родителей произвесть в действо, о украшении же алтаря и иконостаса сообщить для разсмотрения святейшему синоду, но, не доложась о том ее и. в., к действительному исполнению произвесть собою не смеет, того ради, поднеся с одного описания копию, просить о том высочайшей ее и. в. конфермации.

А в прошлом 1760 году октября от 26 дня в сообщенном из протокола учрежденной при дворе ее и. в. конференции экстракте написано: на поданной от Правительствующего сената ее и. в. доклад, чтоб над гробом его величества блаженныя и славныя памяти государя императора Петра Великого сделать монумент мозаическою работою,— ее и. в. высочайшее свое соизволение столько объявить соизволила, что должная империя ко благодетелю своему благодарность уже давно обязывала б воздвигнуть монумент, памяти его достойной. Правительствующему сенату, сообщая о том чрез сие, конференция такого мнения находится, что мозаическая работа в великом почтении и сама собою империи славу приносит; следовательно, по разсмотрению может между другими при сооружении монумента употреблена быть; однако ж прежде, нежели за самое дело приняться, надлежит в разсуждение взять величество государя, которому монумент посвящается, и знатность, и силу империи, которая изъявляет тем свою благодарность, да еще во время славного государствования великой его дщери, и потому, сколько можно, от большаго числа ученых и искусных людей мнении собрать, каков бы тот монумент

быть имел. И того же октября 30 дня, по определению Правительствующего сената, посланными к главному директору Академии художества *, принадлежащей к московскому университету, и в канцелярию Академии Наук указами велено означенные мнении собрать и, разсуждая о оных, немедленно Правительствующему сенату представить, на которое указы в нынешнем 1761 году в марте месяце из канцелярии Академии Наук и от коллежского советника и профессора Михайлы Ломоносова поданы доношении с приложенными при оных как от него, Ломоносова, новым проектом, так и от надворного советника и Академии художеств директора и инвентора Штелина [28], архитектора Шумахера [29], тако ж живописного и рисовального дела мастеров о сооружении над гробом его величества блаженныя и вечной славы достояные памяти государя императора Петра Великого монумента мнениями и рисунками, а от главного директора Академии художества, принадлежащей к Московскому университету, такого представления учинено еще не было. И того же марта 29 дня по определению Правительствующего сената велено означенные поданные в Правительствующий сенат от советника и профессора Ломоносова новой проект и рисунки, а из канцелярии Академии Наук надворного советника Штелина и протчих мнения и рисунки ж отослать к помянутому главному директору Академии художества, принадлежащей к Московскому университету (которые отосланы при указе), и велено по оным иметь общее разсуждение; и по разсуждении, поставя на мере со общим всех мнением, представить Правительствующему сенату.

Что же означенной советник и профессор Ломоносов поданным доношением просит о выдаче ему для начатия заблаговременно объявленного мозаичного строения делом и для заплаты его долгу в банк на первый случай денег 6.000 руб. то, во что мозаичные картины стать могут, подать ему, Ломоносову, в Правительствующий сенат верной счет, по чему тогда и о тех просимых им деньгах, 6.000 руб., разсмотрение учинено быть имеет. А в минувшем майе месяце поданным г. генерал поручик, действительной камергер, Московского университета куратор и кавалер Шувалов доношением представлял, что в силу Правительствующего сената указа, касающегося до сооружения над гробом его величества блаженныя и вечнославныя памяти государя императора Петра Великого достойного монумента в изъявление от империи Российской к ее основателю и просветителю должной благодарности, он, имея довольное разсуждение с членами Академии Наук о проектах оного монумента, от них поданных, за нужно разсудил, по некоторым их переменам, нарисовать все одним масштатом и представить Правительствующему сенату для лутчего оных, по сличении их, разсмотрения. Он же по справедливости признаться должен, что его знание недостаточно в выборе такого дела, которое будет соответствовать достославной памяти великого нашего государя и намерению всемилостивейшей нашей государыни его дщери; его мнение, чтоб те рисунки, которые за лутчие избраны Правительствующим сенатом будут, с описанием послать в Академии Римскую и Парижскую и от них требовать их мнения. В протчем на благоразсмотрение Правительствующего сената представить за должность находит, чтоб оной монумент делать не из мрамора, ибо сколь бы много трудов и иждивении на то употреблено ни было, однако ж не можно будет достигнуть до самого совершенства в разсуждении множества подобных монументов, и для того надобно его сделать из такой материи, которая бы в чужих краях редка была, а имянно:

* И. И. Шувалову.

коллонада и протчие окрестные украшения сделать медные, над гробницей в средине украшение серебреное, стены за гробом из лапис лазури, пол плитной из яшмы. Такое сооружение справедливо ото всех из лутчих монументов почтено будет, материя же вся здешнего государства, и употребленные деньги останутся в империи. Между тем, естьли будет угодно, приказать работать в простенках проектированные советником Ломоносовым мозаичные картины, которых сочинение весьма прилично расположено и разумно вымышлено. И того же майя 21 дня, по определению Правительствующего сената, велено к нему, г. генерал порутчику, действительному камергеру, Московского университета куратору и кавалеру Шувалову послать указ, в котором написать, что вышеписанное его г. генерала порутчика и кавалера представление Правительствующий сенат за благо приемлет и для того, сколько на исправление вышеозначенных мозаичных картин потребно денежной казны, о том, учиня ему, Ломоносову, смету, представить Правительствующему сенату. Что ж принадлежит до посылки в Римскую и Парижскую Академии рисунков с описанием, то ежели он, г. генерал порутчик и кавалер сие на себя примет, оное препоручается на его старание и попечение, а ежели за благо разсудит препоручить Академии Наук, то об оном ему в ту Академию сообщить; сколько ж на выписывание тех рисунков потребно денежной казны, об оном представить Правительствующему сенату, которая и отпущена быть имеет без задержания. А ныне он, Ломоносов, в силу того Правительствующего сената определения новое примерное исчисление и показание цены мозаичным изображениям достохвальных дел блаженныя памяти государя императора Петра Великого в соборной церкве святых апостолов Петра и Павла подал, в котором показано на все исправление мозаичных картин 80.764 руб. 10 коп., А вышеписанным поданным в Правительствующий сенат 8 марта сего 1761 году доношением он, Ломоносов, объявляет, как де уже прежде сего за 3 года его идеи, поданные Правительствующему сенату для помянутого монумента и мозаичному строению за благо приняты, и он в уповании действительного произшествия того дела заготовлением материалов, машин и печей и содержанием людей пришол через оное время в убытки и в долги, кои за медлением от часу умножаются, а потом от академического собрания художеств проекты Правительствующему сенату уже поданы, и ему должно вступить заблаговремянно в строение мозаичных украшений. И того ради Правительствующий сенат просит для начатия заблаговремянно оного мозаичного строения делом и для заплачения его долгу в банк указать выдать денег наперво 6.000 руб.,— приказали: по вышеписанному его, советника и профессора Ломоносова, прошению в разсуждении сего, что, как в нем явствует, яко он во уповании действительного произшествия помянутого дела заготовлением материалов, машин и печей и содержанием людей пришол через оное время в убытки и в долги, кои де за медлением от часу умножаются, чего для просит о выдаче для начатия заблаговремянно вышеобъявленного мозаичного строения делом и для заплачения его долгу в банк на первой случай 6 000 руб., того ради те просимые им, Ломоносовым, для начатия того мозаичного строения делом и на заплату долгу его 6.000 руб. выдать ему, Ломоносову, из штатс-конторы [30], и оные деньги записать ему, Ломоносову, в приходную книгу и считать за генеральною суммою, сколько на все оное мозаичное строение издержано будет; а притом ему, Ломоносову, объявить, чтоб он старался написанные в поданном в Правительствующий сенат от генерал порутчика, действительного камергера, Московского университета куратора и кавалера Ивана Ивановича Шувалова доно-

шении принадлежащие в простенках прожектованные им, Ломоносовым, мозаичные картины работать, и кто при справлении той работы, кроме его, Ломоносова, находятся, о том ему, Ломоносову, подать в Сенат репорт, дабы, в случае какой-либо нечаянной надобности, можно было потребное о строении по тому поручаемому ему Ломоносову делу, от кого надлежит, сведение получить. А как в прежнем Правительствующего сената учиненном при поднесении ее и. в. о построении объявленного монумента доклада определении, между другим, было предписано, чтоб ту его, Ломоносова, работу производить по его проекту и для строения того всего по описанию и по смете его, Ломоносова, деньги назначенную тогда сумму, разделя равно на 6 частей выдавать погодно из статс-конторы, и все оное вверить ему, Ломоносову, яко изобретателю в России мозаики и всего вышеписанного украшения, к тому же, что по мелкости и по множеству разности вещей и за таким немалым производством строения, счетов сочинять ему некогда, а другому, кроме его, того и знать не можно,— того ради, по поданному от него, Ломоносова, нынешнему новому генеральному исчислению о выдаче требуемой им суммы, за исключением вышепомянутых 6.000 руб., достальных 74.764 руб. 10 коп. надлежащее определение учинено быть имеет впредь, а ныне по прошению его в число сей суммы вышеписанные 6.000 руб. в разумении предписываемой в доношении его, Ломоносова, необходимой надобности выдать ему, Ломоносову, определяется и для того, до коликой суммы поныне из тех 6.000 руб. и на что имянно им употреблено, о том потому ж подать ему, Ломоносову, в Правительствующий сенат верной счет.

Граф И. Шувалов, Иван Неплюев, Алексей Жеребцов, граф Роман Воронцов, Иван Костерин, князь Михайла Шаховской, статский советник Иван Козлов.

Постановление Сената, 28 мая 1764 г.*

1764 году, мая 28 дня, по указу ее и. в. Правительствующий сенат в общем всех департаментов собрании по доношениям статского советника[31] и профессора Михаила Ломоносова, коими объявляет:

1) Что в 1760 году ноября 3 дня по имянному повелению блаженные памяти великие государыни императрицы Елисаветы Петровны в Правительствующем сенате определено главному директору Академии художеств и канцелярии Академии Наук собрать мнения от искуснейших людей о сооружении монумента в славу блаженные и вечно достойные памяти государя императора Петра Великого, почему, хотя и учинены между назначенными к тому членами проекты и сношения, однако уже тому полчетверта года никакого начала произведению сего дела в знак благодарности великому герою должного не положено, кроме мозаичной работы, которая им со всяким усердием производится, а как де сии дела оба надлежат к одному намерению и с самого начала по первому определению Правительствующего сената о строении монумента всего повелено было препоручить и вверить в его расположение и смотрение, почему принимает он смелость Правительствующему сенату о том только представить, дабы благоволено было производить оное строение монумента; проекты ж самого монумента, хотя уже в Правительствующий сенат и поданы, однако для лутчего произвождения весьма бы полезно было не так, как прежде, всяк подал свои идеи особливо, но чтобы повелено было общим согласием на од-

* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 3636, лл. 380—382.

ном утвердиться и подать Правительствующему сенату, которых рассуждение и разных идей соглашение и пристойное расположение может принять на себя по самой первой доверенности к нему Правительствующего сената, как выше означено; что ж де до суммы надлежит, коя на самый монумент определится, сверх мозаичного дела, то оную Правительствующий сенат благоволит препоручить иному, кому угодно будет, ибо сие строение не надлежит до его фабрики.

2) Что в прошлом 1763 году после поданного от него в Правительствующий сенат доношения о выдаче ему определенной суммы, на строение мозаичным художеством высокославных дел блаженные памяти государя императора Петра Великого к монументу, также и после выдачи оной производилось строение великой картины Полтавской победы, и марта 16 числа ставлением приведена к окончанию, а 17 и вся картина обще мастикою сверху залита, после того, по надлежащем просушении, вытачивается и сравнивается машинами, которая работа при окончании нынешнего месяца совершится и останутся только одне приправки и полированье начисто; медные рамы по пропорции и приличности сей великой картины сделаны с надежными железными окрепами и остается почти только их позолотить и сложить вместе, что учинено будет при первых теплых ясных днях, за тем, что, за великостию частей, золотить сии рамы должно на вольном воздухе. От составления сея первые картины Полтавские победы хотя осталось знатное количество мозаичных материалов, и другая большая картина Азовского взятья начата, однако на беспрерывное заготовление оных впредь к продолжению протчих картин и на содержание мастеровых и работных людей потребна безостановочная выдача суммы, определенной на сие славное и многотрудное строение; а выданная де ему в прошлом 1763 году сумма вся изошла, чему при том доношении счет предложен, и просит, чтоб повелено было выдать ему в число определенных 80.764 руб. 10 коп. годовую сумму 13.460 руб. 68 к., дабы он безпрепятственно мог продолжать сие важное произвождение дела славного отечеству.

И по учиненной в Сенате справке приказали: понеже, как Правительствующий сенат из обстоятельства дела об отпуске из казны на делание того монумента денег высочайшего ее и. в. повеления не видит, и для того оного, Ломоносова, призвав в Сенат, объявить, чтоб он доделываемую им Полтавской баталии картину, как наискоряе старался ко окончанию привесть, и, буде оставшими у него деньгами оную ко окончанию привести не может, то коликое число на одно оное окончание потребно денежной казны, о том бы подал в Сенат обстоятельный счет *, причем как оной, так и достальным, какие они быть имеют, представить рисунки, почему тогда, как о продолжении делания того монумента, так и о выдаче на то суммы денег и надлежащее определение учинено быть имеет, а между тем для представления ее и. в. о делании того монумента и определение на то суммы из того дела учинить в Сенате краткой экстракт **.

Граф. К. Разумовский, Иван Неплюев, князь Яков Шаховской, граф Роман Воронцов, Федор Ушаков, Николай Муравьев, Федор Милославской, князь Петр Трубецкой, граф. М. Скавронской, Петр Панин, Василий Суворов, князь Алексей Козловской, Адам Олсуфьев, обер-секретарь Николай Самойлов.

---

* Счет опубликован в «Чтениях М. Об. И. и Др. Р», 1867 г., кн. 2, стр. 30—32.

** «Экстракт» опубликован в «Чтениях М. Об. И. и Др. Р.», 1867 г., кн. 2, стр. 16—24.

Постановление Сената, 18 июня 1764 г.*

1764 году, июня 18 дня по указу ее и. в. Правительствующий сенат в общем всех департаментов собрании по доношению статского советника и профессора Михаила Ломоносова, коим объявляет, что по определению Правительствующего сената повелено ему подать счет, сколько потребно суммы на достройку мозаичной картины Полтавской победы и притом представить как оные, так и следующие рисунки, а понеже де картина совсем начисто прежде поспеть не может, как около первых чисел сентября месяца, то на содержание людей, на позолоту рам и на протчее приложил при том доношении счет на 3 месяца; чтож де до рисунков надлежит и до протчих работ сего произведения, по чему Правительствующий сенат все сие дело и его успехи ясно усмотреть может, того всего оному представить для тягости и величины неудобно, и лутче все усмотреть на месте, где обстоятельно все увидеть можно, и просит, дабы повелено было, кого заблагорассудится, для осмотру всего сего дела отрядить, где оно производится, а на окончание реченной картины указать выдать сумму по приложенному при том счету; а в том приложенном счете показано, что на достройку вышеписанной мозаичной картины Полтавской победы потребно суммы 4. 009 руб. 45 к.

И по учиненной в Сенате справке приказали: ту требуемую сим статским советником и профессором Ломоносовым на окончание выше упомянутой Полтавской баталии картины по приложенному при доношении счету 4 009 руб. 45 к. выдать из штатс-конторы на счет впредь определяемой на сооружение в бессмертную славу над гробом государя императора Петра Великого в церкви святых апостол Петра и Павла монумента суммы и о том в ту контору послать указ, а из каких доходов оную отпускать надлежит, о том иметь рассуждение впредь; когда же Полтавской баталии картина сделана будет, то как оная, так равно и другим картинам представленные тогда от него Ломоносова рисунки имеют быть свидетельствованы самим Сенатом.

Иван Неплюев, граф М. Скавронский, граф Роман Воронцов, Федор Ушаков, Николай Муравьев, Федор Милославский, Адам Олсуфьев, князь Петр Трубецкой, Василий Суворов, князь Алексей Козловской, обер-секретарь Николай Самойлов.

Определение Сената по доношению М. В. Ломоносова об окончании мозаичной картины «Полтавская баталия», 21 января 1765 г.**

1765 году генваря 21 дня по указу ее и. в. в общем Правительствующего сената всех департаментов собрании слушано доношение статского советника и профессора Михайлы Ломоносова, коим объявляет, что по указу из Правительствующего сената 1761 года июня 14 дня повелено ему было в честь и славу безсмертные памяти государя императора Петра Великого составить торжественные знатнейших дел сего монарха картины мозаичным художеством на его заводах, с которого времяни и начали к тому приготовления, а с 1762 года, майя с последних чисел, началось действительное мозаикою ставление первой картины Полтавские победы и, з божескою помощью, неусыпным тщанием сие новое и многотрудное дело ныне совершено, и помянутая мозаичная великая картина в 2 года и 7 месяцев окончена набором, шлифовкою и полированием, и рамы по пропорции и по приличеству зделаны медные, кованые и жарко вызолоченные червоным

* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 106/3677, лл. 365—368.
** ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 66/3637, л. 402.

золотом в огне. Картины же мозаичные составлять повелено ему, Ломоносову, для монумента или мавзолея высокопомянутого несравненного государя и некоторые к тому идеи от него подаваны были Правительствующему сенату, но после на тот проект повелено было сочинить генералу порутчику и кавалеру Шувалову, однако же произвождение оного осталось без действия. Но как мозаичные картины должны быть купно с монументом, то по силе прежнего указа из Правительствующего сената и по его должности сделал он модель с описанием самому монументу, какову, по его мнению, приличествует быть оному, а для лутчего де и приличнейшего постановления оного монумента, в Петропавловском соборе, так и для того, что во оной церкви производится перестройка, и должно предупредить, чтобы против удобности строимого монумента и картин мозаичных ничего произведено не было, сочинил он проект и сделал модель помянутого собора с описанием, как наилутче, по его мнению, произвести оные перестройки для приличности монумента и для большей красоты и просторности самой церкви.

И того ради он, Ломоносов, просит: 1) описание зделанной мозаичной картины Полтавские победы и других, кои впредь делать надлежит, для рассуждения принять; 2) понеже выданная ему сумма вся на окончание сего строения издержана и из собственных его денег немало употреблено, как из приложенного при том доношении счоту явствует, и для того б выдать ему до дальнего определения издержанное им излишнее количество денег в 7 месяцов сверх выданных 4.000, ибо ему мозаичных мастеровых содержать кроме того нечем; 3) и как де он несомненно уповает, что Правительствующий сенат в рассуждении великого труда и немалой суммы, положенной на произвождение здесь мозаичного художества, которое в Риме едва в 200 лет несказанным иждивением до такого совершенства достигло, паче всего, уважая дела Петра Великого, достойные изображены быть нетленными материями, не преминет продолжать начатого строения по прежнему благонамеренному определению, то просит же из достальной определенной суммы от 80.764 руб. указать ему выдавать половину, дабы он мог начать вдруг 3 или 4 картины для скорейшего произведения сего строения, чтобы во время шлифования и письма оригиналов мозаичные наборщики без работы не были и одно бы дело другому руку подавало; а как де оная достальная сумма на следующие картины расположена с примеру зделанной картины, тому присовокуплено при счете росписание. И по слушании того доношения и приложениев [32] и учиненного в Сенате экстракта, имея разсуждение, приказали: хотя по свидетельству Правительствующего сената означенная сделанная в бессмертную славу великого монарха Полтавской победы картина изрядством мозаичной работы пристойно изобретательным изображением, равно и редкостью может употреблена быть по надлежащем в исправности рисунка и в чем бы еще потребно было исправлении, толь наипаче, что по собственному его, Ломоносова, объявлению то сделано быть может для украшения монумента; но как Правительствующий сенат о употреблении толь знатной суммы по сие производство от ее и. в. высочайшего повеления не имеет, к тому ж и по проекту статского советника Ломоносова назначено для постановления сего монумента в Петропавловском соборе быть немалой переделке и найдет ли еще оной всевысочайшую ее и. в. апробацию, Сенат знать не может, и для того из всего производившегося о том в Сенате дела, сочиня краткой, но обстоятельной экстракт, приобща ко оному и копии с проектов, поднесть к высочайшему ее и. в. разсмотрению при всеподданнейшем докладе, в котором представить, что когда докончить оной монумент высочайшее ее и. в. соизволение последует в Петропавловском

соборе, и на то назначенная сумма определится, тогда Сенат, по должности своей, не оставит во всех потребных случаях к приведению окончания оного споспешествовать, как и на первой случай рассуждает, тот его, Ломоносова, проект отослать к генералу поручику Бецкому с таковым предписанием, чтоб оной, собрав архитекторов, рассмотрел по тому его, Ломоносова, проекту, возможно ль исполнить и каким иждивением, и что по рассмотрению всего откроется, о том бы письменно отрепортовал, и о сем просить ее и. в. всемилостивейшего указу, а между тем употребленные им, Ломоносовым, из собственного капитала на достройку вышеписанной картины 999 руб. 3 коп. из штатсконторы ему выдать, и о том в ту контору послать указ.

Граф А. Бутурлин, граф В. Фермор, князь Яков Шаховской, кроме выдачи денег, граф П. Чернышев, граф Петр Шереметьев, граф М. Скавронской, граф Роман Воронцов, Василий Суворов, Николай Муравьев, князь А. Козловский, Федор Милославский, Адам Олсуфьев, князь Петр Трубецкой, обер-секретарь Николай Самойлов.

Определение Сената о поручении мозаичной работы директору Академии художеств И. И. Бецкому, 13 июня 1765 г.*

1765 году июня 13 дня по указу ее и. в., состоявшемуся сего ж июня в 11 день, на поднесенном от Правительствующего сената докладе, коим с прописанием прежденоднесенного доклада представлено, что ежели б о делании достальных мозаичных картин, принадлежащих к монументу в славу блаженные и вечной славы достойные памяти государя императора Петра Великого, которые под собственным покойного статского советника и профессора Михайлы Ломоносова смотрением производились, высочайшее ее и. в. соизволение было, то не угодно ль ее величеству будет повелеть сие дело препоручить единственно в распоряжение Академии художеств главному директору генералу поручику Бецкому; и на том докладе подписано собственною ее и. в. рукою: тако быть по сему,— Правительствующий сенат приказали: для надлежащего по тому ее и. в. высочайшему указу исполнения к нему генерал поручику и кавалеру Бецкому с того конфирмованного докладу послать при указе копию, а находящимся при той мозаичной работе мастерам, регистратору Цилху и Матвею Васильеву о том объявить. А как сие дело по содержанию с означенного собственноручным ее и. в. подписанием высочайше конфирмированного доклада по существу своему следует до III департамента, в котором и протчие подобные сему имеются, то впредь для исполнения и производства, как с того доклада копию, так и все производимое о том дело при копии ж с сего отдать в тот департамент.

Князь Яков Шаховской, Адам Олсуфьев; обер-секретарь Николай Самойлов.

Определение канцелярии строений, 22 июля 1766 г.**

1766 года, июля 22 дня по указу ее и. в. канцелярия строения е. в. домов и садов, по предложению г. генерал поручика и кавалера Ивана Ивановича Бецкого, коим объявлено, что июня в 14 день ее и. в. изустно повелеть соизволили начатое покойным статским советником Ломоносовым мозаичное дело, которое по конфирмации ее величества 1765 году июня 11 дня на поднесенном от Правительствующего сената докладе препоручено было в распоряжение его г. генерал поручика

* ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 111/368, л. 203.
** Там же, ф. гофинтендантской конторы, д. № 69964, лл. 155—156.

и кавалера, ныне препоручить оной канцелярии по удобности той, что и стекляные заводы в ведении ее состоят, о чем оной канцелярии ко исполнению письменное об оном производство при том приложено, по которому между протчим значит: при той мозаичной работе находятся мастера и ученики, коим всем 9 человекам положенного жалованья производится по 828 рублев в год* и сверх того квартира, дрова и свечи; и когда мозаичная работа производилась, выдавались заработные деньги с квадратного фута разными ценами по рассмотрению; и как из них мастер Васильев показывает ныне, кроме одного, живут они в собственном доме умершего статского советника Ломоносова и имеют: мастера — каждый, а ученики — двое, а всего, кроме регистратора Цилха, 5 покоев, на топление оных дрова берут из собственных умершего Ломоносова жены вдовы, сколько кому надобно; но ныне она, вдова, в даче им отказывает, да и свечи получали по смерть Ломоносова также от него; в построенном же на казенные деньги на купленном им у г. действительного статского советника и кавалера Теплова месте доме никто, кроме одного из них же мастера, не живет, и он празден. А в нем покоев жилых: в верхнем апортаменте — 5, сени одне, в нижнем — жилых 4, сени двои; регистратор же Цилх с 1753 году доныне живет в мызе объявленного Ломоносова и составы делал тамо, а ученик его здесь. По расчислению ж в канцелярии на топление показанных 5 покоев, полагая против отпусков от канцелярии по 5 саж. на каждый покой, в год потребно дров 25 саж. по покупной цене по 1 рублю за саж.— на 25 руб., свеч по 15 ф. на покой же — один пуд 35 ф., по рублю по 90 коп. пуд — на 3 руб. на 56 коп. с четвертью. Итак, всего тем мастерам с учениками на жалованье в год и дрова и свечи потребно 856 руб. 56 коп. с четвертью. Но как на сие, так и на мозаичное дело ниоткуда денег не ассигновано. А означенные мастера и ученики, поданным в канцелярию строения челобитьем объявляя, что они с генваря месяца сего года не получая жалованья, в пропитании претерпевают голод, просят о выдаче оного за прошедшую генварскую треть,— приказали:

Г. полковнику Звереву послать из команды своей и, сколько какого мозаичного дела и к нему принадлежащего есть, освидетельствовав, учиня построенному на казенные деньги дому план, представить в канцелярию; а дабы мастера и ученики в партикулярном доме более не жили, то из порожних в том казенном доме покоев пристойное число им отвесть; и чтоб они отведенные покои содержали в чистоте и себя до надлежащего об них определения в порядке вели, того [для] над ними наблюдать командой своей именованному г. Звереву. От г. ж генерал порутчика и кавалера Ивана Ивановича Бецкого требовать, дабы благоволил канцелярию надлежащею резолюциею снабдить, показанное начатое мозаичное дело во окончание оной канцелярии приводить ли и так ли, как оно начато, и по тому, естли о чем принадлежать будет, Правительствующему сенату докладывать или ему г. генерал порутчику представлять, и естли оное дело оканчивать повелится, то б на оное и на дачу объявленным мастерам с учениками окладного жалованья (чтоб они более, не получая уже 7-й месяц, без пропитания не были) и на покупку дров и свеч надобную сумму его превосходительство исходатайствовал. Когда же то мозаичное дело повелится оставить и впредь не производить, то канцелярия взятых от ней живописцев попрежнему, а состоящего при составе к делу мозаики

* В другом документе — в определении канцелярии строений от 10 августа 1766 г. (ГАФКЭ, ф. гофинтендантской конторы, д. № 69965, л. 27) находим более точные указания о лицах, работавших тогда над мозаичной работой: «при том мозаичном деле состоят мастера: регистратор Цилх, Матвей Васильев и Ефим Мельников с учениками, всего 9 человек».

цветной материи при регистраторе Цилхе ученика (которой объявляет, что он и на стеклянных заводах составлять материю может), на те заводы в ведомство свое определит, а других мастеров с учениками, не имея такого места, куда б их по склонности их мастерства по ведомству своему определить могла, куда повелено будет, отослать в те ж места, отколь они к мозаике взяты или в другие, требовать уведомления.

Князь Петр Трубецкой, Игнатей Россий, князь Петр Хованский, Василий Микулин, Иван Россий, секретарь Севастиан Бровцин.

Определение канцелярии строений, 6 мая 1768 г.*

1768 года майя 6 дня по указу ее и. в. канцелярия от строения е. в. домов и садов по учиненному расписанию о сделанных мозаичным художеством картинах приказали: к г. действительному тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Бецкому представить, что из оных картин ценою стали: взнесенныя — 1-я в комнату ее и. в.— во 174 руб. 18 коп. с четвертью, 2-я в Правительствующий сенат — в 214 руб. 41 коп. с четвертью, 3-я — по заказу сделанная г. действительному камергеру и кавалеру Строгонову — во 165 руб. в 50 коп. с половиною, и оных денег, от него хотя и требовано, но он, как г. сенатор тайной советник и кавалер князь Петр Никитич Трубецкой канцелярии словесно предложил, объявил, что показанную картину ее величество соизволило пожаловать ему г. Строгонову, почему за нее денег он платить не будет; 4-я — в 214 руб. в 41 коп. с четвертью в силу предложения именованного г. Бецкого в императорскую Академию художеств отдана, а денег ни за одну не получено. А указом Правительствующий сенат канцелярии 1766 года сентября от 28 рекомендовал, чтоб оная без малейшего замедления к порядочному производству той мозаики надлежащие приняла меры, дабы употребляемая на жалованье состоящим при том мозаичным художникам сумма понапрасну не исходила, но действительными их трудами заслуживаема была, на что в Правительствующий сенат со обстоятельством того дела представлено, и до получения о том надлежащей резолюции, дабы художники праздны не были, если б за означенные сделанные картины деньги получены были, деланы б ими были малые мозаичные картины для желающих, того для требовать, чтоб его пр-во благоволил за объявленные отданные картины показанную сумму за три в отпуск исходатайствовать, а за четвертую из Академии художеств приказать отпустить, чтоб по неимению на дело той мозаичной работы особой суммы те художники более праздны не были, на что и ожидать резолюции.

Князь Петр Трубецкой, Игнатей Россий, князь Петр Хованский, Василий Микулин, Карл Крок, Секретарь Севастиан Бровцин.

Определение канцелярии строений, 12 мая 1768 г.**

1768 года, майя 12 дня по указу ее и. в. канцелярия от строений е. в. домов и садов, слушав указа ж Правительствующего сената апреля от 18 числа, в коем написано: Правительствующему сенату оная канцелярия доношением представляла, что оставшиеся по смерти статского советника Ломоносова мастера с учениками на Санкт-Петербургских стекляных ведомства оной канцелярии заводах по данным

* ГАФКЭ, ф. гофинтендантской конторы, д. № 69993, л. 62.
** Там же, лл. 81—82.

от канцелярии оригиналам 3 картины сделали, почему оная канцелярия, усмотря их искусство, находит, что они мозаичное художество продолжать могут исправно; из деланных же ими мозаичных картин одна ко усмотрению искусства представлена Сенату, которая стала со употребленными материалами и з жалованьем мастерам в 214 руб. 41 коп. с четвертью, и когда таким же мастерством, как она, под распоряжением канцелярии сделана, и Азовской баталии картину мозаикою сделать, то как сделанной оной картины живописной оригинал, с которого еще при жизни Ломоносова та Азовской баталии картина зачета, по рассмотрению канцелярии нашелся нехорошего мастерства, должно во-первых другой оригинал живописной работы лучше сделать и по нем вновь начать мозаичным художеством, которая картина станет в 28.540 руб., и оная уже сделанной при жизни Ломоносова Полтавской баталии мозаичной картины мастерством преимущественнее будет; а при том оная канцелярия объясняла, что хотя намерение было Полтавской и Азовской баталий картины поставить в Петро-Павловском соборе, но как в Правительствующий сенат от действительного тайного советника Бецкого представлено было, так и канцелярия в рассуждении представленных от него обстоятельств признавает, что тем картинам в том соборе быть неприлично, и для того, что по тому мозаичному художеству чинить повелено будет, просила указа.

И по указу ее и. в. Правительствующий сенат приказали: во оную канцелярию послать указ, в котором предписать, что как Сенат из представления не усматривает, чтоб о начатии вновь мозаичным художеством картины Азовской баталии и о протчем известен был действительной тайной советник и кавалер Бецкой, и какого он о том мнения, то имеет оная канцелярия о всем том, что до произвождения мозаичной работы принадлежит, представить от себя к помянутому действительному тайному советнику, яко главному директору, и в таковых искусствах наиболее сведующему, да и впредь бы оной канцелярии о подобных делах, не представя наперед ему, в Сенат с доношениями не входить. И рассматривая канцелярия от строеней домов и садов о той мозаике дела, приказали: Правительствующему сенату на тот указ доношением представить, что когда г. действительный тайный советник и кавалер Иван Иванович Бецкой 1766 года, июня 15 дня оной канцелярии в предложении объявил, что ее и. в. указать соизволила начатое покойным статским советником Ломоносовым мозаичное дело (которое по конфермации ее в. 1765 года, июня 11 дня на поднесенном от Правительствующего сената докладе препоручено было в распоряжение его г. Бецкого) ныне препоручить оной канцелярии по удобности той, что и стеклянные заводы в ведении ее состоят, то того ж года, июля 24 дня к его пр-ву представлено и требовано резолюции: оное мозаичное дело во окончание оной канцелярии производить так ли, как оно начато, и потому, естьли о чем принадлежать будет, Правительствующему сенату докладывать или ему г. Бецкому представлять, на что от его пр-ва августа 4 числа того же году в резолюции предложено о том, куда надлежит, представлении чинить канцелярии прямо от себя; почему от оной канцелярии того ж года августа от 12 в Правительствующий сенат представлено, что каким образом оное мозаичное дело производить, о том по собрании разных нужных к тому обстоятельств Правительствующему сенату представлено будет впредь и притом требовано об отпуске мозаичным художникам на жалованье и в квартиры на дрова и свечи суммы, на что сентября от 28 дня 766 ж года Правительствующий сенат указом, определя в отпуск из государственной статс-конторы на то суммы 856 руб. 56 коп. с четвертью в год, предписал, что как Сенат до того еще не известен, какой успех или распоряжение в сем деле происхо-

дит, то оной канцелярии и рекомендовал, чтоб она без малейшего замедления к порядочному производству мозаики надлежащие приняла меры, дабы употребляемая на жалованье тем мастерам сумма понапрасну не исходила, но действительными их трудами заслуживаема была, и о том бы Сенату представила со мнением. И потому канцелярия от строеней домов и садов обстоятельно 1767 года, декабря от 4 дня вышеписываемым в указе Правительствующего сената от 18 апреля сего года доношением представила и что по оному мозаичному художеству чинить повелено будет просила указа.

Князь Трубецкой, Игнатей Россий, князь Петр Хованский, Василий Микулин, Карл Крок, Секретарь Севастиан Бровцин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Регламент мануфактур-коллегии 3 декабря 1723 г.— П. С. З., 1830, т. XVII, № 4378.

2. Россия направляла на Восток через Астрахань бисер, пронизки хрустальные, оконное стекло и стеклянную посуду (бутылки разных размеров), зеркала из иностранного стекла, но русского изделия.— (П. Г. Любомиров. Проект таможенного тарифа для Астрахани 1757 г. Этюд из истории восточной торговли, Астрахань, 1927, стр. 8.)

3. М. В. Ломоносов познакомился с образцами мозаики, привезенными в Россию М. И. Воронцовым в 1745—1746 гг. из Рима. Об этом свидетельствует сам Ломоносов 15 октября 1760 г. (посвящение ко 2-му изданию перевода экспериментальной физики Вольфа.— Соч. М. В. Ломоносова, изд. Ак. н., т. VI, стр. 298); это сообщают «Ученые Флорентинские ведомости» 12 марта 1764 г. (Билярский, Материалы для биографии М. В. Ломоносова, стр. 634—635). Ломоносов получил «составы» или смальту для мозаичного набора после длительной и напряженной работы. Он сам говорит, что «для изобретения составов» понадобилось проделать 2184 опыта. Ломоносов действительно изобрел смальту, идя своим оригинальным путем к ее созданию. В XIX ст. ни итальянский мозаичист Дольфини, которому была получена реставрация «Полтавской баталии», ни основатели мозаического отделения Академии художеств В. Рафаэлли и Д. Бонафеде не разгадали секрета смальты Ломоносова (Н. И. Сидоров. К истории мозаических составов Ломоносова). Коллекция «составов» Ломоносова дошла до нас («Проблемы истории докапиталист. обществ» 1935, № 9/10, стр. 180), но описание этой коллекции, составленное Ломоносовым, пока не обнаружено.

4. В письме к И. И. Шувалову (от 27 сентября 1757 г.) Ломоносов прилагает «расписание разных цен мусии по разным сортам». Однако список цен не сохранился. «Портреты обыкновенной величины,— пишет он,— составляются из третьего и четвертого сорта (мусии, т. е. мозаики), которые, пополам считая, придет каждой квадратной фут от 50 до 60 рублев, или, короче сказать, сколько в нем кусков, столько копеек, выключая материю и излишние лаки».— (Билярский, Материалы для биографии М. В. Ломоносова, 1865 г., стр. 350).

5. Вместо с. Ополья, бывшего в Ямбургском уезде, Ломоносов получил деревни Коважской и Каравалдайской мызы Копорского у. в 64—80 верстах от Петербурга, с 211 крестьянам мужского пола. См. указ 15 марта 1753 г.— Сочинения М. В. Ломоносова, изд. Ак. Н., т. II, Сп. 1893, стр. 66—67 и письмо Ломоносова Л. Эйлеру от 12 февраля 1754 г.,— (Билярский, стр. 780).

6. В 1759 г. М. В. Ломоносову была дана отсрочка в возвращении этих 4.000 руб., а в 1763 г. Ломоносов включил эту сумму в счет издержек годовой суммы, отпущенной ему на мозаичную работу. (ГАФКЭ, ф. «Вотчинной конторы», 1771—1775 г., д. № 16792, л. 571. Документ этот по другой копии был опубликован в изд. «Выставка.— Ломоносов и елизаветинское время», т. VIII, стр. 150—154, Петрогр., 1917).

7. Воспроизводимое здесь прошение М. В. Ломоносова не было до сих пор опубликовано, хотя содержание его было известно, так как текст его почти дословно вошел в указ Сената от 14 декабря 1752 г. (П. С. З., т. XIII, № 10057). В связи с прошением М. В. Ломоносова Сенат затребовал справку из комерц-коллегии о ввозе и вывозе разноцветных стекол, пронизок, стекляруса и пр. (ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2768, лл. 105—106), и уже после представления этих данных состоялся указ Сената 14 декабря 1752 г. о разрешении Ломоносову завести фабрику.

8. Просьба М. В. Ломоносова в академическую канцелярию об отпуске в Москву была подана в феврале (не позже 17) 1753 г. (Билярский, стр. 196).

9. Академическая канцелярия 17 февраля 1753 г. отказала Ломоносову на формальном основании, так как отпуск мог быть дан лишь президентом Академии Наук, находившимся в то время в Москве. (Билярский, стр. 196—197).

10. Тогда же (вероятно, 18 февраля 1753 г.) М. В. Ломоносов обратился за разрешением об отпуске в С.-Петербургскую контору Сената.— (ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2702, лл. 366—367. Это прошение М. В. Ломоносова было опубликовано в «Сборнике старинных бумаг», хран. в музее П. И. Щукина, ч. VI, М. 1890, стр. 372).

11. 19 февраля 1753 г. сенатская контора запросила академическую канцелярию о причинах отказа в отпуске Ломоносову. Ответ из канцелярии в Сенат был отослан того же 19 февраля 1753 г. (Билярский, стр. 197).

12. «Реверс» или росписка М. В. Ломоносова с обязательством вернуться из Москвы в Петербург через месяц была дана 22 февраля 1753 г. (ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2702, л. 372. Опубликовано в «Сборнике старинных бумаг» хран. в музее П. И. Щукина, ч. VI, М. 1890, стр. 373—374). М. В. Ломоносов сообщил в канцелярию Академии Наук о получении им отпуска 23 февраля 1753 г. (Билярский, стр. 197—198). Кроме того, он известил об этом факте президента Академии Наук К. Г. Разумовского (Билярский, стр. 778). Вернулся Ломоносов из Москвы 23 марта 1753 г. (Билярский, стр. 200).

13. Указ 15 марта 1753 г.— см. Сочинения Ломоносова, Изд. Ак. Н., т. II, СПБ, 1893, стр. 66—67.

14. Первая межевая инструкция появилась 13 мая 1754 г. (П. С. З. 1830, т. XIV, № 10237).

15. Канцелярия от строения государственных дорог 7 сентября 1753 г. донесла в Сенат рапортом, что оброк деньгами и хлебом с крестьян дер. Савалшиной и Голубовицы не будет взиматься.— (ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 2988, л. 263).

16. Архив Усть-Рудицкой фабрики, где хранились наиболее усовершенствованные «секреты» ломоносовской смальты к сожалению, утрачен.— См. Н. И. Сидоров. К истории мозаических составов Ломоносова.— Изв. Ак. Н., отд. физ.-мат. н., 1930.)

17. 6 сентября 1753 г. М. В. Ломоносов просит отпустить на его заводы академического печника на 6 недель для постройки стеклоплавильных печей, подобных тем, какие строились в академической лаборатории по его указанию. Печник был отпущен. (Билярский, стр. 217).

18. М. В. Ломоносов за свой счет заказывал академическим «инструментальным» мастерам изготовление «вновь изобретенных» им самим «для ускорения работ» инструментов и машин. Так, для него был сделан «станок для формовки стеклянных четырехгранных брусков к мозаике»; по его же указанию была изготовлена «машина для делания бисера». (Биллярский, стр. 207—208 и 278).

19. Публикуемое здесь прошение М. В. Ломоносова проникнуто удовлетворением, что фабрика готова и может работать на широкого потребителя. Через несколько лет, когда правительственный заказ — мозаичная картина «Полтавская победа» — была сделана, Ломоносов так выразил свои чувства в стихах:

«Я зрю здесь в радости довольствий общих вид.
Где Рудица, вьючись сквозь каменья журчит,
Где действует вода, где действует и пламень,
Чтобы составить мне или превысить камень
Для сохранения геройских славных дел,
Что долг к отечеству изобразить велел».

Из письма Г. Г. Орлову 19 июля 1764 г.— (Сочинения М. В. Ломоносова, изд. Ак. Н., т. II, СПБ, 1893, стр. 274).

20. Сумма в 5000 руб., выданная 11 марта 1756 г. М. В. Ломоносову на 10 лет, была «прощена» именным указом 14 февраля 1766 г.— (ГАФКЭ, ф. Вотчинной конторы, 1771—1775, д. № 16792, л. 572). Доклад был опубликован в изд. «Выставка Ломоносов и елизаветинское время», т. VIII, ст. 150—154. См. также ф. Сената, № 3721, л. 252 и л. 236. Сравн. письмо жены М. В. Ломоносова Елизаветы Ломоносовой от 7 мая 1766 г. повидимому, к. Р. Л. Воронцову с благодарностью об уплате долгов мужа.— ГАФКЭ, ф. № XVII, д. № 26, л. 1).

21. О столкновении между крестьянами М. В. Ломоносова и В. Е. Скворцова находим указание в приложении к С. Петербургским ведомостям от 15 февраля 1782 г., где публиковался «реестр судных дел» С. Петербургской губернской канцелярии, «по которым хождения нет», и названо дело «коллежского советника и профессора М. Ломоносова с генерал-лейтенантом В. Скворцовым... в причинении им немалого разорения». (П. Н. Столпянский, Некоторые данные к биографии Ломоносова. Академический сборник, 1911, стр. 276, 277).

22. 30 апреля 1762 г. был послан указ Сената в главную межевую канцелярию о размежевании земель В. Е. Скворцова и М. В. Ломоносова в Копорском у. Ломоносов поручил вести межевые дела своему зятю И. А. Цилху и мозаичному мастеру М. Васильеву. Сохранилось доверенное письмо Ломоносова на имя И. А. Цилха о поручении ему и мастеру Васильеву вести дела по межеванию земель в Копорском у. Приводим эту доверенность:

«Государь мой Иван Андреевич!

Во исполнение учиненного в главной межевой канцелярии определения для отмежевания пожалованных мне в Копорском уезде Воронежской [?] мызы в деревне Саволшине, да Косковской мызы в деревне Голубовицах крестьян и, надлежащей им по препорции земли послан межевщик, по требованию которого должны вы, а сверх того чинить с моей стороны надлежащее изъяснение, что надлежит до межевания. А на вспоможение тебе посылается мозаичного дела мастер Матвей Васильев, в чем я вам как в отводах при размежевании той земли, так и прикладывании к межевым книгам и к планам рук верю, и, что учините, впредь прекословить не буду.

Михайло Ломоносов

Мая 13 дня 1762 году. Санкт-Петербург. Г. Цилху»
(ГАФКЭ, ф. вотчинную конторы, д. № 16788, л. 841 и об.)

23. Открытие пурпурного колера в мозаике известным итальянским художником мозаичистом Луиджи Маттиоли (1662—1747) было последним усовершенствованием в искусстве мозаики, дававшим возможность точнее воспроизводить живопись, даже в портретах. Под влиянием одного из образцов такой мозаики (вывезенным М. И. Воронцовым портрета из Рима), М. В. Ломоносов стал заниматься мозаикой. Краткие сведения о положении мозаики в России при Ломоносове находятся в статье, помещенной в «Ученых флорентийских ведомостях» за 12 марта 1764 г. (Петров, П. Н.— Краткое обозрение мозаичного дела особенно в России, 1865 г., стр. 38; Билярский, стр. 634—636).

24. По предложению Академии наук, в Академии художеств были разработаны 2 архитектурных проекта памятника Петру I в Петропавловском соборе с четырьмя набросками рисунков («инвенциями»): Штелина, архитектора Шумахера, Дункера и картины Валериани по наброску Штелина (Билярский, стр. 369). Проекты были направлены И. И. Шувалову, как главному директору Академии художеств. Эти проекты до сих пор не разысканы.

25. Два года тянулось утверждение сметы М. В. Ломоносова на мозаичные украшения памятника Петру I. 26 октября 1760 г. конференция (высшее правительственное учреждение при Елизавете) утвердила смету в размере 80 764 руб. (первоначальная смета была рассчитана на 148 682 руб.). Новая смета была прислана в Сенат 8 июня 1761 г.

26. С.-Петербургская Академия Наук по регламенту 1747 г. была переименована в «Академию наук и художеств». При ней происходили «собрания художеств»; первое состоялось 8 июня 1748 г. (Н. Кондаков. Юбилейный справочник Академии художеств, 1864 г., стр. 3. П. Пекарский. История Академии Наук, СПБ, 1873 г. том II, стр. XXVII).

27. Как самостоятельное учреждение, Академия художеств возникла в 1758 г. в Петербурге; за время управления ею И. И. Шувалова (1758—1763) числилась за Московским университетом. (Н. Кондаков.— Юбилейный справочник Академии художеств, 1864 г., стр. 4).

28. Штелин, Яков (1712—1785) профессор «элоквенции» и поэзии при Академии Наук, ее непременный секретарь. Стоял во главе художественного отделения Академии Наук.

29. Шумахер, Иоганн. Якоб (1705—1767) архитектор, преподаватель и член Академии художеств. Брат советника Академии Наук И. Д. Шумахера.

30. Штатс-контора возникла в 1718 г., ведала всеми государственными расходами. Восстановленная в 1730 г. штатс-контора до 1756 г. находилась в Москве, а затем была переведена в Петербург. В Москве осталось ее отделение — Московская штатс-контора. (Памятная книжка Моск. Архива Министерства юстиции, М., 1890, стр.. 76—77).

31. М. В. Ломоносов был произведен в статские советники 15 декабря 1763 г. (ГАФКЭ, ф. Сената, д. № 4/3575, л. 458).

32. Приложения: 1) Описание мозаичной картины «Полтавская баталия», 2) Проект для соборной церкви Петра и Павла. 3) Расположение детальной суммы от определенной на строение мозаичных картин к монументу Петра I и 4) Счет, (см. «Чтения в М. Об. И. и Д.Р.», 1867 г., к 2, стр. 26—32). Кроме того, Ломоносов представил модель Петропавловского собора.

И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове

(Воспоминания С. Г. Щепкиной)

Воспоминания С. Г. Щепкиной — своеобразный документ в обширной мемуарной литературе об И. С. Тургеневе. Их автор одна из многочисленных почитательниц знаменитого писателя. С. Г. Щепкина имела возможность встречаться с Тургеневым в домашней обстановке, наблюдать его образ жизни в последние годы в очень ограниченном кругу близких в селе Спасском-Лутовинове — и она, не мудрствуя лукаво, заносила в дневник свои впечатления, темы бесед с ним, описывала его манеру говорить, одеваться, спорить с друзьями, его оценки по разнообразным вопросам и проч. Женщина она была наблюдательная, с самостоятельными мнениями, с интересами, выходившими за пределы будничного существования матери или хозяйки дома, с умением схватить, наряду с бытовыми мелочами, существенные черты характера. В итоге получились довольно занимательные записки, без которых не обойдется ни один биограф Тургенева.

В самом деле, ряд лиц, которые нередко упоминались в биографических очерках автора «Записок охотника», в его переписке, благодаря запискам С. Г. Щепкиной оживают, наполняются конкретными деталями: таковы, например, Порфирий Тимофеевич Кудряшов, крепостной матери Тургенева, спутник писателя за границей в годы его молодости, Герасичев, которого Тургенев выделил из крестьянских ребят в школе, за успехами которого в занятиях следил годами, часто обращаясь за справками о его судьбе то к управляющему Спасским Капинскому, то к мужу С. Г. Щепкиной, Николаю Александровичу. Любопытный бытовой материал сообщают эти записки для биографии В. П. Тургеневой, матери писателя. Фигура помещика Кротова, одного из типичных представителей помещиков-хищников пореформенной поры, — прототип Колломейцева в романе «Новь», зло, с беспощадной ненавистью, по-салтыковски изображенного в этом последнем социальном романе писателя.

Кое-что в воспоминаниях Щепкиной вызывает сомнение в достоверности сообщенных фактов: напр., стихотворение — Молитва, якобы написанное И. С. Тургеневым и отправленное Н. А. Щепкиным в рукописное собрание Дашкова, известного собирателя автографов. В этом собрании приведенной молитвы не нашлось; можно думать, что чье-то стихотворение было только переписано Тургеневым. Пристрастные оценки семейства Виардо отражали господствовавшее в кругу близких Тургеневу лиц мнение о заброшенности писателя, о незавидных условиях его жизни за границей, мнение, которое не разделяется другими мемуаристами.

С. Г. Щепкина подвергла свои записи в дневнике литературной обработке, при этом она обращалась к различным печатным источникам, дополняя свои воспоминания сведениями из газет, журналов, посвящавших свои страницы тем или иным эпизодам из жизни Тургенева. Но в основном ее мемуары основаны на непосредственных, личных воспоминаниях; они согреты горячей любовью к личности писателя, рисуют благородный образ друга народа, человека при всей своей мягкости умевшего в нужную минуту быть непримиримым

к тому, что считал враждебным благу страны, к людям, которых признавал врагами передовых общественных идеалов его времени (см., напр., рассказ, как И. С. Тургенев дважды отклонил предложение мира со стороны Каткова, роль которого, как редактора реакционных «Московских ведомостей», он считал однородной с деятельностью пресловутого литератора — шпиона Фаддея Булгарина).

Живые зарисовки ряда лиц, которые жили в Спасском, — семья Полонских, которые обращались к Тургеневу по всевозможным делам, — Н. Успенский с дочерью,— и другие бытовые подробности, относящиеся к периоду крепостного права и пореформенной эпохе, придают запискам С. Г. Щепкиной значение документа, который выходит за рамки материала, относящегося только к биографии И. С. Тургенева.

Воспоминания печатаются с небольшими сокращениями, опущены места, не имеющие отношения к И. С. Тургеневу.

Н. Бродский

I. Приезд Ив. Сер. Тургенева летом 1878—1879 гг. к себе в Спасское-Лутовиново, Мценского уезда, Орловской губ.[1]

Имение моей матери — Бастыево находилось в 5-ти верстах от Спасского. Я никогда не думала, чтобы судьба привела меня жить в том самом флигеле, где жил молодым Тургенев, где написал свои «Записки охотника». В 1878 г. в начале апреля, мой муж получил письмо от него из Буживаля-Фрэн на берегу Сены, куда на лето переезжал из Парижа в свою виллу «Chalet», в котором писал, что в мае думает приехать к себе на лето в Спасское. В скором времени приходит от него второе, с обозначением дня его приезда на Мценск, и мой муж выехал его встречать. Предполагая, что с дороги захочет отдохнуть, я ждала к себе Ивана Сергеевича на другой день его приезда, а он пришел в самый день со мною познакомиться. 4 мая утром, в 11 час., сижу себе в детской и кормлю свою малютку, поспешно входит моя горничная с нарядным платьем в руках и просит поскорее выйти в гостинную, где меня ожидают свекровь с Иваном Сергеевичем. От радости, что увижу любимого писателя, сердце сильно забилось, кровь прилила к щекам и без того румяным. Чтобы не заставить себя ждать, сбрасываю белый батистовый капот и, с помощью ловкой девушки быстро одетая, влетаю в гостиную. На встречу поднялся с кресла Иван Сергеевич. Свекровь познакомила и, поздоровавшись, я села возле него. Своим приветливым обращением, не утишив мое внутреннее душевное волнение[2]; такое чувство испытывала давно, в институте на экзаменах. Он не переставал меня распрашивать: из кого состоит моя родная семья, часто ли я с нею вижусь, не скучаю ли в Спасском, чем занимаюсь, как провожу время, люблю ли гулять? «Раньше любила много ходить, теперь время провожу больше в детской»,— ответила я.— «Надо гулять, будемте встречаться в саду и не пугайтесь, если буду стрелять в галок, по старой привычке к охоте».— «Если будете свободны, Иван Сергеевич, заходите вечером к нам чай кушать. Вам буду очень, очень рада».— «Хорошо, с удовольствием»,— сказал он, кланяясь.

К нему обратилась свекровь с каким то вопросом, а я стала всматриваться в его лицо. Высок был ростом, широк в плечах, волнистые, не короткие седые волосы обрамляли крупные черты его одухотворенного лица, а глаза, точно через меру утомленные думами, выражали

---

[1] Материал хранится в ГАФКЭ, инв. № 55. Подготовлен к печати А. С. Латышевой.

[2] Так в подлиннике.

глубокую задумчивость, граничащую со скорбью. Непослушная прядь с косого ряда ниспадала на его большой открытый лоб; над переносьем лежали две дугообразные глубокие складки. Русые усы, широкая борода были тщательно подстрижены. Он был мало похож со всеми мною виденными портретами.

9 мая в именины моего мужа у нас был званный обед, пригласили и Ивана Сергеевича. За столом между прочим он спросил: «Интересно знать, кто у вас приготовлял салат? за границей подается иначе приправленный».— «Пока я еще плохая хозяйка, ответила я,— умею готовить один салат, и сообщила, что в него кладу. Названную пропорцию Тургенев повторил два раза, прибавив: «Чтобы не забыть».

Вскоре и родители мужа пригласили Тургенева к себе на обед. Предполагая, что у них Иван Сергеевич проведет и вечер, поехала в Катушищево (их имение) после обеда. Застала всех в саду. Там гостила молодая хорошенькая свояченица Василия Мак. Самуева, директора Петербургской консерватории, отца будущего артиста Максимова,— Александра Михаил. Литвинова. Моим приездом прерванный разговор [1], она со смехом продолжала рассказ о том, как накануне целый вечер приучала к вежливости брата моего мужа, заставляя его по нескольку раз поднимать с полу клубок, который она, как бы нечаянно роняла, а он отказывался, предоставляя ей остальные разы самой нагибаться. На что Тургенев заметил: «теперешняя молодежь не похожа на прежнюю. В мое время мы одинаково относились предупредительно ко всем дамам, не отличая тех, которые нам больше нравились. Теперь на обращение барышни к кавалеру оказать ей простую услугу, он открещивается такими выражениями, которые положительно режут наши непривычные к этому уши. Помню такой случай: едва одна из барышень выразила желание сорвать водяную лилию, когда мы катались в лодке, я подал ей большой букет и намочил весь рукав, при дружных возгласах одобрения».

Литвинова написала повесть, которую [ей] очень хотелось дать прочесть Ивану Сергеевичу, но не решалась. Когда ему это сообщили, выразил свое согласие и обещание правдиво высказать свое мнение. Прочитавши дома, дал ей совет: писать для себя, но в печать не отдавать.

Зная, что редкий вечер, чтобы я не уезжала к матери в Бастыево, [Тургенев], когда хотел придти провести у нас вечер, часа в 4 присылал своего кривого лакея Захара спросить буду ли дома. С большой радостью оставалась и он приходил пить чай, просиживал до 11 час. вечера. Тургенев ложился спать без ужина.

Обладая хорошей памятью, запоминала все его разговоры и вечером заносила к себе в дневник. Однажды утром Захар сказал моей няне, что Иван Сергеевич всю ночь страдал от ноги,— я подумала, у него начинается приступ подагры. Но вечером этого же дня, сидя в зале за вечерним чаем, услыхала его шаги в передней. Не успела подняться со стула, как медленно, едва ступая, взошел Иван Сергеевич и на поклон няни, у которой на руках была дочь, подошел к ним, взяв малютку за подбородок, на что она ему улыбнулась, а он заметил: «удивительно приветлива ваша Саша».

Видя с каким трудом он подвигается прежде чем поздороваться, я быстро вытащила ногой скамеечку из-под дивана, бросилась в спальню за моим пуховым платком и, когда он опустился на диван, бережно накрыла ему им его больные ноги. «Такой хорошенький платочек, да на мои ноги»,— улыбнувшись сказал он.— «От теплоты этого платка, Иван Сергеевич, боль ваших ног стихнет; таким способом всегда успокаивала больные ноги моего покойного отца»,— ответила

[1] Так в подлиннике.

ему. —«Мне,— продолжал он,— собственно надо было сидеть дома, но так кругом мертво и голо, пришел к вам, чтобы забыться от боли». Пока я наблюдала, чтобы его ноге лежалось покойнее, няня подала ему стакан чаю вместо чайной ложки с дессертной, на что он ей заметил: «Нянюшка, несколько велика». «Ты бы еще в стакан положила столовую,— прибавила я,— зачем не подождала меня, я хотела сама налить чаю Ивану Сергеевичу». Слышу тихо меня останавливает: «Однако вы вспыльчивая, серьезного здесь ничего нет, хотите сами мне наливать чай, с удовольствием выпью второй». Он любил варенье полевой клубники, дома ему Захар подавал всякое на стол в банке, не накладывая в вазы.

Тургенев одевался безукоризненно опрятно. Иногда вместо галстука носил большой белый батистовый бант. По его костюмам видно было, что они заказывались исключительно в дорогих мастерских. К его седым серебристым волосам шел яркий, пестрый, испанский плед, который он накидывал на плечи, когда по утрам заходил меня звать с собой гулять по парку. Окна нашей гостинной приходились против окон спальни Ивана Сергеевича и моя няня призналась, что по утрам отсюда наблюдает, как Иван Сергеевич перед зеркалом расчесывает долго свои волосы различными гребешками и щетками на разные стороны. Я ее ему выдала, но он сказал, что в свою очередь прислушивается к ее беседам с моей Сашей.

Т. забыл привести в деревню какую то пару из своего гардероба, которая ему была необходима. Послал в Мценск Захара за портным. Показал ему свое новое платье и спросил может ли он точь в точь скопировать? Осмотрев внимательно, портной взялся исполнить заказ без малейшей разницы от заграничной, что и действительно в скором времени исполнил. Т. остался очень доволен, удивляясь русской смышленности и обещал ею похвастаться заграницей.

Однажды он принес показать мне тетрадь своей матери, переплетенную в желтый сафьян с бронзовыми уголками и бронзовым медальоном по средине, исписанную ее рукой. За чаем стал выбирать места и читать вслух. В ней несколько раз упоминалось о том, как она, посылая своего повара к повару одной знакомой, заставляла его усвоить особенный способ приготовления сосисок в паровой кастрюле. Закрывши тетрадь, грустно прибавил: «Все прошлое ясно выступает пред глазами, будто происходило вчера, а между тем от покойной матери давно и костей то не осталось».— «А желали бы вы, чтобы то время вернулось?» — спросила я.— «Нет, не желал бы, но еслиб оно могло вернуться,— устроил бы жизнь свою иначе». Хотела спросить дальше, как именно, в чем изменить против сложившейся, но удержали им недавно в этой комнате сказанные слова: — «Стоишь, как перст, а тоска и страх пустого, бесцельного будущего гложет одинокую душу. Кругом голо, мертво, поневоле живешь как улитка, не хочется, не можется жить иначе». Помолчав немного, начал снова: «Ко мне обещала приехать Мария Гавриловна Савина[1], со дня на день жду ее телеграмму».

Я стала вспоминать, как еще 12-летней девочкой видела Савину в Казани, в труппе Медведева. Тогда в ее состав входили будущие знаменитости: Алекс. Павл. Ленский, Лентовский, Стрепетова, Акимова, Медведева, Пиунова, Шмитгоф, Милосковский (остзейский барон Ф.). Особенно молодежь восторгалась ею (Савиной — *ред.*), стройной, хорошенькой. С ней жила ее младшая сестра, умершая вскоре, но со своим мужем Мар. Гавр. была несчастлива, он очень плохо к

[1] Известная драматическая артистка (род. в 1854 г.) с необычайно богатым и разнообразным репертуаром. Первым мужем ее был провинциальный актер Савин.

ней относился.— «Вы не узнаете Мар. Гав.,— возразил Т., — она стала полной, представительной, изменился ее рыбий рот и руки макароны; очень верит моему критическому взгляду и в своих новых ролях обращается за советом». В этот вечер был в хорошем настроении, несколько раз повторял, боится, чтобы не случился приступ подагры в тот день, когда ему надо будет ехать ее встречать на Мценск.

Не прошло и несколько дней после этого как Т. зашел сообщить, что это лето Савина не приедет: — собирается выходить замуж за Всеволожского, но на следующее дала слово непременно быть в Спасском, проездом в Оренбург. «Впрочем,— добавил он,— чтоб я делал, еслиб приехала. От скуки у нее глаза бы выскочили».— «Вы так говорите, Ив. Серг., в сердцах, что не приехала, когда приедет, скажете другое».— «Посмотрим,— ответил он,— на будущее лето приеду надолго в Спасское, у меня будет гостить семья Якова Петровича Полонского [1]. Вас познакомлю, он, жена, дочь, два сына и их репетитор». Но как зовут жену Якова Петровича,— не мог вспомнить; знавал хорошо его первую жену Е. В. Устюжскую, дочь причетника при нашей посольской церкви в Париже (1858 г.), которая очень хорошо играла на рояле, но через полтора года после своей свадьбы умерла и во второй раз Я. П. сравнительно не так давно женился. Его вторая жена, по происхождению б. полька.

С тетрадкой матери Ив. Сер. оставил у меня за чайным столом следующий листок его рукою написанный. Когда ему возвращала, он ответил: «лучше сожгите». После его кончины мой муж вместе со многими письмами от Ив. Серг. передал и этот листок Дашкову в Петербург.

МОЯ МОЛИТВА

О ты, кого хвалить не смею,
Творец всего, спаситель мой!
Но ты, к кому я пламенею
Моим всем...[2] всей душой.
Кто по своей небесной воле
Грехи любовью превозмог,
Приник страдальцев к бедной доле
Как друг и брат, отец и бог.
Кто солнца яркими лучами
Сияет мне в красе денной
И огнезвездными лучами
Горит всегда во тьме ночной
Крушитель зла,— судья верховный,
Кто нас спасает от сетей
И ставит против тьмы греховной
Всю бездну благости своей.
Услышь, христос, мое моленье!
Мой дух собою озари
И сердца бурного волненья
Как зыбь морскую усмири.
Прими меня в свою обитель.
Я блудный сын, ты, отче мой!
И как над Лазарем, спаситель,
О, прослезися надо мной.

[1] Я. П. Полонский (1820—1898), поэт. В 1844 г. окончил университет и выпустил первую книгу стихов «Гаммы», сочувственно встреченную «Отечественными записками». В 1859—1860 г. редактировал «Русское слово». Позже работал цензором.

[2] Пропуск в подлиннике.

Меня не крест мой ужасает:
Страданье верою цветет.
Сам бог кресты нам посылает,
А крест наш — бога нам дает.
Тебе во след итти готовый,
Молю, чтоб дух мой подкрепил,
Хочу носить венец терновый,
Ты сам, христос, его носил.
Но в мрачном, горестном уделе,
Хоть я без ног и без очей,
Еще горит в убитом теле
Пожар бунтующих страстей.

Мы, помещики, жили у себя по деревням под охраной бога. В то время о грабежах, убийствах не помышляли. Правда, держали злых собак, ночных караульщиков, но постороннему лицу проникнуть в усадьбу было не трудно: окна, наружные двери на ночь на замок даже не всегда запирались, а наше Бастыево и совсем было всего в полуверстве от полустанка и в особенности легко было проникнуть с насыпи Моск. Курс. ж. д. в усадьбу. Очень комично однажды Ив. Сер. рассказал про странствующего монаха, просящего на построение храма, который взошел к нему в кабинет из сада. Получив на тарелку монету, с низким поклоном вышел в противоположные двери. Т., не видя по близости своего Захара, встал его проводить, но монах не оборачиваясь, прошел все комнаты без указания, точно бывавший в доме, и скрылся в парке. Т. не запрещал желающим осматривать его дом, усадьбу, и во всякое время почитатели его таланта частенько наезжали в Спасское. Увековечивали свои имена и фамилии, вырезая их на двух, сросшихся между собой, елках, возле большого пруда, названных Ив. Сер. «двумя братьями», посаженными им в своей ранней юности.

Как то за вечерним чаем один знакомый сообщил новость, что наша общая соседка по имению, Кутлех, вышла замуж за часовых дел мастера в Швейцарии. Имея представление о мастеровых и считая этот брак ей неподходящим, я, не стесняясь присутствием сторонника свободной любви, каким был Ив. Серг., стала говорить, что брак в этих случаях скорее приносит несчастье, как брачущимся, так и их будущей семье. Потому что любовь не подвергает коренному изменению свойств простонародной природы в умственном и нравственном отношениях. Когда пыл любви проходит и должен уступать больше места дружбе, различие в привычках, взглядах, семейных традициях резче выступает, о себе быстрее заявляет, тогда начинается постепенное взаимное охлаждение друг к другу и разъединение. Только равный с равным бывает счастлив. А примеры дает нам сама природа: всякая птица чувствует себя чужой в гнезде птицы не ее породы.

Внимательно выслушав меня, Т. стал доказывать, что я сильно ошибаюсь. Он говорил, что прежде всего права сама любовь, никто не может объяснить, как она приходит, куда уходит. Конечно, мужчина способен меньше видоизменяться, но женщина, будь даже простая крестьянка, в своей природе найдет такое богатое разнообразие, что со временем даст полнейший образец всего законченного.— «Ив. Серг., сколько надо десятков лет,— спросила я,— чтоб получился такой образец, когда жизнь сама по себе так коротка? Вы идеализируете крестьянку, а я имела несчастье встретить такую в своей семье, которая при самых благоприятных условиях измениться к лучшему, на корню осталась невоспитанной, грубой, черствой и силой своих отрицательных свойств злой натуры калечит характер близким: мужу, дочери, сыну; в ее доме бьет в глаза мещанское довольство, но для

души получается — чистейший ад с утра до вечера».— «Нет,— возразил он,— поверьте моей опытности, наблюдательности, таких исключений, как вы встретили,— мало». «Не смею вам не верить, Ив. Сер.,— не унималась я,— но если мне отказаться от действительных фактов, то значит — не верить себе». И тут невольно представила себе из избранниц Полину Виардо — полнейший образец всего законченного, не ее ли он предпочел своей крестьянке — Авдотье Ермолаевой [1]. И наконец из его собственной дочери, почему не получилось того, к чему направлены были все его старания? и что составляло предмет его постоянных забот и огорчений [2].

Вынув табакерку из кармана, нюхнул и, понизив голос, сказал: «Эту вещь приобретаю в России и всякий раз, уезжая отсюда, на последней станции отдаю табакерку кондуктору: мои парижские друзья не позволяют мне заниматься этим развлечением». «Как велико ваше внимание к вашим друзьям, Ив. Сер., но с их стороны это эгоистично»,— заметила я.— «Нет,— поправил он меня,— они уверяют, что это меня старит».

Т. намеревался пробыть у себя все лето, но тревожные известия от Виардо [3] из Буживаля его сильно беспокоили. Он сказал, если получит на днях телеграмму, то на другой день уедет из России. Ее болезнь состояла в том, что смачивая нашатырным спиртом свой лоб, она раздражила кожу и вызвала на нем какую то сыпь. Накануне отъезда пришел проститься, обещая приехать к себе в Спасское на все лето с мая месяца. Показал письмо своей однофамилицы Марии Николаевны Тургеневой, в котором она описывала болезненное состояние своей дочери и невозможность ехать на воды по совету доктора. Надеясь на его доброту, просила позволения приехать им обеим в Спасское, провести лето. «Так как я уезжаю,— сказал Ив. Сер.,— ей можно было бы разрешить сюда приехать, но в том только случае, если вы найдете для себя удобным взять их в нахлебники, так как из моей прислуги здесь опять один будет Захар».

У нас был очень хороший повар из Английского клуба и с этой стороны не представлялось затруднения, мы оба согласились. Тогда в голову не пришло, что есть люди сами по себе неделикатные. И я в первый раз в жизни видела, как ведут себя гости в чужом доме, без хозяина. Т. не только им предоставил помещение у себя в доме,— и меня очень удивило, что они выбрали его кабинет,— он любезно разрешил им пользоваться своей библиотекой. Они не столько читали, сколько привели ее в беспорядок. Вместо гулянья и пользования здоровым воздухом, целыми днями сидели у меня, ничем не занимались, чрезмерной говорливостью нарушали весь строй моих домашних занятий. Скучнее этих особ не встречала. Мария Николаевна, в бла-

---

[1] Авдотья Ермолаевна Иванова крепостная девушка, швея, от которой у Тургенева родилась дочь Пелагея или Полина. После рождения ребенка связь Тургенева с А. Е. прекратилась, но Иван Сергеевич материально поддерживал ее, выдавая ей пенсию.

[2] После рождения ребенка Авдотья Ермолаевна осталась жить в Москве, а девочку И. С. перевез в Спасское, но мать Тургенева отказалась взять ребенка к себе и он оказался на руках у одной из крепостных прачек. Узнав об этом, И. С. отвез дочь в Париж и поместил ее в семье Виардо, где она воспитывалась вместе с ее дочерьми.Она вышла замуж за владельца стекольной фабрики — Брюэра, который впоследствии разорился и растратил приданое своей жены, данное ей И. С. Намек, сделанный Щепкиной, относится к тем годам, когда дочь Тургенева, уже выросшая, вследствие своего неуравновешенного характера, не смогла ужиться в семье Виардо и И. С. должен был поселить ее отдельно с гувернанткой — англичанкой.

[3] Виардо Полина, знаменитая певица и автор многих музыкальных произведений; родилась в Париже в 1821 г., дочь певца Гарсиа. Известна многолетняя дружба, соединявшая И. С. Тургенева с Виардо и ее мужем.

годарность за проведенное лето, послала Т. за границу ковер букетами, сработанный ею из шерстяных и бархатных лоскутков.

Свекровь от кого то узнала ее биографию. Молодой девушкой М. Н. попала гувернанткой в дом княгини Голицыной. Сошлась с самим князем и когда их связь сделалась известной княгине, она отказала ей от дома. Князь поместил ее на квартиру, обставил ее жизнь спокойно, удобно и у нее вскоре родилась эта самая дочь. При его жизни они жили в довольстве, но с его смертью Мар. Ник. должна была брать гимназистов в нахлебники. Интереснее всего, при приезде в Спасское, рекомендовалась мне однофамилицей Ив. Сер., а после его смерти я прочла в «Орловских ведомостях», что в 25-летнюю его годовщину, они обе оказались не только его родней, но и близкими приятельницами, которых при своей жизни Ив. Сер. ни разу не видал.

Всегда Ив. Сер. очень скромно касался своих литературных успехов. Так в 1878 г. во время Парижской всемирной выставки на литературном конгрессе, представители всех европейских литератур единогласно избрали его президентом одного из отделений конгресса. В этом же году он был в Лондоне, получил от Оксфордского университета почетный диплом доктора обычного права, как писатель, доказавший своими сочинениями полное знание нравов и обычаев русского народа. Юмористически рассказал, как на него надевали костюм ученого — тогу и особенную шапку. В феврале месяце 1879 г. ученые и литераторы устроили ему сначала в Москве, а потом в Петербурге торжественный обед. Прием ему был сделан в Московском университете, в заседании общества Любителей российской словесности. Мой муж был в это время в Москве и писал мне, что Ив. Сер. от радостного волнения даже прихворнул. Московские актрисы поднесли ему хлеб соль на большом подносе, который был украшен различными гирляндами из цветов, в средине лежали разные фрукты, а вниз спускались различных цветов ленты, на которых были отпечатаны все названия его сочинений. Т. тронут был радушным приемом, пробыл в столице 2 недели, прежде никогда столько времени он не жил в Москве, и редкий час проходил, чтобы кто-нибудь у него не был.

В 1876 г. Ив. Сер. очень нравилась Юлия Петровна Вревская, рожденная Бахметьева[1], муж которой барон Вревский служил на Кавказе при Михаиле Николаевиче и командовал 2-й Кавказской дивизией. Я была близко знакома и пользовалась сердечным расположением Марьи Андреевны фон-Гейзер, которая сначала была замужем за вторым сыном генерала Вревского, но с ним потом разошлась. От нее не раз слышала, как Юлия Петровна, влюбившись в одного офицера, в турецкую войну 1877 г. ушла сестрой милосердия в Болгарию, где в разоренной деревушке, в ужасной обстановке, без помощи, на рогожке скончалась от сыпного тифа. Ее увлечение офицером едва ли было известно Ив. Сер. Не к ней ли были отнесены, сказанные им однажды, следующие слова. «Ничто не может быть хуже и обиднее слишком поздно пришедшего счастья». А в одном из последних его сочинений («Порог, или разговор судьбы с русской девушкой») какой привлекательный образ русской женщины дал он. Глубокую признательность испытываешь к нему за его чистые понятия о женщине — человеке, их не исказил, но сохранил до могилы через всю свою долгую жизнь.

После 1 марта 1881 г.— убийства Александра II, в Спасском между крестьянами упорно ходили две легенды об Ив. Сер.— что приезд его

[1] См. письма И. С. Тургенева к Ю. П. Вревской в сб. Н. Л. Бродский, И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах. 1924.

на родину в Россию больше не состоится, так как русское правительство надело ему на голову и плечи деревянную колодку и приковало к стулу.

Другая — что государь приказал замуровать его в каменный столб и на голову надеть 12 фн. чугунную шапку. Услыхав это, Т. искренно, от души смеялся.

II. Приезд Ивана Сергеевича Тургенева летом 1880 г. к себе в Спасское-Лутовиново.

Т. исполнил свое намерение, приехал рано в Спасское, в начале мая, посетил сначала Л. Н. Толстого в его имении «Ясная Поляна», 26 мая назначено было в Москве открытие памятника Пушкину, но как раз в этот день скончалась государыня Мария Александровна и оно перенесено было на 6 июня 1880 г. К этому торжеству Тургенев приготовил речь и просил мужа указать кого-нибудь, кто бы мог переписать ее на бело. Я с удовольствием предложила исполнить это, но, ввиду моих близких родов, Ив. Сер. ни за что не согласился дать. «В вашем положении совсем не годится долго писать» — сказал он.

О готовящихся торжествах его подробно уже известили. Искренно выражал свою радость, насколько сильно его трогают известия, будто русская молодежь ждет с нетерпением его приезда в Москву. Останавливаясь всегда у своего старинного приятеля Ивана Ильича Маслова, управляющего уделами (крест. отца моей золовки Марии Ал. Щепкиной), Т. встречался там с консерваторками, которые приходили в гости большой компанией к своему усердному покровителю, угощавшему их всегда конфектами. «Между прочим, одна из них,— рассказывал Т.,— очень хорошенькая, мне сделала выговор: «Вы нас, русских, совсем забыли, безвыездно живете за-границей, проживаете наши русские деньги».— «Помилуйте,— возразил я ей,— я проживаю свои».— «Нет,— настаивала она,— наши русские».— «Но мне не приходилось слышать до сих пор от молодежи желания, чтобы я жил в России,— возразил я ей».— «В этот ваш приезд в Москву, вы увидите, как мы единодушно этого желаем».— «Жаль, забыл ее фамилию, очень хорошенькая. Проводив ее, подошел к окну и еще раз посмотрел, как она проходила с одного тротуара на другой. У меня перебывало в этот приезд много дам, все старались выразить мне свое расположение, меня это радовало, утешало, видел, что молодежь простила мне «Отцов и детей», мною честно воспроизведенного типа Базарова».

Много гостей перебывало у Т. в Спасском за это время. Названную им «маленькой писательницей» С. А. Лодыжинскую, он встретил как собрата по перу, обнял и поцеловал. Л. Н. Толстой приезжал с тульским вице-губернатором князем Леонидом Дмитр. Урусовым, женатым на Мальцевой.

Побывал в Спасском Григорович[1]. По поводу получения им недавно какого то ордена, за обедом Ив. Сер. поздравил его шампанским, на что Григорович заметил, что подобным наградам не придает значения.— «В таком случае,— возразил ему Т.,— с твоей стороны было бы справедливее его не принимать, а просто возвратить в капитул орденов».— «Да, но это бы равнялось сидению в тюрьме, что, согласись, в мои годы не особенно заманчиво».— «Ежели ты принял награду,— не унимался Ив. Сер.,— стало быть доволен и надо молчать». Между ними была давнишняя дружба, но ни Т., ни другие его приятели никогда не бывали у Григоровича на квартире, даже не знали,

[1] Григорович Д. В. (1822—1899) известный беллетрист. По его мысли в 1870 г. при «О-ве поощрения искусства» был основан «музей прикладного искусства», заведующим которого он был до конца жизни.

где имел таковую. Знакомых, незнакомых, всех, кто имел до него какое либо дело, Григорович принимал в Академии художеств.

Т. утверждает, что французская кровь матери била ключом в Григоровиче[1]. Красивый, щеголеватый старик, с хитрыми, смеющимися глазами, в английских, клетчатых панталонах, в неизменном синем с крапинками галстуке, повязанном бабочкой.

Об его оригинальной женитьбе Ив. Сер. рассказал следующее: «В один из моих приездов в Петербург, Григорович просил меня присутствовать при его венчании в Исакиевском соборе, в такой то день и час. «На ком ты женишься?,— спросил я его,— мне, как твоему товарищу, следует привезти твоей невесте цветы, конфекты или что-нибудь в этом роде».— «Знаешь,— ответил он,— в мои годы пора иметь хорошую хозяйку в доме, которая заботилась бы о здоровом столе. Я люблю птиц, уток, гусей, их то она и будет таскать мне с базара, а вместо букетов цветов привези ей фунт конфект». «К назначенному часу венчания,— продолжал Т.— надел сюртук, белый галстук и отправился в Исакиев собор. Приезжаю, обхожу приделы, везде темнота, тут я и задумался. Да в этой ли еще церкви назначено его венчание? может перепутал. Спрашиваю сторожа, ведет в боковой придел, где, при освещении одного большого подсвечника, перед аналоем стояла скромно одетая невеста, а жених навстречу мне вышел из алтаря. После венчания поздравил молодых, вручил новобрачной конфект и вот Григорович — женат».

Из всех приезжавших в гости к Т.. был не принят им один очень состоятельный чернский помещик — Кретов. Тур. сослался на свое нездоровье, а вечером рассказал про него следующее: «Еще молодым Кретов сначала был в хороших отношениях с одним общим знакомым Т., но впоследствии рассорились и много лет считались врагами. Кретов всегда слыл за грубого, злого, неприятного человека в обществе. Однажды заболел безнадежно враг Кретова и пожелал с ним примириться. Послал ему письмо, прося приехать, объяснил в вежливых выражениях, что, будучи при смерти, лишен возможности сам это сделать. Кретов ему ответил, что согласен на мировую, но с условием, чтобы больной поцеловал его руку»— и как вы думаете? Этот мерзавец допустил приложиться умирающего к своей подлой руке. Действительно он вскоре умер, но я не забуду Кретова, не могу заставить себя его принять». В незлобивом сердце Ивана Сергеевича такой редкий случай запечатлелся навсегда, если с таким негодованием вспомнил о нем много, много лет спустя. Кретов слыл в уезде за помещика-кулака, на обухе рожь молотил и всем чем можно, теснил своих крестьян. Раздавая деньги и хлеб в долг, заставлял оплачивать бесконечными процентами. Средства нажил большие. Когда Кретов умер, крестьяне отказались даром нести его до могилы.— явление редкое в то время в деревне, и, спуская его в могилу, несли ему проклятия, при нем ржаной хлеб им обходился дороже пшеничного.

* * *

19 мая у меня родилась дочь Елена. Свекровь мне сказала, что они оба с мужем просили Ив. Сер. ее крестить. Моя младшая сестра пожелала быть ее крестной. Крестины назначены были на другой день после обеда. Во время таинства я молила усердно бога благословить малютку мою своими дарами, чтобы из нее вышла современем в лучшем смысле слова русская женщина. Когда сестра вошла ко мне в спальню со своей крестницей на руках, ее сопровождал Ив. Сер. с бокалом шампанского.

[1] Мать Григоровича была француженка, дочь казненного в эпоху революции роялиста де Вармон.

Ив. Сер. сел на стул возле кровати, поздравил меня и сказал, что вместе с Толстым справлялись о моей болезни. Радуется благополучному ее окончанию, желает вырастить на радость его крестницу, что он только двух крестил в своей жизни, давно у Белинского, но ребенок умер. Когда я взволнованная от души его благодарила, он остановил словами: «в данную минуту вам вредны разговоры. Бог даст вы скоро поправитесь, приедут Полонские, познакомитесь, проведем вместе хорошо лето». Поднявшись стал прощаться, его пригласили в гостинную пить шоколад. Сестра Маша подсела к нему на диван; он, чокаясь с ней шампанским, улыбаясь, обратился к священнику с вопросом: «А что, если бы вдруг Мария Георгиевна согласилась пойти за меня замуж, как по закону церкви, можно ли было бы мне жениться на моей куме?». Священник ответил: в Православной церкви такой брак не разрешается. За крестины, как кум, Ив. Сер. в отдельных конвертах отдал деньги священнику, дьякону и дьячку. По воскресеньям Ив. Сер. хаживал к себе в деревенскую церковь и становился не на возвышенном месте, а впереди между крестьянами.

Это лето, уезжая за-границу, Ив. Сер. спросил моего мужа, провожавшего его в коляске на Мценск: «Какой камень больше всего нравится Софье Георгиевне». Сразу не сообразив к чему клонится этот вопрос, мой муж просто ответил: «наверное бриллиант». Тогда Т. сказал: «по русскому обычаю мне, как своей куме, хочется ей привезти подарок из-за границы».

Вернувшись домой, Н. А. передал мне этот разговор и стало прямо совестно. «Ты сам,— сказала я ему,— ни разу не полюбопытствовал спросить, какой камень мне больше нравится и вдруг назвал Ив. Сер. самый ценный, как тебе не стыдно!». Поправить сделанную ошибку было поздно, как ни комичен был данный ответ, все таки я надеялась, что до будущего лета далеко и Тург. может забыть свое желание.

III. Приезд Якова Петровича Полонского с семьей в 1881 г. в Спасское и последний Ивана Сергеевича к себе в имение.

В одно из воскресений зашла я из церкви к Ивану Серг. и, раздвинувши голубую портьеру гостинной, увидала его шедшего ко мне навстречу в обтянутой заграничной куртке желтовато-черной с мысом сзади над панталонами, обрисовывающей его плотную фигуру. Быстро промелькнула мысль, может шел переменить свой утренний костюм, но повстречался со мной. Поздоровавшись и не выпуская моей руки, повел вглубь гостиной, где на диване сидела дама в большом теплом платке, а возле нее на кресле мужчина в такой же куртке, как у Ив. Сер., только черной. Это были Яков Петр. Полонский с своей женой Жозефиной Антоновной (рожд. Рюльман). Вскоре с шумом, весельем вбежали их дети: Наташа — дочь, сыновья — Аля и Боря, сопровождаемые типичным евреем — репетитором Коцыным. Яков. Петр. высокого роста, с небольшими карими глазами, везде похож на своих фотографических карточках. Жозефина Антон. среднего роста, с желто-матовым цветом лица, темными глазами и волосами. Говорила медленно, будто подыскивая слова, выражения. Безукоризненно сшитое черное платье красиво облегало ее стройную фигуру. Позднее, при частых свиданиях, я заметила, до полного ее туалета, лицо выглядело скорее нездоровым и она казалась не такой интересной. Перезнакомившись, молодежь также быстро скрылась, как и влетела и мы все сели вокруг стола.

Началась интересная беседа, сначала о современных событиях, потом перешли и на отдаленные воспоминания маститые писатели. Ив. Сер. вспоминал о дружбе с Герценом. Огаревым и др. бойцами за

освобождение от внешних и внутренних врагов России избиением до последнего.

Соучастники открытия памятника Пушкину с увлечением сообщали эпизоды о трехдневных празднествах в зале дворянского собрания. При самом разностороннем образовании, Ив. Серг. был удивительно скромным человеком. В тех случаях, где надо было рассказать, как восторженно русское общество, в лице своих представителей, венчало его лаврами, как самого достойного из современных преемников Пушкина, рассказывал Полонский. Останавливая при этом своего друга, Ив. Сер. переходил на другой предмет. «Когда университет,— начал Як. Петр.,— выбрал его в свои почетные члены и он встал, низко склоняя свою седую голову, принять это почетное звание, нескончаемый восторг охватил многотысячную толпу, заглушил слова министра народного просвещения, тогда Сабуров[1] предпочел за лучшее горячо обнять Ив. Сер. за всех нас, русских и за каждого в отдельности». «Я то, я то,— перебил его Т.,— встал сказать на память: «Последнюю тучку рассеянной бури» и следующий стих забыл, мне стали подсказывать из публики и все таки один, без нее, не смог их продекламировать!» — «Что же ты не доканчиваешь,— спросил Полонский,— какое восторженное волнение охватило при этом публику».— Задумавшись, Т. сказал и лицо его приняло грустное выражение: «Даже в это незабвенное для меня время, я не мог примириться с Катковым[2]. Помнишь, когда он до двух раз протягивал мне свой бокал, чтобы чокнуться; угнетала неотвязная мысль: «я старый воробей и шампанским меня не обманешь». И часто потом оба писателя возвращались к воспоминаниям славных пушкинских торжеств. У подножия памятника стояли и произносили речи: Чаев, Достоевский, Аксаков. Первая речь была Н. А. Чаева, как председателя Общества любителей российской словесности. В то время он заведывал худож. и репертурной частью имп. московск. театров; был археолог, поэт, романист, драматург (особенно хороша была в его «Свекрови» — Стрепетова). Вторая знаменитая речь — Фед. Мих. Достоевского. Третья — И. С. Аксакова.

Ив. Сер. не забыл о своем желании сделать мне, как своей куме, подарок и привез из Москвы от Хлебникова массивную, золотую цепь — браслет с двумя крупными шариками, перетягивающими друг друга на меньшей цепочке. В то время очень модный, под названием «Плевна и Карс». Моему мужу подарил портсигар, на матовой крышке которого была изображена художественно русская тройка. Свой подарок передал мне через Н. А. утром и, когда увидавши, его благодарила, он спросил: «понравился ли мне браслет?», при этом обратился к Ж. А., здесь находившейся, со следующими словами: «Из посторонних у меня одна кума, Софья Георг., крестил еще у Белинского, но их давно нет в живых. Еще крестил свою внучку в 1872 г. 17 июля, тогда я жил в St. Valery sur Somme. Моя дочь родила девочку и я первый раз сделался дедушкой».

Полонский был очень мягкий, добрый человек, большой мечтатель. Бывало среди вечернего чая выйдет из-за стола, прислонится спиной к стене, поднимет высоко голову, точно где то парит, иногда вслух декламируя стихи, частенько вставляя невпопад слова в общий раз-

---

[1] Сабуров Андр. Александр. (род. в 1838 г.). С 1880 г. по 1881 г. управлял министерством народного просвещения. В. 1899 г. был назначен членом Государственного совета.

[2] Катков М. Н. (1818—1887) — реакционный публицист 60—80-х годов. В 1851 г. был редактором «Московских ведомостей»; с 1856 г. издавал «Русский вестник». Вел борьбу против рев.-дем. взглядов Чернышевского и Добролюбова, а также против всей демократической журналистики, в лице «Современника», позднее «Русского слова».

говор, отчего казался рассеянным. Однажды он откровенно признался Т., что завидует его обеспеченному положению: «Оно делает тебя свободным, ты пишешь по вдохновению, я по заказу».— «Скажи пожалуйста, начал Т.,— хотел тебя спросить: каким образом ты, не зная новых языков, занимаешь место цензора в отделе иностранной литературы?» — «Очень просто,— ответил Полонский,— по всей книге ищу слово szar и где его найду, перевожу со словарем, ничего, выходит благополучно. За то помню до сих пор латинский язык»,— и стал декламировать стихи Демосфена, но ошибся и Т. его поправил. Он был членом совета в комитете по изданию книг и выпускал в свет отдельными изданиями сборники своих стихотворений и романы.

Яков Петр. все лето писал виды с Спасского масляными красками. Его частенько можно было встретить в красивых уголках парка, сидящим под громадным дождевым зонтом от солнца за мольбертом в своей черной куртке. С какой любовью и скоростью писал он небольшие пейзажи, думалось, живопись была его врожденным талантом. Все эти пейзажи он подарил Т., который увез их с собой заграницу. После смерти Ив. Сер., Жоз. Ант. письменно обращалась к Виардо, прося ей возвратить картины мужа, но получила отказ. Но портрет Ив. Сер. у него не удался во всех отношениях. Я откровенно о нем высказалась, когда мне показал его Ив. Сер. На небольшом куске полотна, глубоко погрузившись в своем диване-самосоне, выставив колесом свои огромные, толстые ноги, на заднем плане виднелась его седая голова, совсем непохожая с оригиналом. Да и сидеть в такой позе можно только в наказанье.

Дети Полонских были красивые, выдержанные. Ив. Сер. рассказывал им иногда сказки, которые Як. Пет. издал после смерти Т., в «Ниве». Наташа любила собирать крестьянских детей, вместе бегали по парку, устраивали различные игры, она одаривала их лентами, орехами, пряниками. У младшего Бориса была привычка гримасничать. Как его не останавливали, не слушался. Т. предложил родителям собственноручно высечь его в своем кабинете. Когда это сделал, Боря перестал кривляться. «Еслиб на торжествах Пушкина, кто нибудь узнал, что я противник всякого насилия и крепостничества, взялся в XIX ст. за розги — не поверил бы, а подумал: Тургенев сошел с ума. Нас в старину пороли и даже очень больно, но не плохими людьми мы вышли»,— добавлял он.

Наконец пришла телеграмма от М. Г. Савиной, в которой она извещала о дне своего приезда к нему в Спасское. Т. очень обрадовался. Просил Ж. А. съездить с ним вместе в Орел, помочь ему купить все принадлежности дамского туалетного стола и некоторую мебель в ее комнату. Когда вернулись оттуда, Т. выражал удивление, как дешево ему обошлись все покупки, около 600 р. «В Париже,— добавил он,— мне приходится иногда сопровождать моих друзей по магазинам, эти поездки мне стоят много дороже»,— и, как бы вскользь добавил: «я не избалован вниманием к себе». По неволе сорвавшемуся восклицанию можно было предположить, как относились к нему его заграничные друзья. Все, что было им куплено для Савиной, она, при своем отъезде из Спасского, взяла с собой.

Т. сам ездил встречать Савину в Мценск на станцию и в этот же день вечером оба были в церкви у вечерни, она служила молебен о своем будущем бракосочетании со Всеволожским. Для нее на другой день Т. устроил деревенский праздник. Вся деревня мужиков, баб и девок собрались к балкону большого дома, плясали, пели песни, водили хороводы. Марья Гавр. с платочком в руке, помахивая по бабьи, прошлась по балкону. Ив. Сер. держал ее за талию, покружился с нею, а внизу на земле глядели на них крестьяне. Мужикам Захар

подносил булки, колбасу и водку, женщинам деревенские лакомства, пряники, орехи, подсолнухи. Подарил им на сруб десятину лесу, что делал почти каждый свой приезд в Спасское. Но его крестьяне не жили зажиточнее других деревень, также пьянствовали в базарные дни во Мценске и у себя в деревне, в кабаке.

Гуляя по парку Т. частенько брал с собою кружку, чтобы напиться воды из колодца Варнавицкого пруда, находя ее очень вкусной. На этом самом пруду для М. Г. Савиной была поставлена будка с подмостками, она в морском костюме хотела показать себя, спускающейся в воду. Когда поданы были к крыльцу дрожки-кукушка и они вчетвером усаживались, чтобы туда ехать, Ив. Сер. как любезный хозяин, садился последним, лошадь сразу дернула, он не удержался — упал. Все смеялись, мне просто стало стыдно за всех, я ушла к себе. Во время купанья Савиной на противоположной стороне пруда, случайно, проходил мимо немой кузнец. Увидав собравшихся господ, остановился посмотреть, что они делают. Не понимая, в чем дело, вперив удивленные глаза, расположился было прилечь на животе на траву для дальнейших наблюдений, как первым его заметил Т. и, поняв намерение, стал грозить ему своей палкой, чтобы уходил прочь. Испугавшись, кузнец со всех ног бросился улепетывать. Когда Т. за вечерним чаем воспроизводил этот эпизод, я спросила, почему ему не позволили смотреть! Все равно люди будут говорить об этом происшествии.— «На пруду могу запретить ему смотреть,— ответил Т.,— а между собой разбирать господ запретить не имею права». С ним в душе не согласилась: слуги первые свидетели нашей домашней жизни, не все ли равно их развращать грубым, или утонченным способом? Своим русским юмором настоящим образом разберут, что видят.

Случаи холерины чаще и чаще повторялись на деревне, студент медик, еврей Коцын, занялся лечением крестьян и Т. радовался, что лечение шло успешно.

За всем имуществом в доме Т. присматривал его лакей Захар, которому было сдано по описи на руки и оно сохранялось в целости, в деньгах же и провизии он был не особенно честен. Полонская, будучи приглашена со своей семьей на лето, чтобы не дать возможности производить большой траты, пожеляла войти в роль хозяйки, заказывала кушанья, составляла реестры покупкам различных продуктов для стола. Это нравилось Т. и он называл ее своей хозяюшкой. Он очень любил гречневую кашу, для него она подавалась к обеду каждый день в маленьком горшечке: «За границей нет русских гречневых круп»,— говаривал он. Квасу не употреблял, пил красное вино. Привезенный им из-за границы целый боченок был разлит по бутылкам. Ж. А. умела готовить хорошо. Однажды повар Т. напился пьян и не мог приготовить обед, Я. П. сказал своей жене: «Ты большая мастерица, состряпай нам обед!» — Видя, что это занятие ей надоело, я предложила свою повариху, добавив: «при всем мастерстве летом возле плиты неприятно готовить». В Москве Ив. Сер. приобрел себе пианино. Как то вечером захватив с собой ноты, отправилась к Ж. А. петь В большой, незаставленной зале пелось легко, свободно. Прощаясь, Полонская мне сказала: «жаль вы пели без Ив. Сер. Он поехал в Мценск провожать М. Г. Савину». Я почти бросила пение, меня соблазнило хорошее пианино, при Т. не решилась бы петь, он так избалован пением знаменитостей. Т. вернувшись домой, зашел ко мне утром и первые его слова были: «однако какая вы скромная, Ж. А. сообщила приятную новость, вы поете, а я до сих пор этого не знал, доставьте мне удовольствие, спойте что нибудь при мне».— «У меня не хватит храбрости петь при вас, Ив. Сер., вы переслушали все знаменитости европейские», ответила я.— «Будь по вашему, пускай всех переслушал, но вам разве не интересно узнать мое мнение о вашем

голосе, пении; лучше петь тому, кто понимает пение, нежели, кто просто слушает!» — «Если вы скажете мне искренно ваше мнение, я наберусь храбрости, приду к вам петь».— «Хорошо, буду ждать, не забудьте».

Дома у меня еще не было ни рояля, ни пианино. Вскоре ко мне приехала моя сестра, я захватила ноты и обе пошли к Полонским. Поздоровавшись со всеми и, увидев в руках ноты, Т. обратился к молодежи и сказал: «Когда Софья Георг. будет петь, прошу не разговаривать». Я подошла к пианино, назвала романсы, которые собралась петь и, забыв все, отдалась любимому пению. Внимательно прослушал Т. и попросил повторить: «Прошу вас птички об одном»; «Помолись, милый друг за меня»; «Отворите мне темницу». Закрыв крышку пианино, направилась к чайному столу, вокруг которого сидело все общество. Ив. Сер. встал мне навстречу, взял за обе руки, крепко пожал, поблагодарил и сказал: «Какой у вас чистый, сильный голос, оставляйте ваших малюток бабушкам и непременно уезжайте в Москву».— «Вы затронули мое больное место, Ив. Сер., еще в институте итальянец учитель пения хвалил мой голос, мне самой потом очень хотелось поступить в консерваторию, но родители не отпустили одну, боялись, чтобы новые веяния не увлекли меня в политику, Любя их, не решилась итти наперекор, дома в деревне занималась с матерью». — «Жаль, очень жаль, ну хорошо, теперь вы свободны, просите Н. А. вас отпустить в консерваторию, я тоже стану его уговаривать, грех пренебрегать таким голосом. Заграницей вырабатываются небольшие голоса, а у русских пропадают бесследно большие. Помню у Мордвиновых мне пришлось прослушать одну особу, голос которой обещал сделаться замечательным, но она вышла замуж, поселилась в деревне, занялась детьми, хозяйством. Позднее опять встретился с ней, напомнил о ее голосе, попросил спеть, сделала большие глаза, да еще спросила, когда это было? Вот и вы, пренебрегаете даром, данным вам богом, непременно послушайте меня, бросьте все, займитесь вашим голосом, идите в консерваторию. Ваш голос мне напомнил голос любимой ученицы г. Виардо Аглаи Оргени из Германии. Вот г. Виардо не только дает уроки пения, но до сих пор сама поет».—

«Скажи, пожалуйста, откровенно,— прервал его Полонский,— в настоящее время Виардо не таким ли образом поет?» — и взявши со стула мирно спавшую возле кошку, перевернул ее за хвост вниз головой; она громко закричала. Ив. Сер. внимательно осмотрел Полонского при этих словах и ничего ему не отвечая, продолжал начатый разговор. «В новом доме, в котором, конечно, я не живу, устроил театр, там ставятся очень интересные оратории; г. Виардо в них участвует и прежде чем совсем оставить пение, должна создать роль Магдалины, в очень красивой оратории Массэнэ. Я люблю музыку, но пение такой дар, с которым ничто в мире не сравнится, им выражается вся глубина души. Вот Лист замечательный композитор, я его люблю».— «Положим,— перебил его снова Полонский,— ты Листа любишь потому, что его любит Виардо». И на эти слова Т. ничего не возразил, будто к нему не относились, а продолжал: «да разве Лист даст то наслаждение, какое получалось от пения,... хотя бы Патти»...—

После вопросов Я. Пет. Т. больше не упоминал Виардо, а мне так хотелось спросить подробнее об ее голосе, преподавании, ведь первый раз упомянул ее фамилию.

Вскоре по экстренному письму Виардо, Ив. Сер. быстро собрался заграницу, прося Полонских остаться у него до окончания лета, пользоваться всеми удобствами, как и при нем; поручил их заботам и вниманию моего мужа. Никому из нас не пришло тогда в голову, что последний раз все мы видим Ив. Сер. и в свое Спасское он больше никогда не приедет. Стали время от времени приходить тревожные из-

вестия о его нездоровьи. Ж. А. ему написала,— едет за ним ухаживать и ждала с нетерпением его согласия, но пришел настойчивый ответ, что если хочет сохранить добрые отношения, чтобы не приезжала к нему заграницу, обещая на будущий год приехать рано в Спасское, чтобы вместе проводить лето. Она меня уверяла, если бы Т. оставался у себя до конца лета в Спасском,— переселился бы навсегда из-заграницы. Я доказывала обратное. Прожив в любимой семье Виардо полстолетия и больше, разве мог бы он перед смертью порвать свою вековую привязанность? Я спросила ее: «кто может ему здесь в России заменить все то, к чему он привык у себя в Буживале»? Она гордо откинула голову и уверенно сказала: «Моя семья; на будущее лето мы сюда снова приедем и я вам это докажу».— «Он старик;— не унималась я,— в эти годы трудно свыкаться, и с той семьей совсем породнился, но во всяком случае, Ж. А., если успеете задуманное осуществить, мы русские, будем этому очень рады». Я осталась при своем убеждении, Т. никогда бы не променял ни на кого свою Виардо, Ж. А. дала большую свободу своему тщеславию и простым светским отношениям внимательного, гостеприимного хозяина придала свое значение.

IV. Пребывание семьи Полонского в 1882 г. в Спасском без Ивана Серг. Тургенева.

Зимой Ив. Сер. писал моему мужу, что на лето приезжает опять к нему в Спасское семья Полонских и он тоже, если будет чувствовать себя лучше. Полонские приехали рано с братьями Гаршиными...

Опишу братьев Гаршиных. Всеволод Михайлович[1] только что начинал свою литературную карьеру. Стройный, с мягкими женственными манерами, темной, красивой шевелюрой, матовым цветом лица, большими. темными бархатными, но грустными глазами, своим наружным видом производил хорошее впечатление. Если б я была художницей, изобразила бы его пророком не карающим и грозным, а милосердным, призывающим людей опомниться, проснуться, восстановить свое божеское подобие. Брат его, Евгений Михайлович[2], состоял корреспондентом петербургских газет. Ростом был ниже В. М., румяный, острый взгляд его темных глаз заставлял предполагать в нем подвижную, энергичную натуру. Всев. Мих. в это время был женихом одной курсистки; позднее я слышала, будто и Е. М. женился на ее сестре.

Как то за чайным столом В. М. прочел вслух газетные известия об общем с Полонским знакомом, сообщавшие о его сумасшествии и от себя сказал: «Не хуже того, как 3 года тому назад обо мне тоже проскочила подобная утка, что я даже сижу в доме умалишенных. А я в это время преспокойно писал рассказы в одном глухом местечке». При этих словах я заметила некоторое замешательство у Е. М. и, когда он остался один со мной, рассказал про брата следующее. Действительно 3 года тому назад, его все родные были напуганы неожиданным исчезновением из дома и, когда полицейские старания не привели к обнаружению места его нахождения, Ев. Мих. в платье крестьянина отправился на розыски брата по городам России и, где

[1] Гаршин В. М. (1855—1888) — выдающийся писатель конца 70-х — начала 80-х годов. Уже с гимназической поры страдал повторяющимися припадками душевного расстройства, приводившими его несколько раз в психиатрические лечебницы. Не будучи сам революционером, очень чутко отражал в своих произведениях настроения революционной интеллигенции.

[2] Гаршин Е. М. (род. 1860) — писатель. С 1884 г. был преподавателем в петербургских гимназиях. В 1892 г. был издателем журнала «Русское богатство». Автор многочисленных статей по историко-литературным и археологическим вопросам.

не ожидал, нашел его в отдаленном городишке больным, душевно расстроенным. После этого принужден был поместить брата в психиатрическую лечебницу, откуда, поправившись, вышел, не помня, не сознавая, где находился, чем хворал. Да и теперь они все не уверены, что он вполне здоров и просил меня виду не подавать, что знаю о его предрасположении к несчастной болезни, перешедшей по наследственности.

В начале лета Т. письмами не переставал поддерживать надежду на свой скорый приезд в Спасское. Полонская, видя, что она не сбывается, задумала съездить к нему в Буживаль и послала письмо, прося его скорее ответить. Все твердила, непременно успеет переселить его в Россию и в его кабинете мне бросила однажды такую фразу: «Эта комната останется навсегда мне памятной».— «Почему же не все Спасское вместе с Т.?»,— переспросила ее, смеясь.

Вскоре пришло ей решительное письмо от Ив. Сер. Если хочет остаться в дружеских с ним отношениях, чтобы не приезжала к нему заграницу. Одновременно ее осведомила М. Г. Савина, навестившая Т. в Буживале, что он не только в семье Виардо не пользуется к себе вниманием, но вся его домашняя обстановка крайне непривлекательна, неудобна для него самого, как больного человека и видно, он очень стесняется, когда его посещают русские. Ж. А., наконец, убедилась, что лето будут проводить без хозяина дома. Усерднее занялась хозяйством, рассказывала, как в письмах ее называет «замечательной хозяюшкой». Сад был передан ей из арендного содержания, к нему наняли двух караульщиков. Вместо того, чтобы сдать его съемщикам, как практикуется в наших краях, стала распродавать яблоки домашним способом. Чтобы определить количество всех яблок на деревах, просила меня вместе с ними обойти сад и на глаз помочь высчитать, сколько всех четвертей яблок может с него получиться? Двое Гаршиных, она, я, совсем не принимавшая никакого участия в хозяйстве Спасского, мы подходили к каждому дереву, вертели по нем головами, глазами, мысленно переводя яблоки на меру, насчитали громадное число, которого не оказалось в продаже. Мы вчетвером оказались куда менее опытными одной свекрови, матери моего мужа, хозяйничавшей в аренде. Евг. Мих. первый сообразил бесполезность такого учета, бросил считать и улегся под яблоней наблюдать полет облаков, декламируя стихи, я прислонилась к дереву и поправляла его, где ошибался. Спасские крестьяне быстро узнали, что сад не находится в руках съемщиков и редкую ночь не воровали яблок. Падаль деревенские бабы раскупали, получались гроши, хорошие сорта Захар возил на наемных подводах в город; благодаря местному урожаю, продавал дешево, один раз вернулся домой, совсем ничего не продав. Таким образом Ж. А. сверх ожидания, вместо арендного дохода, дала за лето с сада сплошной убыток.

Лето приблизилось к концу. Гости Т. мало-по-малу стали разъезжаться, сначала Гаршины, за ними вскоре последовали и Полонские. Оживление затихло. Все кругом вошло в обыденную колею. Когда проводивши их Н. А. вошел в большой дом распорядиться, чтобы Захар привел все на зимнее положение, заметил в библиотеке незапертым нижний ящик одного шкапа. В нем, в связках по годам, была сложена переписка Т. с разными лицами и их то не оказалось в шкапу. В библиотеке было много книг иностранной литературы и старинных русских журналов. По желанию Т. ключи от нее передавались гостям. Так как при аренде все было сдано Н. А. по описи, то вина исчезновения писем, легла бы на него. Не выжидая приезда Ив. Сер. на будущее лето, сообщил ему об этом с первой почтой, прося его, чтобы сам выяснил, куда они делись? В ответ пришло от него письмо: «Письма нашлись, ему их вернули обратно!».

Т. отличался большой аккуратностью, памятью. Был такой случай: В один из своих отъездов за границу, не захватил с собой письма г. Виардо. Прислал с дороги моему мужу телеграмму, прося с первой же почтой выслать ему его в Париж, точно указав местонахождение письма.

В Спасском саду, возле оранжереи с восточной стороны росла длинная линия елок. посаженных самим Ив. Сер. во дни его юности и в год его смерти 22 августа 1883 г. от гололедки все погибли до одной.

В 1874 г. Ив. Сер. продал свои имения Кадное и Симоново купцу Чадаеву, чтобы поправить дела своего зятя, который разорился. По французским законам не жена располагает своими средствами, а муж. Перед смертью намеревался продать Спасское, капитал передать в руки Виардо, чтобы она, по мере надобности удовлетворяла нуждам его внучат. Для этой цели прислал свои уполномочия моему мужу, Н. А. Щепкину, но бумаги не оказались все на лицо, его желание не состоялось вследствие его скорой смерти. Спасское перешло по женской линии в род его матери — Клеопатре Дмит. Сухотиной и племяннице Фета — Шеншиной-Галаховой, тогда как настоящий наследник Тургенева по мужской линии, старик Лутовинов, офицер морской службы, был жив. Но обладая собственным громадным состоянием, будучи холостым и бездетным, за старостью лет, не захотел предъявлять своих прав на Спасское наследство. Позднее наследники Лутовинова Римские-Корсаковы, Ростовцевы, Толмачевы, боясь платить слишком большие пошлины, не оспаривали тургеневского наследства.

V. Богадельня Ив. Сер. Тургенева в 1877 г.

В 1877 г. Ив. Сер. Тургенев, сдавая свое имение Спасское-Лутовиново Мценск. уезд. Орловск. губ. в арендное содержание своему ближайшему соседу и сыну старинного своего приятеля,— артиста Михаила Семен. Щепкина[1], Александру Михайловичу Щепкину, включил в оное и свою богадельню для большего ее благоустройства.

Здание по наружному своему виду было небольшое, деревянное, в желтую краску выкрашенное, с железной крышей зеленого цвета, фасадом выходило на проезжую дорогу, а противоположной стороной примыкало к парку. Внутри состояло из одной большой комнаты и другой поменьше, где стояли 11 кроватей, большой шкаф, снабженный необходимым бельем, постельным и носильным. В третьей комнате тоже светлой, помещалась кухня с большой русской печью, деревянным столом, вокруг которого были широкие, деревянные лавки, и в переднем углу божница с образами, перед которыми теплилась лампада. Дальше шло небольшое помещение для кухарки и к заднему крыльцу примыкали два хозяйственных чулана. В нескольких саженях стояла деревенская церковь. Тургенев выстроил эту богадельню исключительно для бывших дворовых своей умершей матери, но, по просьбе двух своих знакомых, принял еще двух женщин посторонних уездов. С большой энергией взялась за внутреннее переустройство богадельни жена Александра Мих. Щепкина, опытная хозяйка, и в скором времени привела ее в надлежащий вид и порядок. Прежде всего старухам было запрещено бродяжничать и пьянствовать; позволялось гулять по парку и летом собирать грибы, которых рождалось в нем много, особенно белых. Настойчивым требованием удалось их приучить к смене чистого белья в известные дни, к хож-

[1] Щепкин Мих. Семенович (род. в 1788 г.). Знаменитый артист, сын дворового человека гр. Волконштейна. В 1823 г. был принят на казенную сцену, в 1825 г. дебютировал в Петербурге, изумляя всех своей игрой. У Щепкина был высокий, неподражаемый комический талант, в соединении с юмором и поразительной веселостью.

дению в баню, проветриванию жилого помещения, сенников, подушек, одеял и т. п. Привыкшие к грязи, неряшеству, видели во всем этом посягательство на их здоровье и первое время положительно стояла громкая ворчня, что все нововведения их простуживают. В конце концов им пришлось уступить справедливым требованиям.

По желанию Т. были выписаны из Москвы всевозможные медикаменты первой необходимости, приглашен был уездный врач — Метелицын, который раз в неделю должен был приезжать в Спасское лечить старух, и все спасские крестьяне могли к нему обращаться безвозмездно за советом и получать от него лекарства. Врачу скоро надоело выслушивать жалобы старух и в один прекрасный день с ними окончательно рассорился. На слова старух, что его лекарства им не помогают, он перечислил горькие истины насчет старости: что в силу закона природы человек постепенно гаснет, против неизлечимых болезней помогают одни чудеса и терпенье и закончил свою речь: «на том свете нас с вами давно ищут с фонарями». Вскоре сам отказался от богадельни, находя вредным для себя их воздух. Его заменил молодой врач, недолго практиковавший и вскоре умерший от сумасшествия. Приемы больных в богадельне прекратились на время. Из богаделок одна слепая внушала невольный страх,— страдала летаргией и под новолуние засыпала на двое суток и более; проснувшись, просила есть, но с каждым разом сон ее становился продолжительнее, могла быть заживо похороненной. Про себя рассказала, каким образом навсегда лишилась зрения. В своей молодости, по своему занятию считалась лучшей кружевницей у матери Т. Когда ей было 18 лет, в Спасском свирепствовала злокачественная оспа. По совету домашнего врача Порфирия Тимофеевича Кудряшева, для предохранения лица от изъязвлений, Варвара Петровна предложила ему испробовать на ней модное лечение надеть на него гипсовую маску. По прошествии некоторого времени, когда маска была снята с больной, вместо глаз у нее остались одни глазные впадины.

В 1880 г. Л. Н. Толстой первый раз, после долголетней размолвки, приехал к Ив. Сер.[1] в Спасское и попросил принять одну старуху в его богадельню. По своей доброте Т. согласился и в скором времени в усадьбу прибыла подвода с новой богаделкой. У нас в доме часто собиралась молодежь и мы большой компанией отправились посмотреть, какую личность прислал Толстой к Тургеневу. Несмотря на ее простонародный костюм, с первого взгляда видно было, что это не простая баба. Высокая, прямая, стройная, имела продолговатое лицо с правильными чертами; заостренный подбородок, черные выразительные, но страшные глаза, красивые руки с художественно заостренными ногтями. Особенным наклоном головы выслушивала говорившего с ней, как бы желая внимательного отношения и к своим словам. В русскую речь вводила французские выражения.

Была еще временно помещена безрукая старуха — Родионова, которая вышивала зубами и ртом полотенцы русским швом; стараниями моего свекра, ее приняли в тульскую богадельню, где она доживала свой век, приводя в удивление посещавших ее своим необыкновенным искусством.

Остальные старухи были очень заурядные, имевшие общую долю: после трудовой, тяжело проведенной жизни, терпеливо ожидать своего конца.

Долгая, горькая старость притупила их добрые чувства, способ-

[1] Между Л. Н. Толстым и И. С. Тургеневым никогда не было искренних дружеских отношений. По обоюдному их признанию они никогда не могли сблизиться окончательно. Весной в 1861 г. между ними произошла та знаменитая ссора, которая разъединила их на многие годы. Примирение их состоялось лишь в 1878 г.

ствуя сварливости. По положению равные между собой, все таки выражали постоянные неудовольствия друг другом, под час даже смешные жалобы. Глядя на них, невольно думалось: какое тяжелое существование достается человеку, если жизнь не останавливается во время. Больше всего старухи изводили единственного старика богадельни за его привычку обходить всех их кровати и собирать на них нитки, пряжу, когда оне по утрам, напившись чаю, брались за вязанье своих чулок. Углубившись в свое занятие, не обращая внимания на их всеобщий крик и ворчню, у последней кровати громогласным голосом водворял тишину: «Я сор с вас стряхиваю, а вы, как безумные, орете, словно на грачевнике грачи,— из-за гнезд».

VI. Школа Ив. С. Тургенева в 1877 г. при церкви Спасо-Преображения.

Спасская школа была выстроена на манер всех деревенских школ: почти таких же размеров, как и богадельня, с досчатым отделением для учителя в главной комнате, и убиралась сторожем, имевшим при входе в школу свое помещение. Т., давая свои средства на ее содержание, не желал передавать ее в ведение земства, чтобы иметь возможность распоряжаться ею по своему усмотрению. В это лето у него гостила писательница г-жа Ардова[1], познакомившаяся с нашей соседкой по имению, Елизав. Мордар. Якушкиной[2], передовой дамой, занятой исключительно делом народного образования. Преподаванием у нее занимался один господин ссыльный и сама она считалась поднадзорной. Тем не менее им обоим удалось образовать крестьянский банк и воскресные чтения для взрослых, посещавшиеся усердно не только ее крестьянами, но и из соседних деревень. С этой особой очень хотелось ей и Ив. Сер. меня сдружить, чтобы она вдохновила меня заняться его школой. Но я положительно уклонилась, вследствие многих причин, не зависящих от меня.

Собственно у Т. мне представился первый случай познакомиться ближе с делом народного обучения грамоте в деревне и вначале стала заходить туда слушать, как занимался с детьми молодой священник. Выпущенный из Орловской семинарии по третьему разряду и недавно посвященный в священники, вследствии ли застенчивости, или другой причины, производил впечатление человека плохо знавшего даже славянский язык. К преподаванию относился небрежно, пропускал уроки, не приучал детей к труду и они, пользуясь свободой, проводили частенько часы занятий в шалостях. Я не понимала, почему духовенство назначало священниками в деревни семинаристов, плохо кончавших курс учения; по сравнению с городами и без того крестьяне лишены были всякого просвещения. Этим самым оно обрекало весь приход невежеству не только на многие годы, но и до самой смерти священника. Школа — дело живое, требует увлечения в преподавании; невежда и апатичный все дело обучения испортит. Между тем стоит только всмотреться в лица, глаза детей; сколько живости, остроты, блеск ума горит в них. Все они будущие люди, лучшая часть взрослого, кому же как не учителю подметить эти искры, поддержать, направить, чтобы горели ярче?

Первое время все таки школу я посещала. Приходивши раньше священника, замечала, что сначала заходил он к сторожу и другой раз оставался у него до тех пор, пока я, наскучив его ожидать, не ухо-

---

[1] Псевдоним писательницы Апрелевой Е. И.

[2] Елизав. Мордар. Якушкина — помещица, жившая в пяти километрах от Спасского, неоднократно упоминается в письмах И. С. и всегда с самыми сочувственными отзывами. Якушкина много времени посвящала деятельности на пользу своих крестьян. Ею была устроена образцовая школа, организована медицинская помощь, устроено ссудно-сберегательное товарищество.

дила домой. Однажды видя особое оживление детей, спросила их: «чему вы так смеетесь и не занимаетесь вашими уроками, или ваш батюшка занят в сторожке крестинами?» — «Нет, ответили они с хохотом, он все справляется, скоро ли вы уйдете домой». Дома, размысливши со всех сторон, решила лучше совсем не вмешиваться в порядки чужой школы.

Ив. Сер. просил порекомендовать вместо священника учительницу с платой 15 р. в месяц. Мы, с своей стороны предложили ей пользоваться у нас столом gratis, так как в семье один человек не доставит лишнего расхода, и вот с осени началось правильное обучение детей грамоте, но и это продолжалось меньше года. Получивши известие о смерти жены брата, она вернулась к их детям. Тогда вызвался заниматься в школе спасский диакон. В это лето выпущен был из тульской школы с аттестатом ученик Никита Герасичев, незаконный сын спасской нищенки. О нем Ив. Сер. выразился так: «современем сделается или министром или мошенником». С виду юноша был неказист. Коренастый с переваливающейся походкой, огромной головой на небольшом туловище, широкоплечий, с крупными чертами лица, вечно бегающими по сторонам — карими глазками, точно чего-то розыскивающими, в них горело плутоватое, насмешливое выражение. Между своими товарищами считался коноводом, они его слушались, свою речь осыпал остротами, возбуждавшими гомерический смех.

Однажды Никита принес мне показать подарок, сделанный ему Ив. Сер. Это было сочинение Салтыкова-Щедрина «Mon repos» с надписью «Посвящается уважаемому Ив. Сер. Тургеневу от автора». Такое пренебрежение со стороны Т. объяснила тем, что благодушному направлению Т. был не по душе сарказм Щедрина. Осенью Т. решил поместить Никиту на свой счет в земледельческую школу и просил моего мужа отвести его в Москву. При поступлении требовался один иностранный язык. Я предложила ему заняться летом из немецкого, как более легкого по выговору и он, сносно выучившись читать, писать, выдержал экзамен и был принят в земледельческое училище. В школе Никита хорошо учился. По окончании курса ему предоставлено было место управляющего в каком то удельном имении и он женился на хорошенькой, образованной девушке, но матери своей никогда ничем не помогал.

Кончая очерк богадельни и школы Ивана Сергеевича Тургенева, не могу умолчать, чтобы не сказать несколько слов в его защиту, по поводу злобных обвинений, что после своей смерти он не оставил капитала ни на школу, ни на богадельню. Все это прикрыли, старух разогнали... Моя судьба совершенно невольно посвятила меня во многие детали личной жизни Тургенева за последние годы его приездов на лето к себе в Спасское. Нечего говорить, если с юных лет с большим увлечением зачитывалась его произведениями, то еще с большим вниманием вслушивалась во все его разговоры, мнения, глубоко вглядывалась в его отношения к окружающим и видела, какой он был идеально-благородный человек на самом деле. Не говоря о Виардо, ко всем людям был очень добр, благодушен и, как понимал эту любовь, так и осуществлял ее в своей жизни. Из его писем к моему мужу с 1877 г. и по год его кончины 22 августа 1883 г. видно, что всякий, кто к нему ни обращался за материальной помощью, получал просимое. Никому не отказывал, помогал людям, другой раз совершенно их не зная, веря их одним просьбам. Единственный раз за это время он отказал Н. В. Успенскому[1] и то ниже опишу при каких

[1] Успенский Н. В. (1837—1889) — беллетрист, представитель демократической литературы. До 1862 г. сотрудничал в «Современнике». Большую часть жизни провел в скитаниях, в качестве уличного актера. Умер в крайней нищете и неизвестности.

обстоятельствах это произошло. Тург. не был женат, но у него была дочь, внучата, их признавал своими, заботился о них, предоставлял им большие средства для счастливой жизни, а они таяли в руках зятя — авантюриста. Чаще случается видеть в жизни, какую тяжелую долю законные отцы преподносят своим законным детям за счет своей развратной жизни...

Самое возмутительное обвинение вышло из семьи Виардо, от ее дочери Луизы Геритт, перепечатанное в «Русском слове», на которое возразил в свое время Дорошевич. Должно быть всегда так случается в жизни, что первые камни осуждения после смерти летят в человека от тех, которые при жизни его эксплоатировали! Но не все еще умерли, знавшие его с самой лучшей стороны, они глубоко возмущаются. Прочитав эту клевету, вчуже долго не могла успокоиться, какая несправедливость, назвать человека приживальщиком, громадные средства которого поглотила ее мать — Полина Виардо. Ведь эта последняя не давала ему покоя даже на смертном одре: слала в Россию к моему мужу телеграмму за телеграммой поскорее продать Спасское, его любимое Спасское, с которым при жизни Ив. Серг. никогда бы не расстался, единственное и последнее, оставшееся от всех, проданных имений; алчная женщина боялась выпустить деньги за него из своих рук. Благородные люди чаще всего попадают в руки ничтожных, алчных существ, которые не только портят им жизнь, но и по смерти стараются чем-нибудь запятнать добрую их память.

VII. Николай Васильевич Успенский.

Это было глубокой осенью 1877 г. Первый снег едва прикрыл землю и ездить было плохо как на колесах, так и на санях. Под вечер, часов в шесть приходит из тургеневского большого дома лакей Захар и объявляет, что в таратайке, на клячах приехал Н. В. Успенский с пятилетней дочкой и намеревается поселиться у Ив. Сер. в доме. Мой муж велел просить его прийти к нему для объяснения. Слыша, что с ним пришла и его дочка, вошла и я в переднюю. Моим глазам представился высокий, худой мужчина, бедно одетый, взъерошенный, неприятной, почти дерзкой наружности и с ним небольшая девочка, легко одетая, которую вместе с моей горничной старался раздеть ее отец, при этом сильно тряслись его руки. Назвался хорошим приятелем Тургенева, а приехал к нему в имение без письма от него. Мы предложили им чай, ужин. Захару велено было оттопить комнату в доме, приготовить все необходимое и, до получения письма из заграницы от Тург., устроить их обоих в большом доме.

За ужином рассказал свою биографию. Похоронив жену, не отдал своей дочери на попечение родных ее матери, а оставил при себе, чтобы разделяла все его странствия по деревням и городам, таким образом узнавала русский народ. Слушая его все посматривала на маленькое существо, бледное, худое, измученное, одетое в грязный, поношенный сарафанчик и жуткое, недоброе чувство охватило меня к старику. Не понимая смысла в его словах, запротестовала: «Ваша дочь на вид такая слабенькая,— начала я,— каким образом может она переносить всякую непогоду в ваших скитаниях по деревне? ведь и молодое растение стараются предохранить от дурных условий непогоды. Разве не лучше для нее и ваших целей было бы поместить ее в подходящую семью на селе? Не хуже знакомилась бы там с бытом крестьян, за то ее здоровье страдало бы меньше».— «В избу жить с ней не пойду и одну не оставлю, а по деревням странствовать век свой буду»,— резко возразил он и я замолчала.

Не успели Успенские уйти в большой дом к Захару, как лакей возвратился снова к нам, прося от имени Успенского дать ему четверть

водки. Велено было передать,— кабак на деревне. На другой день мой муж послал письмо к Ив. Сер. в Буживаль, прося разъяснений. В ответ пришла следующая телеграмма: «Успенскому отказать, просить его не ждать никаких вспомоществований». Вслед пришло подробное письмо, в нем Ив. Сер. выражал негодование на нахальство Успенского, упомянул, что своей ему помощью скорее вредил и настоятельно требует его удаления из Спасского и чтобы больше не помышлял когда-нибудь в него вернуться. По прочтении письма, Захар проводил его из усадьбы. Успенский громко, сильно бранил Т., а с ним досталось и нам всем дворянам. Его дочь все это слушала и таким образом узнавала русский народ. Позднее Успенский в пьяном виде, возле какого то кабака зарезался перочинным ножем, а его дочь священник — дедушка поместил в Ефремовскую прогимназию.

VIII. Крестьяне села Спасского: Родион Новиков и Яков Садовник.

Из всех крестьян села Спасского, особенное внимание обращали на себя двое и оба кончили свою жизнь трагически.

Родион Новиков из молодых, зажиточный мужик, никакой специальностью не занимавшийся, был высокого роста, худого, но крепкого сложения, лицо имел длинное, изрытое рябинами. Синие, блестящие глаза выражали не то какой то вопрос, не то испуг. На сильно напомаженных, рыжих волосах, выступал прямой ряд, клинообразная, ярко-рыжая борода оттеняла его облик, он напоминал собою приволжского старовера. Мужик был толковый, сообразительный, ни одна сходка не обходилась без его участия; его слова имели решающее значение в мирских делах, только голос был крикливый, выделяясь из толпы, неприятно резал ухо. Не зная, что его побуждало при жизни пренебрежение ли к смерти, особенное ли удальство, жаждущее разойтись во всю ширь, или желание чем-нибудь небывалым нарушить однообразие деревенской жизни, только он, при окончании покосов, из года в год мнимо умирал и оттуда заставлял крестьян тащить его к погосту, на поповку, на рогожке, с пением: «Со святыми упокой», где на земле происходило прощание с ним мужичков, как с настоящим покойником. Затем они оставляли его лежать на земле, а сами направлялись к избе Новикова, на пороге которой, как ни в чем не бывало, к ним он присоединялся и с дружным хохотом все усаживались за стол. Начиналось угощение во главе с обещанными Новиковым за это представление тремя ведрами водки. Далеко за полночь, подвыпившие крестьяне изощрялись в шутках друг перед другом, метких остротах на счет воскресшего товарища. Много лет сходила Родиону с рук забавная затея, которую крестьяне ожидали каждый год с новым интересом, точно она заменяла им театральное развлечение.

На выезде Спасской деревни стоял кабак, привлекавший своих и соседних деревень любителей выпивки, нарушая не только их благосостояние, но зачастую крик, шум, гам оканчивался крупной дракой. Как компанейский человек, Родион частенько его посещал. Однажды возвращаясь из уездного города домой под вечер с базара, заехал он с товарищами в кабак погреться. Должно быть выпивши, как следует еще в городе, завязали между собой драку и Родиона избили до полусмерти. По совету кабатчика, чтобы никому не отвечать, они его, еле живого, оттащили на его же рогожке в поле на выезд. На другой день Родион Новиков был найден настоящим покойником.

Еще раньше, как ни хлопотал Т. о закрытии кабака в Спасском,— не имел успеха. Тогда решил поставить возле него часовню в память кончины государя Алекс. Ник. и кабак был снесен. По просьбе Ив. Сер. петерб. академик Максимов написал для часовни икону во весь

рост — Александра Невского. Летом в присутствии его и спасских крестьян торжественно часовня была открыта, пред образом зажгли неугасимую лампаду. Иван Серг. к крестьянам обратился со словом, прося их остановиться пьянствовать. Его речь мой муж передал в «Русскую Старину».

Яков Садовник был совсем одинокий человек. С его слов узнала, еще в крепостное право он был приставлен мальчиком в помощники к искусному, опытному садовнику — немцу в имении матери Тургенева. Исполняя его приказания, обладая хорошей памятью, ловкостью, сообразительностью, быстро стал вникать в садовое дело. Усваивал различные способы садоводства: размножения, культивирования цветов, ягодных кустов, плодовых деревьев; позднее заместил немца. Пристрастился к своему ремеслу, не упуская из вида ничего, что благодаря его трудам и знанию произрастало. Будучи впечатлительным, острым, живя постоянно с природой, невольно проникался ее красотами, сделался таким наблюдателем ее тайн во все времена года. От постоянной работы над землей и преклонного возраста, он ходил несколько согнувшись, вне оранжереи и сада, опираясь на крепкую палку с птичьей головкой собственного изделия, где в глазных впадинах было вставлено по ярко желтому янтарю. Роста Яков был среднего. Выразительные карие глаза глядели строго, точно старались проникнуть в душу каждого. Сдержанная, но насмешливая искорка вырывалась, как бы скользя по его открытому лбу и расплывалась дальше по лысому черепу, к макушке, на которой торчала огромная шишка. Вначале он казался мне большим насмешником. В поношенной куртке, с заплатанными рукавами, у кистей рук немного подвернутыми на красной рубашке; с такими же заплатами на коленях; поверх всего надевал чистый, посконный фартук. Его мозолистые руки не расставались ни с мочалами, ни с садовыми ножницами; неутомимый садовник всегда был чем-нибудь занят, говоря вслух свои замечания, наблюдения.

Последнее время Яков занимался больше в цветочном, персиковом отделениях оранжереи, выгоняя ранние, крупные персики, венусы и пахучие цветы. В моем деревенском одиночестве, да и очень любившей природу, все его сообщения мне были крайне интересны. Каждый день заходила к нему в оранжерею, особенно когда шпалеры персиковых деревьев, прежде появления зеленых листочков, покрывались чудными, нежными, бледнорозовыми цветочками, точно воздушной кисеей, распространяя тонкий аромат. Я заставала его, прохаживающимся взад и вперед возле кадок, внимательно оглядывающим каждую клетку шпалер, осторожно расправляя, подвязывая, случайно пропущенные молодые побеги. Рассказывал мне: о чудных сортах яблок, необыкновенных размерах дынь, арбузов, грунтовых слив, ренклодах и т. п. фруктах, которые ему приходилось выращивать на своем веку. О полезных, ядовитых травах; о том как в прежнее время добывалась мука из зеленого ржаного зерна для господского хлеба, для чего рожь жали во вторую половину ее налива или зрелости, о деревенском производстве домашнего полотна и холста в его время.— «Тоненькие, тоненькие ниточки льна,— говаривал он бывало, стараясь при этом своими двумя мозолистыми пальцами, словно протянуть их мысленно в воздухе,— сдавались в ткацкую ткачам, из них они вырабатывали на особых станках полотна для господского носильного, постельного, столового белья; толстые нитки шли на расхожий холст». Объяснил мне, как составлялись рисунки для салфеток, скатертей, непременно с фамильным гербом на углах.

Но больше всего любил вспоминать прошлое. Видя с каким вниманием слушаю его рассказы, устроившись возле него на низенькой скамеечке, не прерывая своих занятий, медленно, плавно, другой раз

глубоко вздыхая, рассказывал о молодости Ив. Серг., его брата Н. С., но больше всего о их матери Варваре Петровне. В его рассказах не было ни озлобления, в его выражениях ни осуждения за суровое, жестокое, подчас прямое бесчеловечное отношение к нему, как он называл, его природной старой барыни В. П. Напротив о ней вспоминал, как о существе во всех отношениях его выше, извиняя ее поступки тем, что «она на то и госпожа их была, настоящей, значительной, важной, по его понятию, «матушкой барыней».— «Отчего на твоей голове такая большая шишка, Яков?» — спросила его однажды.— «А как ей не быть,— начал он.— Бывало рано утром, только солнышко начнет всходить, стою по росе на коленях, перед окнами их опочивальни, да травку выщипываю вокруг цветочков. Матушка барыня тоже раненько вставала. Выйдет на балкончик понюхать утренние ароматы, хозяйским оком оглядит кругом. На самой то алая на беличьем меху душегрейка, на один рукав накинутая. Заметит меня, улыбаясь, ответит на мое приветствие и велит дать ей алую розу, до смерти этот цвет любила и каких только колеров я ей не выгонял, теперь нет таких здесь: — перевелись. Из роз да резеды перегонную водицу ей готовили; а из простой воды,— другой не пивала, кроме бастыевского ключа, что в имении покойного вашего дедушки, генерала Ивана Петровича Юрьева, оттуда ей и привозили. Ну, а ежели избави бог, чем мной недовольна была, позовет поближе, под ясные свои очи, возьмет за край свою палку, на которую опиралась, да самоцветной ее головкой и начнет меня тузить по макушке приговаривая: «вот тебе от меня за провинность». Ну, конечно, если начать угощать таким манером, к моим годам шишке на голове и не такой надо было бы быть... Я все таки садовник был исправный, мною дорожила». Не раз повторял, что в манере ходить, разговаривать Ив. Сер. походил на свою мать. Когда я ему об этом сообщила, подметила на его лице неприятную улыбку.

Совсем иначе Яков отзывался о жене Николая Сер., у которого позднее ему пришлось служить по вольному найму, в их имении Тургеневке, на р. Снежити, Чернс. уезда. Без едких сарказмов не вспоминал о ней. «Разве была она настоящей природной барыней?— говаривал он,— просто на просто, наша сестра холопка, только возвеличенная самим барином, высоко нос свой держала, над всеми мудрила, ну, а известное дело, какой была по нутру своему халдой, такой и в барынях осталась[1]. Покойный Николай Серг. души в ней не чаял, а доподлинные слухи ходили, как его, голубчика [она] со своими управляющими надувала. Будто то настоящая хозяюшка уговорит его отпустить ее наводить распорядки по имениям. Согласится, отпустит, выйдет провожать ее с непокрытой головой, подсаживает в карету, крестит, целует, а кучеру все наказывает беспременно, чтобы вез по всем дорогам, как можно осторожнее, тогда о чугунках то и помину не было, а она, подлая, мы все досконально знали, за какими делами езжала... Ну и так сказать, чем приворожила? как не франтила, страшенная была, на обезьяну смахивала... До смерти тяготился служить ей, выскочке, так и тянуло, при ее распорядках, чем-либо сдерзничать. Она домекала, тоже недолюбливала меня». После некоторого раздумья добавил: «Нет, не мог у ней ужиться, раз мне кричит: «Такой, сякой, в шею старого хрыча выгоню!» — Я ха, ха, взял, да и сам ушел, да еще когда,— по самой ранней весне, когда ей дюже в саду нужен был»... При последних словах сплюнул в сторону и от восторга стал приплясывать на месте, потирая руки, а по лицу его бегали злые, самодовольные улыбочки...

---

[1] Н. С. Тургенев женился на горничной своей матери.

Сорвав свою старую, не смягченную даже временем злобу, взглянул на меня, опустил голову и задумался. Молчала и я. Тихо вынув горсть конфект из кармана, засунула ему их за фартук.

За вечерним чаем у нас из разговора Ив. Сер. о жене Никол. Сер. дополню ее характеристику. Но сначала опишу Ник. Сер., как увидала его в первый раз, когда он приехал отдать визит моему мужу. Большого роста, с выправкой военного человека николаевских времен, имел: большой, открытый лоб, на котором лежали глубокие параллельные морщины, и толстый, широкий, красный нос. Очки не умеряли недобрый, металлический блеск его суровых глаз, над которыми нависали густые брови, производя впечатление черствого, жесткого эгоиста.. Над густыми усами лежали глубокие носогубные складки, бороды не было, но отвислый двойной подбородок придавал ему вид очень ожиревшего в спокойной жизни человека. Лицо было красное, на коротко остриженные волосы была надета изящная, бисерная ермолка — тафья. Был хорошо образован, знал несколько иностранных языков. Про него сказал Ив. Сер.: «в своей жизни не обладал счастьем быть любимым, хотя бы одной хорошенькой барышней, вследствие чего его выбор остановился на горничной его матери, к которой привязался со всей страстью своей души до самой смерти».

Обладая тонким юмором, читал замечательно хорошо юмористические рассказы. Когда они оба были еще молодыми, кто-то пригласил Ив. Сергеевича на литературный вечер послушать искусного чтеца; по обыкновению своему он опоздал, взошел в залу, когда все общество было в сборе. Увидав читающим своего брата Ник. Сер., был очень удивлен. В зале стоял неумолкаемый хохот, но до этого случая Ив. Сер. не подозревал в брате юмориста. У Ник. Серг. был дом на Пречистенке, где живал с женой зимами.

Далее вспоминал Т., как в один из своих приездов в Россию, заехал повидаться с братом. Лакей доложил, что Н. С. в отъезде, одна барыня дома и в данную минуту выехала по магазинам, но должна скоро возвратиться. Ив. Серг. прошел в гостинную и, усевшись в кресло, невольно открыл первую попавшуюся на столе книгу. Прежде всего в глаза ему бросилась безграмотная записка управляющего брата в одном из его имений. В ней изливались его пылкие чувства к Анне Яковлевне — так звали жену Н. С.—и настоятельные просьбы приехать к нему в деревню. Открыв случайно неприятную тайну для брата, он поставлен был в крайне затруднительное положение и размышлял: если открыть ему глаза, кто знает, какие последствия могут из этого произойти? Прежде всего, как примирится брат с обманом жены? а может еще заподозрит Ив. Сер. в неблаговидных намерениях относительно его средств, если же скрыть, то Анна Як. будет продолжать ставить его в дураках. Думал, думал Ив. Серг. и решил, для обоюдного спокойствия лучше сжечь записку на свечке, что и сделал. Много лет спустя сначала умерла жена Н. Серг., а потом он 7 января 1881 г. от воспаления легких.

Вернусь к садовнику Якову. В заговенный день филипповского поста, он не воздержался в пище: за жареным гусем съел коробку омаров, не особенно свежих и, запивая холодным квасом, схватил воспаление кишек. С вечера, по обыкновению ушел к себе в оранжерею, где ночевал с двумя помощниками, которые и на этот раз гуляли на деревне, оставив его одного. Беспощадно страдал он до рассвета и только на заре он с трудом дотащился до нашей кухни, в дверях которой его встретила моя няня. К моему сожалению, в это время я, больная, лежала в имении у матери, мой муж был в Москве; пока люди послали за фельдшером, священником, несчастный Яков скончался.

IX. Лекарь с. Спасского — Порфирий Тимофеевич Кудряшев.

Однажды летом войдя в дом из сада, с приехавшей ко мне свекровью, услыхала в передней за перегородкой, где спала моя горничная, храп мужчины и на вопрос: кто у нее там спит? ответила: — «Порфирий Тимофеевич Кудряшев, ожидая вас, прилег и просил его разбудить, когда войдете». Слышала много рассказов об этом лекаре с. Спасского, но до сих пор не представлялось случая с ним познакомиться. Горничной удалось скоро его разбудить и он, грузно переступая с ноги на ногу, лохматый взошел в залу, приглаживая пятерней на голове свои волосы. Отрекомендовавшись ближайшим соседом, стал извиняться преклонными годами в своем спанье, на что ответила: «лучше было поспать, чем не дождавшись уйти домой», и пригласила вместе позавтракать. Кудряшев оказался веселым собеседником, видел и испытывал многое на своем веку. Он был огромного роста, его бесцветные глаза скрывались под нависшими бровями, в темных волосах на голове и длинной, густой бороде едва просвечивалась седина. В общем смахивал на неряшливого крестьянина, только в штатском платье. Припомнил свою молодость, женитьбу по страстной любви на молоденькой, хорошенькой портретистке, но подчеркнул, что взял себе бесприданницу. Жена его рано умерла, оставила ему сына, которого позднее Ив. Сер. поместил на свой счет в Технологический институт. С большим пренебрежением отзывался об ученых женщинах, а я их отстаивала.

На его определение жены — бесприданницы спросила: «а вы были очень богатым человеком? и почему она умерла так рано?» — «А бог ее знает,— ответил он,— все тосковала, в голове гнездилась одна фантазия».— «Стало быть жизнь с вами и вы сами ее не удовлетворяли, а [вы] в ней, как у бесприданницы, не допускали никаких стремлений к лучшей духовной жизни?» — «Мы женихи и мужья в такую философию никогда не вдавались, прежде всего спешили овладеть предметом своей любви и жениться».— «То есть помышляли о себе,— перебила его,— непоправимо ломали женскую долю, награждали ее до гробовой доски тяжелым крестом и другого выхода не было. Слава богу,— перекрестилась я,— теперь пошли другие времена, другие женщины, не стали вам покоряться, рабски; стряхнули с себя тяжелое иго, поняли, что, будь хотя семи пядей во лбу, у таких мужей как вы,— женам цена — грош!» Кровь прилила к сердцу, к голове, стала точно заклятья ему отчитывать, он вытаращил глаза, глядел на меня в упор, а я продолжала... «Жаль, рано умерла ваша жена, бесприданница, теперь заявила б вам о своих правах и достоинствах. Чтобы взяться за служебный труд, пока еще не дорого оплачиваемый, но все же не такой бесценный, какой несли у вас, бросились учиться и в нем находят оздоровление своему намученному сердцу вашим тайным и явным развратом. Когда им плохо у вас, хорошо поворачивают вам спину; стали разбираться в своих ничтожных половинах, увидали, что не стоит ни для себя, ни для детей тянуть безполезную канитель супружества. Вы, мужья, подготовляли это явление веками и на вас ляжет тяжелый грех. Матери перестали жалеть даже собственных детей».— кончила я.

Вдруг на мою горячую речь он стал хохотать громко, от души; я изумленная глядела на него, а он, не останавливаясь хохотал громко и долго. Наконец, протер свои слезящиеся глаза, да и говорит мне: «Не обижайтесь, молоды вы, Софья Георгиевна, но ей, ей в ваших словах много чепухи, все таки без нас, мужчин, не обойдетесь».— С таким невежей решила больше не углубляться в разговорах. Когда ушел, думала и понять не могла, как мало на него подействовала долголетняя дружба с Ив. Сер. Бывший дворовый человек Варв.

Петр., ровесник Ив. Серг., который с молоду возил его всюду за собой заграницей. Вместе посещали университеты, читали и долгое время находился в обществе всесторонне образованного писателя, как был Т., хотя бы усвоил себе его гуманные взгляды на жизнь, на будущие отношения к жене, сыну, нет, в его крестьянской натуре остались нетронутыми грубые, простонародные понятия. «Пожар на пароходе» и «Случай с медведем», описанные Т., Кудряшев повторил, как очевидный свидетель этих событий.

За Берном в сосновом лесу, в круглой яме сидел исторический бернский медведь, которому туристы бросали булки, туда то чуть чуть не попал Ив. Серг. После первого знакомства, Кудряшев частенько меня навещал, иногда приносил гитару, играя русские песни, подпевал своим старческим, дребезжавшим голосом. Все его разговоры вращались больше на воспоминаниях о прошлом, особенно о матери Ив. Серг. Вечером заносила их в свою тетрадь; другой раз забывал о рассказанном, повторял тоже самое, чтобы не обидеть — слушала. На мой вопрос, как звали спасского лекаря, о котором говорили знакомые, что он во время оно разъезжал по своей практике зимой в экипаже-ванне на полозьях, а летом на колесах, ответил: «ваш покорный слуга, который очень сожалеет, что не может возобновить этого удобного экипажа, пришедшего в непоправимую ветхость». Позднее я его встречала, отправляющимся на свою деревенскую практику в таком виде зимой: розвальнями правит баба, на соломе во весь свой могучий рост лежит он на боку с огромным кнутовищем в руках, а ноги волочатся по снегу. «Скажите, спросила его однажды, собаки ни разу не вцепились в ваши ноги и не стащили вас с розвальней».— «Зачем же,— ответил он,— всякая дохлая собака знает, кого и зачем везет несчастная баба! а вот о моем аппетите вы, вероятно, никогда не слыхали? Я могу пропустить в свою утробу невероятное количество жидкости. Бывало в летний, знойный день, теперь таких жаров не случается, забирался к себе на ледник, ставил перед собой ведро холодной воды, либо квасу и выпивал его целиком; полеживая на льду — никогда не хворал. Тургеневу очень хотелось, чтобы я сдал экзамен на доктора, но, благодаря моей лени, дальше зубного врача не пошел, предпочел вернуться на свое пепелище. Варвара Петровна зачислила меня к себе в качестве домашнего врача и в этой должности при ней находился до самой ее смерти».

Рассказы Кудряшева о Тургеневых я проверяла у многих почтенных знакомых, хорошо помнивших и знавших отца, мать, родных Ив. Серг., их жизнь, быт, нравы, особенно его мать. Она гремела на весь уезд своим богатством, типичным, самобытным характером, который мог складываться только в крепостное право. Жизнь ее до замужества была очень тяжелая. Не любимая матерью и преследуемая своим вотчимом, она убежала к старику дяде, который тоже обращался с нею сурово, но после своей смерти сделал ее наследницей своих богатств. Она владела большими имениями в Орловской, Тамбовской, Курской, Калужской губерниях до 5000 душ крестьян при ста тысячах десятин земли. Одно Спасское Ковергинской волости, Мценск. у. Орловск. губ. давало ей, при урожае до 40 000 четвертей различного хлеба. Будучи не молодой и очень некрасивой, вышла оригинально замуж. Живя в деревне, частенько игрывала в карты, гостей редкий день не бывало. Случайно заехал к ней, приехавший недавно из Петербурга, родовитый, но не богатый помещик сосед, Сергей Николаевич Тургенев, молодой, красивый. В Чернском уезде у него было небольшое имение — Тургеневка, так поэтично описанное позднее самим Ив. Сер. в рассказе «Бежин луг». Свое происхождение вел Т. от татар. Его родоначальник Лев-Мурза, в крещении Иван, вышел в XV в.

из Золотой Орды ко двору в. к. Василия Темного (ослепленного) и самое слово «Тургенев» — татарское, означает — благородство. От потомка Василия Никитича произошел знаменитый романист. Варвара Петровна с первого взгляда влюбилась в красивого гостя, усадила его за карты, но Серг. Никол. не везло, он проигрался. Чтобы попытать счастье, она его уговорила остаться ночевать, но и на другой день оно ему не улыбнулось, даже мысленно он решил продать и без того заложенную Тургеневку и расплатиться с карточным долгом. Вместо карточного долга, Варв. Петр. предложила ему жениться на ней и получить в приданое все ее громадные средства.

Таким образом вскоре совершился их брак. В кабинете у Т. висел портрет его отца; если б не белый кавалергардский мундир, с георгиевским крестом на груди, можно было бы принять его за очень красивую молоденькую женщину с грустными глазами,— так лицо его было женственно. Жаль, я не видала портрета В. П., не может быть, что бы его не было у Ив. Серг. От этого брака у них родилось три сына: Николай, Иван и Сергей, этот последний умер совсем юношей. В 1835 г., когда Ив. Серг. исполнилось 17 лет, умер его отец от каменной болезни.

К этому времени относится первая любовь Ив. Сер. к белошвейке Авдотье Ермолаевой, взятой его матерью по вольному найму. Кудряшев отзывался о ней, как о самой скромной, молчаливой девушке, которая расположила к себе своей застенчивостью, женственностью. Небольшого роста, нельзя сказать, чтобы она была красива, но миловидная, круглолицая с небольшим носом, ртом, белокурая с светло карими глазами. Варв. Петровна, узнавши о его связи, подняла страшную бурю, как бы не женился на ней Ив. Сер. и быстро отправила ее в Москву. Она часто говаривала в шутку, что ее сыновья были однолюбцы. На Пречистенке в маленькой квартире, Авдотья занялась рукоделием; вскоре родила дочь Пелагею, похожую на Ив. Сер. Сначала Т. поместил девочку, чтобы не стеснять мать, в семью крестьянина Федора Лобанова, позднее, желая ей дать настоящее воспитание и образование, предоставить жизнь, какую не в состоянии была бы дать ей мать, потребовал от нее полного отречения, чтобы никогда не имела намерения видаться с нею, так как с этих пор между ними обеими ничего не будет общего и поместил ее в семью Виардо, где из Пелагеи превратилась в Полину.

При Варв. Петр. жила воспитанница, но, по словам Кудряшева, ничего хорошего не получилось из воспитания В. П. Она была барыня взбалмошная, своенравная, гордая, особенно если кто шел ей наперекор; не останавливаясь ни перед чем, могла с тем жестоко расправляться. В повести «Муму» Ив. Серг. изобразил свою мать. Порф. Тим. частенько выгоняла вон из дома, потом снова призывала, встречаясь друзьями. Один раз оскорбила его сильно и он совсем решил не бывать у нее, но присланная ею за ним наперсница, упросила, говоря, что В. П. умирает. Она умела притворяться. «Сердце мое было отходчивое, я снова пошел, а она,— рассказывал Кудр.,— как ни в чем ни бывало, спросила: «где это время пропадал, голубчик?» Смекнул хитрую уловку в этом вопросе. Гордячка хотела, чтобы свою обиду ей простил и, глазом несморгнувши, отчетил: «В Питере бродяжничал, матушка, свежие новости вам собирал и стал на авось выкладывать ей про питерские чудеса». При громадном богатстве, одержима была манией величия, всю свою усадьбу поставила на манер царствующего двора: ее пажи, фрейлины, сновали по покоям в придворных костюмах, разнося ее приказания, никого к ней не допускали без доклада. Бывало привезут почту из города, так сначала почтальоны, объедут вокруг дома со звонками, колокольчиками и, когда фрейлина доложит: «La poste arrive», велит разбирать посылки, письма. Пешком не

хаживала, а садилась под крытый балдахин, на подобие носилок, на которых по деревням носят чудотворные иконы и таким образом прогуливалась. Однажды какая то подслеповатая старуха, не ее деревни, прохожая, подошла и протянула свою трудовую копейку на свечку. В. П. напустилась на нее. «Чьей ты деревни?,— спросила она и, узнав, добавила: — старая дурища, молись, что не моей, уж и велела бы тебя выпороть на конюшне, чтобы различала меня от богородицы». Будучи вдовой, В. П. сошлась с одним, очень образованным, красивым, молодым человеком Д. Ч. Б., которому одно время думала оставить все свои богатства, помимо сыновей, но в 1850 г. скончалась и была погребена в Донском монастыре в Москве.

После ее смерти Ив. Серг. отпустил дворовых на волю, крестьян перевел на оброк, при выкупе уступил пятую часть, ничего не взял за спасскую усадебную землю, что составило крупную сумму. С ее смертью и по 1855 г. всеми имениями братьев Тургеневых управлял Николай Никол. Тютчев и жил в Спасском[1]. Там возле церкви покоится тело его маленькой дочки, умершей от сотрясения мозга, вследствие падения навзничь головой на паркет с высокого стула. С 1855 г. управление имениями переходит к их дяде Ник. Ник. Тургеневу, отставному ротмистру гвардии. С 1877 г. и по год смерти Ивана Сер. (22 августа 1883 г.) все его имения, которые уцелели от всевозможных превратностей, находились в арендном содержании у разных лиц и заведывал ими Ник. А. Щепкин, внук артиста Михаила Семеновича Щепкина, с которым Тургенев был всегда в самых дружеских отношениях.

Имения были следующие: Спасское — 1200 д., Любовино — 700 дес., Кадное — 800 дес., Топки — 700 дес., Жиздринское — 800 дес., Пустоти — 300 дес., итого 4500 дес. Столько же земли было и у Николая Сергеевича, но при благоустроенных имениях, да кроме того дом в Москве с роскошной старинной обстановкой.

Когда я увидала первый раз имение Ив. Сер. и его дом в Спасском, меня поразило отсутствие всего ценного, фамильного, старинного и я спросила Порф. Тим., куда девались богатства В. П.? Он сообщил следующее: «по разделу с Ив. Сер., Никол. Серг. взамен Спасского, которое настоял Ив. Серг. оставить за собой, взял себе все благоустроенные имения своей матери, а также Тургеневку отца, конский завод, в Москве великолепный дом. Все движимое имущество матери Ив. Серг. беспрекословно уступил брату, находя, что оно ему нужнее, как женатому человеку. Приручённая камер-фрейлина В. П., по прозвищу в девичьей «Зажига», сделавшаяся женой Н. С., Анна Яковлевна, подобрала себе все фамильные драгоценности: бриллианты, золото, серебро, фарфор, дорогую мебель, фамильные портреты, экипажи и т. п. настолько без стеснения, что когда Ив. Сер. приехал к себе потом из за границы, должен был купить в Петербурге столовое, чайное серебро, у него ничего не оказалось, даже скатертей и салфеток.

Со смертью матери он почти безвыездно жил за границей, наезжая в Россию на короткое время. Ник. Сер. с женой жил у себя в Тургеневке, но Анна Як. развернулась во всю ширь своей развратной натуры и оба с мужем прожили все свои имения, кроме Тургеневки, которую в 1877 г., после своей смерти Ник. Сер. передал по запродажной записи женниной родной племяннице, по мужу Маляревской, самой Анны Яковлевны в живых уже не было. Вся движимость московского дома, как не вошедшая в духовное завещание Н. С., пере-

[1] Тютчев Никол. Никол. (1815—1878) общественный деятель. Его общество было большой моральной поддержкой для Ив. Серг., жившего в Спасском в ссылке в 1852—1853 гг. Вернувшись в столицу, Н. Н. Тютчев поступил в Горный департамент, позднее в Департамент уделов.

шла по наследству к Ив. Сер. Он поручил Ник. Ал. Щепкину ее продать и вырученные деньги передать двоюродному брату, тоже Тургеневу. Маляревские, наследники Ник. Сер., торопили вывести всю мебель из дома, и Николай Алекс. должен был ее поместить в московский аукционный зал на Петровке для продажи. Из имения же Тургеневки на Снежите, Маляревский прислал к Ив. Сер. в Спасское сундук с вещами покойного Ник. Серг. В нем были журнальные картинки, письма, тетради, переводы на иностранные языки, разные письменные украшения на стол, в хорошенькой коробочке челюсти Ник. Серг. и ногти, неизвестно с ног или рук, для чесания спины точеная деревянная ручка с длинными ногтями и многое такое... Осмотрев всю эту гадость, Ив. Сер. смеясь сказал: что все ценное, дорогое для Маляревского, а это должно быть у двух лакеев: Захара Балашева и Петра Михайлова Пелигримова, державшего тогда спасский кабак.

Как то вечером Т. принес мне романсы Виардо и в них был вложен литографированный портрет Виардо, с подписью внизу на франц. языке, что оригинал был написан ею самою. Из них мне очень понравилась «Колыбельная песня». О Виардо и ее семье Кудряшев рассказал мне следующее: по своему происхождению ее мать была испанка и замужем за знаменитым в свое время тенором Гарсия. Был у них сын, но Порф. Тим. его не видал, он жил всегда в Лондоне. Старшая их дочь была известностью, под фамилией Малибран. Полина же Гарсия, получив вокальное образование, на свой первый дебют была приглашена в Париж в Итальянскую оперу, где в то время директором ее состоял Виардо, за которого она вышла замуж, будучи моложе на 20 лет. В 1845 г. она приезжала в Россию и в столицах пользовалась огромным успехом, как первоклассная певица. Ее таланту преклонялись, хотя была очень некрасива. Порф. Тим. находил большое сходство ее лица — с лошадью. С своей стороны Виардо оказала предпочтение молодому Тургеневу, из-за ревности к которому председатель тайного Цензурного комитета Д. И. Бутурлин указал государю на статью, написанную Тургеневым на смерть Гоголя, как на вредную, противоправительственную, за что и был сослан в свое имение Спасское, без права выезжать в столицы и заграницу.

Здесь у себя в парке он насадил от флигеля, где жил и написал «Записки охотника», липовую аллею к большому пруду и назвал ее ссыльной. В это время первым из многих его приятелей навестил Михаил Семенович Щепкин. «Погруженный в невеселые думы,— вспоминал Т.,— сидел я одиноко у себя на балконе, вдруг послышался за околицей отдаленный звон колокольчиков, который все приближался и наконец к флигелю подъехал ямской тарантас, из которого с трудом вылезла грузная фигура артиста Михаила Семеновича Щепкина. Радостное настроение свидания охватило нас обоих. Обладая добрейшей душой, Мих. Сем. глубокие чувства под час переживал с трудом удерживая слезы и, чтобы восстановить спокойствие духа ему в этих случаях помогал его талант — комизм. «А что, дорогой хозяин,— целуя меня,— воскликнул он,— за обедом будут ли мои любимые вареники». «Как же,— поспешил я ответить,— непременно нам подадут их целую миску».

Позднее Ив. Сер. послал свою просьбу Александру II и получил разрешение уехать за границу. С этих пор он переселился туда навсегда, наезжая изредка в Россию. Не могу не привести здесь характеристику, сделанную о нем во французском журнале г. Адон — «Nouvelle Revue». Она искренно представила его тогдашние чувства к родине, привожу ее почти целиком: «Moscow, так там его звали, воображает, что офранцузился во Франции,— ничуть, он всегда был у нас изгнанником, сначала невольным, а затем добровольным. В Па-

риже он не перестал думать о России и были часы, когда доходил до острой тоски по родине. Он радовался, что туда уезжает. Между тем опять возвращался от своей любимицы, от родных. Он никогда не чувствовал себя, как дома ни в Бадене, ни в Париже, хотя любил своих французских друзей от всей своей горячей, славянской души, любил их ненарушимо, неразрывно».

В 1863 г. купил себе участок земли в Баден-Бадене, построил виллу, в которой жил до 1870 г., потом ее продал и, когда кончилась франко-прусская война, переселился жить в Les Frênes Longival, близ Парижа, где выстроил обширный 3-х этажный особняк. Внизу была зала, столовая, картинная галлерея, освещаемые сверху, во втором этаже спальни и зала Виардо, где она давала уроки пения. В 3-м этаже помещался сам Т., у него была очень скромная обстановка, даже его письменный стол в кабинете стоял под окнами, внизу которых был прибит ковер, чтобы предохранить его больные ноги от движения ветра и оконного холода; он даже мирился с ученическими сольфеджированиями, которые постоянно неслись к нему.

Целую жизнь, до самой смерти, самые дружественные отношения связывали его с семьей Виардо, не любил он только ее сына, известного скрипача,— в Grand Opéra, он был дирижером,— находя его не только неотесанным, но под час невыносимым. По отношению к его собственной дочери его всегда тяготило сознание, что она не оправдала его и Виардо стараний образовать из нее вполне интеллигентную женщину. Между тем сама Виардо и ее три дочери были образованы, талантливы, пройдя школу пения у матери, пели с артистической законченностью.

Меньше всех была любима в семье дочь Виардо — Эллен, замужем за Геритт. Она жила в Германии во Франкфурте и тоже занималась преподаванием пения.

В 1877 г. у Ел. Ив. Ардовой — Апреловой я видела портрет второй дочери Виардо — Клотильды, очень красивой с большими темными глазами, правильными чертами лица южного типа, очень любимая Т. Ее муж Шамеро имел издательское типографское дело. Младшая Марианна обладала чудным голосом, была задумчива, меланхолична, замужем за Дювернуа, композитором и профессором консерватории. Обе сестры пели дуэты, а с матерью — вокальное трио. У самой Виардо было много учениц и летом она из Буживаля каждый день ездила в Париж давать уроки пения. В выборе арий для учениц и с суждениями об их исполнении и за всеми советами по пению Виардо всегда обращалась к мужу и ими дорожила. Сам Виардо с помощью Т. занимался переводами наших классических писателей на французский язык, преобразуя прозу в стихотворную форму французской речи. Он умер в мае 1883 г. 83 лет.

В 1880 г. зима стояла суровая, метели бывали сильные и частые. Как то под вечер приходит наш дворник и говорит, что возле оврага, за садом неистово кричит человек. Велели ему взять работников и с фонарем отправиться на крик, узнать, в чем дело. Оказалась баба, везшая к больному Кудряшева, не заметила, как вывалила его из розвальней и он, прождавши напрасно ее возвращения и, видя наступление ночи, решил о себе дать знать на усадьбе неистовым криком.

Летом 1881 г. у Т. гостила семья Я. П. Полонского. Однажды зашла с ними провести вечер. Застала всех сидящими на балконе. Ж. А. варила варенье, Наташа на ступеньках вела веселую болтовню с крестьянской девочкой, которую заставила толочь сахар в ступке, обе заливались веселым. неудержимым хохотом, обращаясь часто с вопросами к Ив. Сер. «Сегодня за обедом,— говорила она,— ваш За-

хар сказал «уполовник», что это такое?» — Разве ты не знаешь,— ответил он,— так называется ковш, которым разливают суп».— А что такое антимэкасары?» — допрашивала она.— «Это такие салфеточки, которые кладут на спинки кресел»,— объяснял он ей. Между тем мы заметили, как грузно из боковой аллеи подвигался к балкону Порф. Тим. Кряхтя, стал подниматься, жалуясь, что совсем становится трудно ходить от боли ног и поясницы. На что Т. ему заметил: «Как не болеть твоей пояснице, Порфирий? Посмотрите, обратился при этом к нам, взрослым, проводя рукою от балкона до церкви, расстояние, кажется, небольшое, но если поставить вплотную всех красавиц, с которыми он грешил в своей жизни, ручаюсь, не хватит места».— «Да,— возразил Кудряшев,— но ты забыл тоже, как при жизни покойной Варвары Петровны ты, молодой, страха ради на заре, чуть ли не на коленях по росе крался из Спасского в Петровское за тем же делом, а ко мне в домишко заходил обсушиваться». Полонская от души захохотала, а Ив. Сер., чтобы переменить разговор обратился с каким то вопросом к Наташе. Т. по смерти своей матери, подарил Кудряшеву, при своей усадьбе землю, дал лесу на постройку дома с надворными службами и полный живой и мертвый инвентарь.

Последнюю зиму Порф. Тим. сильно хворал. Когда мой муж пошел его навестить и спросил: «не выписать ли телеграммой из Петербурга вашего сына»? — он ответил: «а что ему здесь делать? Разве получить мое благословение, что же касается до моего наследства, пускай не расчитывает: все, по завещанию, оставляю своей бабе». Тем не менее дали знать его сыну, он приехал и провел у нас целый день. То был красивый, вполне корректный молодой человек. Неродственно его встретил отец, подтвердил свои слова о наследстве. Молодой Кудряшев просил Ник. Ал. написать об этом Тургеневу, надеясь, что, как получивший от него, его отец усовестится и изменит духовную. В скором времени в письме к Ник. Ал. Тургенев вложил письмо к Порф. Тим., прося его ему прочесть. В нем мягко уговаривал старика не лишать несправедливо наследства сына от жены, некогда им страстно любимой, тем более, что сын не подавал ни малейшего дурного повода к такому решению. «Каким бы человек не предавался слабостям,— писал Т.,— родители не должны забывать своих обязанностей по отношению к детям». Кудряшев внимательно выслушал письмо Т., стал вертеть указательным пальцем по своему лбу и сказал: «Надо отдать справедливость Т., что здесь у него всегда гнездилось много несбыточных фантазий».

Духовного завещания не уничтожил. Не прожил после этого месяца, умер от гангрены ноги.

X. Похороны Ивана Сергеевича Тургенева.

Иван Сергеевич скончался 22 августа 1883 г. на 65 году своей жизни в Frènes Longival. Вес его мозга превышал 2000 грамм. Виардо с умершего написала портрет. Через два дня после смерти, тело его было перевезено из Буживаля в Париж, где в русской церкви 26 августа ст. ст. произошло отпевание. Ему хотелось лежать в ногах Пушкина в Святогорском Успенском монастыре, которого считал своим учителем, но завещал похоронить рядом с другом своим Белинским на Волковом кладбище в Петербурге, где и лежит на северной стороне его. Через 3 недели — 19 сентября — после его смерти тело было отправлено в Петербург по Северной ж. д., 23 сентября прибыло на нашу границу в Вержболово; 27 — на варшавскую станцию в Петер-

бург и в этот же день было предано земле, по постановлению Думы, на счет города.

В продолжении 40 лет Тургеневу принадлежала руководящая роль в литературе. В память усопшего открыты 2 народных училища его имени и в Петербургском университете, где кончил он курс,— стипендия его имени. На его могиле произнесены были речи: — ректором Петербургского университета — А. Н. Бекетовым, профессором Моск. университета — С. Н. Муромцевым, Д. В. Григоровичем, Н. Н. Плещеев прочел свое стихотворение. В похоронной процессии участвовало 179 депутаций с венками от разных ученых учреждений, общественных, учебных заведений: высших, средних, от органов столичной, провинциальной русской печати, от многих русских и иностранных городов. Много венков прибыло из Парижа, Берлина и попутных городов, которые встречали его прах днем и ночью. В день его похорон в Спасскую церковь Мценского у., Орловск. губ. одним господином Б. Ч. была внесена 100 р. облигация 2-го Восточного займа серия № 08447, по процентам с которой в известные дни духовенство должно поминать: Варвару, Ивана и Николая Тургеневых.

Привожу здесь письмо моего мужа, полученное мною из Петербурга.

«14 сент. 1883 г. Евгений Михайлович Гаршин с фотографом от «Нивы» уехал снимать Спасский дом и усадьбу. С Топоровым я поехал в комиссию похорон, где выбран главным распорядителем Григорович. Он мне сказал: «чтобы доказать нам расположение покойного и, как более близким лицам к Тургеневу, даю вам первым по билету для входа в церковь и, плача, поцеловался со мной, назначив, чтобы венок от крестьян был первым во главе всей процессии. Я понесу его с Топоровым и Гаршиным. Я заказал очень большой венок из дубовых листьев с желудями, в средине которого будет надпись из живых цветов: «Ивану Сергеевичу Тургеневу от его бывших крепостных». На ленте надпись на одном конце: «От крестьян села Спасское-Лутовиново», на другом: «От крестьян деревни Кальны». Венок был на двух шестах, обтянутых черной материей; в шествии было более 179 венков. Уже много венков выставлено на Невском в окнах. Полонские в горе. Не задолго до его кончины, получили от Тургенева письмо, написанное рукою Виардо, но подписанное Тургеневым: «Если ты не возвратишь или не сожжешь в присутствии Топорова мои письма и рукописи, взятые из Спасского, не считай меня своим другом». Был у Суворина [1], все бранят Виардо: хитро отстранила от него всех приятелей, все завещал ей, даже не оставил им своих рукописей. Он и Спасское задумал продать по ее настоянию, но не успел. Когда Т. скончался, Топоров выехал из Парижа, прощаясь с ним Ив. Сер., сказал ему: «я так худ, мои ноги стали как у стрекозы»...

---

[1] Суворин А. С. (1834—1912) — писатель, драматург и журналист, издатель реакционной газеты «Новое время».

Из дневника В. П. Гаевского

(1883—1887 гг.)

Публикуемые отрывки из дневника В. П. Гаевского печатаются с копии, писанной собственноручно Гаевским и хранящейся в Рукописном отделении Гос. Публичной Библиотеки в Ленинграде. Копия эта, в свою очередь, является выборкой, сделанной самим Гаевским из его Дневника, и, очевидно, предназначенной им к опубликованию. Она писана без помарок на листах писчей бумаги большого формата.

Автор дневника — Виктор Павлович Гаевский (1826—1888) — литератор, друг Тургенева, Некрасова, Григоровича, Полонского, один из основателей Литературного фонда, многократно избиравшийся его председателем и до конца своей жизни бывший его деятельным членом. Гаевский известен, кроме того, как знаток Пушкина, посвятивший ему ряд статей и исследований, а также, как редактор «Первого собрания писем И. С. Тургенева», изданного Литературным фондом в 1884 г.

По своим политическим взглядам Гаевский был типичным представителем либеральной русской интеллигенции второй половины XIX века, и его дневник является полным подтверждением этого. Правда, в своем дневнике Гаевский мало и случайно реагирует на события политической жизни, — круг его интересов замкнут почти исключительно литературой и искусством, — но там, где Гаевский пытается высказать свои общественно-политические воззрения, он неизменно остается на уровне среднего либерала.

Между тем, его дневник относится к годам самой мрачной реакции (1883—1887 гг.), в нем приводится ряд фактов проявления этой крайней, тупой реакции. Но его отношение к таким фактам чаще всего высказывается в виде меланхолических сентенций: «Ужасные нравы в нашем городе» — можно повторить вместе с Островским», — замечает Гаевский. «Игра в революцию отнимает у общества энергических людей», говорит он по другому поводу. Факт субсидирования Тургеневым народнического органа «Вперед» объясняется Гаевским, как желание Тургенева «помочь лично Лаврову». Более резкую оценку он дает таким столпам реакции, как Катков и кн. Мещерский, — в особенности последнему.

Но, разумеется, нам интересны не политические высказывания Гаевского. Его дневник интересен, как собрание, хотя и не всегда значительных, но характерных и подчас острых замечаний Гаевского о современных ему деятелях литературы и искусства, его наблюдений и воспоминаний из литературного мира 80-х годов.

Центр его дневника — Тургенев. Перевезение его тела из Парижа в Петербург, настроение петербургской интеллигенции и молодежи в эти дни, дикий произвол администрации, усматривавшей в похоронах великого русского писателя чуть ли не революционный акт, похороны, различные виды чествования памяти Тургенева (литературные собрания, издание сборника его писем и т. п.) — все это нашло подробное отражение в дневнике. Достаточно ярко

отразилась в нем и борьба личных и партийных интересов,— чаще всего весьма мелких и узких, — возникшая после смерти Тургенева по вопросу о его литературном наследии.

Дневник дает любопытные штрихи и для характеристики некоторых других писателей и художников, как напр., Салтыков-Щедрин, Гончаров, Григорович, Полонский, Стасюлевич, Айвазовский, Верещагин и др.

Дневник Гаевского имеет несомненную ценность, как живое свидетельское слово литературного деятеля конца прошлого века о многих видных представителях русской литературы и искусства и о многих памятных в истории нашей литературы фактах.

Г. Никольская

1883 г.

10 сентября. Панихида в 20-й день по смерти Тургенева. Казанский собор был наполнен; множество литераторов; но из лиц высшей администрации — никого. Из собора я поехал с Стасюлевичем на Волково кладбище, чтоб выбрать место для погребения Тургенева. Туда же приехали Таганцев [1], Спасович [2], Утин [3], Гайдебуров [4]. Возле Белинского, как желал Тургенев,— невозможно; место занято Добролюбовым, который также хотел лежать рядом с Белинским. Между тем уже сдвинули памятник Добролюбова и вырыли могилу по распоряжению Григоровича, который поторопился и, по обыкновению, напутал. Мы выбрали, однако, место около самой церкви, при входе в нее налево, и решили перенести сюда же Белинского и Добролюбова, для чего купили все свободное пространство на 10 могил за 1500 р.

11 сентября. Заседание комиссии о похоронах Тургенева. Городская управа ассигновала 3000 р. в распоряжение Литературного фонда. Тело привезут в Петербург, вероятно, 22 сентября. Студентам университета запрещено участие в подписке на венок и в похоронной процессии. Таганцев заявил в комиссии о таком же запрещении по гвардейскому корпусу. Трудно верить такой нелепости, но то правда: на вчерашней панихиде не было ни одного офицера.

Заходил к Я. Полонскому, от которого получил более 150 писем к нему Тургенева для издания их, в числе других, в пользу Литературного фонда, и сегодня же вечером принялся разбирать их. В них поразили меня неумеренные похвалы Полонскому и брань Некрасову, которого Тургенев называет «мазуриком». Уж не знаю даже, печатать ли это? А во всем виновата статья Антоновича в «Современнике» об «Отцах и детях», дикая и тенденциозная, но написанная горячо [5].

12 сентября. «Московские ведомости» выпалили, наконец, перепечаткою из «Justice» письма П. Лаврова о том, что Тургенев давал с 1874 г. на издание журнала «Вперед» по 500 фр. Эта инсинуация подействует на наших охранителей. Если это справедливо, то объяс-

---

[1] Таганцев Николай Степанович (1843—1919), известный криминалист, сенатор.

[2] Спасович Владимир Данилович (род. 1823 г.), популярный адвокат и литератор.

[3] Утин Евгений Исаакович (1847—1894), адвокат и публицист.

[4] Гайдебуров Павел Александрович (род. 1841 г.), литератор, издатель журнала «Неделя», член комитета Литературного фонда.

[5] Антонович Максим Алексеевич (1835—1918), литературный критик. Его статья об «Отцах и детях» («Современник», 1862, кн. 3, «Асмодей нашего времени») была причиной разрыва Тургенева с журналом «Современник».

няется более всего желанием помочь лично Лаврову, с которым Тургенев был в хороших, хотя не близких отношениях [1].

13 сентября. Такое же предположение высказано сегодня в «Новом времени» Сувориным и Н. Н-вым. Последний (недоумеваю, кто?) близко знаком с положением русских эмигрантов и обстоятельствами перенесения издания из Цюриха в Лондон.

Утром заходил ко мне Краевский [2], который сообщил, что возобновил с Савинковым на два года договор об издании «Отечественных записок». Он же сообщил, что государь, когда ему доложили о смерти Тургенева, сказал: «Одним нигилистом меньше!». Это напоминает мне слышанный от Тургенева рассказ, как покойный государь, более образованный и добрый, на каком то смотру на юге России, спросил военного брата Тургенева, не брат ли он автора «Дыма». На утвердительный ответ государь заметил: «Как вас много развелось!» Тургенев сейчас же вышел в отставку.

К обеду пришел Григорович, усталый и растерзанный, но рассказал много забавного; между прочим, отчаянье Топорова, доходящего до слез и истерики, оттого, что у него «украли тело Тургенева», который как то выразился в присутствии кн. Орлова, что Топоров свезет его в Россию. Но кто же мешал ему это сделать?

15 сентября. Мертвый Тургенев продолжает пугать министров и полицию. Сегодня объявлено в комиссии распоряжение министра внутренних дел, чтоб не было никаких речей, а министр юстиции переполошился от намерения присяжных поверенных участвовать в процессии.

16 сентября. Утро в комиссии по погребению Тургенева. Потом заходил к Краевскому. Продажа «Голоса» расстроилась, потому что гр. Толстой [3] не соглашается снять цензуру. У меня обедали: П. В. Анненков, приехавший вчера в Петербург, Григорович, Салтыков и Стасюлевич. Было много рассказов и воспоминаний о Тургеневе. Григорович доставил мне его письма к нему.

17 сентября. Все утро отбивался от желающих получить билеты на погребение Тургенева. Запрещение студентам снято. Но какие то опасения существуют. Говорят, Глазунов [4] ездил к градоначальнику объясняться «насчет предстоящих беспорядков». Сегодня получил письмо от Рольстона [5], который предоставляет в мое распоряжение письма к нему Тургенева.

19 сентября. Утро — в комиссии; вечером в заседании комитета Литературного фонда... Получено письмо М. В. Белинской, которая умоляет Общество употребить все средства, чтоб воспрепятствовать перенесению его праха.

20 сентября. Послал Белинской успокоительное письмо и просил ее о доставлении писем Тургенева к ее мужу. По поручению Ко-

---

[1] Лавров Петр Лаврович (1823—1900), в 1873—1877 гг. редактировал за границей орган народничества «Вперед». Тургенев, действительно, в течение трех лет вносил в редакцию «Вперед» по 500 фр. (см. его письмо к Лаврову, «Былое», 1906, кн. 2) Перепечатка письма Лаврова реакционными «Московскими ведомостями» имела определенную цель: обострить правительственные репрессии против лиц, чествующих память Тургенева, и оттолкнуть от него либеральные круги общества.

[2] Краевский Андрей Александрович (1810—1889), литератор, редактор — издатель журнала «Отечественные записки», основатель газеты «Голос».

[3] Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823—1889), министр внутренних дел, шеф жандармов.

[4] Глазунов Иван Ильич (1826—1889), глава книго-издательской фирмы Глазуновых в Петербурге. Им было приобретено право на издание сочинений Тургенева, Гончарова, Островского.

[5] Рольстон, английский ученый-фольклорист, состоявший в переписке с Тургеневым.

митета ездил к Я. К. Гроту[1] просить его произнести речь на могиле Тургенева от Академии наук. Он согласился, хотя советовал обратиться лучше к Сухомлинову[2]. Буду ждать окончательного ответа. Грот сообщил мне, что вчера вечером скончался Ф. И. Иордан[3], 84 лет. Обедал у меня Григорович.

21 сентября. Грот пишет мне, что обдумав предложение Литературного фонда, он убедился, что не может его выполнить и уже написал об этом Сухомлинову. Я виделся с ним в университете и уговорил принять эту обязанность. От университета согласился сказать речь Бекетов[4]. Говорить от имени литературы убеждаю Григоровича, который сверх того прочтет стихи Плещеева. Утром был на панихиде по Иордане. Народу было мало, даже художников. Из литераторов только Ровинский и Сомов, специалисты по гравюре.

22 сентября. Утром на отпевании Иордана в академической церкви. Много народу; попов насчитал 12... Архиерейское служение напоминает мне ответ Н. И. Тургенева (декабриста), которого я встретил в последний его приезд в Петербург у Ламанского. На мой вопрос, что он видел в Петербурге, Тургенев отвечал: «Сейчас был в Александровской лавре: ужасно люблю ботвинью и архиерейское служение!» Отпевание было торжественно, гроб несли на руках, и чувствовалось, что старик, независимо от заслуг, оставил хорошую память. На кладбище я не провожал, спеша в комиссию. При входе моем Спасович сообщил мне, что по требованию министра юстиции из числа депутации исключены мировые судьи и присяжные поверенные. Я убедил Спасовича съездить, в качестве председателя совета, к Набокову[5], чтоб разъяснить ему всю нелепость подобной меры.

23 сентября. Левицкий[6] прислал мне 150 фотографий мертвого Тургенева, пожертвованных в пользу Литературного фонда...

25 сентября. Получил письмо от Белинской, которая заявляет о своем неизменном желании, чтоб прах ее мужа оставался там, где лежит 35 лет. Писем Тургенева к Белинскому было, по ее словам, очень немного, потому что все время знакомства они жили в одном месте и видались ежедневно, с 1843 по 1847 г. в Петербурге, а весной и летом 1847 г. за границей. Все письма к Белинскому и его бумаги она, во время изданий его сочинений, передала Николаю Христофоровичу Кетчеру[7], который до сих пор не возвратил их, несмотря на неоднократные напоминания.

25 сентября. Стасюлевич, сопровождающий тело Тургенева, телеграфировал мне из Вержболова о выезде г-жи Chamerot, дочери Виардо, в Петербург и просил сделать ей визит в Hôtel de France. Я исполнил его желание, но не застал ее дома.

26 сентября. У меня рано утром был Шамро. Он очень симпатичный человек. Сегодня же я познакомился с его женой, которая очень напоминает свою мать. Григорович хотел навязать мне чтение стихов Плещеева на могиле, но я убедил автора читать самому. Не сомневаюсь, что завтра будет беспорядок невообразимый.

---

[1] Грот Яков Карлович (1812—1893), академик; лингвист и историк литературы.

[2] Сухомлинов Михаил Иванович (род. 1828 г.), академик, историк литературы.

[3] Иордан Федор Иванович (1800—1883), один из лучших русских граверов, профессор Академии художеств.

Бекетов Андрей Николаевич (1825—1903), известный ученый-ботаник, профессор и ректор Петербургского университета.

Набоков Дмитрий Николаевич (р. 1827 г.), министр юстиции.

[6] Левицкий, петербургский фотограф.

[7] Кетчер Николай Христофорович (1807—1886), литератор, переводчик Шекспира; друг Белинского и Тургенева.

27 сентября. Сегодня, при самой благоприятной погоде, в совершенном порядке, произошло погребение Тургенева. Город оживился с раннего утра; со всех сторон везли венки и стекались депутации. Процессия представляла умилительное зрелище. Таких похорон еще не бывало в России, да и едва ли будет. Замечательно отсутствие всякой оффициальности: ни одного военного мундира, ни одного не только министра, но сколько-нибудь высокопоставленного лица. Администрация видимо была напугана. На кладбище послано было, независимо от полиции, 500 казаков, а на дворах домов и в казармах по пути шествия находились войска в походной форме. Думал ли бедный Тургенев, самый миролюбивый из людей, что он будет так страшен по смерти! С похорон я привез Стасюлевича, который приехал с телом, и много рассказывал о каверзах со стороны жандармов в течение трехдневного пленения в Верзболово.

28 сентября. Утром у меня был Chamerot (зять Виардо) и принес два завещания Тургенева. Вот первое, писанное русским консулом в Париже Карцовым: «Во имя отца, и сына, и святого духа. Будучи в здравом уме и твердой памяти, я нижеподписавшийся, коллежский секретарь Иван Сергеевич Тургенев, на случай моей смерти завещаю все авторские права и литературную собственность на сочинения мои, как изданные, так и неизданные, а равно и еще должные мне по контракту книгопродавцем-издателем Иваном Ильичем Глазуновым двадцать тысяч рублей — всецело французской подданной Полине Виардо Гарсиа. Писано со слов моих и по личной моей просьбе, в квартире моей в Париже, улица Дуэ (Doui) № 50, семнадцатого — двадцать девятого марта тысяча восемьсот восемьдесят третьего года действительным статским советником Андреем Николаевичем Карцовым. Коллежский секретарь Иван Сергеевич Тургенев». Следует подпись переписчика и свидетелей.

Второе завещание собственноручное, на малом листе почтовой бумаги: «L'Institut Madame Pauline Viardot Garcia ma légataire universelle en toute ma fortune». Bougival, Juillet 1883. Ivan Tourgeneff». Следует засвидетельствование русского консула. Шамро вручил мне также сохранную расписку Тургенева, собственноручно им написанную в 1864 г. в Баден-Бадене по-русски, с его же французским переводом, на взятие им у Полины Виардо на хранение 30.000 р. полуимпериалами чеканки 1856 и 1857 гг. По словам Шамро, необходимо начать процесс об уничтожении контракта с Глазуновым, заключенного по доверенности Тургенева Топоровым, так как доверенность эта не засвидетельствована русским консулом. Авторское право продано Глазунову за 80 т. р., включая в эту сумму вышеупомянутые 20 т. р., и притом с рассрочкою на 10 лет. Сумма, действительно, ничтожная, и предположение Шамро, что Топоров продал не только сочинения Тургенева, но и его самого,— весьма вероятно. Топоров, бывший рейткнехт, а в последствии зубной врач придворных служителей, конечно, способен на это. Он ездил в Париж на счет Глазунова, экипировался там на счет Виардо, и сделку с Глазуновым объясняет патриотическими чувствами. Мне, по приезде из Парижа, он говорил, что «вырвал сочинения Тургенева из рук Виардихи». Как не было стыдно Тургеневу связываться с лакеями! Как бы то ни было, я не мог, по личным отношениям, взяться за процесс с Глазуновым, моим товарищем по пансиону Эйнерлинга, и рекомендовал Герарда, узнав, что Спасович, которого я на похоронах познакомил с Шамро, уехал сегодня в Брюссель на открытие Palais de Justice.

Вечером в зале городского кредитного общества — чтение Литературного фонда в память Тургенева. Оно удалось в материальном от-

ношении, но было устроено (Гайдебуровым) очень плохо. Анненков[1] и Кавелин[2] утомили публику. Первый читал весьма бессодержательные заметки о Тургеневе, в которых главный факт состоит в том, что Тургенев, не имея в молодые годы денег, ходил в какую-то кухмистерскую есть даровой черный хлеб под предлогом беседы с приятелями. Стоило ли писать и публично читать о таком вздоре? Кавелин читал «Довольно!» без сокращений, тихо, вяло, и чуть не вызвал криков: довольно! Лучше всех читала Савина. Давыдова и Полонского я не слыхал, но оставшиеся до конца говорят, что они имели большой успех.

29 сентября. Утром у меня по делам Тургенева консультация, в которой участвовали: Герард, Герке и Люстих[3], признавшие возможным ходатайствовать в Петербурге об утверждении обоих завещаний Тургенева. Я сомневаюсь относительно второго.

30 сентября. Сегодня, в 40-й день по смерти Тургенева, была обедня и панихида на Волковом кладбище. Народу было немного, литература явилась в весьма умеренном количестве: Григорович, Таганцев, Пыпин, Стасюлевич, Анненков, Гр. Градовский, Утин и трое депутатов Москвы: Веселовский, Ковалевский и Муромцев. Из членов Государственного совета только Философов с женой. Венки оказались совершенно оборванными.

Обедал у меня и провел весь вечер Полонский. Он очень огорчен разладом с Тургеневым, который в июле, месяца за полтора до смерти, послал ему написанное под его диктовку письмо, наполненное упреками за то, что жена Полонского взяла из стола в Спасском бумаги Тургенева. Поступок, действительно, возмутительный, объясняемый прежде всего бабьей глупостью. Я советовал Полонскому заявить Герарду, как поверенному наследницы, что он случайно сделался хранителем бумаг Тургенева, и возвратить их тому, кто будет утвержден в правах наследства.

1 октября... Обедал у Шамро с Стасюлевичем и Григоровичем. По словам Герарда, оказалось, что Топоров имел полномочие на заключение с Глазуновым договора, который совершен правильно. Шамро подарил мне слепок левой руки Тургенева, сделанный в день смерти (правая была сведена судорогами).

Получил письмо от Рольстона, который сообщает, что поручал своему другу и другу Тургенева — Онегину разобрать письма Тургенева и прислать ко мне те, которые он признает заслуживающими издания. Шамро говорит, что Тургенев месяца за два до смерти прогнал этого «друга», а семейство Виардо заподозрило его в краже рукописей. Под именем Онегина скрывается Александр Федорович Отто, бывший гувернером у Власовой, урожденной Ворониной, и выдающий себя революционера, не имеющего возможности возвратиться в Россию; в действительности же он — личность весьма подозрительная, может быть, шпион, и несомненно прохвост.

3 октября. Был у Шамро. Она завтра уезжает, убедившись, что с Глазуновым ничего не сделаешь... Завтра мы сходимся у Донона в память Тургенева.

4 октября. Обедал у Донона с Анненковым, Кавелиным, Салтыковым и Стасюлевичем. Вспоминали о Тургеневе, и все были возмущены приемом Семевского, который пригласив к себе Тургенева, устроил ему ловушку: стенографировал его разговор (вероятно, сте-

[1] Анненков Павел Васильевич (1812—1887), литературный критик; друг Тургенева, издатель первого собрания сочинений Пушкина.

[2] Кавелин Константин Дмитриевич (1813—1885), историк, публицист, общественный деятель.

[3] Герард, Герке, Люстих — петербургские адвокаты.

нограф сидел в соседней комнате) и напечатал его, как только скончался Тургенев[1]. Прием вполне достойный Семевского.

6 октября. У меня обедал и провел вечер Григорович, который, со слов Полонского, рассказывал, что Тургенев был влюблен в жену Полонского, уговаривал ее бросить мужа и пр. Это происходило, когда они жили в Спасском в 1881 г. В этом рассказе, конечно, много преувеличенного, но может быть некоторая доля правды, потому что Тургенев был очень влюбчив. Сегодня от Ефремова я слышал, что у Бартенева есть письмо Достоевского, в котором он обличает Тургенева в безнравственности, отсутствии патриотизма, предательстве и проч. Тургенев, узнав об этом, написал Бартеневу объяснение. Оба письма, вероятно, будут напечатаны в январской книжке «Русского архива»[2].

8 октября. Из московской корреспонденции, напечатанной в «Новом времени», я узнал, что буду читать в заседании Общества любителей российской словесности письма Тургенева к Савиной. Участвовать в чтении приглашены еще, кроме меня, из Петербурга: Анненков, который вчера уехал за границу, и гр. Л. Толстой, находящийся в Тульской губернии. Савина, которую я сегодня видел в заседании, и которая вовсе не расположена давать писем к ней, вероятно, имеющих слишком интимный характер, была очень удивлена этим известием. Действительно, распоряжаться людьми, не спросивши их, и оповещать об этом Европу — по меньшей мере бестактно...

11 октября. Григорович читал у меня свою новую повесть[3], написанную нынешним летом. Сюжет весьма удачный, рассказ живой, много наблюдательности, читается легко. Он просит предложить эту повесть Стасюлевичу, который, не сомневаюсь, возьмет ее охотно.

12 октября. У меня был Глазунов, который подтвердил слышанное уже мною известие, что градоначальник опротестовал постановление думы о выдаче из городских сумм на похороны Тургенева 3 000 р. Вероятно, он действует по приказанию свыше... Встретил Стасюлевича, которому предложил напечатать в «Вестнике Европы» повесть Григоровича. Разумеется, согласен, о чем я немедленно известил автора..

14 октября. Сегодня получил письмо от Полины Виардо, которая обещает по возвращении в город выбрать из своей корреспонденции с Тургеневым несколько его писем... Вечером заходил Таганцев, сообщивший, что получил от Полонской, через Топорова, в пользу Литературного фонда бумаги Тургенева, привезенные ею из Спасского. Тургенев рассорился с Полонским, узнав, что они привезли эти бумаги, и потому едва ли Полонская имела право располагать ими. Они принадлежат Виардо, которой Тургенев завещал всю свою собственность. Кстати, завещание Тургенева (французское) утверждено к исполнению 11 октября.

18 октября. У меня обедали Григорович и Полонский. Григоровичу Маркс, издатель «Нивы», предлагает за повесть по 400 р. за лист. Я советовал отдать. Полонский пишет воспоминания о пребывании в Спасском и приходил, чтобы пересмотреть у меня письма Тургенева. Вечером я был в концерте на полчаса. Там пристал ко мне Семев-

---

[1] Редактором-издателем «Русская старина» М. И. Семевским в кн. 10 за 1883 г. была помещена статья: «И. С. Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4 марта 1880 г.» В примечании к статье говорится, что слова Тургенева были на другой день, рано утром, продиктованы стенографу, «о чем несколько дней спустя пишущий эти строки сообщил лично Ивану Сергеевичу»,— добавляет Семевский.

[2] По поводу этих писем см. заметку П. Бартенева в журнале «Русский архив», 1884, кн. 5.

[3] Повесть «Недолгое счастье»; напечатана в «Ниве», 1884 г.

ский, чтоб уступить ему для «Русской старины» письма Тургенева, а в сборнике в пользу Литературного фонда перепечатать их. Я только подивился этой комбинации...

24 октября. Утром заезжал к Достоевской, у которой, по словам О. Ф. Миллера, нашлось несколько интересных писем Тургенева к ее мужу. Обещала доставить. Зная мое участие к ее судьбе, она с гордостью показала мне расписки Гос. банка на отданные на хранение 30 000 р., вырученные от продажи сочинений ее мужа, за покрытием всех расходов. Вся чистая прибыль должна составить по ее расчету не менее 70.000 р. Присмотревшись к делу, она говорит, что сочинения Тургенева в течение 50 лет могли бы доставить до 400 т. р. дохода; а проданы навсегда в сущности за 30 т. р.!

25 октября. Издатель «Нивы» Маркс предложил Григоровичу за его новую повесть по 500 р. с листа, всего 2 000 р., которые немедленно и уплатил. Григорович в восторге.

30 октября. День рождения Достоевского, заупокойная обедня в Невском монастыре и открытие памятника на могиле. Церковь св. духа была полна, а на могиле — толпа народа, несмотря на непрерывный дождь. Из литераторов я видел: Майкова, Страхова, кн. Мещерского, Гайдебурова. Завеса, вымокшая от дождя, долго сопротивлялась усилиям сорвать ее; наконец, какой то мужик, подсаживаемый другими, влез на памятник и стащил холст. Памятник работы Ловерецкого довольно тяжелый и неуклюжий; а бюст Достоевского — грубый и непохожий.

31 октября. Заезжал к Стасюлевичу и встретил там Гинзбурга, который купил на 500 р. 33 письма Тургенева к Е. Я. Колбасину[1]. Последний предлагал продать их «Вестнику Европы», но Стасюлевич отказался. Продавать дружеские письма — это что-то гадкое, на которое может пойти человек или очень голодный или совсем продажный...

В обществе поощрения художеств я видел В. В. Верещагина, приехавшего вчера. Он рассказывал, как в последнее время Виардо эксплоатировала Тургенева, отстранив от него русских, получая без его ведома доходы с его имения и вполне бесцеремонно распоряжаясь его перепиской. Уход за ним, по словам Верещагина, был невнимательный, нетерпеливый.

3 ноября. Получил письмо от Фета, превратившегося в Шеншина[2]. Он пишет, что готов доставить письма Тургенева, но не ранее апреля, так как они у него в деревне... Превращение Фета в Шеншина напоминает мне выражение Тургенева, что Фет имел имя, которое променял на фамилию.

4 ноября. В. Стасов писал Карташевской[3] о доставлении писем Тургенева, которых у нее около ста. Она сначала согласилась, но, пересмотревши письма, отказалась.

12 ноября. М. Г. Савина сказала мне, что 28 октября, в день рождения Тургенева, она одна посетила могилу Тургенева и нашла ее в весьма беспорядочном виде.

19 ноября. Утром — на выставке Верещагина. Устроена и освещена превосходно. Виды Москвы и местностей в Индии удивитель-

---

[1] Колбасин Елисей Яковлевич (1827—1890), писатель и литературный критик; друг Тургенева.

[2] Сын помещика Шеншина, поэт, носил материнскую фамилию Фет, считаясь внебрачным ребенком. Уже под старость, после хлопот об узаконении, он получил фамилию Шеншина.

[3] Карташевская Варвара Яковлевна, рожд. Макарова (1832—1902). О знакомстве с нею Тургенева см. «Голос минувшего», 1919, кн. 1—4. Там же помещены отрывки из писем к ней Тургенева.

ны; но картинам из последней войны вредит тенденциозность и подчеркивание.

6 декабря. Вечером у Я. П. Полонского. Это день его рождения. Застал дома только его жену, которая много рассказывала о Тургеневе и об их жизни в Спасском. Она передавала со слов Тургенева, что его мать в молодости была очень бедна, служила компаньонкой у какой то богатой старухи и была обязана ухаживать за ее паршивой собачонкой, которую каждый день приносила ее госпоже на подушке. Это так надоело будущей матери Тургенева, что она выбросила собаченку из четвертого этажа. Во время переполоха, который произвело это происшествие, компаньонка получила неожиданное известие, что ей досталось по наследству село Спасское — Лутовиново. Она немедленно бросила свою должность и скоро вышла замуж за молодого и красивого офицера, которого выбрала сама, и который был моложе ее, Сергея Тургенева.

1884 г.

2 января. Вечер провел у В. В. Стасова, которому сегодня стукнуло 60 лет. Весь вечер музицировали: Балакирев, Дютш, Блуменфельд, Глазунов. Встретился с Пл. В. Павловым, с которым не видался со времени его ссылки, т. е. более 26 лет. Он сначала не узнал меня, но сейчас же припомнил многие подробности наших встреч, вспомнил, как мы, оба еще очень молодые люди, посещали лекции Шталя и Машелета в Берлинском университете. Теперь он в Киеве профессором по основанной им же кафедре истории искусства.

4 января. Утром заходил к Салтыкову, который писал мне, что очень болен. Он действительно хворает и все говорит о смерти. Я получил от него 21 письмо Тургенева. Все они имеют большой литературный интерес.

21 января. Вчера был на первом представлении новой пьесы Островского «Без вины виноватые». Она имела большой успех и, конечно, долго продержится на сцене. В первый раз видел Стрепетову: она играет нервно, тонко, талантливо, но неровно. Особенно вредит ей кривобокость.

1885 г.

7 [августа]. Получил письмо Морозова, который отказывается от предполагавшейся покупки библиотеки Тургенева, о чем немедленно известил Шамро. Я предлагал Виардо пожертвовать эту библиотеку в пользу городских училищ, из которых два основаны в память Тургенева. Она было согласилась, и я даже заявил об этом Краевскому, председателю городской училищной комиссии; но жадность одолела, и Виардо, pour ériger un monument de plus à la mémoire de Tourgeneff,— как пишет мне Шамро,— предпочла продать библиотеку и заломила за нее 5 000 франков. Теперь, вероятно, эта библиотека будет распродана по частям при содействии какого-то берлинского книгопродавца.

14 [августа]. Апшенков навестил Салтыкова в Висбадене и нашел его в безнадежном положении. На днях он должен быть в Петербурге.

21 [августа]. В «Новостях» 21 августа я прочитал, что Салтыкову гораздо хуже и что не может быть и речи о его возвращении, а, придя из клуба домой, нашел от него письмо, в котором он извещает, что приехал вчера, 20 августа, и просит поспешить повидаться с ним, «ибо коса смерти не медлит». Я отправился сейчас же и нашел его в жалком виде: он очень похудел и к прежней его болезни—

удушью и подергиванью — прибавились судорожные движения в лице. При его мнительности и раздражительности он очень страдает и желает скорее умереть. Он мне передал билет в 1 000 р., который, как оказалось, пожертвован графом Протасовым.

22 августа. В день смерти Тургенева происходило открытие его бюста на могиле. Собралось человек сто и, после обедни и панихиды в приделе большой церкви, отправились на его могилу. Бронзовый бюст, вылепленный Ж. А. Полонскою и отлитый Мораном, поставлен возле могилы, посредине отгороженного места. После литии, во время которой начался дождь, холст был сдернут, и представилась величественная фигура Тургенева. Бюст довольно удачен, сходство большое, а это — главное, но лепка не художественна и не без шаржа: велик нос и слишком пушиста борода. На открытии были: Таганцев с женой и дочерью, Пыпин с дочерью, Полонская со всеми тремя детьми, Мордовцев, Бильбасов, Г. Градовский, Максимов, Горбунов, Данилевский, Лесков, Лейкин, Кобеко, Полетика, Бертенсон (Краевский болен, а Григорович и Стасюлевич в отсутствии).

Какой то господин прочитал плохие стихи, написанные очень хорошенькой девушкой, которую мне тут же представили, пробормотав ее фамилию, так и оставшуюся мне неизвестною, а Полетика, по обыкновению, сказал речь, и довольно удачно. Он указал на влияние Тургенева на общественное самосознание и кончил желанием, чтобы мы скорее увидели его памятники на площадях русских городов. Наше поколение, конечно, этого не увидит. В толпе многие сетовали на бестактность и глупость Стасюлевича, который в тургеневской ограде похоронил Кавелина. Справедливо замечали, что Кавелин достоин собственной могилы и памятника, а теперь он очутился приживалкой у Тургенева. С кладбища я поехал к Салтыкову с Пыпиным, которого он желал видеть. Салтыков всегда возмущался безучастным отношением редакции «Вестника Европы» к своим сотрудникам, которые вследствие этого не имеют никакой нравственной связи ни с редакцией, ни между собою. Вообще, трудно найти человека более бездарного и менее способного к журнальному делу, чем Стасюлевич. За то уж и скучен его журнал! Это ежемесячный покойник в красном гробу, по удачному выражению Михайловского.

24 [августа]. В газетах — наивные жалобы на медленную доставку телеграмм, отправленных 20 августа и полученных 22. Такой же участи подверглась и телеграмма Салтыкова Унковскому. Оказывается, что в этот день возвращался из-за границы государь и по распоряжению охранной полиции ни одна частная депеша не была отправлена. «Ужасные нравы в нашем городе»,— можно повторить с Островским.

6 [сентября]. Утром был у Салтыкова, который обругал своего швейцара за сообщение хороших вестей о его здоровье, а потом признался, что чувствует себя гораздо лучше.

22 [сентября]. Сегодня происходило освящение и открытие нового здания высших женских курсов на Васильевском острове. Здание красиво и удобно. После молебна Бекетов прочитал (довольно глупо) историю высших женских курсов. Когда он упомянул о Н. В. Стасовой [1], зала разразилась рукоплесканиями. Это была вполне заслуженная овация. После «Боже царя храни...» кто то закричал «ура», которое подхватили только певчие. Из начальствующих лиц были только попечитель округа, градоначальник и градская голова.

[1] Стасова Надежда Васильевна (1822—1895), деятельница в области высшего женского образования, принимавшая участие в организации Высших женских (Бестужевских) курсов.

Ни министров, ни их товарищей, ни даже директоров департаментов не было ни одного. Не по вкусу этим господам высшее женское образование.

1887 г.

6 июня. Прочитал очерк Салтыкова в июньской книжке «Вестника Европы» — «Счастливец». Вещь довольно слабая. Это воспоминания о каком-то лицейском товарище, в лице которого соединено несколько типов, притом довольно бледных, вследствие чего очерк не удался. Узнать в нем кого-либо нельзя, хотя последние страницы, где описано увлечение спиритизмом, редстокизмом и толкование евангелия, напоминают гр. А. П. Бобринского. Кстати о Салтыкове. Он поселился на лето близ станции Серебрянка, в имении покойного Кирилина, чувствует себя лучше; даже меньше ругается, и так доволен дачей, что собирается купить ее.

10 июля. Прочитал обвинительный акт о 21 лицах, обвиняемых в государственных преступлениях и судившихся в военно-окружном суде в июне сего года. Акт составлен сбивчиво, и прочитать 224 печатных страницы довольно утомительно. Самый интересный эпизод — убийство Судейкина Дегаевым, Стародворским и Конашевичем [1]. Самая подлая роль во всем деле принадлежит Судейкину и его агенту Дегаеву. Судейкин замышлял фиктивное покушение на собственное убийство и действительное убийство гр. Толстого, чтоб выслужиться, перехватать всех и сделаться главным начальником полиции или министром. Дегаев — гнуснейшая личность, революционер, обратившийся в шпиона и предавший Судейкина. Этот Дегаев — племянник моей жены, сын ее сестры Натальи, глупой и дрянной женщины, и внук их отца Николая Полевого, многочисленное потомство которого изобилует негодяями. Все обвиняемые играли между собою в революцию, устраивали тайные общества, писали их программы, ссорились между собою и не сделали ни одного полезного дела, кроме убийства Судейкина, который действительно казнен по заслугам. А, между тем, эта игра в революцию отнимает у общества энергичных людей, которые в тесной сфере их служебной или общественной деятельности могли быть гораздо полезнее делу мирной революции.

21 июля. Сегодня напечатано известие о смерти Каткова [2], скончавшегося вчера в своем подмосковном имении Знаменском. Много шуму и много вреда наделал этот человек, которому, во всяком случае, нельзя отказать в большом уме и таланте. Когда-то, при самом начале его журнальной деятельности, мы находились в переписке, но потом разошлись в разные стороны, и даже на Пушкинском празднике в Москве, встречаясь в толпе, не подошли один к другому. «Московские ведомости», единственный русский журнал в европейском смысле, потеряет теперь всякое значение.

24 июля. В газетах везде только Катков... Какие то господа предложили даже учредить при Литературном фонде капитал имени Каткова. Надеюсь, что Комитет отклонит это предложение, так как между Литературным фондом и Катковым не было начего общего:

[1] Убийство инспектора петербургской тайной полиции Судейкина было организовано Исполнительным комитетом «Народной воли» и поручено бывшему члену «Народной воли» провокатору Дегаеву. Исполнение этого поручения избавляло Дегаева от смертной казни, которой бы он подлежал, как изобличенный провокатор. В выполнении приговора над Судейкиным вместе с Дегаевым участвовали Стародворский и Конашевич. 16 декабря 1883 г. Судейкин был убит; Дегаеву удалось бежать заграницу, откуда он более не возвращался.

[2] Катков Михаил Никифорович (1818—1887), публицист, редактор газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник», глава крайней консервативной партии.

Катков не принимал в делах фонда никакого участия, не был его членом, и находился во враждебных отношениях к главнейшим деятелям Общества.

5 сентября. Утром был у Салтыкова по случаю именин его жены. Он очень поправился, хотя уверяет, что умирает; но беспокоен и несносен по-прежнему. Неделю тому назад он прислал мне, когда я еще был на даче, новую свою книгу «Мелочи жизни» и уже два раза присылал спросить (по почте и книгопродавца Карбасникова), получил ли я ее... На железной дороге встретил Рубинштейна, который ехал к своей семье, поселившейся на зиму в Петергофе. Он живет один в Петербурге (Троицкая, 27), потому что директорство в консерватории требует ежедневного там присутствия. Удивительная энергия и преданность своему делу у этого человека!

21 сентября. У нас обедала Евг. Гаевская, которая сообщила, что кн. Мещерский[1] получил от государя 120 000 р. на издание ежедневной газеты. Программа — ужасная до неприличия. Кстати о высочайшем покровительстве в области литературы. Гр. Лорис-Меликов рассказывал мне в Висбадене, что он имеет 1-й номер «Минуты»[2] со следующей резолюцией: «Отрадное явление среди паршивого либерализма».

23 сентября. Оказывается, что кн. Мещерскому назначена субсидия на три года по 120.000 р. в год, т. е. 360.000 р., из сумм государственного казначейства. Пособие это выхлопотал Вышнеградский. Какое бесстыдство! По этому случаю Мещерский задал обед, на который были приглашены Вишнеградский, Т. Филиппов, Н. Смирнов, Победоносцев; но последний, говорят, устыдился и не поехал.

24 сентября. Заходил в Общество поощрения художеств, чтоб подписать адрес Айвазовскому по случаю 50-летия его деятельности Адрес, сочиненный Сомовым, замечателен, кроме своей пустоты, еще тем, что в девяти его строках встречаются девять раз местоимение вы в разных падежах и союз и. Читать этот вздор на юбилее приходится мне.

26 сентября. Юбилей Айвазовского. Я был в Академии художеств, в депутации вместе с Бенуа и Бильдерлингом от Общества поощрения художеств. Нам дали довольно почетное место и поставили второю депутацией, первая же была от Эрмитажа. Юбилей прошел торжественно и скоро. На обед я не поехал, а отправился на выставку картины Айвазовского и Репина в доме Шредера... Картина или, вернее, фигура Пушкина мне не понравилась: неестественная, плоска и манерна. Репин мне говорил в Академии, что ему Пушкин не удался. Вероятно, это чувствовал и Айвазовский, потому что сам написал Пушкина на берегу Черного моря — картину, выставленную сегодня в Академии.

28 сентября. Отправил письмо к m-me Виардо в ответ на ее вопрос, куда пожертвовать портрет Тургенева, писанный Харламовым. Я советовал отдать его в Эрмитаж, а если не хочет отдавать туда, то в Публичную библиотеку или Академию наук. Встретил Плещеева, который сообщил мне, что Гончаров написал повесть и продал ее в «Ниву» по 1 000 р. за лист[3], всего за 6 000 р. Такой платы еще до

---

[1] Мещерский Владимир Петрович, кн. (1839—1914), редактор-издатель газеты «Гражданин». Эта газета, издававшаяся в 1872—1914 гг., отличалась крайней реакционностью и могла существовать лишь при условии широкого ее субсидирования правительством.

[2] «Минута» — ежедневная газета типа бульварных изданий, издавалась Баталиным в Петербурге в 1880—1890 гг.

[3] Речь идет об очерках Гончарова «Слуги», напечатанных в «Ниве» в 1888 г.

сих пор не было. В 1884 г. я провез из Парижа маленький рассказ Тургенева, записанный по его диктовке m-me Виардо по-французски [1]. Я спросил и получил 1 000 р., хотя рассказ не превышал полулиста; но это было уже по смерти, а Гончаров еще жив и за такую цену напишет еще сколько угодно повестей.

2 октября. Я заходил в клуб, чтоб посмотреть два первые номера «Гражданина», которого у себя дома заводить не хочу. В этих двух номерах вполне выражен характер газеты ретроградно-клерикально-доносный.

4 октября. Заезжал к Я. К. Гроту и А. Д. Галахову [2]. Оба, несмотря на глубокую старость, не перестают трудиться. Грот печатает сборник своих статей о Пушкине, а Галахов, которому 1 января стукнет 81 год — новое издание истории русской литературы. Теперь он пишет воспоминания о Каткове. Галахов при каждом свидании рассказывает свои литературные воспоминания. Сегодня он рассказывал мне, что С. М. Соловьев сокрушался об упадке литературного вкуса, видя успех, который имеют исторические романы его сына [3].

5 октября. Возвращаясь из Международного банка через Александровский сад, я встретил Бунге [4], и мы отправились вместе гулять. На мой вопрос о субсидии кн. Мещерскому он отвечал, что расспрашивал о ней у знающих людей и ему сказали, что пособие выдано в размере 125.000 р. единовременно из личных сумм государя, а не из государственного казначейства. Бунге очень поправился с тех пор, как перестал быть министром, и доволен своим настоящим положением. Он много говорил о Каткове, на деятельность которого смотрит скептически разумно... В «Times» подтверждается опровергаемый официально тост в. кн. Николая Михайловича, который заявил, что в случае войны Франции с Германией он готов поступить волонтером во французскую армию. Речь эту слушали все присутствовавшие, и официальные опровержения доказывают только, что правительство сознает все ее неприличие... Возвратясь домой, я нашел у себя Я. Полонского, который пришел к обеду. Он принес четыре пейзажа своей работы, вероятно, в надежде, что я куплю хоть один из них; но я воздержался... Он рассказал, что Гайдебуров получил и намерен напечатать в ноябрьской книжке «Недели» романическую переписку какой то графини с Надсоном, доставленную будто бы ее мужем через Ватсон. Полонский думает,— и я не сомневаюсь,— что графиня эта — сама Ватсон, которая не перестает носиться с своею любовью. Буренину будет над чем посмеяться.

7 октября. Стасюлевич сообщил мне полученное им от Вс. Соловьева следующее стихотворение.

Содома князь и гражданин Гоморры
Идет на Русь с газетою большой.
О, боже! Суд твой праведный и скорый
Яви, как встарь, над гнусностью такой.

Далее говорится об участии в «Гражданине» Тертия Филиппова:

Ведь был же ты, о, Тертий, в Палестине,
И море Мертвое ты зрел, о елитрой,

---

[1] За две недели до своей смерти Тургенев продиктовал Виардо свой последний рассказ «Une fin» — «Конец» (см. письмо Виардо к М. М. Стасюлевичу от 7 июня 1885 г. «М. М. Стасюлевич и его современники», III, стр. 267).

[2] Галахов Александр Дмитриевич (1807—1892), историк литературы.

[3] Соловьев Всеволод Сергеевич (1849—1903), сын знаменитого историка С. М. Соловьева, автор многочисленных бездарных исторических романов.

[4] Бунге Николай Христофорович (1823—1895), экономист, министр финансов в 1880—1887 гг.

Но над судьбами древней мерзостыни
Не размышлял твой многохитрый лоб,
И поддержать содомскую идею
Стремишься ты на берегах Невы...

Стихотворение не важное, как все, что произвел Соловьев, но имеющее некоторое достоинство d'à propos. Стасюлевич и Пыпин, однако, в восторге.

Был на обеде, который давал Айвазовский по случаю своего юбилея. Собралось более 150 человек. Теснота и духота были страшные... Владиславлев[1] говорил речь тяжелую, напыщенную, глупую и, что хуже всего, длинную. Он предлагал назвать Черное море морем Айвазовского, что доказывает малое знакомство с его картинами, между которыми большая часть изображает другие моря. К числу неудачных приемов семинарского красноречия следует отнести и мысль, что Черное море не будет забыто, потому что, если обмелеет и исчезнет, то о нем будут говорить картины Айвазовского; но попович забыл, что тогда уже давно исчезнут и картины Айвазовского. В конце обеда были розданы некоторым из гостей портреты Айвазовского с его маленькими эскизами.

9 октября. Был в заседании русского отделения Академии наук для рассмотрения сочинений, представленных на Пушкинскую премию. Кроме четырех академиков (Грота, Бычкова, Веселовского и Сухомлинова) были приглашены: Л. Майков, Я. Полонский и я. Представлено только одно сочинение — стихотворение Фофанова, разбор которых был поручен Полонскому. Разбор понравился академикам, которые, очевидно, принимают Полонского au sérieux и даже присудили ему за этот труд золотую медаль, а Фофанов[2] не получил ничего, и совершенно справедливо. При маленьком талантишке он большой пьяница и притом совершенно необразованный. Из него со временем, если только он не пропадет от пьянства, может выработаться что-нибудь вроде Полонского или Фруга[3], но толку во всяком случае не будет. Возникал вопрос о поощрительной премии в 300 р., которая была присуждена в прошлом году Надсону, но разрешен отрицательно шестью голосами против одного (кажется, Веселовского).

11 октября. Гартман сообщил мне, что третьего дня уволен по 3 п., т. е. без прошения и пенсии, Орест Миллер[4] «за неуважительные отзывы на лекции о тайном советнике Каткове», по поводу кончины которого государь осчастливил его семейство сочувственною телеграммою. Увольнение это произошло по наущению Мещерского, который в последнем номере недельного «Гражданина» заявил, что нельзя ждать спокойствия в университете, пока там профессорствует Орест Миллер. Мещерский, при содействии Новикова и Владиславлева, добился своего. Часто приходится вспоминать Некрасова:

Бывали хуже времена,
А не было подлей!

---

[1] Владиславлев Михаил Иванович (1840—1890), профессор философии, декан историко-филол. ф-та Петербургского университета.

[2] Фофанов Константин Михайлович (1862—1911), поэт, выразитель упадочнических настроений мелкобуржуазной интеллигенции 80—90 годов.

[3] Фруг Семен Григорьевич (1860—1916), поэт.

[4] Миллер Орест Федорович (1833—1889), историк литературы. В своей лекции он говорил о стремлении Каткова «свести Россию с пути освобождения ее народных и общественных сил». Его лекция и поднятая против него «Гражданином» травля послужили предлогом к увольнению этого популярного среди молодежи профессора.

Я слышал также, что в университете были аресты на случай ожидавшихся вследствие увольнения Миллера волнений.

16 октября. Зашел ко мне Батюшков... Много говорили о Гиляpове-Платонове[1], внезапно скончавшемся третьего дня в Петербурге. Он умер совершенно одиноким и был обокраден в гостинице: по словам кельнера в Hôtel Belle-vue, у него нашли только 1 р. 30 к.

23 октября. Поехал на представление (2-е) Чародейки Чайковского. Опера написана ловко и умело в техническом отношении, но изобразительности и творчества очень мало, вследствие чего она совершенно ординарное произведение и продержится некоторое время на сцене, вследствие тщательной постановки. Автора вызывали и поднесли венок.

---

[1] Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824—1887), журналист, примыкавший к славянофилам, издатель газеты «Современные известия».

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Из переписки П. И. Чайковского

Кипучая творческая и концертная деятельность связывала П. И. Чайковского со многими музыкантами, литераторами и общественными деятелями и эпистолярное наследство его чрезвычайно велико и разнообразно. Часть его переписки уже издана отдельными монографиями (переписка с Танеевым, Балакиревым, Стасовым, фон Мекк, Юргенсоном и др.), значительная часть использована его братом Модестом Ильичом в трехтомной биографии Чайковского, но многое и по настоящее время остается еще неизвестным и неопубликованным.

Здесь мы помещаем ряд писем самого П. И. Чайковского к разным лицам и письма Балакирева, Римского-Корсакова к нему.

Два письма, адресованные С. А. Рачинскому, имеют некоторое биографическое значение, поскольку Чайковский был одно время в тесных дружественных отношениях с этим корреспондентом. Письма эти носят будничный, преходящий характер.

Письмо П. И. Чайковского, найденное в архиве епископа Арсения, является копией письма П. И. к ректору Киевской академии, о котором он упоминает в письме к брату Модесту [1].

Письмо это чрезвычайно ярко рисует нам Чайковского, как композитора-реалиста, для которого музыка всегда является правдивым выражением мыслей и чувств человека, и которому чужды формально и порой бездарно комбинированные мелодии, претендующие на создание глубоких настроений.

Кроме того им руководило и другое желание, а именно: сохранить пути развития церковного хорового пения на основе древне-русской музыки, очистить церковное хоровое пение от влияния западно-европейской музыки в ее далеко не лучших образцах.

Светское хоровое пение в городской жизни второй половины XIX в. развивалось не без влияния церкви, и потому Чайковский, являясь борцом за создание русского самобытного искусства, пытался и в данном случае сохранить этот источник влияния в его чистом виде.

Имело ли его письмо какой-либо результат, получил ли он ответ на него, пока неизвестно.

Пять писем Петра Ильича к Суворину вскрывают то ненормальное положение нашего крупнейшего композитора, уж завоевавшего себе европейскую известность, которое ему приходилось подчас занимать по отношению к современной ему критике.

Если на первых порах своего вступления в свет, как композитора, Чайковский немало переживал от несправедливой критики, то это еще понятно: это была полоса исканий молодого композитора, полоса стремлений достичь совершенной формы, наполненной глубоким и правдивым содержанием. Многое у него казалось лишним, многое — непонятным, наконец, многие ждали от него большего, чем он давал в этот период. Все это приводило к тому, что сочинения Чайковского, которые в настоящее время считаются лучшими его произведениями, в критике того времени встречали отрицательное к себе отношение.

Надо заметить и то, что критика 70—80-х годов прошлого столетия не всегда была достаточно компетентной,

[1] «Жизнь П. И. Чайковского», т. II, М.-Л., стр. 554.

а порой и просто индиферентной, как это видно из приведенных здесь писем.

А ведь это был уже период расцвета таланта композитора, когда Чайковский — симфонист получает признание и на Западе, где считается чуть ли не выше современных ему симфонистов.

С Балакиревым и его кружком так называемой «могучей кучкой»[1] Чайковский познакомился еще в бытность свою учеником Петербургской консерватории, но особенно сблизился с 1868 г., когда у них завязалась довольно оживленная переписка. Связующим звеном послужила статья Чайковского в «Современной летописи»[2] о Сербской фантазии Римского-Корсакова.

Балакирев в те годы дирижировал симфоническими концертами Русского музыкального об-ва в Петербурге и пропагандировал новую русскую музыку.

Чайковский посвятил ему свою фантазию «Фатум», но под влиянием отрицательного отзыва Балакирева уничтожил партитуру, которая была впоследствии восстановлена по сохранившимся оркестровым партиям.

Вследствие интриг, Балакирев должен был отказаться от управления симфоническими концертами Русского музыкального об-ва и в связи с его отставкой Чайковский снова пишет горячую статью в «Современную летопись»[2].

Перечисляя заслуги Балакирева в истории развития русской музыки, Чайковский сравнивает его отставку с изгнанием Ломоносова из Академии наук и заканчивает свою статью цитатой Ломоносова: «Академию можно отставить от Ломоносова, — сказал гениальный труженик, — но Ломоносова от Академии отставить нельзя.

Балакирев может сказать теперь то же».

В Римском-Корсакове Чайковский ценил не только природное дарование, но и стремление выработать в себе высокое мастерство.

Основываясь на упоминании о Шубертовском марше h-moll, оркестрированном для духового оркестра, которое мы находим в книге Римского-Корсакова «Летопись моей музыкальной жизни»[1], можно считать, что его письмо к Чайковскому относится к 1873 г.

В это время Юргенсоном были изданы сохранившиеся антракт и танцы сенных девушек из оперы «Воевода», написанной и уничтоженной Чайковским в 1868 г.

Очевидно за них Римский-Корсаков и благодарит Петра Ильича в своем письме.

Переписка Римского-Корсакова с Чайковским в целом подготовлена к печати А. Н. Римским-Корсаковым и будет издана в ближайшее время.

Чайковский горячо приветствовал произведение молодого композитора, которого считал самым талантливым из друзей Балакирева. Переписка эта издана с предисловием и примечаниями С. Ляпунова, но приводимое ниже письмо не попало в этот сборник.

Два письма к герцогу Мекленбург-Стрелицкому относятся к дирижерской деятельности П. И. Чайковского. Вот что пишет он в это время своему другу Н. Ф. фон Мекк:

«...В особенности меня пугают два юбилейных концерта из рубинштейновской музыки. Программа будет очень сложная и трудная и ввиду исключительности этого торжественного случая, я уже теперь начинаю мучительно волноваться. Примите во внимание, что я начал дирижировать своими сочинениями два с половиной года тому назад, чужими же сочинениями никогда не дирижировал»[2].

Какими далекими кажутся нам те времена, к которым возвращают нас приводимые ниже письма!

Какими чуждыми кажутся те отношения, которые проявлялись к П. И. Чайковскому в ту эпоху!

---

[1] Членами этого кружка были композиторы: Н. А. Римский-Корсаков, А. П. Бородин, М. П. Мусоргский и Ц. А. Кюи.

[2] «Современная летопись» № 8 за 1868 г.

[3] «Современная летопись» № 16 за 1871 г.

[1] Римский-Корсаков. «Летопись моей жизни», М., Музсектор, 1928, стр. 155.

[2] П. И. Чайковский, переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. III, М., Академия, 1936 г., стр. 584.

Какая разница между тем, что было, и тем, что мы видим сейчас.

Весь наш советский народ глубоко чтит Петра Ильича Чайковского, музыка которого широко проникла во все уголки нашей необъятной родины и имя которого звучит на всех языках братских народов СССР.

Все помещенные здесь письма выявлены в Госуд. Архиве феодально-крепостнической эпохи научным сотрудником Е. Л. Каменской и публикуются впервые.

Автор вступительной статьи и примечаний приносит глубокую благодарность В. В. Яковлеву за указания, сделанные им при опубликовании этих писем.

Е. Бортникова.

Письмо П. И. Чайковского С. А. Рачинскому, [1869 г.] [1]

Я очень сожалею, что не смогу завтра придти к вам; я обещал провести этот вечер у некоего г-на Борисова, и мне невозможно туда не пойти, тем более, что я являюсь героем торжества. Итак извините меня и особенно посочувствуйте мне, так как я очень хочу вас видеть и провести с вами несколько часов.

П. Чайковский.

Письмо П. И. Чайковского С. А. Рачинскому [1875 г.] [2]

Многоуважаемый Сергей Александрович!

По разным причинам мне невозможно быть сегодня вечером дома и таким образом я должен лишить себя удовольствия провести с вами несколько часов вместе. Мне это тем более грустно, что я послезавтра еду и следовательно едва ли на этот раз придется видеть вас в моем жилище. Надеюсь, по крайней мере, встретить вас завтра в концерте.

Не найдете ли вы возможным отдать моему посланному Смоленские песни? [1] И не могу ли я взять их с собой заграницу?

До свиданья, добрейший Серг. Алекс.

Ваш П. Чайковский.

Письмо П. И. Чайковского ректору киевской духовной академии, 29 сентября 1882 г. [2]

Ваше преосвященство!

Прошу вас, ваше преосвященство, великодушно простить дерзновение, с которым решаюсь обратиться к вам письменно, но настоятельная душевная потребность излить на бумагу прискорбные чувствования, уже не в первый раз причиняемые мне обстоятельством, близко вас касающимся, принуждает меня именно вам высказать то, что в первую минуту мне хотелось изложить в форме газетной статьи. Последнее намерение, по зрелом размышлении, я однако оставил во-первых потому, что вряд ли в массе читающей публики я встретил бы сочувствие, да если бы и встретил, никакой бы от этого пользы не произошло, а во-вторых потому, что мне всего менее хотелось бы хоть малейшим образом огорчить вас, или кого бы то ни было публичным порицанием того грустного, периодически повторяющегося, факта, о котором сейчас и поведу речь.

Я не живу в Киеве, но раза два или три в год бываю там проездом, каждый раз при этом я стараюсь попасть в Киев в воскресенье утром, дабы быть в Братском монастыре у поздней обедни и присутствовать при

---

[1] ГАФКЭ, ф. 252, оп. 5, д. № 3, л. 104. Перевод с французского. Рачинский Сергей Александрович (р. 1836 г.) — профессор ботаники Моск. Университета, известный педагог, поклонник таланта П. И. Чайковского.

[2] ГАФКЭ, ф. 252, оп. 6, д. № 6, л. 166.

[1] В 1867 г. Рачинский, оставив профессуру, поселился в деревне, а в 1875 г. всецело посвятил себя народной школе в селе Татеве, Бельского у., Смоленской губ. В 1882 г. им издана брошюра «Народное искусство и сельская школа». Очевидно он занимался собиранием песен Смоленской губ., о которых и просит его П. И. Чайковский, глубоко изучавший русские народные напевы. Русская народная песня тесно связана с творчеством Чайковского. Он один из первых ввел ее в произведения крупной формы.

[2] ГАФКЭ, ф. 348, д. № 1, л. 1—7.

умилительно прекрасном служении вами литургии. Каждый раз, как мне это удается, я в начале обедни глубоко бываю потрясен неизреченным благолепием архиерейского служения, вообще, и вашего в особенности. Но каждый раз чувства святого восторга понемногу охлаждаются, и наконец я выхожу из церкви, не дождавшись раскрытия царских врат после причастного стиха, разочарованный, смущенный, негодующий.

Причиною тому ни что иное, как пение хора Братского монастыря. Вас вероятно удивит, ваше преосвященство, что пение это славящееся в Киеве, как необыкновенно прекрасное, меня раздражает, огорчает, даже ужасает. Но дело в том, что в качестве русского музыканта, пытавшегося потрудиться для русского церковного пения и довольно много об этом предмете размышляющего, я, к несчастью, в требованиях своих от богослужебного пения стою, смею сказать, выше уровня общественного понимания, и во всяком случае, диаметрально расхожусь со вкусами не только православной публики, но и большинства духовенства. Не входя в исторические подробности, вкратце скажу лишь, что вследствие рокового стечения обстоятельств у нас с конца прошлого века установился приторно-слащавый стиль итальянской школы музыки XVIII в., неудовлетворяющий, по моему мнению, вообще условиям церковности стиля, но в особенности несродный духу и строю нашего православного богослужения. Это тем более прискорбно, что до нас дошли коренные напевы древне-русской церкви, носящие в себе все элементы не только общей музыкальной красоты, но и совершенно самобытного церковно-музыкального искусства.

Дабы во всей полноте объяснить вашему преосвященству мой взгляд, на крайне жалкое состояние нашей церковной музыки, пришлось бы войти в бездну технических подробностей, которые бы только утомили вас. Итак, скажу лишь, что и как музыкант и как православный христианин, я никогда не могу быть вполне удовлетворен хоровым пением в церквах наших, как бы хорошо ни были подобраны голоса, как бы ни искусен был регент, управляющий хором. Но что делать! Истории не переделаешь, и я поневоле мирюсь с установившимся стилем церковной музыки, даже до того, что не погнушался взять на себя редакцию нового издания сочинений Бортнянского [1], этого все-таки даровитого виновника столь ложного, на чуждой почве построенного, направления, по коему пошло близко принимаемое мной к сердцу дело. Повторяю, я мирюсь, — но лишь до известных границ. Есть явления столь странные, столь ненормальные, что нельзя не возмущаться.

Скрепя сердце выслушал в минувшее воскресенье (26 сентября) то странное, мазуркообразное, до тошноты манерное, тройное «Господи помилуй», которое хор Братского монастыря пел во время сугубой ектении; с несколько большим нетерпением отнесся я к «Милость мира» и дальнейшему последованию богослужебного пения вплоть до «Тебе поем», (музыка неизвестного мне автора); когда спели «Достойно есть» я был несколько утешен, так как песнесложение это носит на себе признаки древнего напева и, во всяком случае, и сочинено и спето без вычур, просто, как подобает храмовому пению...

Но когда закрылись царские врата, и певчие поспешно, на один аккорд пропели «Хвалите господа с небес», как бы слагая с себя тяжкую обузу хвалить господа, ввиду своего долга угостить публику концертной музыкой, и стали, собравшись с силами, исполнять бездарно-пошло сочиненный, преисполненный неприличных для храма вокальных фокусов, построенный на чужой лад, длинный, бессмысленный, безобразный концерт, я чувствовал прилив негодования, которое, чем дальше пели, тем больше росло. То гаркнет диким ревущим рыканием бас-соло, то завизжит одинокий дискант, то прозвучит обрывок фразы из какого то итальянского трепака, то неестественно сладко раздается оперный любовный мотив в

[1] Бортнянский, Д. С. (1751—1825) — композитор церковной музыки; был также автором в области оперной и инструментальной музыки.

самой грубой, голой, плоской гармонизации, то весь хор замрет на преувеличенно тонком пианиссимо, то заревет, завизжит во всю глотку...

О, господи, и когда же, в какую минуту происходит эта музыкальная оргия? Как раз в то время, когда совершается главный акт всего священнодействия, когда ваше преосвященство и сослужители ваши приобщаетесь тела и крови христовой... Еще если бы они, по крайней мере, ограничились исполнением концертов Бортнянского. Эти последние тоже нерусские, в них тоже вошли совершенно светские, даже сценические оперные приемы, но в них все же соблюдено приличие, да наконец они написаны во всяком случае даровитым и одушевленным искренним религиозным чувством музыкантом, а некоторые из них (наприм. «Скажи ми, господи, кончину мою») положительно прекрасны. Но то, что мне привелось слышать в последнее воскресенье, столь же кощунственно-неприлично, сколь ничтожно и жалко в музыкальном отношении.

Зачем я все это пишу вашему преосвященству? Затем, что хочется высказаться и притом именно вам, архипастырю, к кому, даже не имея счастья быть вам лично известным, питаю сердечно-теплое чувство любви и уважения, затем, что смутная надежда хоть сколько-нибудь содействовать искоренению проникшего в наше богослужебное пение зла, ободряет меня, и я дерзаю ласкать себя мыслию, что, быть может, обращу ваше пастырское внимание на безотрадность явления, смысл которого вследствие привычки до сих пор ускользал от вас. Во всяком случае от всей души прошу простить мне дерзновение мое. Ничто, кроме приверженности к родной церкви и родному искусству, не руководило пером моим...

В заключение, чтобы еще яснее показать вашему преосвященству до какой степени неприличен обычай угощать публику концертами, прибавлю следующее.

Когда я выходил из храма божия, гонимый оттуда оскорбившими слух и дух мой музыкальными штуками, ловко исполненными хором Братского монастыря, вместе со мной суетливо выходила из церкви и целая толпа людей, судя по внешности, образованных, принадлежащих к высшим сословиям. Но уходили они совсем по другому побуждению. Из слов их я понял, что это были господа, пришедшие в церковь не для молитвы, а для потехи. Они были довольны концертом и очень хвалили певчих и регента. Видно было, что только ради концерта они и пришли, и как только кончился он, — их потянуло из церкви. Они именно п у б л и к а, — не молиться они приходили, а для того, чтобы весело провести полчаса времени... Неужели православная церковь должна служить, между прочим, и целям пустого времепровождения для пустых людей?

П. Ч а й к о в с к и й.

Письмо П. И. Чайковского А. С. Суворину 18 декабря 1884 г. [1]

Москва.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Я не имел случая прочесть ваш отзыв об опере моей «Евгений Онегин» в то время, когда он появился в «Новом времени», ибо находился за границей. Но по возвращении моем, недели полторы тому назад, узнавши о том, что вы очень тепло и сочувственно отнеслись к труду моему, я поспешил прочесть статью вашу и был ею тем более тронут, что вовсе не избалован похвалами и сочувствием петербургской специально-музыкальной критики [2].

Так как оценка ваша очень благоприятна для моего произведения, то я не имею права сказать, что она безусловно соответствует истине, но мне хотелось бы, чтобы это было так. Мне хотелось бы, чтобы все выносили из слушания «Онегина» то впечатление, которое в столь сочувственных и лестных для меня выражениях вы, редактор распространеннейшей газеты в России, высказали на страницах «Нового времени». Я тогда же хотел лично или письменно выразить вам

[1] ГАФКЭ, ф. 151, лл. 1—2. Суворин Алексей Сергеевич (1834—1911), издатель газеты «Новое время» в Петербурге.

[2] См. статью А. С. Суворина за подписью «Незнакомец», «Новое время», 8 ноября, 1884 г., стр. 3.

свою горячую благодарность, но так как вам предстояло высказать в ближайшем будущем ваше мнение о драматическом произведении очень близкого мне человека, то я боялся, как бы мое благодарственное письмо не показалось бы вам косвенной просьбой о снисходительности к этому человеку.

Теперь, когда отзыв о драме брата (и к величайшей моей горести несочувственный) напечатан[1], я считаю долгом своим от глубины души поблагодарить вас за статью вашу об «Онегине». Никогда еще ни один газетный отзыв не был так приятен и так лестен для меня.

Горячо благодарный вам

П. Чайковский.

Если возможно, я просил бы вас, кроме разве М. М. Иванова[2], не говорить о письме моем никому.

Письмо П. И. Чайковского А. С. Суворину, 15 апреля 1889 г.[3]

Г. Тифлис, Консульская улица, № 14.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Позвольте мне с полнейшей искренностью выразить то, что у меня уже давно на сердце и вместе с тем просить у вас заранее извинения, если письмо мое покажется вам неуместным, неловким и неделикатным.

В течении трех месяцев я путешествовал по Западной Европе, приглашенный различными филармоническими и симфоническими обществами для дирижирования своими сочинениями в концертах их. Я появлялся на концертных эстрадах в Кельне, Франкфурте, Дрездене, Берлине, Гамбурге, Женеве и Лондоне. В Париже на одном из концертов Chatelet я имел в качестве автора очень крупный успех.

Теперь по возвращении в Россию, мне стало известно, что ни об одном из этих концертов, сопровождавшихся большим или меньшим успехом, в русских газетах ничего не сообщалось. По крайней мере, наиболее распространенная из них «Новое время», упорно игнорировала меня. Не зная, как это объяснить, я готов был бы думать, что в систематическом умалчивании обо мне не кроется никакой враждебности, и все это есть лишь случайный недосмотр (хотя существуют специальные музыкальные газеты, получаемые в России, в коих известия о каждом моем концерте имелись), — если бы не следующее обстоятельство. В двух нумерах «Нового времени» за последнее время были сообщения об огромном успехе пианиста г. Сапельникова[1] в одном из концертов Лондонского филармонического общества. Почему то однако же ни в том, ни в другом сообщении не сказано, что в концерте этом дирижировал я, что г. Сапельников играл мое произведение, что успех его разделил и я, что кроме того я исполнил там другое крупное сочинение, заслужившее шумное одобрение лондонской публики.

Если б я не имел основания думать, что известия о моих успехах интересуют значительное число лиц в нашем отечестве, — то не решился бы беспокоить вас, многоуважаемый Алексей Сергеевич. Но ведь дело не в том, что именно я удостоился внимания европейской публики, а в том, что в лице моем было оказано внимание, была чествуема вся русская музыка, русское искусство. Если с такой подробностью ежедневно сообщаются сведения об успехах г. Чигорина[2], то почему же нельзя было хоть вкратце извещать публику о концертном путешествии русского музыканта? Мне кажется, что число людей, интересующихся русской музыкой не меньше, чем число любителей шахматной игры.

Во время моих странствований в письмах родных и друзей я часто встречал жалобы на отсутствие газетных известий обо мне, но приписывал такое невнимание ко мне со стороны музыкальных сотрудников больших газет какой нибудь случайности. Теперь, пробыв уже несколько времени в России, и особенно после

---

[1] Речь идет о драме М. И. Чайковского «Лизавета Николаевна». См. «Новое время», 17 декабря, 1884, стр. 3, столб. 4.

[2] Иванов М. М. (1849—1937) — композитор, муз. критик, сотрудник газ. «Новое время».

[3] ГАФКЭ, ф. 151, лл. 9—12.

[1] Сапельников В. Л. (р. 1868 г.) — пианист, друг П. И. Чайковского.

[2] Чигорин М. И. — известный шахматист.

двух сообщений о г. Сапельникове, в коих столь странно умолчание обо мне, я пришел к убеждению, что игнорирование моих заграничных успехов есть результат, не знаю чем вызванной, враждебности.

Если так, то я еще раз повторю, что личность моя здесь ровно ни при чем. Русская публика должна знать, что русский музыкант, кто бы он ни был, с честью и почетом поддержал знамя отечественного искусства в больших центрах Европы. Очень может быть, что все, что я пишу вам, покажется вам мелочным, недостойным вашего внимания, — в таком случае разорвите мое письмо и забудьте о нем. Если же нет, то просьба моя состоит в том, чтобы в «Новом времени» появилось хотя несколько строк о том, что я не посрамил русского имени на чужой стороне.

Я бы желал, чтобы о настоящем обращении моем к вам, никому, кроме разве вашего музыкального сотрудника, не было известно. Ни за что бы в мире не написал я этого письма, если б не был поддерживаем воспоминанием о том, как сердечно и сочувственно вы отнеслись ко мне несколько лет тому назад и как я был тогда тронут вниманием вашим.

П. Чайковский.

Письмо П. И. Чайковского А. С. Суворину, 10 мая 1889 г.[1]

Москва.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Приехавши в Москву, получил письмо ваше. Вы необычайно добры, внимательны и снисходительны. Читая столь дружеское и полное сочувствия письмо ваше, я стыдился, что побеспокоил вас и отнял частичку вашего времени. За помещение в «Новом времени» заметки о моей поездке приношу вам живейшую мою благодарность[2].

Само собою разумеется, что мое предположение об умышленном замалчивании моих успехов в Европе рассеялось, как дым.

Совершенно верно, как пишет мне М. М. Иванов и как говорите вы, я должен бы в подобных случаях сам посылать известие о себе. Но это так неловко, так щекотливо. Существует очень простой способ оградить человека, считающего такой способ действия неблаговидным и предосудительным, от печальной необходимости как бы рекламировать о себе. Ведь если какой-нибудь выдающийся русский деятель появляется за границей,— то, конечно, в больших тамошних газетах, получающихся в наших редакциях, помещаются известия о нем. Если не ошибаюсь, в каждой редакции существуют сотрудники, специальная обязанность которых читать иностранные газеты и отмечать особенно интересные факты. Эти сотрудники могли бы передавать заведующему каждым из отделов газеты то, что его сферы касается. Так например, у вас в редакции получается «Kölnische Zeitung». В ней по поводу моего пребывания в Кельне были напечатаны две большие статьи о русской музыке вообще. Статьи эти обратили на себя в музыкальных сферах Германии всеобщее внимание, и я, признаться, надеялся что ввиду значительности газеты «Kölnische Zeitung» у нас их тоже заметят, и что именно в «Новом времени» они вкратце будут воспроизведены. Но ничего подобного не случилось. Подобные же надежды я питал и после посещения других больших музыкальных центров, и лишь когда по возвращении в Россию узнал, что решительно ни разу о моем путешествии в «Новом времени» не было сообщено сведений, я несколько обиделся, огорчился и решился обеспокоить вас письмом своим.

«Все хорошо, что хорошо кончается». Теперь я совершенно удовлетворен, доволен и мне остается только еще и еще раз от всей души поблагодарить вас.

Искренно уважающий и преданный вам П. Чайковский.

---

[1] ГАФКЭ, ф. 151, лл. 6—8.

[2] См. «Новое время», 26 апреля, 1889 г., стр. 3, столб. 6.

Письмо П. И. Чайковского герцогу Мекленбург-Стрелицкому, 8 сентября 1889 г.[1]

г. Клин, с. Фроловское.

Ваше высочество!

Сегодня, вернувшись домой из поездки в Киевскую губернию, получил я письмо от А. А. Герке[2], коим он приглашает меня прибыть в Петербург и участвовать в заседании юбилейного комитета[3].

К сожалению, мне совершенно невозможно быть в этот день в Петербурге, ибо 15-го числа должно состояться первое представление оперы моей «Онегин» (с новой обстановкой) в Москве, и я уже давно дал слово присутствовать на репетициях и дирижировать самым представлением[4]. 11-го числа должна состояться одна из оркестровых репетиций, коей управлять буду я, и это обстоятельство лишает меня возможности присутствовать на имеющем состояться заседании.

16-го числа я намерен отправиться в Петербург и остаться там несколько дней. Если вашему высочеству угодно будет побеседовать со мной по поводу юбилейного празднества, или назначить на один из дней, которые я проведу в Петербурге, еще одно заседание Комитета, то я вполне к услугам вашим.

К началу общих спевок я вновь прибуду в Петербург и отдам себя в полное распоряжение Комитета. Верьте, ваше высочество, что я глубоко ценю сделанную мне честь и горжусь приглашением меня к дирижированию на юбилейном концерте. Приложу все свои силы, все свое уменье (к сожалению, быть может, не вполне достаточное для такого исключительного случая), чтобы быть на высоте возложенной на меня задачи.

П. Чайковский.

Письмо П. И. Чайковского А. С. Суворину, 3 января 1890 г.

С. Петербург.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Письмо ваше я прочел лишь поздно ночью, по возвращении домой. Не слишком ли поздно отвечаю вам, не сегодня ли хотели вы поместить в «Новом времени» страничку из моего балета[2]. Если да — то весьма сожалею, что не мог во-время ответить. Тем не менее поспешаю сказать вам, что я очень благодарен вам за честь, которую вы хотели мне оказать. На случай, что еще не поздно, посылаю вам при сем «страничку» из балета. Как видите, балет в переложении для фортепьяно уже издан и право на всяческое заимствование из него для печатного воспроизведения зависит от моего издателя П. Юргенсона; но я вполне уверен, что он ничего не может иметь против помещения отрывка в «Новом времени», скорее напротив,— он будет очень этому рад. Во всяком случае это нарушение прав его я беру на себя. Посылаю вам при сем клавираусцуг с указанием тех страничек, которые нахожу наиболее удобными для помещения в «Новом времени». Всего более подходящим считаю отрывок, находящийся на стр. 192—193[3].

При пожелании вам и супруге вашей всяческого благополучия на Новый год остаюсь преданный вам

П. Чайковский.

---

[1] ГАФКЭ, ф. 139. Герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий и его мать в. кн. Екатерина Михайловна были действительными членами Русского Музыкального об-ва в Петербурге.

[2] Герке, А. А. (1841—1902) — пианист, член главной дирекции Русского Музыкального об-ва в Петербурге.

[3] В это время в Петербурге подготовлялись юбилейные торжества в честь А. Г. Рубинштейна.

[4] 18 сентября 1889 г. оп. «Евгений Онегин» в новой постановке была с большим успехом исполнена в Москве, в Большом театре, под управлением автора.

[1] ГАФКЭ, ф. 151, лл. 4—5.

[2] Речь идет о балете «Спящая красавица».

[3] Отрывок из бал. «Спящая красавица». Акт III. (Aurore et Désiré). См. «Новое время» 6 января 1890 г., стр. 3. Там же, 22 января 1890 г., стр. 2 статья М. Иванова: «Спящая красавица».

Письмо П. И. Чайковского А. С. Суворину, 2 ноября 1690 г.[1]

г. Клин, с. Фроловское.

Глубокоуважаемый Алексей Сергеевич!

Вы крайне обяжете меня, если поместите в ближайшем номере «Нового времени» прилагаемое при сем «письмо в редакцию»[2].

Искренне преданный и уважающий вас

П. Чайковский

Письмо П. И. Чайковского герцогу Мекленбург-Стрелицкому, 11 января 1891 г.[3].

Клин, Московской губ.

Ваше высочество!

Я получил сегодня от г. Семенова телеграмму, в коей он сообщает, что великая княгиня, матушка ваша, приглашает меня дирижировать устраиваемым ею концертом 3 февраля. На эту телеграмму я отвечал депешей же, что по причине невралгии в правой руке не могу воспользоваться лестным приглашением. Рука у меня болит уже 2½ месяца, и несмотря на лечение массажем и всяческие другие средства, — полное исцеление не приходит, а без него мне немыслимо вооружаться и действовать дирижерской палочкой. Я принужден был отказаться от дирижирования в нескольких концертах за-границей, несмотря на положительные обещания, уже давно данные; вероятно, откажусь и от предложенной поездки в Америку, которая очень улыбалась мне подобно тому, как уже пришлось уклониться от дирижирования в нескольких петербургских, московских и провинциальных концертных учреждениях.

Все это я сообщаю вашему высочеству на тот конец, чтобы вы заступились за меня перед ее высочеством великой княгиней в случае, если найдутся люди, которые мой отказ от управления концертом 3 февраля постараются выставить в глазах матушки вашей, как каприз, недостаток почтительности, бестактность.

Кроме того мне хочется рекомендовать вместо себя для дирижирования этим концертом г. Колонна[1] (Colonne), который в скором времени будет в Москве и следовательно ему очень удобно будет показаться на концертной эстраде в Петербурге. Колонн дирижирует в Москве 27 января. Думаю, что этот первоклассный капельмейстер очень заинтересует петербургскую публику. Благоволите доложить об этом ее высочеству. Адрес Колонна: 12, Rue Sepeletier, Paris, Ed. Colonne.

П. Чайковский.

Считаю долгом предупредить, что г. Колонну нужно предложить гонорар.

Письмо М. А. Балакирева П. И. Чайковскому, 8 мая 1869 г.[2].

Петербург.

Дорогой Петр Ильич!

Письмо ваше обрадовало меня, как нельзя более. Я уже в самом деле начинал думать, что вы на меня дуетесь (простите за такое сомнение в вас), за то теперь еще более люблю вас и уважаю. Теперь я уверен, что мы с вами никогда не разойдемся, так как все наши отношения будут основаны на правде самой искренней, а не на обычных европейских учтивостях, в силу коих Лист[3] напр. восхищается вместе с прусской королевой оперой Виардихи[4], а Гуно[5] и Вагнер[6]

---

[1] ГАФКЭ, ф. 151, л. 3.

[2] См. «Новое время» 2 ноября 1890 г. Чайковский опровергает слухи о предстоящем будто бы 25-летнем юбилее его музыкальной деятельности и сообщает о своем намерении безусловно уклоняться от каких бы то ни было юбилейных чествований.

[3] ГАФКЭ, ф. 139.

[1] Колонн, Эдуард (1838—1910) — известный французский дирижер. В 1878 г. Колонн дирижировал концертом русской музыки на Парижской всемирной выставке. Гастролировал с большим успехом в Москве и Петербурге.

[2] ГАФКЭ, ф. 252, оп. 2, д. № 7, лл. 53—54. Балакирев Милий Алексеевич (1836—1910) — композитор.

[3] Лист, Ф. (1811—1886) — немецкий композитор.

[4] Виардо, Полина (р. 1821 г.) — французская певица, автор романсов и нескольких опереток.

[5] Гуно, Шарль (1818—1893) — французский композитор.

[6] Вагнер, Р. (1813—1883) — немецкий композитор.

называют г-на Щербачова (молодой диллетант, которого Рубинштейн знает) — «beau genie». — Я еще с «Фатумом» не покончил, все ждал вас сюда на пасху, а теперь вижу, что раньше, как в Москве, мы не увидимся. Мне хочется очень многое сказать вам по поводу «Фатума» и поспорить с вами.

Статейку вашу в «Современной летописи» я прочел еще прежде вашего письма, вся компания наша (как вы называете «Якобинский клуб») шлет вам большое спасибо. — Расскажу вам об делах наших. Теперь хлопотать об моем возвращении в Русское музыкальное общество уж поздно. Дело зашло слишком далеко, и удержите Рубинштейна [1], чтобы он по этому делу воздержался от всяких препирательств с высокой покровительницей, или лучше сказать, управительницей. Иначе он легко может повредить себе, а себя он обязан беречь ради дела. У нас давно велась интрига против дирекции общества, в особенности против Кологривова [2]. Дело все ведено было очень искусно m-me Абазой и Новиковой. Все думали, что Кологривов свергается ради А. Рубинштейна, но как мы все изумились, когда узнали, что m-me Абаза всю штуку устраивала для того, чтобы провести в директоры Консерватории Серова [3], который под диктант Беккера [4] писал ругательные статьи против меня и вообще против русской новой музыки, кроме своей. Статьи его в «Голосе» окончательно понравились управительнице, и, кажется, решено, что Серов будет директор Консерватории. Что касается до концертов то Направник [5] убедил вел. княгиню, что 10-ти слишком много, и, кажется, решено на будущий год дать только 5 или 6 концертов.

Что же касается до русских сочинений, то не унывайте. Если пожелаете что нибудь, чтобы было исполнено ваше, то присылайте мне. У меня, кроме концертов беспл. школы, еще будут концерты Славянского комитета, и я всегда найду возможность исполнять русские сочинения, хоть например в своем концерте.

Я без смеха не могу представить себе Серова директором Консерватории. Вот будет потеха! Я думаю, что результатом нежной дамской заботливости и руководжения Консерваторией будет то, что все разбежится. Разве что останется какая-нибудь шушера вроде Заремы [1], которая на все согласна, лишь бы сохранить за собой квартиру и оклад.

Крепко обнимаю вас

М. Балакирев.

Вел. княгине говорить еще рано, и, вероятно, вашу статейку не прочтет. От Рубинштейна еще не получал письма.

Зейфриц [2] до того плох и так провалился, что об нем уже нет и речи.

Письмо Н. А. Римского-Корсакова П. И. Чайковскому, 23 апреля [до 1896 г.] [3]

С.-Петербург.

Простите меня, Петр Ильич, что я так долго не отвечал на ваше письмо, но причиной этому было то, что был с утра до ночи занят над оркестровкой Шубертовского марша для общедоступного концерта; работа была очень спешная, и в конце-концов вышло, что Шубертовский марш мне просто опротивел. Скажу вам, я почти ожидал такого ответа от Юргенсона;

---

[1] Рубинштейн, А. Г. (1829—1894) — композитор, гениальный пианист, основатель Русского музыкального об-ва и Консерватории в Петербурге.

[2] Кологривов, В. А. (1827—1875) — музыкальный деятель, директор Русского музыкального об-ва в Петербурге.

[3] Серов, А. Н. (1820—1871) — музыкальный критик и оперный композитор.

[4] Беккер, Я. Д. — основатель фортепианной фабрики в Петербурге.

[5] Направник, Э. Ф. (1839—1916) — дирижер и композитор. В 1871 г. был приглашен дирикцией Русского музыкального об-ва на место М. А. Балакирева. Дирижировал произведениями П. И. Чайковского.

[1] Заремба Н. И. (1831—1879) — директор (1867—1872) и профессор Петербургской Консерватории по классу теории музыки, учитель П. И. Чайковского.

[2] Зейфриц, М. (1827—1885) — скрипач и капельмейстер.

[3] ГАФКЭ, ф. 252, оп. 2, д. № 7, лл. 52.

все эти содержатели магазинов и издатели на один покрой, а вас я очень благодарю за вашу доброту ко мне. Что касается, до того, чтобы получить деньги, когда издержки на издание покроются, то я согласиться на это не могу. А что Даргомыжский[1] отдает Юргенсону даром свои вещи, это понятно: он человек обеспеченный и в деньгах не нуждается.

Получил я ваши танцы[1] и шлю вам за них искреннее мое спасибо. Надеюсь, что скоро увижу вас, так как вы собираетесь сюда в мае месяце, а до тех пор впрочем и еще как нибудь мы поменяемся с вами посланиями, а покамест прощайте, голубчик.

Искренно любящий вас
Н. Римский-Корсаков.

---

[1] Даргомыжский, А. С. (1813—1869) — композитор.

[1] Танцы сенных девушек, отдельно изданные, из оперы «Воевода», уничтоженной автором.

Содержание

Очередные задачи журнала «Красный архив». — *Ем. Ярославский* 3
Краткий обзор документов, опубликованных в «Красном архиве» 9
М. В. Фрунзе на Туркестанском фронте. Вводная статья комдива *Ф. Новицкого* 36
Сельско-хозяйственная выставка 1923 г. Вводная статья *Т. Шепелевой* 79
К биографии П. Ф. Лесгафта. Вводная статья *М. Торбин* 121
Новые материалы о М. В. Ломоносове. Вводная статья заслуженного деятеля искусств *И. Грабаря* 158
И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове (воспоминания С. Г. Щепкиной). Вводная статья *Н. Бродского* 195
Из дневника В. П. Гаевского. Вводная статья *Г. Никольской* 229

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Из переписки П. И. Чайковского. Вводная статья *Е. Бортниковой* 244

Опечатки в № 3 (100) «Красного архива»

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
81	10 сверху	не широкое	на широкое
98	37 »	развивающегося	для разваливающегося

Редакционная коллегия

Сдано в набор 7/VI 1940 г. Подписано к печати 12/VIII 1940 г. Формат 70×105
Объем 16 п. л. Зак. 777
Соцэкгиз № 23. Уполн. Главлита РСФСР № А—28734
Тираж 4 190 экз. Техническое оформление *И. Широкова*

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., д. 10.